

Учредители:

ООО Издательство "КноРус"

**СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
ЗНАНИЯ № 4 — 2022 г.**

Российское научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973-1990 гг.); «Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999 г.)

Журнал входит в **Перечень ВАК России** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Е-mail редакции: shk_journal@mail.ru

Сайт в Интернете: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова д.14 корпус 2
"Издательство КноРус"

Телефон редакции: 8(903) 019-56-09

© «Социально-гуманитарные знания», 2022

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Васильев Вячеслав Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета (Москва)

Владиминова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich – Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vasiliev Vyacheslav Alexandrovich – Dr. Sci. (Philos), Prof., Department of Philosophical Sciences Moscow State University of the Linguistic University (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

Volkov Yuriy Grigorievich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Ivanov Vilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Makarov Anatoliy Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Панферова Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Зав. редакцией,
компьютерная верстка –
Мирнова Елена Витальевна

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPА, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Secretary of the editorial staff,
computer layout –
Mironova Elena Vitalievna

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание 2022

4

• Социальные проблемы развития общества, социология культуры	
<i>О.И. Карпухин, С.Н. Комиссаров</i> – Динамика инфраструктуры культуры	8
<i>А.В. Шишкова</i> – Цифровое образовательное пространство в постпандемическом мире: тенденции развития и вызовы ...	23
<i>В.В. Капустин</i> – Опыт исследования современного кино и его роль в патриотическом воспитании	35
<i>Э.Х. Карагулян, М.М. Восканян, Б.Б. Оникова, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков</i> – Блогинг как направление профессиональной деятельности: особенности и перспективы	47
• Социальная структура. Социология управления. Социальные институты и процессы	
<i>Ю.Г. Волков, И.В. Печкуров</i> – Демонстративное потребление в ракурсе социокультурных процессов современности	58
<i>И.В. Мешкова</i> – Кадровые риски в управлении персоналом государственной гражданской службы	69
<i>Д.Г. Передня</i> – Культура разовых поручений в системе управления органов внутренних дел России	78
<i>И.М. Зинова, С.Н. Краснова</i> – К вопросу о конфликтологической компетентности социальных работников	88
<i>Л.К. Хамидуллина, С.А. Бронников</i> – Управление процессом формирования профессиональных компетенций исследовательской деятельности у будущих педагогов	104
<i>Е.П. Перкова</i> – Формирование организационных условий, определяющих возможность внедрения технологического подхода к управлению социальными отношениями	115
<i>О.А. Тринадцатко</i> – Экологическое сознание как элемент социально-экологического управления	127
<i>Ю.А. Семиколеннова</i> – Оценка сотрудниками системы управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций: социологический анализ (на материалах г. Волгограда)	141

Е.И. Вострова – Большие данные как инструмент преобразований в туристической отрасли	157
А.С. Вантяева – Обзор отечественных концепций трансформации общества в условиях внедрения интеллектуальных робототехнических систем	165
Н.М. Федоринин – Истоки социального предпринимательства и современные концепции	177
• Философская антропология.	
Философия культуры. Социальная философия	
Т.В. Наумова – Реформа российской академической науки: последствия и пути развития	187
В.Л. Корень, И.В. Корень – Гибридная война как фактор угрозы национальной безопасности России	204
Ю.В. Гаврилова, Ю.В. Головки, С.Н. Курилов – Консервативно-либеральный синтез русской социально-философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв. и проблема общественного идеала	213
С.А. Пиляк – Междисциплинарный характер исследования интерпретации культурного наследия	227
В.В. Давыдов – Образы онтологического рубежа у Пушкина и Гоголя	232
А.Д. Годжаева, Н.А. Ореховская – Философские подходы к проблеме творчества в образовательном процессе	249
А.Л. Репетенко – Проблема преемственности традиций в армии Российского государства в условиях «смуты»	257
Е.А. Кормочи, С.В. Завьялова – Система социального кредита в КНР как элемент социального иммунитета в условиях глобализационного давления	270
С.Н. Сорокин – Корреляция виртуальной реальности с существованием человеческой души	288
• Философские мировоззрения.	
Онтология и теория познания	
Г.А. Аванесова, А.В. Миронов – Постигание России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.)	297
П.А. Заклинский – Философия разрушения	320
И.Р. Альмухаметов – Философия как проявление абсолюта	326
В.Е. Шинкевич – Диалектика цифровизации образовательной среды в условиях становления информационного общества современной России	332
И.В. Полозова – К вопросу о возможности онтологии права	344
С.В. Колганов – Минимализм в контексте становления виртуальной реальности	351

• Философия религии и религиоведение	
<i>Р.Ю. Аторин</i> – Философские проблемы происхождения мира и человека: христианский аспект исследования.....	359
• Политические институты, процессы, технологии	
<i>Д.В. Гоголева</i> – Особенности формирования российского политического бренда: на примере феномена личности В.В. Жириновского.....	370
<i>А.Л. Проценко</i> – Особенности применения политических технологий в интернет-пространстве	378
<i>А.А. Ветренюк</i> – Классификационные признаки войн и конфликтов в политологии	385
<i>К.С. Жуликова, А.В. Воробьева</i> – Влияние социального потенциала молодежи на политическую мобилизацию в условиях развития Интернет-технологий	392
• Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	
<i>А.Д. Лопуха, Т.Л. Лопуха, С.Г. Марковчин</i> – Угрозы и вызовы современного мира и современная политика России.....	408
<i>К.А. Дубинкина</i> – Особенности взаимодействия Международного валютного фонда и Российской Федерации	419
<i>Цзя Юаньпэй</i> – Влияние реализации инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс один путь» на сотрудничество Китая в сфере природного газа	425
• Международные отношения	
<i>А.С. Родионова</i> – Вовлечение Республики Молдова в духовно-культурное пространство «Великой Румынии»	433
• Междисциплинарные и прикладные исследования	
<i>О.В. Лысова, А.Ш. Абдуллина, М.Ю. Сайсанова, О.В. Ямбулатова</i> – Особенности восприятия цвета в русской и марийской этнокультурах (на примере фразеологизмов с цветообозначением «черный»)	440
• На книжную полку	
<i>Ф.С. Файзуллин, А.А. оглы Гезалов</i> – Рецензия на монографию «На переломе веков: социодинамика российской культуры» (Авторы: М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин)	453

Социальные проблемы развития общества, социология культуры

УДК 316.7

DOI 10.34823/SGZ.2022.4.51811

О.И. КАРПУХИН

*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук*
E-mail: prcult@mail.ru

С.Н. КОМИССАРОВ

*доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра по связям с общественностью
и СМИ Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук*
E-mail: prcult@mail.ru

Динамика инфраструктуры культуры

В статье анализируется, как в современных условиях меняется инфраструктура, зачастую негативно влияя на сохранение единого культурного пространства страны, способствуя возникновению гуманитарного кризиса.

В результате возникают региональные диспропорции в обеспечении населения культурными благами, нарушается конституционное право граждан на равный доступ к культурным ценностям. Показываются возможные пути преодоления вышеуказанных проблем.

Ключевые слова: *инфраструктура культуры, единое культурное пространство, гуманитарный кризис, культурная политика, социокультурная динамика, символическая продукция.*

Культурная жизнь страны, как известно, отнюдь не замыкается в пределах столичного садового кольца и даже территориальных границ крупнейших городов России, хотя 90% художественного потенциала сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге. Чем дальше живут от них люди – в многочисленных уголках нашей большой страны, тем больше

они нуждаются в приобщении к культурным ценностям. Особенно остро стоит этот вопрос на повестке дня в связи с необходимостью сохранения единого культурного пространства страны как сердцевины целостности и преуспевания России.

Развитие даже в нынешних условиях инфраструктуры культуры – реальная основа культурного процесса и реальное обеспечение социокультурного развития страны. Важно отметить, что именно за последние годы центр тяжести по проведению значимых культурных акций стал смещаться в сторону регионов, муниципалитетов и малых городов, то есть стал «ближе» к конкретному человеку. И все-таки особую озабоченность экспертного сообщества вызывают состояние инфраструктуры культуры и существующие региональные диспропорции в обеспеченности населения культурными благами, нарушающие конституционное право граждан на равный доступ к культурным ценностям. Эта проблема стоит особенно остро и занимает одно из ведущих мест в перечне проблем, препятствующих развитию российской культуры.

Исследования последних десятилетий свидетельствуют о тенденциях нарастания гуманитарного кризиса в российском обществе. Как отмечалось во время обсуждения в государственной думе проекта федерального закона «О культуре», к наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям этого кризиса относятся:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;
- деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России;
- атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежение правами других.

Такова в общих чертах социокультурная ситуация нашего общества, та среда, в которой формулируется и транслируется культура, как особый цивилизационный код нации.

Достаточно очевидно, что без анализа и оценки изменений материально-технической базы современной отечественной культуры невозможно понять, что в ней реально происходит и какие перспективы её и всех нас ожидают.

В социологических исследованиях отмечается, что состояние культурного бытия и жизни людей в России остается достаточно противоречивым [2]. Среди основных проблем – низкий уровень оплаты труда и неудовлетворенность работников финансированием бюджетных учреждений культуры (86%); отсутствие четкой стратегии развития культуры со стороны муниципальной, региональной и федеральной властей (76%), социальной защищенности работников учреждений культуры (64%); трудности процесса адаптации сферы культуры к рыночным условиям (61%). Год от года сокращается количество библиотек, особенно сельских, их комплектование сократилось в 3 раза, а из каждых десяти подвижников одного из самых важных и трудных участков на ниве культуры – библиотечных работников – семеро достигло пенсионного возраста. Уместно привести мнение человека, которого нельзя заподозрить в необъективности: Даже «та наука, от которой зависит целостность и безопасность государства или сохранение нашей природы, безрассудно пренебрежена до презренного прозябания. Что же тогда сказать о культуре, особенно русской провинции – обширных пространствах народного обитания? Мне досталось объехать три десятка областей, побывать в районах, и в местах погуще, – от одного лишь состояния школ и глубинных библиотек испытываю отчаяние: школы лишены и ремонта, и нормального снабжения национального сознания» [7, с. 4-5].

Конечно же, это мнение высказано почти четверть века назад. За эти годы государством предприняты такие усилия, что ситуация во многом изменилась. Необходимо признать, что важным шагом в сохранении и оптимизации материально-технической базы культуры сыграли федеральные целевые программы «Культура России (2006-2010 годы)» и «Культура России» (2012-2018 гг.), благодаря реализации которых удалось в основном остановить негативные тенденции в этой сфере, предотвратить утрату целого ряда памятников культуры, укрепить межнациональные и межрегиональные связи и т.д.

Однако зафиксированный писателем гигантский вред культуре, нанесенный реформами 90-х гг., не имеет «срока

давности» и требует все новых и новых компенсаций нанесенному ущербу. Ведь в школы и библиотеки, о которых говорил А. Солженицын, посещало в 90-е гг. целое поколение россиян. Каким оно выросло? Ведь накопившиеся за треть века проблемы инфраструктуры культуры значительно превышают возможности одного только государства по их решению. Отрасль, традиционно ориентированная на государственную финансовую поддержку, оказалась наименее подготовленной к рыночной экономике. Темпы износа особо ценных недвижимых объектов культурного наследия продолжают отставать от темпов их восстановления. Аналогичная ситуация складывается с музейными фондами и т.д.

Материальная основа всей культурной жизни и «художественного производства» – фактор, определяющий качественные изменения всего литературно-художественного процесса, культурной деятельности россиян в целом. Лучше всего эти изменения показывает статистика, хотя арифметические показатели отражают художественную жизнь весьма приблизительно. Материалы Министерства культуры РФ показывают значительные достижения государства в развитии инфраструктуры культуры, также её обновлению способствуют частные инициативы. Эти инфраструктурные изменения происходят в разных видах искусства по-разному и анализ их требует специального исследования.

Постараемся ограничиться обозначением хотя бы важнейшего – кинематографа, который и в XXI в. Все-таки остается «очень мощной сферой художественной культуры» [1].

С 1971 г., когда количество кинопосещений в стране приблизилось к 5 млрд посещений (в 2018 г. – 200,3 млн билетов[3]) и зрители (не считая младенцев и стариков) ходили в кино в год до 50 раз, их вниманию было предоставлено 220–250 названий фильмов в год, из которых отечественных было примерно 140. Различные виды кинопроизводства и его распространение его результатов в СССР обеспечивали 17 художественных и 39 документальных и мультипликационных студий, 5 тыс. кинотеатров, 70 тыс. киноустановок и более 100 фильмотек, где хранились копии. С 1988 г., после ликвидации Главного управления кинопроката Госкино, в стране началась лихорадка «кооперативного кино», которое мог снимать каждый, кто хотел и, естественно, имел на это деньги. В результате 90-е гг. российская киноиндустрия рухнула: в 1996 г. Вышла всего 21 картина.

Прокатный бизнес в России стал возрождаться на иностранные деньги с 2000 г., в конце 90-х, «основными проводниками нововведений были мощные дистрибьюторские компании – «Гемини», «Каро-премьер», «Империя кино», «Парадиз», «Каскад», «Ист-Вест», «Централ Партнершип». В настоящее время их около десяти, не больше, но именно они стали создавать здесь бизнес по западному образцу» [1, с. 259]. Резкое падение общего числа кинозрителей в 90-х гг. даже в условиях «всеобщей телевидизации» культуры сменилось в 2000-2010-е гг. ростом кинопосещений как способа общения, а число кинозрителей увеличивалось за счет рекламы и развития сети кинотеатров нового типа.

Стимул развитию российского кино дала налоговая льгота (1998-2001): частные инвестиции в кинопроизводство или строительство кинотеатров изымались из налогооблагаемой базы, никакой отчетности по расходованию этих средств не было, поэтому только четверть кинопроектов была завершена. Мизерная часть денег пошла на пользу кинематографу, остальные привычно «осваивались» или попросту разворовывались. Но начался бум кинопроката, при котором за восемь лет (1998-2005 гг.) было построено около тысячи кинозалов по последнему слову техники. Прибыль от кинопроката увеличилась в 33(!) раза. Каждый американский фильм из первой сотни приносил доход более 1 млн долл. В год, они оставляли в 2005 г. Половину кинопроката и давали до 80% дохода в отрасли. В 2018 г. Открылось 200 кинотеатров, в 2019 г. В России уже работало 1893 кинотеатра, 5233 экранов. Десять картин, вышедших в 2018 г. В России, собрали свыше 1 млрд руб. [3].

Не менее разительными и противоречивыми были перемены в сфере театрального искусства. В начале 90-х гг. театралы обрели десятки и даже сотни новых оригинальных творческих коллективов (только в Москве в 90-е гг. работало около 200 театров), но это не предотвратило обвала зрителей: в театральной столице страны – в Москве – в 1991 г. Было зафиксировано 5 млн зрителей, в 1992 г. – 3,8 млн, в 1993 г. – 2,9 млн. Это заставило задуматься о трагедии уже не как о театральном жанре, сколько о театральной судьбе. Но театр как вид искусства выжил и расцветает ныне, прежде всего, в регионах, пусть и за счет многочисленных антреприз. Каким образом это отразилось на театральном

мире, свидетельствует А. Ливанов: «Мало того, чтобы выжить в экономическом плане и сохранить себя для более светлых времен, чтобы пролететь над этой пропастью, особенно 20-10 лет назад, нужно было идти на все. Продавать машины в фойе, отдавать под маникюрные залы часть помещений, которые нужны были артистам. Сдавать помещения театра под ресторан, где стриптиз с голыми задницами...». Однако, считает народный артист России, «репертуарный театр ещё не погиб, но всё делается для того, чтобы лишить его государственной поддержки, и остается строить репертуар на потребу публике» [5].

Во многом схожая судьба ждала и изобразительное искусство в нашей стране. Из прежних 78 отделений Союза художников на местах до 199 г. Дожили лишь 48, зато ныне их насчитывается более ста. Существенным «довеском», перевешивающим часто по значимости и посещаемости мероприятий, стали художественные галереи: «Современное искусство охвачено лихорадкой переездов. Московские художники, дизайнеры, галеристы по примеру иностранных коллег обживают бывшие заводы и фабрики, на месте промзон создаются арт-центры», – пишет И. Кулик [4].

В писательском мире с конца 1980-х гг. проявились все идейные, художественные и иные противоречия, десятилетиями существовавшие подспудно. Многие местные писательские организации существовали лишь номинально. Затем по идеологическим и имущественным причинам единая писательская организация (Союз писателей СССР) распалась на несколько. Союз писателей России имеет 90 отделений в России и за рубежом, Союз российских писателей – около 60, а также Союз писателей Москвы (около 2000 членов). Правда, раздел имущества и разбегание по «идеологическим квартирам» не помогло пока в создании действительно замечательных литературных произведений, адекватных событиям жизни общества, появление которых вряд ли напрямую зависит от принадлежности писателя к какой-то организации.

Для социокультурного процесса гораздо более важные последствия имели принципиальные изменения самой инфраструктуры культуры как системы приобщения к культурному наследию, культурной и творческой деятельности. Основным звеном этой инфраструктуры стали средства массо-

вой информации, особенно телевидение, Интернет и социальные сети, ставшие «сверхпроводниками» культуры, которая ни в какие официальные рамки не укладывается, но устраивает пользователей этих сетей. Удельный вес этих каналов культурного влияния и социокультурной социализации неуклонно возрастает.

Например, уже с начала этого века российские телесериалы превратились в самый востребованный культурно-информационный способ форматирования массового сознания. Уже 15 лет назад, в 2005 г. Около 200 названий телесериалов в год, умноженные на количество серий, и составляли (вместе с зарубежными) 50 часов вещания в сутки на основных телеканалах. Влияние же Интернета и социальных сетей на культурные изменения в стране подсчету не поддается, но локальные исследования свидетельствуют, что оно постоянно возрастает. В бездонной виртуальной бездне Интернета присутствует столько художественной (впрочем, и не вполне художественной) информации, что проблема уже не в том, что прочитать, посмотреть, услышать, а *как это успеть сделать*.

Безусловно, и эти показатели, и многие тенденции развития культуры как сферы экономики сделали сравнения с показателями 20–25-летней давности не вполне корректными. Однако сложность и перспективная значимость художественно-культурных трансформаций далеко не всегда проявляется в количественных параметрах и технологических достижениях. Сегодня удручающая статистика 1990-х гг. сметена валом издаваемых книг, газет и журналов, каскадом новых радио и телеканалов, снятых телесериалов, каждый из которых по продолжительности превышает половину лент запасников Госфильмофонда, огромным количеством фильмов, дисков на электронных носителях.

Социологическая оценка динамики учреждений культуры должна учитывать не только отчетные цифры Минкульта РФ, которые фиксируют результаты деятельности федеральной и региональных властей по созданию современной материально-технической базы развития культуры, но и мнения населения и экспертов по поводу этой важной составляющей социокультурного развития, поскольку отчетные цифры далеко не всегда жестко коррелируют с качественными показателями и содержательными характеристиками деятельности учреждений культуры.

Постоянно изменяющаяся – благодаря деятельности Минкультуры РФ, институтов гражданского общества (в том числе творческих) и бизнесу – ситуация в материально-технической базе культуры делает устаревшими самые последние цифры статистики. Но есть ещё один показатель состояния инфраструктуры сферы культуры, который чрезвычайно важен с точки зрения анализа состояния и развития культурного «поля» в стране. Речь идет об оценке состояния материально-технической базы культуры, эффективности её использования и доступности для людей.

Специалисты Центра социального прогнозирования выяснили, насколько жители России в целом считают свои права в области культуры (а это, прежде всего, соответствующим образом развитая инфраструктура) обеспеченными (см. таблицу 1). Оказалось, что в наибольшей степени обеспечены правами в свободном пользовании библиотеками (75% обеспечены полностью, 26% – не во всем или полностью не обеспечены). На 2-м месте – свободное пользование кинотеатрами: 70% обеспечены полностью, 30% – нет. Затем идет свободное пользование театрами: 68% – да, 31,7% – нет (частично или полностью). По музеям соответствующие цифры таковы: 63% обеспечены, 37% – нет. И даже свободное занятие культурным творчеством доступно лишь для половины опрошенных. Неблагополучной ситуацию в этом вопросе авторы доклада видят только в отсутствии влияния на принятие решения об эстетическом облике архитектуры новых строящихся районов города и отдельных зданий (оно полностью не обеспечено по мнению 54% и «обеспечено не во всем» – по мнению 38%, а также в вопросе о «полноценном влиянии на принятие решения об экологическом оформлении (озеленении) города, развитии парков, иных мест культурного отдыха» здесь показатели примерно такие же (54 и 39% соответственно). С этим нельзя не согласиться, поскольку даже эти стороны участия в культурной жизни, конечно же, её качественные характеристики не определяющие, не могут остаться вне внимания органов управления культурой на любом уровне.

Казалось бы, все проблемы заключаются в дополнительных финансово-организационных усилиях соответствующих ведомств и благополучное развитие отечественной культуры обеспечено. Но на самом деле все не так просто. Как только вопрос коснулся содержательных проблем культуры, так цифры выявили далеко не благостную картину. Равный

доступ к культурным ценностям российского государства считают вполне реальным только 31% опрошенных граждан России. Большинство (56%) отметило пункт «обеспечено не во всем», а 13% – не обеспечено совсем. Даже срединную позицию с невнятной формулировкой «обеспечено, не во всем» поделить надвое (что уже некорректно), то около половины граждан не имеет равного доступа к культурным ценностям своей страны. А к культурным ценностям какой другой страны она, в этом случае, доступ имеет?

Таблица 1

Мнение респондентов о том, в какой степени сегодня обеспечены их права в области культуры, % [8, с. 52, 53, 55]

Мнения	Полностью обеспечено	Обеспечено не во всем	Не обеспечено
Равный доступ к культурным ценностям Российского государства	30,9	56,2	12,9
Равный доступ к национальным культурным ценностям своего народа	36,1	49,8	14,1
Свободное занятие культурным творчеством	50,5	42,8	6,7
Свободное пользование библиотеками	74,5	21,0	4,5
Свободное пользование кинотеатрами	70,4	24,0	5,6
Свободное пользование театрами	68,3	24,4	7,3
Свободное пользование музеями	62,6	30,0	7,4
Полноценное влияние на принятие решения об эстетическом облике архитектуры новых строящихся районов города и отдельных зданий	7,5	38,1	54,4
Полноценное влияние на принятие решения об экологическом оформлении (озеленении) города, развития парков, иных мест культурного отдыха	7,5	38,9	53,6

Представляется, что в этом «идеологически невинном» вопросе – вернее, ответах на него – закодирована информация, касающаяся самых высоких инстанций, осуществляющих культурную политику. Причем, речь идет не только о федеральном уровне власти. Ведь в ответах респондентов на вопрос «В какой степени обеспечены сегодня Ваши права и равный доступ к национальным культурным ценностям своего народа?» расклад ответов практически повторяет цифровую картину неблагополучия и в национально-культурной, и в региональной политике: 36% считают, что имеют такой доступ, 14% – что они этого лишены. А вот почти половина опрошенных (50%) отметили, что «обеспечены, но не во всем». В данном случае неважно, какой народ для респондента «свой» – русский, татарский, якутский или башкирский. Главное в том, что такие показатели свидетельствуют и большой проблеме в культурной политике, которая призвана обеспечить российскому народу (в составе почти 200 своих народов и народностей) одинаковые права. *И полностью их обеспечить.*

Теперь целесообразно проанализировать данные исследования ФНИСЦ РАН (см. таблицу 2). Так, отношение к суждению «В современной России все граждане получили доступ к лучшим образцам отечественной культуры», выразилось в таких пропорциях: шестеро из опрошенных согласились с тем, что такой доступ обеспечен (полностью – 16%, позицию «скорее согласен» отметили 45%). Полностью или частично не согласных – 39% (5% и 34%, соответственно). Различия по всем параметрам (возраст, материальное положение, место проживания) не столь существенны, надо только отметить, что жители мегаполисов (20%), молодые люди до 30 лет (22%), хорошо обеспеченные материально (24%) и обладающие ученой степенью (28%) оказались самими продвинутыми и полностью согласились с этим суждением.

Важными индикаторами общей динамики отечественной культуры может служить данные, приведенные В. Мединским при уходе с поста Министра культуры РФ, который он занимал восемь лет. По словам бывшего министра, в 3 раза выросли доходы федеральных музеев, в 2012 г. В них побывало 90 млн человек, в 2019 г. – 155 млн, численность предметов Музейного фонда в госкаталоге возросла в 9 раз.

**Отношение разных групп россиян к суждению
«В современной России все граждане получили доступ
к лучшим образцам отечественной культуры», %**

Категории населения		Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Полностью не согласен
Возраст	18–30 лет	22	44	29	5
	31–40 лет	16	45	33	6
	41–50 лет	14	48	34	4
	51–60 лет	15	45	33	7
	Старше 60 лет	11	41	42	6
Материальное положение	Хорошо	24	47	25	4
	Удовлетворительно	16	47	32	5
	Плохо	10	36	47	7
Тип поселения	Мегаполис	20	40	35	5
	Областной центр	14	44	37	5
	Районный центр	16	47	30	7
	ПГТ	17	43	37	3
	Село	17	44	33	6
Образование	Ниже среднего специального	16	45	33	6
	Среднее специальное	16	45	34	5
	Высшее включая незаконченное высшее	16	45	34	5
	Ученая степень и прочее	28	28	34	10
Всего		16	45	34	5

Количество кинозрителей с 2012 по 2018 г. Выросло в 2 раза (с 28,7 млн человек до 57,9 млн), доля российского кино по кассовым сборам – почти в 2 раза (с 15 до 27,5%), а общие сборы российского кино – в 2,3 раза (с 6,1 до 13,8 млрд). С 2015 по 2019 г. Переоборудовано свыше 1000 кинозалов в 900 населенных пунктах и в 80 регионах страны.

Изменился облик и содержательные характеристики работы более 40 тыс. библиотек: планируется, что к 2024 г.

Число модернизированных библиотек ещё увеличится до 941. Финансирование библиотек выросло с 40 млрд руб. в 2012 г. До 72 млрд руб. в 2019-м. К Интернету подключено в 2 раза больше библиотек (42% в 2012-м и 84% в 2019 г.). Посещаемость Национальной электронной библиотеки (НЭБ) увеличилась с 2 млн человек в 2017-м до 5 млн в 2019 г.

Увеличилась посещаемость театров: их уже свыше 1700 в нашей стране. Только в 2020 г. Выделили дополнительные бюджетные ассигнования в размере 1,5 млрд рублей на обновление региональных театров. Количество постановок выросло на 27%, а доходы федеральных театров увеличились на 186%.

В. Мединский отметил, что с 2012 по 2019 г. В 3,2 раза выросла зарплата работников культуры всех уровней. Было принято 68 профильных федеральных законов (это в 11 раз больше, чем в 2004-2011 гг.), регулирующих основные сферы культуры: кинематограф, музейное дело, ввоз и вывоз культурных ценностей, госохрану, пресечение деятельности перекупщиков театральных билетов и другие. В области туризма принято 79 законов и нормативно-правовых актов [6].

Остается предположить, что эта тенденция сохранится и материально-техническая база, а также организационные формы обеспечения равноправного пользования учреждениями культуры и услугами в этой сфере будут совершенствоваться.

На уже упоминавшемся в начале статьи совещании в Государственной думе, посвящённом обсуждению проекта федерального закона «О культуре» не раз подчёркивалось, что культура по-прежнему на периферии общественной жизни, а экономика все увереннее загоняет ее в прокрустово ложе сегмента рынка и коммерциализации. Миссия учреждений культуры сводится к предоставлению набора услуг для их потребителя, который «всегда прав». Конечно, бывали и те, кто возражал, требуя переориентации культурной политики от потребителя на создателя культурных ценностей.

Но такой принципиальный «разворот» требует не только концептуального обоснования, но и трансформации всей операциональной системы культурной политики, иной формулировки ее задач, других критериев оценки ее эффективности и т.д. Например, никто не против возродить систему художественной самодеятельности, проводить смотры ее достижений. Но в новой системе рыночных координат она не может

быть прежней и обязательно должна включать экономическую поддержку, которую раньше обеспечивало государство. Подобное развитие творческо-созидательного начала в человеке обеспечивается его участием и в новых культурных движениях и социальных инициативах, номенклатуру которых не может спустить сверху департамент культуры. В таком творческом сообществе, в общении с единомышленниками проявляется творческая природа человека. Как предусмотреть в новой культурной политике механизмы их самозарождения, социальное одобрение и экономическую поддержку? Для этого необходимо прежде всего законодательно учесть, что благодаря новым информационным технологиям, создание культурно-художественных ценностей превратилось сегодня в особую отрасль – символическое производство. И что СМИ, а теперь и Интернет, с его неограниченными возможностями, стали основным звеном инфраструктуры культуры, определяющим не только эстетические вкусы и досуговые предпочтения, но и смысложизненные установки и ценности – добра и зла, красоты и безобразия, совести и бессердечия и т.д. Никакие финансовые вливания не улучшают социокультурную среду без нормативного регулирования информационных потоков, проецирующих характер поведения человека в культуре и его ценностный континуум.

Литература

1. Дондурей Д. Кинопрокат: жемчужина индустрии развлечений // Отечественные записки. 2005. № 4 (24). С. 258-272. URL: Кинопрокат: жемчужина индустрии развлечений – Журнальный зал (gorky.media) (Дата обращения: 01.11.2021).
2. Карпова Г.Г. Социальная динамика культурной политики в современной России: Автореф. Дисс. На соиск. Учён. Степ. Д-ра социол. наук.: специальность 22.00.06 «Социология культуры» / Карпова Галина Геннадьевна; Саратовский государственный технический университет. Саратов, 2011. 40 с.
3. Кинопрокат // PwC: [сайт]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019/kinoprokat.html> (Дата обращения: 01.11.2021).
4. Кулик И. Новое станковое искусство // Коммерсантъ». № 150 от 06.08.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/697872> (Дата обращения: 01.11.2021).
5. Ливанов А.Е. Профессия моя мотыльковая // «Элита России». 2007. № 3. <https://studfile.net/preview/1641644/page:4/>. (Дата обращения: 01.11.2021).

6. Российская культура в цифрах и фактах // РИА Новости: [сайт]. URL: Российская культура в цифрах и фактах – РИА Новости, 27.01.2020 (ria.ru) (Дата обращения: 01.11.2021).

7. Солженицын А. Исчерпание культуры? Выступление на «круглом столе» Российской академии наук 24 сентября 1997 года. // Московские новости. 1997. 28 сент., 5 окт.

8. Культурная политика России в региональном разрезе: Отчет по итогам социологического исследования под рук. Ф.Э. Шереги. М.: Центр социального прогнозирования, 2014.

O.I. KARPUKHIN

**Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Chief Researcher of the Federal Research
Sociological Center**

S.N. KOMISSAROV

**Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Center for Public Relations
and Mass Media of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences**

Dynamics of cultural infrastructure

The article analyzes how the infrastructure is changing in modern conditions, often negatively affecting the preservation of a single cultural space of the country, contributing to the emergence of a humanitarian crisis. As a result, regional disparities arise in providing the population with cultural goods, the constitutional right of citizens to equal access to cultural values is violated. Possible ways to overcome the above problems are shown.

Keyword: *cultural infrastructure, unified cultural space, humanitarian crisis, cultural policy, socio-cultural dynamics, symbolic.*

Literature

1. Dondurey D. Film distribution: the pearl of the entertainment industry // Domestic notes. 2005. No. 4 (24). Pp. 258-272. URL: Film distribution: the pearl of the entertainment industry – Magazine Hall (gorky.media) (accessed: 01.11.2021).

2. Karpova G.G. Social dynamics of cultural policy in modern Russia: Autoref. Diss. On the job. Learned. Step. Doctor of Social Sciences: specialty 22.00.06 “Sociology of Culture” / Galina G. Karpova; Saratov State Technical University. Saratov, 2011. 40 p.

3. Film distribution // PwC: [website]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019/kinoprokat.html> (Date of reference: 01.11.2021).

4. Kulik I. New easel art // Kommersant". No. 150 dated 06.08.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/697872> (Date of address: 01.11.2021).

5. Livanov A.E. My profession is motylkovaya // "Elite of Russia". 2007. № 3. <https://studfile.net/preview/1641644/page:4/>. (accessed: 01.11.2021).

6. Russian culture in figures and facts // RIA Novosti: [website]. URL: Russian culture in figures and facts – RIA Novosti, 27.01.2020 (ria.ru) (accessed: 01.11.2021).

7. Solzhenitsyn A. Exhaustion of culture? Speech at the "round table" of the Russian Academy of Sciences on September 24, 1997. // Moscow news. 1997. September 28. 5 Oct.

8. Cultural policy of Russia in the regional context: A report on the results of a sociological study conducted by F.E. Sheregi. M.: Center for Social Forecasting, 2014.

А.В. ШИШКОВА
*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии ФГБОУ
ВО «Государственный университет управления»*
E-mail: avs.guu@gmail.com

Цифровое образовательное пространство в постпандемическом мире: тенденции развития и вызовы

Статья посвящена проблеме трансформации общественного представления о целях и ценностях, задачах и роли системы высшего образования в современном мире в контексте двух интенсифицирующихся процессов: расширение сферы дистанционного обучения и обострении цифрового неравенства. В контексте постпандемических изменений рассмотрены такие тренды, как виртуализация образовательной среды, смешанное и дистанционное обучение, разработка моделей цифрового университета, продвижение культуры инноваций, использование «больших данных» и технологий искусственного интеллекта для оценки успеваемости и персонализации образовательных траекторий и т.д., проанализированы основные риски и вызовы для современной системы высшего образования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, цифровизация образования, цифровая грамотность, цифровое неравенство, когнитивное благополучие.

Информатизация образовательной среды стартовала в начале 80-х гг. XX в. И происходила поэтапно: первый этап – управление образовательным контентом (LCMS – Learning Content Management System), второй этап – управление образовательным процессом (LMS – Learning Management System), третий этап – возникновение персональных образовательных сред (PLE – Personal Learning Environments). Персонализации образовательной среды на современном этапе во многом способствует приход в сферу образования «больших данных». Образовательные организации уже сейчас имеют возможность (а многие уже ее используют) собирать

и анализировать огромное количество данных о студентах. В 2019 г. В докладе EDUCAUSE Horizon (глобальный исследовательский проект, охватывающий около 200 стран и освещающий тренды, вызовы и новые технологии в сфере образования, ранее – The NMC Horizon; авторы этих докладов описывают самые важные разработки в области образовательных технологий, называют главные вызовы, затрудняющие внедрение новых технологий в образовательный процесс, и выделяют основные тренды, определяющие развитие современного образования) указывалось, что в настоящее время необходимо активно заниматься аналитикой образовательного процесса, применяя не только описательный анализ, но и прогностический, персонализированный анализ успеваемости и поведения учащихся, осуществляемый с помощью новых вычислительных технологий и высококвалифицированных специалистов [1].

В целом, представления о том, каким должно быть высшее образование, в чем заключаются его основные цели и задачи, и для кого оно существует постоянно меняются в ответ на масштабные тенденции и сдвиги в обществе (социальных, политических и экономических отношениях) и человеческом мышлении. Будущие модели высшей школы, а также будущие практики преподавания и обучения должны будут адаптироваться к этим тенденциям, а обществу придется фундаментально переосмыслить сами основы системы высшего образования [3, с. 11] в глобальном образовательном пространстве постпандемического мира.

В отчетах EDUCAUSE Horizon за 2020 и 2021 гг. проанализировано более 130 различных технологий и практик, три из которых на протяжении нескольких лет называются экспертами в качестве ключевых. Это аналитика процесса обучения, открытые образовательные ресурсы и технологии искусственного интеллекта. Технологии адаптивного дизайна и технологии XR (AR/VR/MR/Haptic), встречающиеся в отчетах вплоть до 2020 г., в 2021 г. Уступили место онлайн-обучению, а также смешанным и гибридным моделям построения курсов. Это логичные изменения – онлайн-обучение, вступившее в фазу взрывного роста в пандемию, несомненно будет играть важную роль и в постпандемическом высшем образовании, а смешанное и гибридное обучение продолжают начатую в 2020-м г. Тему дизайна образовательных программ. Кроме того, в отчете 2021 г. Обозначено начало тренда на микро-квалификации (micro-credentials) [3, с. 11; 4,

с. 4-5]. Это квалификация, подтверждающая результаты обучения, полученные в ходе короткого, прозрачно оцениваемого курса или модуля, который можно пройти офлайн в учебной организации, онлайн или в смешанном формате. Это очень гибкая, инклюзивная форма обучения, позволяющая целенаправленно приобретать конкретные навыки и компетенции и особенно полезная для тех, кто хочет укрепить свои знания без прохождения полной программы высшего образования, повысить квалификацию или переквалифицироваться для повышения востребованности на рынке труда. Такие программы сейчас предлагаются как университетами, так и неакадемическими провайдерами, в том числе значительное число предложений сосредоточено на платформах массовых открытых онлайн-курсов (МООС), а количество подобных курсов в целом исчисляется сотнями тысяч (более 700 000) [4, с. 22]. Выделяют шесть основных вариантов микро-квалификаций:

- 1) короткие курсы
- 2) буткемпы
- 3) профессиональное сертифицирование и лицензирование
- 4) программы без присвоения степени от университетов
- 5) программы без присвоения степени от неакадемических организаций
- 6) программы с присвоением степени/аккредитованные программы.

Продолжительность может варьироваться от 1-10 часов для короткого курса до 1500-5000 часов для аккредитованной программы [4, с. 22].

Здесь кажется важным отметить, что популярно не только получение микро-квалификаций, но и микрообучение как таковое. Микрообучение предполагает подачу образовательного контента с разбивкой на самостоятельные малые единицы и освоение отдельного микронавыка. Рынок микрообучения пока выглядит достаточно скромно – в 2019 г. Его объем составлял \$1,5 млрд, но прогнозируется достижение \$2,7 млрд к 2024 году при среднегодовом темпе роста +13,2% [7].

Исследования 2020 г. И 2021 г. Были сосредоточены на особенностях функционирования высшего образования в условиях пандемии и постпандемического мира. В отчетах мы видим, что изменения, привнесенные в нашу жизнь распространением COVID-19, повлияли практически на все сферы

жизни. Ниже представлена таблица, в которой автор настоящей работы свел основные положения исследования, касающиеся трендов и тенденций развития современного образовательного пространства.

Таблица 1

Макротренды, которые будут определять будущее образования (таблица составлена по результатам исследования 2021 г.)
(Составлено автором по материалам источника [4, с. 7-11])

Влияющие факторы	Наблюдаемые тенденции и вызовы
Социальные тренды	
<i>Переход на удаленные формы обучения и работы</i>	Поиск и разработка, освоение и внедрение таких технологий дистанционного обучения, которые могут быть адаптированы для обеспечения широкого круга потребностей обучающихся (в том числе социальных и эмоциональных потребностей).
	Развитие у обучающихся навыков адекватного взаимодействия с виртуальным пространством.
<i>Нарастание цифрового разрыва</i>	Увеличение разрыва между обладателями цифровых преимуществ и теми, кто с трудом получает доступ к базовым устройствам и сетевым ресурсам, с увеличением объема дистанционного обучения.
	Приход в высшее образование уже отстающих от своих сверстников обучающихся в связи с тем, что разрыв начинает проявляться уже на этапе получения среднего образования.
<i>Ухудшение психического здоровья людей</i>	Усиление стресса и возникновение психологических проблем у студентов и сотрудников из-за длительной изоляции от семьи, друзей и коллег, из-за нестабильной экономической и политической обстановки в мире.
	Необходимость создания (или трансформации) образовательными организациями моделей поддержки студентов и сотрудников для решения ментальных проблем внутри сообщества.

Влияющие факторы	Наблюдаемые тенденции и вызовы
Технологические тренды	
<i>Широкое распространение гибридных моделей обучения</i>	Изменение традиционных подходов к высшему образованию из-за ускоренного внедрения в образовательную практику смешанных и гибридных моделей обучения.
	Минимизация сбоев образовательного процесса и обеспечения непрерывности обучения в условиях будущих кризисов.
<i>Ускорение процессов внедрения новых образовательных технологий</i>	Изменение отношения сотрудников образовательных организаций к новым технологиям и инструментам обучения – переход от скепсиса к восприятию данных инструментов как необходимых составляющих процесса обучения.
	Постоянные инновации и появление совершенно новых технологий обучения как ответ на новые потребности участников образовательного процесса.
<i>Обучение сотрудников образовательных организаций</i>	Необходимость поддержки и обучения преподавателей для внедрения и эффективного использования новых технологий.
	Постоянные инвестиции в развитие преподавательского состава и повышение цифровой компетентности сотрудников образовательных организаций.
Экономические тренды	
<i>Сокращение финансирования сферы высшего образования</i>	Усугубление финансового кризиса системы высшего образования.
	Дебаты о ценности высшего образования в целом и о ценности конкретных моделей высшего образования (например, дистанционных форм).
<i>Необходимость в освоении новых навыков сотрудниками образовательных организаций</i>	Потребность в новых кадрах в таких областях, как технологии обучения и дизайн образовательных программ.
<i>Неопределенность в экономических моделях</i>	Рост спроса на персонально-ориентированные модели управления персоналом.
	Рост уровня безработицы и социально-экономического неравенства, изменение кадровой политики университетов (замораживание найма, сокращение бюджета и т.д.). Поиск образовательными организациями новых гибких моделей управления, адаптированных под будущие экономические вызовы.

Влияющие факторы	Наблюдаемые тенденции и вызовы
Экологические тренды	
<i>Изменение климата</i>	Адаптация инфраструктуры и бизнес-моделей учебных организаций к неблагоприятным погодным условиям и катастрофам.
	Разработка новых учебных и исследовательских программ для подготовки нового поколения климатических специалистов.
<i>Сокращение числа рабочих поездок</i>	Уменьшение углеродного следа (уменьшение потребления ресурсов и производства экологических отходов) за счет перехода на удаленную работу.
<i>Движение к устойчивому развитию</i>	Партнерство учебных заведений с государством и обществом в целях построения постпандемического мира в парадигме устойчивого развития (через соответствующие учебные программы и просветительскую деятельность).
Политические тренды	
<i>Нарастание масштабов онлайн-глобализации</i>	Появление новых онлайн-платформ и возможностей для удаленного сотрудничества.
	Рост доверия к онлайн-обучению и распространение технологий как предпосылка к глобальному институциональному сотрудничеству в сфере образования.
<i>Рост анти-глобалистских настроений</i>	Выход ряда стран из международных организаций и соглашений, создание более сильных барьеров для иммиграции, обострение межстрановых и международных конфликтов.
	Необходимость трансформации политики образовательных организаций с целью сохранения традиций открытого и свободного обмена идеями и международного сотрудничества.
<i>Государственное субсидирование высшего образования</i>	Адаптация возможностей и ресурсов зависящих от государственного финансирования образовательных учреждений в зависимости от политической обстановки
	Обострение дискуссии о ценности образовательных организаций и влияние на судьбу этой дискуссии политических изменений.

Как видно, сквозная тема, проходящая через все наблюдаемые тенденции – это трансформация общественного представления о целях и ценностях, задачах и роли системы высшего образования в современном мире в контексте двух интенсифицирующихся процессов: расширение сферы дистанционного обучения и обострения цифрового неравенства.

В XXI в. Дистанционное образование становится интегральной частью системы образования, перестав быть второстепенным дополнением к обычному образовательному процессу, и подобный парадигмальный сдвиг привел к появлению новых методов и принципов обучения и новых моделей взаимодействия педагогов и учеников [2, с. 331].

По оценке Global Market Insights, в 2017 г. Мировой рынок онлайн-образования измерялся суммой \$159 млрд, в 2018-м г. – \$190 млрд, в 2019-м г. – \$205 млрд. Прогнозируется, что его среднегодовой темп прироста в ближайшие 5–7 лет составит 7-10% (в глобальных отчётах берут усреднённый показатель с поправкой на то, что рост индустрии неравномерен), и к 2023 г. Объем рынка составит \$282,62 млрд. Весь мировой рынок образования в 2019 г. Измерялся суммой \$6,5 трлн (расчётный показатель к 2025 г. – \$8 трлн, к 2030-му г. – \$10 трлн), таким образом, на цифровизированную часть рынка сейчас приходится до 4% от его совокупного объёма [7], а в таких странах, как США, Япония и некоторых европейских странах, доля дистанционного обучения во внутренней структуре образования составляет 20–30% [5]. Российский рынок является наиболее ёмким по сравнению с общемировыми тенденциями, и темпы его роста в настоящий момент опережают общемировые.

Наращение масштабов дистанционного обучения играет двоякую роль в контексте проблемы цифрового неравенства. Удаленные формы обучения способствуют дальнейшей персонализации обучения и повышают инклюзивность образования, давая возможность получения образования тем, кто ранее был лишен таких возможностей в силу проблем со здоровьем или географических обстоятельств. Дистанционные технологии поддерживают глобализацию образовательного пространства, создавая дополнительные возможности для научного, образовательного и культурного обмена, а технологии виртуальной и дополненной реальности порождают новые пространства и формы обучения. Все это, с одной стороны, помогает в преодолении цифрового

неравенства (цифрового барьера, цифрового разрыва). С другой стороны, в современном обществе проблемой становится не столько разница в уровне доступа к технологиям, сколько разрыв между уровнем владения этими технологиями и различия в получаемых от технологий благах, поэтому неадекватное использование дистанционных технологий ведет к расширению цифрового разрыва. Проблема цифрового неравенства не решается простым увеличением доступности информационных технологий. Разница заключается не только в наличии или отсутствие доступа в сеть, но и в уровне цифровой грамотности, а также в объеме благ, получаемых пользователями онлайн-ресурсов. Кроме того, в некоторых случаях дистанционные технологии приводят к уменьшению или даже замене традиционного очного обучения, что при отсутствии должного контроля и давления коммерциализации порождает риск превращения образования в имитационный институт, своего рода образовательный симулякр [8]. Вкупе с требующимися для полноценного открытого дистанционного обучения самодисциплиной и высокой мотивацией такая ситуация может привести не к все-общему просвещению на уровне высшей школы, а к увеличившейся сегрегации между «элитами» и «низами» – теми, кто может позволить себе дорогостоящее обучение в традиционном очном формате (в престижных вузах, с частными преподавателями, в малых группах и т.д.), и теми, кто вынужден полагаться только на самообучение на открытых платформах или дистанционное обучение в оставшихся после процесса оптимизации системы высшего образования вузах.

Мерами, которые могли бы препятствовать укреплению цифрового барьера, является адекватная инфраструктурная политика образовательных организаций, направленная на предоставление доступа к новым технологиям для тех, кто был лишен такой возможности, и повышение цифровой грамотности и компетентности студентов для того, чтобы каждый из обучающихся, независимо от своего бэкграунда, мог в равной степени воспользоваться благами цифрового мира.

Нам представляется, что цифровая грамотность является одной из важных составляющих когнитивного благополучия современных учащихся. Говоря о когнитивном благополучии, мы опираемся на формулировки из отчета международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA 2015 г. (это международное сопостави-

тельное исследование качества образования, которое проводится под эгидой организации экономического сотрудничества и развития и ставит своей целью оценку знаний и навыков учащихся школ в возрасте 15 лет). В этом отчете под благополучием учащихся понимались психологическое, когнитивное, социальное и физическое функционирование и возможности, которые необходимы обучающимся для счастливой и полноценной жизни – то есть оценка благополучия стремилась учесть как фактическое состояние и достижения участников исследования, так и потенциальные возможности, которые они могут использовать для воплощения своих жизненных ценностей. Когнитивное благополучие учащихся подразумевает овладение определенными навыками, необходимыми для полноценной жизни в современном обществе – для эффективного обучения в течение всей жизни, для успешного решения профессиональных задач, для участия в деятельности гражданского общества. В число этих навыков входят умение студентов использовать академические знания для решения проблем самостоятельно или в сотрудничестве с другими, а также критическое мышление и способность рассматривать идеи с различных точек зрения [6, с. 61-62]. В 2015 г. Исследователи оценивали навыки по таким областям компетентности, как чтение, математика, совместное решение проблем, финансовая грамотность, а особое внимание уделялось научной грамотности. В 2018 г. К этим областям в качестве центральной на указанный период времени добавилась оценка способности учащихся рассматривать глобальные проблемы и учитывать специфику культурного разнообразия.

Научная грамотность определяется как способность заниматься вопросами, связанными с наукой и ее идеями в качестве рефлексирующего гражданина. Научно грамотный человек готов участвовать в аргументированном обсуждении проблемных научно-технических вопросов, что требует умения объяснять явления с научной точки зрения, оценивать и разрабатывать программы исследований, анализировать различные факты и интерпретировать научные данные [6, с. 30].

В целом, в основе PISA лежит динамичная и перспективная модель обучения на протяжении всей жизни, изучающая знания и навыки, необходимые учащимся для успешной адаптации в быстро меняющемся мире и применения своих

знаний для решения реальных проблем. Навыки, приобретенные учащимися до 15 лет, являются результатом сложной взаимосвязи их опыта обучения в разных школах и классах, жизни в близких и дальних семьях, общения со сверстниками и знакомыми. Компетентность в возрасте 15 лет – это сумма опыта, который дети накапливают в течение многих лет. Нельзя ожидать, что 15-летние подростки выучат все, что им понадобится знать во взрослой жизни, но предполагается, что они должны понимать основные процессы и принципы [6, с. 63].

Формирование навыков, необходимых для благополучной жизни, продолжается в организациях среднего профессионального и высшего образования, поэтому комплексное внимание к когнитивному аспекту благополучия обучающихся должно быть частью культуры образовательного пространства высшей школы, а одна из главных составляющих когнитивного благополучия – цифровая грамотность – находится в фокусе пристального внимания всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Alexander B., Ashford-Rowe K., Barajas-Murphy N., Dobbin G., Knott J., McCormack M., Pomerantz J., Seilhamer R., Weber N. EDUCAUSE Horizon Report: 2019 Higher Education Edition. CO: EDUCAUSE, Louisville, 2019. Available at <https://library.educause.edu/-/media/files/library/2019/4/2019horizonreport.pdf> (дата обращения 3 февраля 2020).
2. Bozkurt A., Akgun-Ozbek E., Yilmazel S., Erdogdu E., Ucar H., Guler E., Sezgin S., Karadeniz A., Sen-Ersoy N., Goksel-Canbek N., Dincer G.D., Ari S., Aydin C.H. Trends in distance education research: A content analysis of journals 2009-2013 // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2015. Vol. 16, № 1, с. 330-363.
3. EDUCAUSE (Association). 2020 EDUCAUSE Horizon Report: Teaching and Learning Edition. – Louisville, CO: EDUCAUSE, 2020. Available at: https://library.educause.edu/-/media/files/library/2020/3/2020_horizon_report_pdf.pdf (дата обращения 8 июня 2021).
4. EDUCAUSE (Association). 2021 EDUCAUSE Horizon Report: Teaching and Learning Edition. – Boulder, CO: EDUCAUSE, 2021. Available at: <https://library.educause.edu/-/media/files/library/2021/4/2021hrteachinglearning.pdf?la=en&hash=C9DEC12398593F297CC634409DFF4B8C5A60B36E> (дата обращения 8 июня 2021).
5. NEOANALYTICS. Анализ российского рынка дистанционного обучения: итоги 2018 г., прогноз до 2021 г. // РБК. – 2019. – 28 МАЯ,

URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10886/> (дата обращения 10 сентября 2019).

6. OECD (2017), PISA 2015 Results (Volume III): Students' Well-Being, PISA, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264273856-en>.

7. Исследование рынка онлайн-обучения 2020 // Исследование российского рынка онлайн-образования, URL: <http://research.edmarket.ru/> (дата обращения 5 августа 2021).

8. Ключарев Г.А., Латов Ю.В. Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний // Общественные науки и современность. 2015. № 2, с. 31-42.

A.V. SHISHKOVA

**PhD, Associate Professor at the Philosophy Department
of the State University of Management**

Digital Educational Space in a Post-Pandemic World: Development Trends and Challenges

The article deals with the problem of transformation of public perception of the goals and values, tasks and role of higher education system in the modern world in the context of two intensifying processes: expansion of distance learning sphere and aggravation of digital inequality. In the context of post-pandemic changes such trends as virtualization of educational environment, blended and distance learning, development of digital university models, promotion of a culture of innovation, use of big data and artificial intelligence technologies to assess learning outcomes and personalization of educational trajectories are considered, expansion of cooperation between educational, scientific and business organizations, spread of lifelong learning ideology, creation of individual educational trajectories etc. The main risks and challenges for the higher education system are analyzed.

Keyword: *distance learning, digitalization of education, digital literacy, digital divide, cognitive well-being*

Literature

1. Alexander B., Ashford-Rowe K., Barajas-Murphy N., Dobbin G., Knott J., McCormack M., Pomerantz J., Seilhamer R., Weber N. EDUCAUSE Horizon Report: 2019 Higher Education Edition. CO: EDUCAUSE, Louisville, 2019. Available at https://library.educause.edu/-/media/files/library/2019/4/2019_horizonreport.pdf (accessed 3 February 2020).

2. Bozkurt A., Akgun-Ozbek E., Yilmazel S., Erdogdu E., Ucar H., Guler E., Sezgin S., Karadeniz A., Sen-Ersoy N., Goksel-Canbek N., Dincer G.D., Ari S., Aydin C.H. Trends in distance education research: A content analysis of journals 2009-2013 // *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2015. Vol. 16, № 1. P. 330-363.

3. EDUCAUSE (Association). 2020 EDUCAUSE Horizon Report: Teaching and Learning Edition. – Louisville, CO: EDUCAUSE, 2020. Available at: https://library.educause.edu/-/media/files/library/2020/3/2020_horizon_report_pdf.pdf (accessed: 8 June 2021).

4. EDUCAUSE (Association). 2021 EDUCAUSE Horizon Report: Teaching and Learning Edition. – Boulder, CO: EDUCAUSE, 2021. Available at: <https://library.educause.edu/-/media/files/library/2021/4/2021hrteachinglearning.pdf?la=en&hash=C9DEC12398593F297CC634409DFF4B8C5A60B36E> (accessed: 8 June 2021).

5. NEOANALYTICS. Анализ российского рынка дистанционного обучения: итоги 2018 г., прогноз до 2021 г. // РБК. 2019. 28 МАЯ, URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10886/> (accessed 10 September 2019).

6. OECD (2017), PISA 2015 Results (Volume III): Students' Well-Being, PISA, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264273856-en>.

7. Issledovanie rynka onlajn-obucheniya 2020 (*Study of online education market 2020*) // Issledovanie rossijskogo rynka onlajn-obrazovaniya (*Study of Russian online education market*), URL: <http://research.edmarket.ru/> (accessed August 5, 2021). (In Rus.)

8. Klyucharev G.A., Latov YU.V. Neformal'nye «pravila igry» v obrazovatel'noj sisteme: simulyaciya obrazovaniya, simulyakry I 34ussia znaniy (Informal “rules of the game” in the educational system: education simulation, simulacra and knowledge brokers) // *Obshchestvennye nauki I sovremennost'* (Social Sciences and Modernity). 2015. № 2. P. 31-42. (In Rus.)

В.В. КАПУСТИН
*кандидат социологических наук,
докторант кафедры социологии
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
имени князя Александра Невского МО РФ*
E-mail: kapustinww@list.ru

Опыт исследования современного кино и его роль в патриотическом воспитании граждан России

В статье представлены результаты проведенного в 2020 г. Исследования, целью которого явился анализ отношения военнослужащих и гражданской молодёжи, к современному отечественному кино и телевидению и оценки их роли в патриотическом воспитании граждан России. В исследовании приняли участие 467 человек (246 военнослужащих и 221 человек гражданской молодёжи) в возрасте 18-35 лет, проживающих в Москве и Московской области.

Ключевые слова: патриотизм, военно-патриотическое воспитание, социологические исследования кино, влияние кинематографа на патриотизм.

Патриотическому воспитанию всегда уделялось приоритетное внимание. В нем участвовали все средства массовой информации, искусства. Важнейшее место среди них занимало кино, благодаря своей способности массового охвата населения, наглядности и доступности информации, ее глубокому психологическому воздействию. Социологическими исследованиями кино – изучением его влияния на социум, модели поведения и ценности современной российской молодежи, занимались многие отечественные социологи, работы некоторых из них, автор считает необходимым выделить: Глотова А.О. [1], Зиновьева П.М. [2], Колесниченко М.Б. [3], Мартыанова И.А. [4].

Кино как специфический вид искусства, который разделяет проблему «текста и реальности. В этом смысле парадоксальный и противоречивый вид искусства. Как никакое другое искусство, кино может задокументировать реаль-

ность, но это документ, созданный кино, может быть достоверной фальсификацией» [5]. Так же может создавать у человека ощущение реально происходящих событий или живого участия в событиях, показанных в нём. В процессе постоянного систематического воздействия на социальное через кинематограф как способ организации и упорядоченной практической деятельности вызывают у объекта воздействия, реакцию и постепенно проходя стадии: ознакомления – различения – запоминания – понимания – восприятия – воспроизведения – перенос полученных образов в практическую сферу, преобразуют объект и создают у него необходимые заданные чувственные образы предмета или явления.

В период становления Российского государства в конце XX в. Работа по патриотическому воспитанию молодежи была практически свернута. Слову «патриотизм» стали придавать негативный оттенок, фактически приравнивая его к национализму, шовинизму, формируя этим общественное сознание, прежде всего молодежи. Тяжелая ситуация в это время складывалась и в отечественном кино. Повальное засилье зарубежной кинопродукции, экономический кризис в стране, отсутствие государственной поддержки поставили отечественных кинопроизводителей на грань банкротства и «вымирания».

Начало XXI в. Ознаменовалось качественно новым подъемом отечественного кино, заявившим на весь мир о своей жизнеспособности и конкурентоспособности. В это же время была качественно пересмотрена позиция государства относительно патриотизма и патриотического воспитания, как среди военнослужащих, так и среди гражданской молодежи.

Патриотизм личности также определяется высокой нравственностью. Развитие патриотической личности совершается на основе социальных связей, через укрепление духовных ценностей, способствующих объединению общества. Патриотическое мировоззрение закрепляется с помощью ярких эмоций в эстетической сфере. Патриотические идеалы, отраженные в искусстве и воспринятые личностью, становятся как бы частью биографии, сохраняются в сознании в виде зримых, волнующих образов, эстетического наслаждения при восприятии, глубоких переживаний явлений социальной действительности, литературы и искусства, художественного творчества. Также хотелось бы отметить важную роль музыки и киноискусства.

В феврале 2020 г. Было проведено исследование отношения военнослужащих и гражданской молодёжи, к современному отечественному кинематографу и оценки роли этого вида искусства в военно-патриотической деятельности. В исследовании приняли участие 467 человек (246 военнослужащих и 221 человек гражданской молодёжи) в возрасте 18–35 лет, проживающих в Москве и Московской области.

В итоге проведенного опроса удалось установить, что в основе формирования любви к Родине, как сложного, длительного, многогранного процесса, должны лежать, прежде всего, нравственная позиция каждого гражданина (59%) и способность Вооруженных Сил обеспечить национальную безопасность (40%). В процессе формирования чувства любви к Родине военнослужащие выступают более оптимистично и активно по сравнению с гражданами, пребывающими в запасе, предлагая более разнообразные методы работы в этом направлении (см. рис. 1).

Рис. 1. Факторы, формирующие чувство любви к Родине (в %)

Одним из основных медиаторов киноискусства в современной культуре является телевидение. По данным опроса, среди телепередач наибольшей популярностью у опрошенных пользуются новости (80%) и кино- или телефильмы (62%). Находящиеся на третьем месте по популярности спортивные телепередачи интересуют только 38% респондентов.

Среди кино- и телефильмов наибольший интерес у респондентов вызывают произведения исторической (59%) и военной (51%) тематики, а также комедии (45%), детективы (23%) и фантастика или фэнтези – 22%.

Причем вкусы у опрошенных категорий довольно сильно расходятся. Так, если военнослужащие предпочитают военные (63%) и исторические (60%) фильмы, то граждане, пребывающие в запасе, с большим интересом смотрят исторические фильмы (57%) и комедии (40%) (см. рис. 2).

Среди художественных кинофильмов большинству опрошенных нравится старое советское кино (60%) и современное российское кино (56%). Американские кинофильмы нравятся только одной трети опрошенных, в основном это граждане от 17 до 26 лет, военнослужащие, призывники или лица, имеющие отсрочку от армии, из семей рабочих, служащих и военнослужащих. Среди военнослужащих к ним относятся младшие офицеры, солдаты или сержанты, проходящие военную службу по контракту или по призыву.

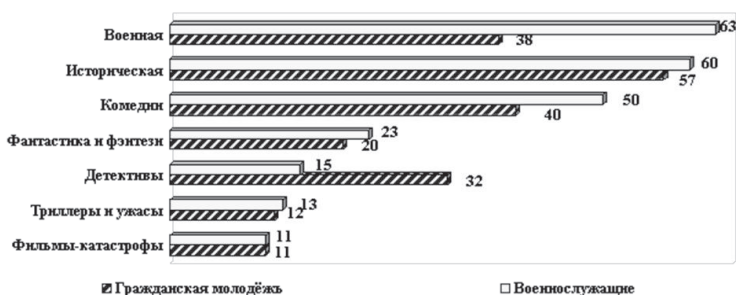

Рис. 2. Тематика художественных кино- и телефильмов, пользующихся наибольшим интересом (в %)

Далее симпатии опрошенных распределились следующим образом: советское кино времен перестройки (19%), французское кино (11%), кино других европейских стран (10%) и индийское кино (5%). В любви к латиноамериканским сериалам признались всего 1,3% респондентов (в основном это граждане, пребывающие в запасе). При этом у военнослужащих современное российское и американское кино пользуется значительно большей популярностью, чем у граждан, пребывающих в запасе (см. рис. 3).

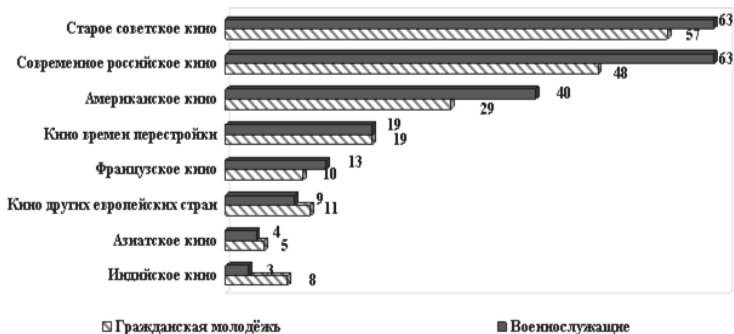

Рис. 3. Предпочтение художественных кинофильмов по стране-производителю (в %)

Причем старое советское кино пользуется популярностью у граждан старше 30 лет, военнослужащих (старших или младших офицеров), служащих, пенсионеров или интеллигенции. Современное российское кино пользуется популярностью у граждан всех возрастов, различных социальных слоев и видов деятельности. Среди военнослужащих – это младшие офицеры, сержанты или солдаты, проходящие военную службу по контракту.

Так, 35% респондентов посещают кинотеатры лишь изредка – на просмотр отдельных кинофильмов, а 33% – не чаще 1-2 раз в год. Более 20% опрошенных кинотеатры не посещают. По частоте посещения кинотеатров военнослужащие выглядят лишь немного благополучнее гражданской молодежи (см. рис. 4).

По данным опроса, в кинотеатры чаще ходят граждане от 16 до 30 лет, холостые, не имеющие детей; среди военнослужащих – это младшие офицеры, солдаты или сержанты, проходящие военную службу по контракту.

Не ходят в кинотеатры в основном граждане старше 30 лет, женатые, имеющие детей, граждане, пребывающие в запасе, особенно пенсионеры, рабочие, работники сельского хозяйства; среди военнослужащих – это прапорщики, солдаты или сержанты, проходящие военную службу по призыву. Главными причинами являются высокие цены билетов, отсутствие действующих кинотеатров высокого качества и отсутствие потребности в посещении кинотеатров.

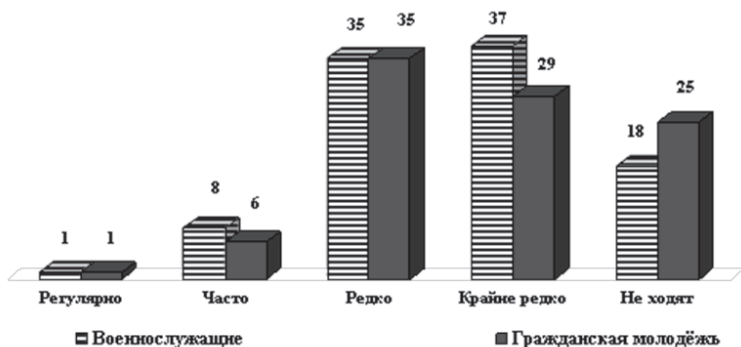

Рис. 4. Частота посещения кинотеатров участниками опроса (в %)

Анализ материалов опроса показал, что военнослужащие посмотрели больше отечественных художественных кинофильмов, чем гражданская молодёжь, 4% военнослужащих посмотрели практически все новые отечественные кинофильмы, которые демонстрировались в кинотеатрах. Причем кинофильмы военной тематики вызывали у военнослужащих больший интерес, чем у граждан, пребывающих в запасе. Кинофильмы исторического содержания, несущие патриотический потенциал, получили более высокие оценки, чем выполненные в голливудском стиле сюрреалистичные кинокартины или боевики.

Опрос показал, что основными критериями, по которым респонденты выбирают тот или иной кинофильм, являются положительные отзывы и рекомендации родственников и друзей (40%), реклама кинофильма в средствах массовой информации (40%) и задействованные в кинофильме актеры (29%). При этом для военнослужащих большее значение имеют рекомендации родственников и друзей, а для граждан, пребывающих в запасе, реклама кинофильма в средствах массовой информации (см. рис. 5).

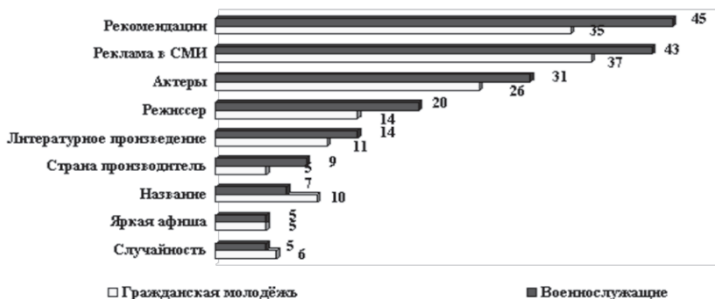

Рис. 5. Основные критерии выбора кинофильмов для просмотра (в %)

Так же, 71 % респондентов имеют мнение, что в отечественном кинематографе должно быть больше фильмов военно-патриотической направленности. Однако 7% опрошенных не согласны с этим (см. рис. 6).

Рис. 6. Показатель отношения респондентов к необходимости увеличения военно-патриотических фильмов (в %)

Большинство опрошенных (77%) хотели бы увидеть на телеэкранах и в кинотеатрах новый хороший фильм о становлении современной российской армии. Против этого выступают 14% респондентов. По данному вопросу военнослужащие высказали более единодушное и конкретное мнение, нежели граждане, пребывающие в запасе (см. рис. 7).

Для съемки нового кинофильма об армии важно определить, какой образ армии больше соответствует запросам общества и интересам государства.

Рис. 7. Отношение к появлению новых кинофильмов о становлении современной армии (в %)

По данным опроса, наибольшему числу опрошенных нравится патриотический образ армии в кино, как в кинофильме «Офицеры». Далее мнение военнослужащих и граждан, пребывающих в запасе, разделилось: военнослужащим импонируют кинофильмы, пропагандирующие военную службу (как в кинофильмах «В зоне особого внимания» или «Ответный удар») или трагические кинофильмы (как «9 рота»), а гражданской молодёжи, больше нравится юмористический образ армии (телесериал «Солдаты») (см. рис. 8).

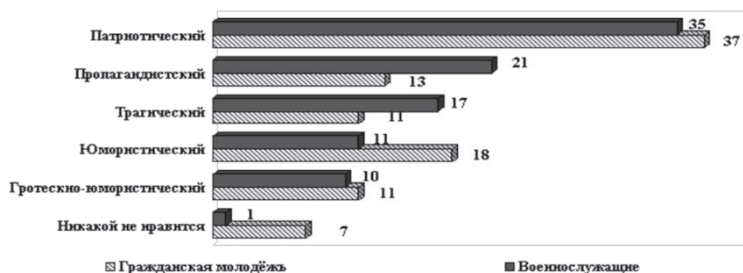

Рис. 8. Предпочтительный образ армии в кино (в %)

Среди предпочтительных жанров кино об армии опрошенные проявили единодушие, выдвинув на первые места боевики (41%) и приключенческие кинофильмы, далее следуют комедии (26%), исторические кинофильмы (24%) и кинопоэмы (20%). Жанры кино, отражающие простые мирные будни, личные судьбы, семейные отношения и житейские проблемы людей в погонах, вызывают интерес менее чем у одной пятой части опрошенных. Так, киноповести нравятся 18% опрошенных, а кинофильмы бытового жанра – 17%, причем у самих военнослужащих бытовой жанр интересует

лишь 14% респондентов (остальные зачастую рассуждают так: «Зачем смотреть в кино то, что и так видишь ежедневно»).

Опрос показал, что в настоящее время у опрошенных категорий граждан отсутствует единый образ человека в погонах. С другой стороны, появилось много хороших талантливых актеров, уже снявшихся в различных художественных кинофильмах и телесериалах об армии или о службе в других силовых структурах, чей образ импонирует участникам опроса. Поэтому на главные роли в новом хорошем кинофильме об армии опрошенные предложили около 100 отечественных актеров. Среди них однозначными лидерами оказались К. Хабенский (9%) и А. Балуюев (7%), далее следуют известные по многим кино- и телефильмам, а также телесериалам Д. Певцов, М. Пореченков, Г. Куценко, С. Безруков, О. Меньшиков, Н. Михалков. Среди других актеров чаще назывались имена А. Петрова, Д. Дюжева, А. Кравченко, Е. Миронова, И. Петренко, Е. Борова. Многие опрошенные хотели бы увидеть молодых, талантливых актеров (21%) или приходят к выводу, что главное – не имена актеров, а чтобы сюжет фильма был хороший (12%), и актеры в нем хорошо сыграли (9%).

В ключе исследования приоритетной направленности нового кинофильма представляет интерес анализ основных жизненных ценностей участников опроса. Опрос показал, что жизненными приоритетами для респондентов являются материальный достаток (58%), благополучие родных и близких людей (43%) и семейное счастье (35%). Анализ показал, что для военнослужащих и гражданской молодёжи, жизненные ценности несколько различаются. Например, военнослужащие сохраняют надежды на более успешное будущее, на первые позиции выдвигая обеспечение будущего своим детям, а способом достижения этого – возможность реализации своих способностей и профессиональное совершенствование. В то время как у граждан, пребывающих в запасе, главным приоритетом является нынешний материальный достаток. О процветании страны участники опроса думают уже после удовлетворения своих основных жизненных потребностей (см. рис. 9).

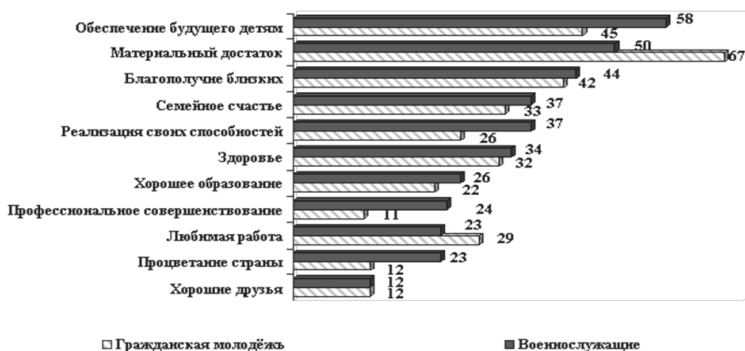

Рис. 9. Наиболее важные жизненные ценности для участников опроса (в %)

По субъективному мнению, опрошенных, образцом для подражания у современной молодежи в настоящее время являются успешные (43%), независимые и смелые (29%) люди, а также выдающиеся спортсмены (28%). Образцом для молодежи 24% опрошенных считают участников боевых действий в «горячих точках», 21% – бизнесменов, 21% – богатых людей, 20% – киноактеров, 20% – киногероев боевиков, 19% – героев Великой Отечественной войны. Военнослужащих современной армии относят к образцам для подражания молодежи всего 7% опрошенных, что подчеркивает низкий уровень престижа и популярности армии в современном российском обществе (и соответствующую самооценку этого самими военнослужащими).

Таким образом, в случае возникновения возможности создания нового добротного художественного кинофильма, пропагандирующего Вооруженные Силы РФ, данный фильм будет положительно воспринят большинством военнослужащих и граждан, пребывающих в запасе. Наибольший успех такому фильму будет обеспечен, если он будет выполнен в лучших традициях отечественного кино, иметь патриотический, пропагандистский и даже немного трагический характер, возможно с долей юмора. Он не должен быть комедией, пародией на армию, высмеивающей или очерняющей ее. Жанр данного кинофильма должен быть остросюжетным, но без перебора, т.е. это приключенческий или исторический боевик (как «Грозные ворота»). В съемках данного кинофильма должны принять участие молодые отечественные

актеры и кто-нибудь уже известный по кино- или телефильмам такой тематики, с уже сформированным амплуа. Кинофильм должен показать военную службу как путь к достижению наиболее важных жизненных ценностей для современных российских граждан в более референтные для населения страны слои общества. В перспективе данный кинофильм обязательно нужно будет запустить на телевизионные экраны, интернет и социальные сети поскольку они остаются наиболее доступными для многих граждан, особенно в небольших городах, поселках и в сельской местности (откуда поступает большинство добровольцев на военную службу по контракту). В таком случае новое кино об армии может стать тем эпохальным киношедевром, который олицетворяет собой новое состояние Российской армии в новое для нее время, который, как знамя, поведет за собой в ее ряды новые поколения военных кадров.

Литература

1. Глотова А.О. Современное российское кино: экспертная характеристика // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 4(137). С. 111-118.
2. Зиновьева П.М. Модели поведения и ценностные паттерны в современных фильмах. Какими чертами обладает «герой» современных фильмов для молодёжи? // Век информации (сетевое издание). 2019. Т. 3. № 1(6). С. 1-10.
3. Колесниченко М.Б. О роли кино в российском обществе: социологический взгляд / М.Б. Колесниченко, А.Н. Тетенев // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2021. Т. 1. С. 109-114.
4. Мартьянова И.А. Кинометафора жизни современной русской прозы // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 113-118.
5. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф. 1997. С. 130.

V.V. KAPUSTIN

D. in Sociology, Doctoral Student at the Department of Sociology, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Military University named after prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

Research experience of modern cinema and its role in patriotic education of Russian citizens

The article presents the results of the research, the purpose of which was to analyze the attitude of servicemen and civilians to modern Russian cinema and TV and to evaluate its role in patriotic education of citizens of Russia. The research involved 467 people (246 servicemen and 221 civilians) at the age of 18-35, living in Moscow and Moscow region.

Keyword: *patriotism, military-patriotic education, sociological research of cinema, impact of cinema on patriotism.*

Literature

1. Glotova A.O. Modern Russian cinema: expert characteristic // Social Policy and Sociology. 2020. T. 19. № 4(137). C. 111-118.
2. Zinovieva P.M. Models of 46ussian46 and value patterns in modern films. What kind of features has a "hero" of modern films for youth? // Century of information (online edition). 2019. T. 3. № 1(6). C. 1–10.
3. Kolesnichenko M.B. On the role of cinema in Russian society: a sociological view / M.B. Kolesnichenko, A.N. Tetenov // The formation of humanitarian environment in higher education: innovative educational technologies. Competence approach. 2021. T. 1. C. 109-114.
4. Martyanova I. A. Kinomethaphor of life of modern Russian prose / I. A. Martyanova // Mir russkogo slova. 2016. № 1. C. 113-118.
5. Rudnev V.P. Dictionary of culture of the twentieth century. Moscow: Agraf. 1997. C.130.

Э.Х. КАРАГУЛЯН
*студент 3 курса факультета
«Социальных наук и массовых коммуникаций»
Финансового университета при Правительстве РФ*
E-mail: karagulyan01@bk.ru

М.М. ВОСКАНЯН
*студент 3 курса факультета
«Социальных наук и массовых коммуникаций»
Финансового университета при Правительстве РФ*
E-mail: mariannaavoskanyan@yandex.ru

Б.Б. ОНИКОВА
*студент 3 курса факультета
«Социальных наук и массовых коммуникаций»
Финансового университета при Правительстве РФ*
E-mail: onikova2001@gmail.com

С.Э. ГАЛАВАНОВА
*студент 3 курса факультета
«Социальных наук и массовых коммуникаций»
Финансового университета при Правительстве РФ*
E-mail: sabinagalavanova@yandex.ru

В.О. МИКРЮКОВ
*кандидат философских наук, доцент, доцент
Департамента социологии Финансового
университета при Правительстве РФ*
E-mail: mikryukov.v.o@gmail.com

Блогинг как направление профессиональной деятельности: особенности и перспективы

Статья посвящена обзору блогинга как СМИ. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в будущем особое внимание будет уделяться персональному бренду, использование ко-

того имеет успех уже сейчас. В проведенном исследовании авторами было сделано предположение, что заинтересованность в получении информации с помощью блогов в перспективе будет только возрастать, что связано с повышением внимания к блогам как у авторов этих блогов, так и у их читателей, а также у бизнес-сообщества. Также в статье были проанализированы новые подходы к старым, привычным форматам передачи информации, таким, как необычное интервью. Кроме того, авторы пришли к выводу, что исследуемая сфера (блогинг) растет в геометрической прогрессии, так как увеличивается и число авторов блогов, и количество ежедневных публикаций в Интернете. При написании работы были использованы методы: общенаучные (анализ, синтез и др.), метод традиционного анализа документов (статей в научных журналах и профессиональных медиа по теме блогинга), а также логико-интуитивный метод анализа информации.

Ключевые слова: блогинг, средства массовой информации, Интернет, онлайн, сегментирование, социальные сети.

Проанализировав множество определений понятия «блог», мы пришли к выводу, что блог представляет собой определенный формат сайта, который характеризуется новостной, информативной или развлекательной направленностью, а также регулярной публикацией свежего материала. Чаще всего при создании блога его автор ограничивается одной или несколькими смежными темами, которые уже более подробно раскрываются с помощью фото, видео или текста.

Отметим, что в настоящее время рынок блогинга буквально переполнен различными авторами, ежеминутно во всех странах мира появляются создатели, которые придумывают новые форматы фото- и видео-контента. Можно сказать, что блогинг растет в геометрической прогрессии, так как увеличивается и число авторов, и количество ежедневных публикаций в Интернете. Несмотря на то, что блогинг является полноценной разновидностью коммуникативного жанра, блог может включать в себя множество различного контента, который направлен в сторону определенной целевой аудитории и учитывает ее особенности.

Так, любой личный блог представляет из себя набор постов. Именно благодаря тому, что автор регулярно обновляет свою страничку, пополняя ее различными видами контента, поддерживается интерес читателей блога. Исследователи выделяют основные жанровые направления блогов: музыкальный, видеоблог, спортивный, творческий и т.д. [17].

Однако и само содержание постов может различаться даже внутри одного блога. В последние несколько лет наблюдается рост конкуренции в блогинге (количество блогов увеличивается), поэтому блогеру (автору блога) особенно важно поддерживать интерес у аудитории разными видами контента. Проанализировав профильную литературу и множество блогов, авторы статьи считают, что на современном этапе не существуют какие-то стандарты, на которые опираются авторы контента. Каждый из них выбирает свою индивидуальную стратегию, говоря, например, о политике, личной жизни, моде или чем-то ином. Однако одновременно с этим существуют и определенные тенденции, которые направляют авторов при создании контента.

В частности, жанровая классификация блога может дополнительно определяться целью, которую автор блога преследует. Можно выделить четыре основных направления блога: информационный, обучающий, развлекательный и политематический. Если информационный и обучающий контент создается для того, чтобы обращать внимание зрителя на наиболее актуальные проблемы современности и способы их решения, прививать нравственные качества и многое другое, развлекательные блоги несут в себе исключительно увеселительный характер.

Таким образом, в настоящее время отмечается не просто тенденция к увеличению количества блогов в интернет-пространстве, но их деление на многочисленные жанры. Поэтому авторам блогов приходится прибегать к тому, чтобы разделять контент для лучшего усвоения материалов, публикуемых в блоге, а также повышения интереса и вовлечения у читателей блога.

Отметим, что современный мир уже невозможно представить без цифровых технологий, которые ежесекундно снабжают людей огромным количеством разнообразной информации. Именно поэтому блогеру для существования в этой сфере необходимо понимать, на какие ориентиры следует опираться при создании своего контента, и как именно формируются тренды передового массового медиапотребления.

Благодаря тому, что современная аудитория обладает высоким уровнем технологической грамотности, становится возможным использовать все возможности, которые предоставляет интернет-пространство. Это также позволяет зада-

вать определенные тренды медиапотребления и формулировать новые базовые информационные потребности, которые прежде всего исходят от авторов контента – блогеров.

Анализируя популярные блоги в России, можно выявить тенденции, которые также связаны со спецификой медиапотребления. В частности отмечается сильная тенденция к формированию персональных брендов в российских медиа. Другими словами, блог становится не просто платформой для того, чтобы делиться информацией, но и является инструментом для повышения личной узнаваемости и хорошего заработка для конкретного человека. Так, одним из самых ярких примеров является Юрий Дудь. В прошлом он был журналистом, однако сейчас его основной род деятельности – блогинг при помощи канала на видеохостинге YouTube, который пользуется большой популярностью. Юрий Дудь – журналист с большим опытом, то есть изначально его профессиональная деятельность была связана с традиционными СМИ. Однако несколько лет назад он понял, что блогинг – это новая сфера, которая может быть более востребованной у потребителей контента, интересной для широкого круга людей, а также с помощью блога можно доносить ту информацию, которую хочешь, а не руководствоваться редакционной политикой конкретного СМИ. Поэтому Юрий Дудь выбрал жанр интервью, который в начале 2020-х гг. стал набирать большую популярность.

Проект «вДудь» к 2022 г. Стал популярным как среди молодой аудитории, так и среди более старшего поколения. Это связано с выбором гостей: Юрий старается выбирать для интервью интересных людей из разных сфер: певец Тима Белорусских, журналист и кинокритик Антон Долин, кинорежиссер Тимур Бекмамбетов, политик В.В. Жириновский и многие другие. Такой широкий спектр гостей привлекает внимание разной аудитории. Также отметим, что Юрий Дудь использует нестандартное ведение интервью, вставляя моменты с импровизацией и ведя в основном диалог в свободной форме. Отход от традиционного представления того, как должно выглядеть интервью является интересным подходом с точки зрения медиапроизводства и привлекает большее количество зрителей.

Среди современных особенностей медиапроизводства в России можно отметить новые подходы к старым, привычным форматам передачи информации. Например, необыч-

ное интервью будет более интересным для зрителя в условиях современного медиапространства, а тем более с привлечением персонального бренда.

Так как Интернет является конкурентной площадкой для передачи информации и частично заменяет традиционные форматы СМИ, возникает логичный вопрос о том, как блогинг будет развиваться в будущем. Скорее всего, блоги будут и дальше пользоваться популярностью, так как они затрагивают реальные потребности пользователей.

Кроме того, существует предположение о том, что блогинг в ближайшее время трансформируется в профессиональную деятельность. Предпосылки для этого уже были. Так, во время «прямой линии» Президенту РФ В.В. Путину уже задавали вопрос о его отношении к блогингу и просили легализовать блогинг как профессию [18]. Впрочем, пока (на середину 2022 года) существенных изменений в этом направлении не было. Однако уже сейчас блогер (особенно крупный, имеющий блог с большим количеством вовлеченных подписчиков) может стать потенциальным работодателем для таких специалистов, как веб-дизайнер, графический дизайнер, сценарист, методолог онлайн-курса, видео- и аудиомонтажер и др. Также заметим, что при помощи блога можно получать хорошую прибыль, платя налоги за свою деятельность. Соответственно, блогинг уже стал не просто развлечением, а хорошей площадкой для заработка.

Помимо этого, можно сделать предположение, что поменяется журналистика в целом, которая будет соперничать с блогерами за внимание аудитории. Также изменения затронут и рекламную деятельность, поскольку бренды будут еще более активно привлекать блогеров для рекламы, так как их аудитория скорее более доверяет блогеру, чем бренду.

Таким образом, блогинг имеет множество перспектив для развития, особенно учитывая тот факт, что в современном мире все меняется очень быстро. Также мы отмечаем, что заинтересованность в получении информации с помощью блогов будет только возрастать в перспективе, а блогеры получают возможность превращать блогинг в полноценную профессиональную деятельность.

Литература

1. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дисс. Канд. филол. Наук: 10.02.19 / Асмус Нина Геннадьевна. – Челябинск, 2005 – 266 с.
2. Балчугов А.В., Пахомова Е.А., Устинкин С.В., Фоменков А.А. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ МЕДИА // Власть. 2020. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vzaimootnosheniy-traditsionnyh-i-novyh-media> (дата обращения: 06.12.2021).
3. Кочеткова М.О., Тубалова И.В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестн. Том. Гос. Ун-та. Филология. 2014. №1(27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-bloga-kak-zhanra-diskursa-blogosfery-sotsiolingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 06.12.2021).
4. Савельева И.Ю. Продвижение персонального бренда в социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. №3(25). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-personalnogo-brenda-v-sotsialnyh-media> (дата обращения: 08.12.2021).
5. Силкин В.В., Акопян П.Р. Феномен и специфика блога как социокультурного явления // StudNet. 2020. №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-i-spetsifika-bloga-kak-sotsiokulturnogo-yavleniya> (дата обращения: 06.12.2021).
6. Соломатин Д.Д. Блогинг как подвид традиционной журналистики в России // Инновационная наука. 2019. №7-8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloging-kak-podvid-traditsionnoy-zhurnalistiki-v-rossii> (дата обращения: 06.12.2021).
7. Соломатин Д.Д., Соловьев В.А. Блогинг как катализатор журналистики в медиасистеме России // Вестник науки и образования. 2019. №14-1(68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloging-kak-katalizator-zhurnalistiki-v-mediasisteme-rossii> (дата обращения: 06.12.2021).
8. Филатова О.Г. Блоги и СМИ, гражданская и традиционная журналистика: соотношение понятий // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogi-i-smi-grazhdanskaya-i-traditsionnaya-zhurnalistika-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 06.12.2021).
9. Шляховой Д.А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. 2017. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-blogov-kak-elektronnyh-sredstv-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 06.12.2021).

10. Блогинг как подвид традиционной журналистики в России [Электронный ресурс] / vc.ru. – Электрон. Дан. – URL: <https://vc.ru/media/104281-blogging-kak-podvid-tradicionnoy-zhurnalistiki-v-rossii> (дата обращения: 06.12.2021).

11. Блогосфера: традиционные сми vs нетрадиционные [Электронный ресурс] / Вестник Московского университета. – Электрон. Дан. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/4/blogosfera-traditsionnye-smi-vs-netraditsionnye/> (дата обращения: 06.12.2021).

12. вДудь [Электронный ресурс] / Youtube <https://www.youtube.com/c/vdud/videos>

13. Понятие и виды СМИ / Справочник. – Электрон. Дан. – URL: https://spravochnik.ru/zhurnalistika/ponyatie_i_vidy_smi/ (дата обращения: 06.12.2021).

14. СМИ в России [Электронный ресурс] / Государство. Бизнес. Технологии. – Электрон. Дан. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:СМИ_в_России (дата обращения: 06.12.2021).

15. Социальные медиа как блог-платформы [Электронный ресурс] / Социодинамика. – Электрон. Дан. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=2648 (дата обращения: 06.12.2021).

16. Социальные сети превращаются в средства массовой информации [Электронный ресурс] / Газета.ру. – Электрон. Дан. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2013/10/25/5723077.shtml> (дата обращения: 06.12.2021).

17. Ипатьева В.А. Форматы и жанры видеоблогов / В.А. Ипатьева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 25 (211). С. 369-373. – URL: <https://moluch.ru/archive/211/51788/>

18. Важные вопросы. Как решаются проблемы после прямой линии с президентом [Электронный ресурс] / Рамблер / URL: https://news.rambler.ru/other/42363116-vazhnye-voprosy-kak-reshayutsya-problemy-posle-pryamoy-linii-s-prezidentom/?utm_content=mnews_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

19. Число блогов приближается к 30 миллионам [Электронный ресурс] / lenta.ru. – Электрон. Дан. – URL: <https://lenta.ru/news/2006/02/10/technorati/> (дата обращения: 06.12.2021).

EL.KH. KARAGULYAN

**3rd year student of the Faculty of Social Sciences
and Mass Communications Financial University under
the Government of the Russian Federation**

M.M. VOSKANYAN

**3rd year student of the Faculty of Social Sciences
and Mass Communications Financial University under
the Government of the Russian Federation**

B.B. ONIKOVA

**3rd year student of the Faculty of Social Sciences
and Mass Communications Financial University under
the Government of the Russian Federation**

S.Ed. GALAVANOVA

**3rd year student of the Faculty of Social Sciences
and Mass Communications Financial University under
the Government of the Russian Federation**

V.O. MIKRYUKOV

**PhD in philosophy, Docent, Associate Professor
of the Department of Sociology, Financial University under
the Government of the Russian Federation**

Blogging as a line of professional activity: features and prospects

The article is devoted to an overview of blogging as a media. The conducted research suggests that in the future special attention will be paid to the personal brand, the use of which is already successful. In the study, the authors made the assumption that the interest in obtaining information through blogs will only increase in the future, which is associated with increased attention to blogs by both the authors of these blogs and their readers, as well as the business community. The article also analyzed new approaches to the old, familiar formats for transmitting information, such as an unusual interview. In addition, the authors concluded that the area under study (blogging) is growing exponentially, as both the number of blog authors and the number of daily publications on the Internet increase. When writing the work, methods were used: general scientific (analysis, synthesis, etc.), the method of traditional analysis of documents (articles in scientific journals and professional media on the topic of blogging), as well as the logical-intuitive method of information analysis.

Keyword: *blogging, mass media, Internet, online, segmentation, social networks.*

Literature

1. Asmus N.G. Linguistic features of the surrounding communicative space: Diss. Cand. Philol. Sciences: 10.02.19 / Asmus Nina Gennadievna. – Chelyabinsk, 2005 – 266 p.

2. Balchugov A.V., Pakhomova E.A., Ustinkin S.V., Fomenkov A. PROSPECTS FOR RELATIONS OF TRADITIONAL AND NEW MEDIA // *Power*. 2020. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vzaimootnosheniy-traditsionnyh-i-novykh-media> (date of access: 06/12/2021).

3. Kochetkova M.O., Tubalova I.V. Dynamics of blog development as a genre of blogosphere discourse: sociolinguistic aspect // *Vestn. Volume. State university Philology*. – 2014. – No. 1 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-blogov-kak-zhanra-diskursa-blogosfery-sotsiolingvisticheskiy-aspekt> (Date of access: 12/06/2021).

4. Savelyeva I. Yu. Promotion of a specific brand in social media // *Sign: problematic field of media education*. – 2017. – No. 3 (25). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-personalnogo-brenda-v-sotsialnykh-media> (date of access: 12/08/2021).

5. Silkin V.V., Akopyan P.R. The phenomenon and features of the blog as a socio-cultural phenomenon // *I*. – 2020. – No. 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomen-i-spetsifika-blogov-kak-sotsiokulturnogo-yavleniya> (date of access: 06/12/2021).

6. Solomatin D.D. Blogging as a subspecies of professional journalists in Russia // *Innovation Science*. – 2019. – No. 7-8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloging-kak-podvid-traditsionnoy-zhurnalistiki-v-rossii> (date of access: 06/12/2021).

7. Solomatin D. D., Solovyov V. A. Blogging as a catalyst for journalism in the media system of Russia // *Bulletin of science and education*. – 2019. – No. 14-1 (68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloging-kak-katalizator-zhurnalistiki-v-mediasisteme-rossii> (date of access: 06/12/2021).

8. Filatova O. G. Blogs and mass media, civil and traditional journalism: correlation of concepts // *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature*. – 2010. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogi-i-smi-grazhdanskaya-i-traditsionnaya-zhurnalistika-sootnoshenie-ponyatiy> (date of access: 12/06/2021).

9. Shlyakhovoi D.A. Genre characteristics of blogs as electronic means of mass communication. *Vestnik RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. – 2017. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-blogov-kak-elektronnykh-sredstv-massovoy-kommunikatsii> (Date of access: 12/06/2021).

10. Blogging as a subspecies of annual journalists in Russia [Electronic resource] / vc.ru. – Electron. Dan. – URL: <https://vc.ru/media/104281-blogging-kak-podvid-tradicionnoy-zhurnalistiki-v-rossii> (date of access: 06/12/2021).

11. Blogosphere: constitutional vs non-traditional media [Electronic resource] / Bulletin of Moscow University. – Electron. Dan. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/4/blogosfera-traditsionnye-smi-vs-netraditsionnye/> (date of access: 12/06/2021).

12. vdud [Electronic resource] / Youtube <https://www.youtube.com/c/vdud/videos>

13. The concept and types of media Handbook. – Electron. Dan. – URL: https://spravochnik.ru/zhurnalistika/ponyatie_i_vidy_smi/ (date of access: 06/12/2021).

14. Media in Russia [Electronic resource] / State. Business. Technology. – Electron. Dan. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Mass_media_in_Russia (date of access: 06/12/2021).

15. Social media as blog platforms [Electronic resource] / Sociodynamics. – Electron. Dan. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=2648 (accessed 06.12.2021).

16. Social networks are turning into mass media [Electronic resource] / Gazeta.ru. – Electron. Dan. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2013/10/25/5723077.shtml> (date of access: 06/12/2021).

17. The number of blogs is approaching 30 million [Electronic resource] / lenta.ru. – Electron. Dan. – URL: <https://lenta.ru/news/2006/02/10/56ussian56e56/> (date of access: 12/06/2021).

18. Ipatieva, V. A. Formats and genres of video blogs / V. A. Ipatieva. – Text: direct // Young scientist. – 2018. – No. 25 (211). – S. 369-373. – URL: <https://moluch.ru/archive/211/51788/>

19. Important questions. How problems are solved after a direct line with the president [Electronic resource] / Rambler / URL: https://news.rambler.ru/other/42363116-vazhnye-voprosy-kak-reshayutsya-problemy-posle-pryamoy-linii-s-prezidentom/?utm_content=mnews_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Социальная структура. Социология управления. Социальные институты и процессы

УДК 316.4

DOI 10.34823/SGZ.2022.3.518870

Ю.Г. ВОЛКОВ

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, Ростов-на-Дону

E-mail: ugvolkov@sfnedu.ru

И.В. ПЕЧКУРОВ

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

E-mail: i.pechkurov@gmail.com

Демонстративное потребление в ракурсе социокультурных процессов современности

Статья посвящена выявлению социокультурных оснований и следствий распространения демонстративного потребления в современном российском социуме. Авторы обосновывают необходимость и актуальность применения социокультурного подхода к социально-философскому исследованию демонстративных потребительских практик в России, показывают, что их распространение на российской почве произошло в результате резкого контрастного перехода от хронического недопотребления в условиях всеобщего дефицита к расширившимся потребительским возможностям. Отмечая значимое место и роль бытового потребительского аскетизма в пространстве традиционного для России социокультурного кода, автор показывает, что аскетическое отношение к потреблению материальных благ было частью, мировоззрения, основой которого был приоритет духовных ценностей. В статье анализируется процесс формирования доминанты потребления в современном российском обществе как основы распространения демонстративных потребительских практик, а также раскрывается имитативная сущность демонстративного потребления, представляющего собой подмену

аутентичной самореализации личности в социуме через созидание и творческий труд имитацией самореализации через демонстрацию брендового потребления, праздности и роскоши.

Ключевые слова: *демонстративное потребление, имитация, самореализация, социокультурный код, потребительские практики, общество потребления, социокультурный подход, семиотический подход.*

Введение

Современное российское общество проходит сложный период своего исторического развития, связанный с переходом от распределительного типа экономики к рыночному. Вхождение в рыночные отношения сопровождалось естественным процессом расслоения общества по имущественному признаку, а поскольку далеко не все население нашло в себе силы и возможности вписаться в рынок, многие потеряли сбережения в ходе реформ, высокая инфляция первых лет преобразований привела к резкому снижению покупательной способности россиян при традиционно низкой цене труда, возникли обширные слои работающих «новых бедных». Немногочисленные преуспевшие в рыночной экономике образовали бизнес-элиту и верхние слои образующегося среднего класса. Острое имущественное неравенство, стремительное обогащение одних и обнищание других стало фактором формирования специфического потребительского поведения – демонстративного потребления. Очень быстро демонстративное потребление приобрело масштабы, сделавшие этот феномен социально-деструктивным, так как с этим видом потребительского поведения неразрывно связаны образцы и стили, ассоциируемые с праздностью, чванливостью, эгоистическим отношением к обществу и задачам его развития, индивидуализмом.

Актуальность обращения к исследованию демонстративного потребления в России в предметном поле социальной философии обусловлена именно наличием в данном феномене социально-деструктивного аспекта, связанного с рядом явных и неявных рисков, продуцируемых этим явлением, – социальных, социально-экономических, социокультурных. Кроме того, социально-философский анализ демонстративного потребления актуален ввиду того, что этот феномен, универсальный по характеру, органически связан с глобальными процессами современности, формированием «общества потребления» как новой специфической социальной

реальности, а это долговременные макросоциальные процессы, исследование которых всегда сохраняет актуальность.

Методология исследования демонстративного потребления

Ввиду этого обстоятельства социально-философское изучение демонстративного потребления остается востребованным, что находит отражение в широком использовании в отношении данной темы различных методологических подходов и парадигм. На феномен демонстративного потребления обращали внимание как классики социальной мысли, так и современные исследователи. Этим обусловлена разница в имеющихся подходах и интерпретациях. Тем не менее имеет место и сходство между ними, заключающееся в том, что демонстративное потребление понимается как потребительское поведение, направленное на цели, выходящие за пределы целеполагания материального потребления, и мотивированное непотребностью потреблять товар, а стремлением превратить акт потребления в преимущественно символический, знаковый. Иначе говоря, семиотико-символическое и социокультурное измерение в акте демонстративного потребления является доминирующим и определяющим, а чисто потребительское отходит на второй план.

Поэтому в исследовании демонстративного потребления активно используются семиотические в своей основе концепции, позволяющие рассматривать этот вид потребления как знаково-символическую конструкцию, позволяющую подтвердить или успешно имитировать высокий социальный статус потребителя, предполагающий значительный уровень благосостояния, престижные позиции в обществе. Такое понимание демонстративного потребления созвучно современным социально-философским и социологическим концепциям, основывающимся на конструктивистской парадигме, а также рассматривающим социальные взаимодействия в презентационном и игровом ключе. Игровые концепции позиционируют социальное поведение, в том числе демонстративное потребительское, как своего рода театральное действие, «спектакль», в котором актеры распределяют между собой социальные роли, не имеющие реального сущностного наполнения и обладающие поэтому определенным уровнем условности, ирреальности, родственной ирреаль-

ности театрального представления. Так, Ги Дебор рассматривает современное общество как «общество спектакля», в котором презентационная часть не скрывает за собой никакой реальной сущности [Дебор, 1999]. Семиолог Р. Барт анализирует современную культуру как симулятивную конструкцию, лишённую сущностного ядра [Барт, 2003]. Демонстративное потребление репрезентируется как лишь одна из имеющихся место в социуме форм такого «спектакля».

В семиотическом контексте демонстративное потребление предстает как своего рода метафора, в рамках которой потребляемые брендовые товары выступают символами социальных и экономических позиций потребителей. «Общество потребления», таким образом, предстает не только как социально-экономическая, но главным образом как социокультурная реалья со своими характерными языком, поведенческими моделями, ценностями и конструируемыми социальными представлениями. В этих представлениях символ материального успеха почти неотличим от самого материального воплощения этого успеха, имитация социального статуса – от реального статуса, поскольку презентационная реальность не полагает за знаком реальной сущности.

Исследование демонстративного потребления в этом ключе может осуществляться посредством описания совокупности потребительских практик как метафорического языка социального самопозиционирования потребителя. Но в то же время отечественным исследователям необходимо выявить специфику этого явления в историко-культурном контексте России, который достаточно отличается от западного. Для этого необходимо обращение, помимо семиотического, к социокультурному подходу.

Одним из главных отличий России в этом смысле является то, что в российском контексте демонстративное потребление формируется на почве хронического недопотребления, получившего оформление в традиционной российской культуре через социокультурный код, ориентировавший население на аскетизм, постоянную депремированность труда и бескорыстное (принципиально невознаграждаемое в материальных знаках) служение государству и отождествлявшемуся с ним обществом. Система ценностей, построенная на основе этого социокультурного кода, мотивировала на недопотребление материальных благ как результат доминирования духовного начала над материальным.

Вторжение в процессе системных реформ ценностей, сложившихся в западном социокультурном пространстве, ориентирующих на индивидуальную достижительность, привело к резкому переходу от недопотребления к перепотреблению отдельных групп. На этом контрастном фоне ценности, связанные с социальной успешностью в материальном выражении, приобрели доминирующую значимость, особую привлекательность, а ценности духовного порядка стали намного менее значимыми. Такая ситуация, по характеристике А.С. Ахиезера, чревата неразрешимыми противоречиями, превращающимися в препятствие для гармоничного общественного развития: «Всякое различие в обществе может в определенной ситуации превратиться в противоречие как в его относительно простых, легко преодолимых, так и в непреодолимых для соответствующего общества формах. В последнем случае умножаются неразрешимые, болезненные проблемы. В определенных социальных условиях различия превращаются в особый тип застойного противоречия, преодолеть которое общество оказывается не в состоянии и к которому оно соглашается приспособляться» [Ахиезер, 2001. С. 90-91].

Наличие противоречий такого рода обусловлено конфликтом ценностей, возникающим вследствие глубинного различия культурных ориентиров различных групп населения. Относительно немногочисленные группы людей, вписавшихся в рыночные отношения и эффективно повышающих уровень своего благосостояния в контексте новой экономики, нуждаются в способе демаркации от масс, не преуспевших при вхождении в рынок и испытывающих разного рода трудности в попытках адаптироваться к нему. Демонстративное потребление представляет собой, как нам представляется, метафорический способ такой демаркации, позволяющий субъектам демонстративных потребительских практик акцентировать в восприятии общества свою инаковость, успешность и экономическую эффективность.

Проблема в том, что эта знаковая демаркация отражает и более глубокое противоречие систем ценностей. Социокультурный раскол, проходящий по линии столкновения ценностей, как показал А.С. Ахиезер, давно является характерной чертой российского общества [Ахиезер, 1991]. Можно сказать, что возобновление конфликта ценностей в постсо-

ветский период стало продолжением социокультурного раскола и разделило общество на преуспевающее, вписавшееся в рынок меньшинство и большинство не вписавшихся.

Однако значительная доля массового слоя – люди, стремящиеся по возможности реализовывать в своей повседневной жизни потребительские ценности но не имеющие достаточных ресурсов для этого, ощущающие недопотребление как депривацию и желающие любой, хотя бы имитативной, причастности к обеспеченной жизни с престижным потреблением.

Демонстративное потребление на российской почве имеет свою специфику, исследование которой невозможно без обращения к социокультурному подходу, дающему возможность рассмотрения его в аспекте внутренней динамики социокультурных процессов. Благодаря применению этого подхода выявляется роль ценностного вакуума, возникшего в начальный период реформ вследствие отказа от марксистской государственной идеологии и обесценивания ассоциированной с ней системы социетальных ценностей. Аксиологический вакуум восполнили заимствованные индивидуалистические ценности, ориентирующие главным образом на потребление.

Однако тем самым из обновляющегося социокультурного пространства элиминировалась ориентация на созидание и развитие, продуктивное социальное строительство.

Демонстративное потребление в российском социокультурном пространстве

Хотя культурный мир советской эпохи строился вокруг моноидеологии как стержня социетального единства общества, это была многомерная, насыщенная смысложизненным содержанием культура. Восприняв в перекодированном виде ценности ядра традиционной российской культуры, советское общество заимствовало из нее и главные культурные ориентиры жизнедеятельности, дополнив их новыми аксиологическими конструктами, ориентирующими на развитие и совершенствование общества и личности. В этой системе ценностей нашел отражение и пафос марксизма в отношении онтолого-антропологической значимости труда и творчества, созидательной деятельности, активного альтруизма как жизненной позиции.

Переориентация на ценности индивидуалистической достижительности в России происходила спонтанно, в сжатые сроки, без укорененности в высокой аксиологии западной культуры, которая интерпретировала индивидуальность как развивающуюся, социально активную целостность. Ценности западного культурного мира оказались восприняты в профанированной, унифицированной форме, репрезентирующей их как ориентирующие на эгоистическую достижительность, потребительство, социальную пассивность. Именно такая профанированная индивидуалистическая аксиология сформировала ценностные основания демонстративного потребления. В современном российском социокультурном контексте, в условиях низких доходов большинства населения демонстративное потребление выступает проявлением незрелости потребительской культуры, свидетельствует о наличии диспропорции между уровнем наличной культуры населения и масштабом целей и задач общественного развития. Ценностные ориентации демонстративного потребления уводят в сторону от траекторий развития и тем самым чреваты социальной деструкцией, разнообразными рисками.

Переориентация на ценности потребления в силу сказанного выше способствует дистанцированию общества от традиционной архетипики культуры, которая, несмотря на аскетические потребительские установки и образцы, ориентировала на высокие духовные ценности, связанные с созиданием и развитием. Выход социума из традиционной аксиологической парадигмы означал разрыв с этими установками, легитимацию отказа им следовать в индивидуальном поведении. Культурно-ценностную легитимацию получили пассивность, нежелание напрягать нравственные и душевные силы в решении сложных задач и вообще свобода отказа от взятия на себя каких-либо обязанностей. Демонстративное потребление стало частью нового этоса, в центре которого – получение удовольствия, удовлетворение примитивных желаний и погоня за новыми желаниями и потребностями.

В то же время этос демонстративного потребления представляет собой способ социальной демаркации групп и слоев, благодаря реформам повысивших свое благосостояние и статусные позиции, от низкостатусных и малоимущих категорий населения. Демонстрация высокой покупательной способности рассматривается в обществе потребления как

свидетельство индивидуальной значимости, обладания социальным капиталом, а потому открывает возможности дальнейшего повышения социального рейтинга.

Именно этим обусловлены имитативные практики демонстративного потребления, имеющие место в современной России. Особенностью демонстративного потребления россиян является причастность к этим потребительским практикам представителей малообеспеченных слоев, выстраивающих свое потребление таким образом, чтобы показать свою причастность к престижным и обеспеченным группам и тем самым использовать имитативный социальный капитал для получения реальных выгод, установления нужных социальных связей, привлечения средств к решению своих прагматических задач. Имитационное демонстративное потребление является также способом идентификации представителей малообеспеченных слоев с более обеспеченными и обладающими престижным положением в обществе социальными группами.

Имитационный компонент демонстративного потребления связан также с социоантропологическими факторами. Общество, ориентированное в первую очередь на брендовое потребление, статусные досуговые практики, праздность как свидетельство социальной успешности, как в свое время убедительно показал Г. Маркузе, формирует тип «одномерного человека», для которого закрыты или почти закрыты многие измерения аутентичной человеческой реальности. Речь идет о высокой любви, самореализации в творчестве и профессиональном труде, которые невозможны без приверженности ценностям созидания. Аутентичности своего бытия человек достигает именно в высших измерениях своей личностной самореализации, предполагающих самоотдачу, а не потребление. Переориентация с созидания на потребление производит глубинную подмену и редукцию сложной и многогранной человеческой природы к наиболее примитивному потребительскому измерению. И если результаты созидательной деятельности естественным образом предъявляются обществу, то подмена созидания потреблением тоже требует предъявления некоторых «результатов» такой подменной самореализации; так возникает демонстративное потребление как социоантропологический феномен. Его суть – имитация полноценного и продуктивного аутентичного человеческого бытия в социуме. Поскольку агент потребления ничего не создает, он может предъявить лишь один результат – приобретенные престижные брендовые товары,

тем самым осуществляя имитативную самореализацию себя в обществе через демонстрацию своих покупок, развлечений, досуговых практик.

Таким образом, подмена и имитация составляет суть демонстративного потребления. Два аспекта подмены – социальный и философско-антропологический – состоят в том, что в первом из них происходит имитация высокого социального статуса, более престижной групповой идентичности, материальной успешности через потребление брендовых товаров, а во втором субъект демонстративного потребления неосознанно имитирует собственную самореализацию, полноту субъектности. Оба аспекта органично сочетаются в процессе подмены.

Подходящую почву для такой имитации создает общество, в котором ограничены или отсутствуют реальные каналы и возможности личностной и социальной самореализации в труде и творчестве, восходящей социальной мобильности. Снижение общественной значимости и субъективной ценности профессионального труда, обусловленное низким уровнем материальной вознаграждаемости наемных работников на фоне доходов бизнеса, приводит в итоге к снижению социального престижа трудовой деятельности, уважения к профессиональным достижениям. Деньги, обеспеченный близостью к власти и финансовым потокам высокий социальный статус и обеспеченные им возможности праздности, красивого и престижного досуга, неограниченного брендового потребления формируют у населения циничное и неуважительное отношение к труду и образованию, прочные ассоциации престижа и успешности с праздностью и роскошью.

В этом деформированном социокультурном контексте демонстративное потребление остается единственным способом приобретения хотя бы имитативного и сиюминутного престижа и статуса, заявления о себе обществу как об успешном и востребованном акторе социальных взаимодействий. Однако не стоит забывать, что все эти характеристики остаются иллюзорными, образуя своего рода перформативную роль в социальном спектакле.

Резюме

Таким образом, заключая сказанное, следует сделать вывод, что феномен демонстративного потребления представляет собой не только социально-экономическую и социокультурную реалию современного общества, в том числе

и российского, но и реалию социоантропологическую, раскрывающую глубинные деформации, претерпеваемые человеческой субъектностью в условиях «общества потребления».

Эта сторона демонстративного потребления должна исследоваться средствами и методами социальной философии, поскольку представляет собой именно философскую проблему. Изучение демонстративного потребления в этом аспекте было и остается перспективным направлением научно-философских исследований.

Литература

1. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 90-91.
2. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России: к методологии исследования. <https://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>
3. Бабак О.В., Милейко Е.А. Американизация культуры потребления в среде как фактор демонстративного потребления / Материалы Всероссийской научно-практической конференции Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Краснодар, 31 марта 2018. С. 5–9.
4. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2003.
5. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999. – 224 с.
6. Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // *Социологические исследования*. 2017. № 1(393). С. 5-13.
7. Давыдов А.П. Социокультурный раскол в современной России: в поисках середины // *Личность. Культура. Общество*. 2021. Том XXIII. Вып. 1-2 (№№ 109-110). С. 64-75.
8. Залунин В.И, Немнонов А.С. Социально-культурный проект постмодерна // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2020. №11(101).
9. Ильин А.Н. Перманентное обновление вещей как способ демонстрации статуса в обществе потребления // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 3. С. 38–53.
10. Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2019. № 1 (128). С. 27–51.
11. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
12. Опарина Н.А., Цветкова Г.С. Множественность факторов демонстративного потребления: эволюция исследований // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15282>.

13. Попсуева А.А. Экономическое поведение потребителя и его демонстративные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 23–25.

YU.G. VOLKOV

***Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Scientific Supervisor of the Institute of Sociology
and Regional Studies of the Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don***

I.V. PECHKUROV

***Candidate of Sciences in Sociology, Senior Researcher,
South Russian Branch of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences***

The article is devoted to the identification of socio-cultural grounds and consequences of the spread of demonstrative consumption in modern Russian society. The authors substantiate the necessity and relevance of applying a socio-cultural approach to the socio-philosophical study of demonstrative consumer practices in Russia, show that their spread on Russian soil occurred as a result of a sharp contrasting transition from chronic underconsumption in conditions of universal scarcity to expanded consumer opportunities. Noting the significant place and role of everyday consumer asceticism in the space of the traditional socio-cultural code for Russia, the author shows that the ascetic attitude to the consumption of material goods was part of the worldview, the basis of which was the priority of spiritual values.

The article analyzes the process of formation of the dominant consumption in modern Russian society as the basis for the spread of demonstrative consumer practices, and also reveals the imitative essence of demonstrative consumption, which is a substitution of authentic self-realization of the individual in society through creation and creative work by imitation of self-realization through the demonstration of branded consumption, idleness and luxury.

Keyword: *demonstrative consumption, imitation, self-realization, socio-cultural code, consumer practices, consumer society, socio-cultural approach, semiotic approach.*

Literature

1. Akhiezer A.S. (2001) Archaisation in Russian society as a methodological problem // *Obshchestvennye nauki i sovremennost.* 2001, 2, 90-91. (In Russian).

2. Akhiezer A.S. (1991) *Sociocultural Dynamics of Russia: to the Research Methodology.* Available at: <https://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>. (In Russian).

3. Babak O.V., Mileyko E.A. (2018) Americanization of consumption culture in the environment as a factor of demonstrative consumption / Materials of the All-Russian scientific and practical conference Actual aspects of linguistics, linguodidactics and intercultural communication. Krasnodar, March 31, 2018: 5-9. (In Russian).

4. Barth R. (2003) The fashion system. Articles on the Semiotics of Culture. Moscow: Sabashnikov Publishing House. (In Russian).

5. Debord G. (1999) Society of Performance / translated from French by C. Ofertas and M. Jakubowicz. Moscow: Logos. (In Russian).

6. Gorshkov M.K. (2017) Russian socium in the conditions of crisis development: contextual approach (article 2). *Sociologicheskie issledovaniya*, 1 (393), 5-13. (In Russian).

7. Davydov A.P. (2021) Sociocultural Schism in Modern Russia: In Search of the Middle // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vol. XXIII. Vol. 1-2 (№№ 109-110), p. 64-75. (In Russian).

8. Zalunin V.I., Nemnonov A.S. (2020) Socio-cultural Project of Postmodern. // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, № 11(101). (In Russian).

9. Ilyin A. N. (2016) The permanent renewal of things as a way to demonstrate status in the consumer society // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, № 3, p. 38-53. (In Russian).

10. Lebedeva N. (2019) Why has the critique of the idle class died out? Actual and debatable realities // *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*, № 1(128), p. 27-51. (In Russian).

11. Marcuse G. (2002) Eros and Civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of the Developed Industrial Society. MOSCOW: AST. (In Russian).

12. Oparina N.A., Tsvetkova G.S. (2014) Multiplicity of factors of demonstrative consumption: evolution of research // *Sovremennye russian nauki i obrazovaniya*, 5. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15282>. (In Russian).

13. Popsueva A.A. (2016) Ekonomicheskoi russian of the consumer and its demonstrative characteristics // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, № 6, p. 23-25. (In Russian).

И.В. МЕШКОВА

*кандидат социологических наук, кафедра
государственной службы и кадровой политики,
Институт государственной службы и управления,
РАНХиГС при Президенте РФ*
E-mail: imeshkova@yandex.ru

Кадровые риски в управлении персоналом государственной гражданской службы

В статье обосновывается необходимость исследования кадровых рисков в управлении персоналом государственной гражданской службы с учетом особенностей данного социального института и структуры персонала гражданской службы. Рассматриваются основные виды кадровых рисков на различных этапах работы с персоналом государственной гражданской службы, выделяется кадровая коррупция как самостоятельный вид кадрового риска.

Ключевые слова: *кадровый риск, кадровая безопасность, государственный орган, государственная гражданская служба, персонал государственной гражданской службы, государственные гражданские служащие.*

Совершенствование модернизации страны протекает весьма противоречиво и объективно обусловлено необходимостью решения сложных задач политического и социально-экономического развития страны в связи со сложившейся современной геополитической обстановкой, санкционной политикой западных государств. Система государственного управления и управленческий потенциал недостаточно эффективен, чтобы минимизировать или упреждать основные риски и опасности для нормального функционирования российского социума, принимать соответствующие государственно-управленческие решения по управлению всевозможными рисками. Это актуализирует важность поиска направлений, механизмов, методов повышения эффектив-

ности управления, в том числе и через управление кадровыми рисками на государственной гражданской службе, являющейся одним из механизмов государства.

В последние годы появилось значительно количество публикаций, посвященных кадровым рискам в управлении организации. При всем разнообразии подходов к выделению сущности кадровых рисков обычно акцент делается на вероятности потерь и угроз финансово-хозяйственной деятельности предприятия, нанесения материального или морального ущерба предприятию, недостижения главных целей организации, связанных с принятием неэффективных управленческих решений по формированию, использованию, развитию и высвобождению персонала [1] и т.д.

Для института государственной гражданской службы Духновский С.В. определил кадровый риск как «возможную опасность государственного служащего для организации, обусловленную его социально-психологическими (глубинно-психологическими) особенностями личности» [2]. При этом автор использует термин «организации» для обозначения государственного органа, что не позволяет отразить специфику персонала государственного органа. По нашему мнению, именно структура персонала выступает основной особенностью, которая предопределяет управление кадровыми рисками в управлении персоналом государственной гражданской службы.

Безусловно, в структуре персонала государственного органа наибольшую по численности группу составляют государственные гражданские служащие. Они, с одной стороны, могут быть источником кадровых рисков, поскольку участвуют в обеспечении осуществления властных полномочий и могут использовать ресурсы власти в личных корыстных интересах, а с другой стороны – призваны обеспечивать безопасность государственных органов.

Следует также отметить, что лица, замещающие государственные должности, выступают в качестве субъектов управления в государственных органах, оказывая непосредственное воздействие на поведение и деятельность гражданских служащих и других категорий персонала. Именно на них лежит ответственность за создание условий, способствующих или препятствующих обеспечению кадровой безопасности государственного органа.

Поэтому под кадровым риском в управлении персоналом государственной гражданской службы, по нашему мнению, следует понимать ситуацию, отражающую опасность нежелательного развития событий, которые напрямую или косвенно затрагивают функционирование и развитие государственного органа, персонала государственной гражданской службы, и наступление которых способно негативно повлиять на осуществление государственным органом своего предназначения в системе государственного управления.

Выделение указанных категорий персонала государственных органов созвучно позиции тех ученых, которые позиционируют сотрудников организаций одновременно и объектом, и субъектом кадровых рисков.

Для предотвращения негативного влияния кадровых угроз важно иметь четкое представление об источниках, которые понимаются как условия и факторы, способные спровоцировать наступление неблагоприятного события. Митрофанова А.Е. выделяет следующие источники, характерные только для кадрового риска: неэффективность системы управления персоналом; поведение и действия/бездействия персонала; внешняя среда (неблагоприятная демографическая ситуация, неэффективная социальная политика региона, государства в целом и др.) [3]. С учетом особенностей государственной гражданской службы, на возникновение кадровых рисков влияют: отсутствие единого органа управления государственной гражданской службой; неразработанность концепции кадровой политики государственной гражданской службы; низкий уровень оплаты труда государственных гражданских служащих и недостаточная ее увязка с уровнем профессионализма и результатами деятельности; непроработанность карьерных траекторий государственных служащих.

Указанные проблемы способствуют формированию благоприятной среды для появления кадровых рисков и высокую степень неопределенности для реализации интересов государства и общества.

Для построения эффективной системы управления кадровыми рисками необходимо учитывать их видовые особенности, поскольку это позволяет объективно оценить место риска в общей системе управления персоналом государственной гражданской службы и использовать адекватные методы и инструменты для предотвращения негативных последствий.

Вероятность наступления кадрового риска возникает на любом этапе управления персоналом государственной гражданской службы и поэтому правомерно выделить следующие основные виды кадровых рисков:

– кадровые риски формирования кадрового состава государственной гражданской службы предполагают формирование такого состава, который по качественным и количественным параметрам не способствует реализации целей и задач государственного органа. В данном случае речь идет, прежде всего, о формальной оценке претендентов на должности гражданской службы при конкурсном замещении, исходя из личных предпочтений, возможности применения протекционистских технологий и инструментов. А это, в свою очередь, приводит к увеличению количества профессионально некомпетентных служащих и увеличению рисков кадровой безопасности для государства и общества вследствие неэффективной служебной деятельности.

Немаловажное значение имеет формирование несбалансированного кадрового состава государственного органа. Значительное преобладание служащих молодежной возрастной группы приводит к ситуации, в которой молодые сотрудники без необходимого опыта работы совершают промахи, ошибки, упущения в повседневной деятельности. Доминирование же служащих преклонного возраста может привести к риску возникновения низкой восприимчивости к инновациям в работе, что также будет способствовать низкой эффективности труда.

– кадровые риски использования кадрового состава государственной гражданской службы подразумевают, с одной стороны, недобросовестное выполнение служащими своих обязанностей, отсутствие ответственности за результаты деятельности и лояльности миссии, целям и задачам государственного органа, а с другой – ошибочные решения или действия по управлению профессиональным развитием государственных служащих. В эту группу рисков входят риски снижения или отсутствия мотивации к труду, связанное с ней профессиональное выгорание, отсутствие стремления к профессиональному развитию, нарушение дисциплины, создание конфликтных ситуаций, репутационные издержки, риски нелояльности персонала (совершение дисциплинарных проступков, недобросовестного выполнения должностных обязанностей, несоблюдение требований конфиденциальности) и др.

– кадровые риски высвобождения персонала государственной гражданской службы представляют собой возможность увольнения высокопрофессиональных специалистов, их переход в коммерческие структуры, разглашение или использование в целях, не связанных с государственной службой, сведений, отнесенных к сведениям конфиденциального характера или служебной информации и т.д.

Многие исследователи отмечают, что выявление кадровых рисков является одной из задач кадровой службы, которая должна реализовываться в ходе всей работы с персоналом. Поэтому в специальной литературе уделяется внимание таким аспектам деятельности кадровой службы, как оценка благонадежности кандидатов при приеме на работу, выявление «групп риска», способных нанести ущерб интересам организации, формирование лояльности персонала, оценка уровня профессионализма сотрудников организаций и т.д.

Заслуживает внимания предложенное Казаковой Н.Д. выделение как отдельной группы кадровых рисков в процессе использования технологии работы с кадровым резервом на государственной гражданской службе [4].

Еще одной особенностью государственной службы является ее публично-властный характер. Государственная служба наделяется определенными властными полномочиями для обеспечения выполнения функций государства по удовлетворению общественных потребностей и интересов и в данной ситуации государственный служащий становится олицетворением государства, персонифицированным субъектом власти. Наблюдая реальную власть государственного служащего, граждане и представители различных организаций в повседневной деятельности не стремятся использовать для своих целей официальные механизмы и инструменты, которые предоставляют государственные органы, а обращаются к конкретному служащему или должностному лицу. Подобные случаи наносят удар по авторитету государственной службы и системы государственного управления, снижают эффективность государственной службы.

Поэтому при рассмотрении кадровых рисков на государственной гражданской службе следует учитывать и такие, как коррупционные, т.е. протекционизм, кумовство, клановость. Коррупционные риски – это «заложенные в системе государственного и муниципального управления возможно-

сти для действия/бездействия должностных лиц с целью незаконного извлечения материальной или иной выгоды при выполнении должностных полномочий и наносящие ущерб государственным и общественным интересам» [5].

Кадровая коррупция основывается на интересах взаимодействующих субъектов: одного, обладающего правом назначения на должность, и второго, заинтересованного в получении этой должности. Она проявляется в таких формах, как взимание платы за назначение на должность; формирование в государственном органе атмосферы круговой поруки; создание «вертикали власти» под интересы конкретного руководителя; назначение на должность на основании личного решения руководителя, без соблюдения конкурсных процедур; игнорирование норм и требований законодательства в антикоррупционной политике и работе с кадрами. По результатам исследований, проведенных учеными РАНХиГС [6], источниками кадровой коррупции в государственных органах являются: слабая ориентация системы материального стимулирования на профилактику коррупционных рисков; сохранение невысокого престижа государственной службы в обществе, отсутствие привлекательных условий для притока квалифицированных кадров в государственные органы; доминирование в кадровой политике корпоративных интересов над государственными и гражданскими; излишняя бюрократизация и формализм в кадровых процессах и кадровых отношениях; несоблюдение принципа открытости в вопросах кадрового обеспечения в органах государственного управления и др.

Как утверждают исследователи кадровой коррупции, в этом случае кадровый ресурс рассматривается как объект коррупционного интереса, связанный с должностью государственной гражданской службы, и, соответственно, в зависимости от того, какая это должность (категория и группа должностей) определяется характер и общественная опасность кадровой коррупции. И, как следствие, возникают достаточно значимые опасности критического падения уровня профессионализма государственных служащих, деформации наиболее значимых профессиональных и социальных (психологических, моральных, культурных) характеристик кадрового потенциала государственной службы, снижения порога сопротивляемости государственных служащих коррупционным рискам, снижение авторитета государственной

службы. Более того, кадровая коррупция провоцирует традиционные формы коррупции и способствует существенному снижению доверия граждан к органам государственной власти и управления в целом и государственным гражданским служащим в частности [6].

Поскольку кадровая коррупция вызывает множество негативных последствий, оказывающих деструктивное влияние на систему государственного управления в Российской Федерации, противодействие кадровой коррупции является важной задачей в обеспечении кадровой безопасности государственных органов. Для предупреждения негативного эффекта от перечисленных рисков кадровая служба государственного органа должна осуществлять непрерывные мониторинг персонала и оценку на этой основе возможностей возникновения, проявления и направленности кадровых рисков. Это обусловлено потребностью в наблюдении за изменениями, которые происходят в органе власти, и в обнаружении у служащих таких качеств, которые создают угрозу кадровой безопасности. Исходя из этого, управление кадровыми рисками в управлении персоналом государственной гражданской службы должно стать одним из приоритетных направлений деятельности кадровых служб органов государственной власти и управления.

Литература

1. Валькович О.Н., Захарова Л.Н. Современные подходы к управлению кадровыми рисками // Экономика устойчивого развития. 2016. №2(26). С. 54-57.

2. Духновский С.В. Кадровая безопасность организации: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 149.

3. Митрофанова А.Е. Социально-экономическое содержание и структура кадровых рисков в организации // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Сайт]. – М.: МГОУ, 2013 – № 2. – URL: http://vestnikmgou.ru/vipuski/2013_2/stati/ekonomika/mitrofanova.html.

4. Казакова Н.Д. Кадровые риски работы с кадровым резервом государственной гражданской службы // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами: Сборник научных статей и тезисов выступлений I Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во Московский технологический университет (МИРЭА), 2016 С.134-144.

5. Дементьева И.Н. Исследование коррупционных рисков в региональных органах государственной власти // Проблемы развития территории. 2012. №7. С.75-85.

6. Кадровая коррупция в системе государственного управления: социологический мониторинг. Монография / Общ. Ред. Магомедов К.О., Пономаренко Б.Т., Сулемов В.А. – М.: Изд-во «Реал Принт», 2015. С.212

I.V. MESHKOVA

Candidate of Sociological Sciences, Department of Public Service and Personnel Policy, Institute of Public Service and Management, RANEPa under the President of the Russian Federation

Personnel risks in the personnel management of the State civil service

The article substantiates the need to study personnel risks in the management of public civil service personnel, taking into account the peculiarities of this social institution and the structure of civil service personnel. The main types of personnel risks at various stages of work with the personnel of the state civil service are considered, personnel corruption is singled out as an independent type of personnel risk.

Keyword: *personnel risk, personnel security, state body, state civil service, state civil service personnel, state civil servants.*

Literature

1. Valkovich O.N., Zakharova L.N. Modern approaches to personnel risk management // Economics of sustainable development. 2016. No.2 (26). Pp.54-57.

2. Dukhnovsky S.V. Personnel security of the organization: textbook and workshop for academic undergraduate. M.: Yurayt Publishing House, 2019. P.149.

3. Mitrofanova A.E. Socio-economic content and structure of personnel risks in the organization // Electronic journal "Bulletin of the Moscow State Regional University" [Website]. – Moscow: Moscow State University, 2013 – No. 2. – URL: http://vestnikmgou.ru/vipuski/2013_2/stati/ekonomika/mitrofanova.html.

4. Kazakova N.D. Personnel risks of working with the personnel reserve of the state civil service // Modern studies of human resources management problems: A collection of scientific articles and abstracts of speeches of the I International Scientific and Practical Conference. Moscow: Publishing House of Moscow Technological University (MIREA), 2016 pp.134-144.

5. Dementieva I.N. Investigation of corruption risks in regional public authorities // Problems of territory development. 2012. No. 7. Pp.75-85.

6. Personnel corruption in the public administration system: sociological monitoring. Monograph / General ed. Magomedov K.O., Ponomarenko B.T., Sulemov V.A. – M.: Publishing house "Real Print", 2015. P.212

Д.Г. ПЕРЕДНЯ

**кандидат социологических наук, доцент, профессор
кафедры теории и методологии государственного
управления Академии управления МВД России**
E-mail: 2975829@mail.ru

Культура разовых поручений в системе управления органов внутренних дел России

В статье с опорой на результаты эмпирического исследования рассматривается отсутствие или недостаточно широкое распространение автоматизма в управлении, как особенность управленческой культуры органов внутренних дел Российской Федерации. Первичные данные получены методом экспертного опроса. Распространенность практик «ручного управления» описывается как признак низкой технологичности управленческого процесса в организации. Исходя из результатов исследования показаны такие проявления управленческой культуры как ситуативность управленческих воздействий, преобладание разовых поручений. Описаны последствия такого положения дел для эффективности функционирования организации.

Ключевые слова: управленческая культура; поручение; организация; органы внутренних дел.

Введение. Теоретическая концепция управленческой культуры в основе которой находится деятельностный подход позволяет видеть этот феномен в той или иной организации как набор преобладающих управленческих практик. При этом современное состояние управленческой культуры описывается не с точки зрения желательности и степени приближенности к каким-то идеалам, а исходя из реальных способов управленческих взаимодействий всех участников управленческого процесса. Обусловленность того или иного положения дел представлено совокупностью факторов. Факторы разноуровневые и неоднолинейные, они динамичны в своем воздействии на структурные компоненты управленческой культуры организации. Их социальная природа со-

звучна современному российскому обществу, объединяющему в себе свойства, характерные как для социальной среды социума того или иного вида, так и для конкретной организации. Обращается внимание на дополнительный документооборот вызванный большим количеством разовых поручений. Несмотря на то, что каждое в отдельности поручение может быть разумно и полезно, все вместе они слабо встроены в систему непротиворечивых, взаимоучитывающих и взаимодополняющих действий.

Используя данные социологического исследования, нам удалось обнаружить некоторые особенности управленческой культуры органов внутренних дел (ОВД). Часть из которых касаются автоматизма в управлении, его технологичности, а также проявлений так называемого «ручного управления».

Цель исследования описать и проанализировать культуру разовых поручений в системе управления органов внутренних дел России.

Методика исследования

Чтобы обеспечить прозрачность процедур исследования кратко опишем методику сбора первичных социологических данных. Управленческую культуру измерить напрямую не представляется возможным, ввиду ее сложности и комплексности. Осуществив интерпретацию понятий исследования, мы получили совокупность индикаторов, отражающих преобладающие способы управления в органах внутренних дел. Для сбора первичных данных использовались различные опросные методики. В ходе исследования нам помогали сориентироваться в преобладающих управленческих практиках, данные полученные с использованием качественных методов сбора эмпирической информации. В частности использовались полужормализованные интервью. В ходе них внимание, в первую очередь обращалось на то, что было прямо или косвенно связано с проблемами управления в подразделениях, где сотрудники проходили службу. Полужормализованные интервью позволили ответить на вопрос как о степени распространенности явления или процесса, так и понять смыслы, мотивы, мотивировки респондентов.

Кроме того, данные для статьи во многом получены путем использования экспертного опроса. При подборе участников исследования рассматривались формальные показатели: должностное, специальное звание, стаж службы, количество подчиненных, направление служебной деятельности. Все

участники экспертного опроса в среднем более 10 лет проходили службу в ОВД в результате чего имели опыт пребывания как в статусе подчиненных, так и в статусе руководителей. Согласование экспертных оценок, уменьшение разброса их мнений осуществлялось с использованием дельфийской методики.

Разрабатывая методику изучения управленческой культуры, важно иметь в виду надындивидуальный характер исследуемого феномена и интерпретировать значения переменных с учетом данного факта. Все вышеописанное позволило нам лучше понять эмпирические данные, полученные с использованием этой методики.

Технологичность управления и культура разовых поручений

В ходе исследования управленческой культуры были обнаружены различные ее проявления, свойства, особенности. Направим фокус нашего внимания на низкую представленность, недостаточную распространенность того что можно назвать автоматизмом в управлении, иногда это также называют технологичностью управленческого процесса. Как показало исследование в системе управления ОВД широко распространены отдельные поручения и указания. В последнее время все чаще этот феномен называют «ручное управление». Для руководителей различных уровней в значительной мере может быть не важно, каковы обязанности конкретного сотрудника в соответствии с его должностью. В рамках повседневных управляющих воздействий принято раздавать дополнительные поручения и указания, а подчиненным не принято от них отказываться.

От обычных правовых норм определяющих порядок выполнения обязанностей по различным должностям, предметное содержание поручений и указаний отличается тем, что в каждом из них определены, во-первых, лицо, дающее поручения и указания, во-вторых, получающие их орган или лицо и, в-третьих, сроки исполнения [4, с. 9]. Генерируя разовые поручения руководитель всегда указывает конкретных исполнителей. Но их круг, имеет тенденцию, почти всегда расширяться. Это происходит прежде всего потому что каждый руководитель перепоручает подготовку решения подчиненным. В результате у многих сотрудников ОВД возрастает нагрузка, так как кроме своей основной работы, которая

предписана должностными инструкциями, они оказываются часто заняты исполнением разовых поручений.

Большие и малые внезапно возникшие проблемы, требующие немедленного решения, различного рода форс-мажорные обстоятельства лишь отчасти объясняют сложившееся положение дел, и все это делает культуру разовых поручений вполне оправданной. В какой-то мере это традиция управленческой культуры современных органов внутренних дел. Выразить ее можно в тезисе, я начальник лишь постольку, поскольку могу давать указания, без которых, как мне кажется, вся деятельность склонна к затуханию, вплоть до полного прекращения. При этом происходит постоянное подтверждение своей нужности, незаменимости, значимости.

Во многом феномен «ручного управления» объясняется слабостью государственных, гражданских и организационных институтов, а также недостатком взаимного доверия. Исследования последних лет показывают, что происходит постепенное снижение доверия граждан к власти на всех уровнях, федеральном, региональном, местном. «Одна из причин низкого доверия населения к власти видится в том, что имеет место явная демонстрация недоверия к собственным гражданам самой власти» [6, с. 375].

Недоверие сотрудникам, недооценка самоорганизационных начал в организации являются нарушением принцип оптимизма при управлении подразделениями органов внутренних дел. В основе этого принципа лежит осознание, что исполнение служебных обязанностей осуществляется исходя из того что любая проблемная ситуация посильна и ее тем или иным способом можно разрешить. Применительно к современной полиции это не всегда так. Управление подчиненными, успех управленческой деятельности существенным образом зависит от набора индивидуальных особенностей начальника. Поддержка, сочувствие, эмпатия, оптимизм, жизнелюбие, энтузиазм, прочувствование внутренних проблем и переживаний подчиненных, их бед и тревог – вот перечень этических средств, которыми руководитель может пользоваться [2, с. 25]. Использовать эти средства, быть носителем указанных чувств затруднительно без взаимного доверия. Которое к тому же угнетается стремлением управленцев постоянно контролировать подчиненный личный состав, и нежеланием делегировать полномочия.

В идеале автоматизм повседневной жизнедеятельности ОВД должен обеспечиваться должностными инструкциями. Исследование обнаружило, что по факту к ней обращаются, например, во время контрольных проверок или когда нужно формальным образом наказать сотрудника. Также можно заметить тенденциозное отношение к исполнителям – руководитель, нередко неравномерно распределяет обязанности. Баланс которых зависит от числа ситуативных управленческих воздействий. Вступает в действие правило «кто везет на том и едут». Наличие неравномерного распределения служебной нагрузки отметили около 80% сотрудников, участников опроса. Неравномерность также обусловлена некомплектностью кадрового состава, который за последние пять лет вырос в два раза [5, с. 364].

В условиях перегрузок, от множества варьирующихся проблем и задач чем больше и продуктивнее работает полицейский – тем больше на него возлагают всевозможных поручений, заданий. Объемами его выполненной работы корят всех прочих сотрудников, не выдающих близких «передовику» результатов. Постоянно растущие перегрузки вместе с тормозящими действиями «трудового коллектива» достаточно быстро приводят усердствующих к осознанию и следованию еще одному выверенному практикой принципу: «делай только то, за неисполнение чего будешь наказан». Последнее правило в среде опытных сотрудников кажется особенно полезным. К тому же всякий современный российский полицейский, скоро убеждается еще в одном неотвратимо работающем принципе всей служебной деятельности: «твои личные проблемы кроме тебя самого никто не будет решать». Это, по мнению экспертов, приводит к весьма деструктивным последствиям.

«Случается, что приказание может быть невыполнимо ни по содержанию, ни по срокам, тогда показная безсоразмерности с возможностями готовность исполнить любое поручение и указание, по своим последствиям, может стать аналогичной неисполнению и даже более пагубной. Большинство поручений в системе ОВД не создает существенных трудностей в исполнении. Основная их часть не выходит за рамки повседневных обязанностей сотрудников. Достаточно просто и формы реализации поручений. Однако, составление планов решения задачи, поставленной в «поручении», необходимость своевременного предоставления докладов и от-

четов об этой работе, забирают время, создают дополнительный документооборот. Кроме того, каждое из всего массива поручений может быть разумно и полезно, но они никак не встроены в систему непротиворечивых, взаимоучитывающих и взаимодополняющих действий» [7, с. 65].

Поручения и указания заметным образом влияют и изменяют баланс взаимных услуг между участниками управленческого процесса. В отличие от правовых актов разовые поручения индивидуальны по постановке задач, по их решению, по конечному ожидаемому результату. Разные управляющие воздействия по ситуации, которые нормативно не закрепленные за подчиненными, постепенно развивают то что можно назвать ситуативным управлением, когда подчиненные начинают действовать только тогда, когда пришла непосредственная команда. Это переориентирует коллективы на пассивный лад, снижает их синергетический потенциал, способность к самоуправлению. Происходит как бы расхолаживание сотрудников с точки зрения ответственности за принятые решения, с другой стороны, создает дополнительную нервозность и конфликтность из-за снижения плановости в работе [1]. Точнее плановость в ОВД очень развита, но содержит в себе значительную долю формализма. «Тайм-менеджмент является одним из наиболее важных стратегических инструментов современного менеджера. Он может помочь повысить эффективность управления как существующей компании, так и компании, которая только что запущена» [8, с. 82]. В нашем случае, большое количество разовых поручений является признаком отражающим недостаточно высокую эффективность управления. Исключения составляют различного рода особые условия, чрезвычайные обстоятельства [3, с. 36], когда такой вариант управления может способствовать повышению эффективности управленческих воздействий.

Управление посредством поручений – важная особенность управленческой культуры современных ОВД. С подобной практикой связана ситуация, когда создается среда, где в случае чего всегда можно найти виноватого. Из таких практик образуется специфическая атмосфера в подразделениях, когда часть сотрудников избегают руководящих функций, другие приспосабливаются к жизни в условиях «двойных стандартов». Но собирают бумажки, если что, то виноватый всегда есть. Например, институт наставничества, ча-

сто выполняет именно эту функцию. Провинился новый сотрудник, вопросы к наставнику, – как вы это допустили? В ответ на такое положение дел формируется готовность личного состава к наказанию, в каком-то смысле сформировано состояние обреченности.

Такое свойство управленческой культуры в целом типично для всей полиции. Органы внутренних дел – это большая организация, внутри которой есть специфика условий и факторов детерминации управленческих процессов, ввиду которых может обнаруживаться определенная вариативность управленческих практик. Например, способы управления в территориальных органах на всех уровнях – районном, региональном, федеральном – будут отличаться от управленческих практик, принятых, например в образовательных организациях системы МВД. При этом ситуативность управления и культура разовых поручений привычна и представлена на всех уровнях.

Заключение

Современное состояние управленческой культуры выражается в специфике участников управленческого процесса и особенностях внутриорганизационных условий. Например, таких как системоцентризм, высокий уровень бюрократизации, относительно высокая текучесть кадров. Анализ полученных данных позволил определить, что в настоящее время в ОВД цепь социальных взаимодействий между подчиненными и управленцами разворачивается в условиях недостаточно широкого автоматизма в управлении что снижает его технологичность. Свидетельством этому служит распространение разовых поручений, которые повышают нагрузку на сотрудников, развивают их пассивность, снижают способность к самоорганизации и самоуправлению. Последнее обстоятельство особенно важно в кризисных условиях. Постепенно у подчиненных вырабатывается установка уступать, соглашаться с любыми заданиями вне всякой связи с влиянием такого положения дел на эффективность функционирования организации. Относительно долго выдерживать такой режим службы способны далеко не все сотрудники, чаще всего те, у кого повышенный уровень терпимости, управляемости и лояльности. Избыточная служебная нагрузка, вне плановая работа вызывают дополнительное напряжение как внутри организации, так и во взаимоотношениях органов правопорядка и

общества. Представляется, что такой паттерн взаимоотношений участников управленческого процесса деструктивен и контрпродуктивен для эффективности ОВД на стратегическом горизонте их развития.

Литература

1. *Вахнина В.В., Мальцева Т.В. и др.* Виды конфликтов и их урегулирование в органах внутренних дел Российской Федерации. М., 2020. 160 с.
2. *Голуб А.А.* Этические и психологические факторы в корпоративной среде // Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология. 2015. № 3. С. 25-30.
3. *Громов М.А.* «Ручное управление» в особых условиях: понятие, характеризующие признаки // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2. С. 36-38.
4. *Лескин В.* Институт поручений в практике государственного «ручного управления» // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 7. С. 8-15.
5. *Лысенко Е.С.* Особенности управления органами внутренних дел в условиях некомплекта кадрового состава // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2020. № 1. С. 364-376.
6. *Немерюк Е.Е., Романовская О.А., Кантемирова Г.А.* Проблемы функционирования государственной службы как социального института в Российской Федерации // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 374-379.
7. *Передня Д.Г.* Управленческая культура в системе органов внутренних дел. М.: ИНФРА-М, 2017. 103 с.
8. *Safonov Y.* Time management and its implementation at production companies // Baltic Journal of Economic Studies. 2017. Vol. 3, № 1. P. 82-87.

D.G. PEREDNYA
Perednya Dmitriy Grigor'evich, PhD in Sociology,
Associate Professor, Professor of the Department
of Theory and Methodology of Public Administration
of the Academy of Management of the Ministry
of the Interior of Russia

The culture of single orders in the governance system of the internal affairs of Russia

Based on the results of an empirical study, the article considers the absence or insufficiently wide distribution of automatism in management as a feature of the managerial culture of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The primary data were obtained by the method of an expert survey. The prevalence of "manual control" practices is described as a sign of low manufacturability of the management process in the organization. Based on the results of the study, such manifestations of managerial culture as the situational nature of managerial influences, the predominance of one-time orders are shown. The consequences of this state of affairs for the effectiveness of the functioning of the organization are described.

Keyword: *management culture, order, organization, internal affairs bodies.*

Literature

1. Vakhnina V.V., Maltseva T.V. et al. Types of conflicts and their settlement in the internal affairs bodies of the Russian Federation. M., 2020. 160 p.
2. Golub A.A. Ethical and psychological factors in the corporate environment // Management and personnel: management psychology, sociotics and sociology. 2015. No. 3. S. 25-30.
3. Gromov M.A. "Manual control" in special conditions: a concept, characterizing features // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2. S. 36-38.
4. Leskin V. Institution of instructions in the practice of state "manual control" // Problems of theory and practice of management. 2013. No. 7. S. 8-15.
5. Lysenko E.S. Features of the management of internal affairs bodies in the conditions of a shortage of personnel // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2020. No. 1. S. 364-376.

6. Nemeryuk E.E., Romanovskaya O.A., Kantemirova G.A. Problems of functioning of the public service as a social institution in the Russian Federation // Izv. Sarat. University New ser. Ser. Sociology. Political science. 2020. Vol. 20, no. 4. S. 374-379.

7. Perednya DG Management culture in the system of internal affairs bodies. M.: INFRA-M, 2017. 103 p.

8. Safonov Y. Time management and its implementation at production companies // Baltic Journal of Economic Studies. 2017. Vol. 3, № 1. P. 82-87.

И.М. ЗИНОВА

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики, психологии
и социальной работы Бирского филиала
Башкирского государственного университета*
E-mail: zinaim75@mail.ru

С.Н. КРАСНОВА

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики, психологии
и социальной работы Бирского филиала
Башкирского государственного университета*
E-mail: krasn_svetlana@mail.ru

К вопросу о конфликтологической компетентности социальных работников

В предлагаемой статье рассматривается проблема конфликтологической компетентности социальных работников, представлен обзор взглядов отечественных ученых по данной проблеме, раскрывается сущность понятия «конфликтологическая компетентность», рассматривается ее структура и компоненты. Представлен авторский взгляд на структуру конфликтологической компетентности социального работника, предлагается модель ее развития в процессе подготовки студентов по направлению «Социальная работа».

Ключевые слова: *конфликтологическая компетентность, структура конфликтологической компетентности, конфликтологическая готовность, модель формирования конфликтологической компетентности социального работника.*

Современное общество характеризуется ростом социальной напряженности и конфликтогенных ситуаций, обострением противоречий на личностном, групповом и социальном уровнях функционирования человека.

В данных условиях все более актуальным становится формирование конфликтологических компетенций у представителей гуманитарных профессий, позволяющих предупреждать и эффективно разрешать конфликтные ситуации в социальном пространстве.

Высокую значимость конфликтологической компетентности специалистов в области социальной работы трудно переоценить, поскольку их профессиональная деятельность непосредственно направлена на оказание содействия людям в повышении способности социального функционирования и максимально возможной успешной интеграции в общество путем эффективного разрешения различного рода проблем, противоречий и конфликтов.

В пространстве социальной работы можно обозначить три сферы, в которых возникают конфликты и необходимость работы с ними, это: трудовой коллектив социальной службы, сфера взаимодействия с клиентами в процессе работы с ними и личное (семейное, профессиональное) пространство получателя социальных услуг.

Таким образом, важнейшим условием успешного профессионального взаимодействия социального работника с различными участниками социального пространства является его конфликтологическая компетентность.

Конфликтологическая компетентность рассматривается как основа становления профессионализма во всех сферах деятельности, как важнейшая составляющая профессиональной и общекультурной компетентности (С.А. Володина, Н.В. Самсонова, Е.В. Трушина и др.).

Понятия «конфликтологическая культура», «конфликтологическая компетентность» рассматриваются в работах С.В. Баныкиной, Г.М. Болтунова, С.А. Володиной, Е.Е. Ефимовой, В.Г. Зазыкина, Д.В. Ивченко, З.З. Дринки, А.М. Митяевой, М.М. Кашапова, Н.В. Куклевой, Н.И. Леонова, Л.А. Петровской, Н.В. Самсоновой, Б.И. Хасана, Л.Н. Цоя, Т.Н. Черняевой, О.И. Щербаковой и др.

Обзор теоретических и прикладных исследований, посвященных проблеме конфликтов в сфере социальной работы и формированию конфликтологической готовности будущих социальных работников, указывает на их явную недостаточность. К таким немногочисленным работам можно отнести работы М.Б. Алпысбаевой, М.В. Вдовиной, Т.П. Востриковой, Е.А. Мироновой, Ж.А. Кармановой, Р.И. Мокшанцева, О.А. Шадеркиной и др.

Остановимся на рассмотрении содержания понятия «конфликтологическая компетентность».

Необходимо отметить, что само понятие «компетентность» в переводе с латинского языка означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. Разработкой данного понятия занимались Г.И. Ибрагимов, И.А. Зимняя, Э.Ф. Зеер, А.К. Маркова, А.М. Новиков, Г.К. Селевко и другие. Резюмирую определения данных авторов, можно заключить, что компетентность – это совокупность знаний, умений и навыков, способов деятельности, качеств личности, а также индивидуально-личностный опыт социально-профессиональной жизни, отражающие готовность и способность к самостоятельной деятельности, решению профессиональных и жизненных задач на высоком уровне успешности.

Что касается понятия «конфликтологическая компетентность», то в настоящее время в литературе нет его единого определения, до конца не определена его структура и составляющие.

Для обозначения способности управлять конфликтными ситуациями исследователи в психологической литературе используют близкие по содержанию понятия: «конфликтная компетентность» (Л.А. Петровская, Б.И. Хасан, М.М. Кашапов и др.) и «конфликтологическая компетентность» (Н.И. Леонов, В.Г. Зазыкин, Б.И. Хасан, Л.Н. Цой и др.).

Понятие «конфликтная компетентность» введено Л.А. Петровской и обозначает компетентность человека в конфликтной ситуации, включающую компетентность в собственном «Я» (Я-компетентность), компетентность в потенциале других участников и ситуационную компетентность [15].

В работах М.М. Кашапова, Б.И. Хасан и П.А. Сергоманова отмечается, что конфликтная компетентность – это неотъемлемая составная часть общей коммуникативной компетентности, служащей основой конфликтологической компетентности, а конфликтологическая компетентность, в свою очередь, предполагает наличие комплекса специальных знаний о конфликте и умений с ним работать [10; 17; 18].

По мнению А.М. Митяевой следует различать понятия «конфликтологическая компетентность личности» и «конфликтологическая компетентность специалиста». Конфликтологическая компетентность личности заключается в стремлении и умении человека предупреждать и разрешать

социальные конфликты, а конфликтологическая компетентность будущего специалиста предполагает усвоение и использование профессионально ориентированных конфликтологических знаний и реализацию профессиональных функций в условиях профессионального конфликта [13].

В современных исследованиях продолжается теоретический анализ и осмысление категории «конфликтологическая компетентность». До сих пор нет однозначного ответа, на то чем является конфликтологическая компетентность: готовностью, способностью, свойством, совокупностью знаний, умений и навыков или качеств личности.

Давая определение конфликтологической компетентности, исследователи включают в него:

- комплекс знаний, умений и навыков эффективного взаимодействия в конфликте (А.А. Кузина, Г.В. Чекмарева);
- умение личности (социальной группы, движения) снизить риск протекания конфликтной ситуации в негативной форме и перевести ее в конструктивное русло (А.Б. Немкова, Л.Р. Камалова, С.В. Романов, Б.И. Хасан, Л.Н. Цой);
- способность осуществлять эффективную коммуникацию в конфликте (Б.И. Хасан, Л.Н. Цой, А.Б. Немкова, Л.Р. Камалова, С.В. Романов);
- владение рядом конфликтологических компетенций в сфере диагностики, прогнозирования, целеполагания, активизации стратегий предотвращения и разрешения конфликта (Г.С. Бережная, А.К. Бисембаева, Н.В. Сиврикова);
- готовность решать конфликтологические задачи и исполнять трудовые обязанности в условиях конфликта в профессиональной деятельности (Д.И. Ивченко, Н.В. Самсонова);
- способность и готовность осуществлять деятельность по профилактике и урегулированию конфликта, при необходимости осуществлять функции медиатора (А.Б. Немкова, Л.Р. Камалова, А.М. Митяева, Р.С. Романов);
- совокупность личностных свойств (качеств) профессионала, определяющих его конфликтологическую готовность и способствующую формированию конфликтологических компетенций и использованию их на практике (В.Г. Макаренко, Е.М. Сгонникова, А.П. Теплоухов, Т.Р. Саралиева, О.В. Щербакова).

Близким к уже рассмотренным нами понятиям является «конфликтологическая готовность» (Т.В. Белова, Г.С. Бережная, А.К. Бисембаева, Г.М. Болтунова, З.З. Дринка,

Н.В. Кузьмина, Б.И. Хасан и др.). Под конфликтологической готовностью понимают: вид профессиональной готовности специалиста выполнять определенные трудовые функции в профессиональной конфликтогенной среде, к решению профессиональных конфликтологических задач (Г.С. Бережная, А.К. Бисембаева, З.З. Дринка, Б.И. Хасан) [2; 3,4; 7; 17]; теоретическую, психологическую и практическую готовность к разрешению конфликтов (Т.В. Белова, Г.М. Болтунова) [5]; комплекс свойств, обеспечивающих личности успешное исполнение профессиональных функций (Н.В. Кузьмина) [12].

Применительно к данному исследованию, конфликтологическая компетентность социального работника рассматривается нами как интегративное образование, включающее в себя конфликтологические знания, умения и свойства личности, определяющие его готовность и способность успешно выполнять трудовые функции, эффективно взаимодействуя со всеми участниками социального пространства в условиях конфликтогенной среды, обеспечивая высокое качество оказания социальных услуг.

При выделении структурных компонентов конфликтологической компетентности также отсутствует единый подход к данной проблеме (А.Я. Анцупов, А.И. Шпилов, О.И. Денисов, А.А.Кузина, Р.И. Мокшанцев, Л.А. Петровская и др.).

Так, А.А. Кузина в структуре конфликтологической компетентности выделяет три компонента:

1) информационно-ценностный (конфликтологические знания, владение базовыми технологиями разрешения конфликта и принятие их значимости для деятельности);

2) интегративно-деятельностный компонент (навыки выстраивания эффективных взаимоотношений с конфликтующими сторонами);

3) мотивационный (мотивация сотрудничества, на ведение переговоров, предрасположенность к эффективному взаимодействию) [11].

А.Я. Анцупов и А.И. Шпилов выделяют блоки конфликтологической готовности – мотивационно-ценностный (конструктивное отношение к конфликтам), когнитивный (понимание природы конфликта) и операционно-исполнительный (навыки неконфликтного общения в трудных ситуациях; умение их оценивать и объяснять; навыки управления конфликтами, умение перевести их в конструктивное русло; умение конструктивно регулировать противоречия и конфликты, устранять их негативные последствия) [1, с.15].

О.И. Денисов в своих работах выделяет шесть компонентов конфликтологической компетентности, позволяющих определить содержание процесса формирования конфликтологической готовности: гностический, проектировочный, регулятивный (конструктивный), коммуникативный, рефлексивно-статусный компонент и нормативный компоненты [6].

Н.А. Соколова, А.К. Бисембаева, опираясь на модель коммуникативной компетентности, предложенную И.М. Зимней, выделили мотивационно-ценностный, когнитивный и операционно-деятельностный (поведенческий) компоненты конфликтологической компетентности [16].

Р.И. Мокшанцев представляет конфликтологическую компетентность социального работника в виде интегративного свойства, в состав которого входят: 1) ценностные и мировоззренческие установки, направленные на гармонизацию отношений, сотрудничество, диалог, толерантность, терпимое отношение к другой точке зрения, к другому мнению, творчество и самообразование; 2) система знаний о конфликте, способах взаимодействия, стратегиях поведения в конфликте и способах их разрешения; 3) способности реализации диалоговых моделей взаимодействия в конфликте для конструктивного разрешения конфликта на основе сотрудничества; 4) умения и навыки взаимодействия в конфликте на основе диалога, сотрудничества, взаимопонимания [14].

Г.С. Бережная, Е.Е. Ефимова, Д.В. Ивченко предлагают трехкомпонентную структуру конфликтологической компетентности: содержательный компонент (система научных знаний о конфликте), деятельностный компонент (необходимые умения и навыки поведения в конфликте, стратегии и технологии разрешения, управления конфликтом), личностный компонент (рефлексия, эмпатия, гибкость поведения, эмоциональная устойчивость, ценностные ориентации и т.д.) [2; 8; 9].

Опираясь на анализ вышеуказанных работ и собственные взгляды на понимание данной проблемы, мы разработали свою структуру конфликтологической компетентности социального работника, включающую пять основных компонентов (см. таблицу 1).

В совокупности данных составляющих, конфликтологическая компетентность обеспечивает конструктивное функционирование профессиональной деятельности и позволяет

выполнять трудовые функции в ситуациях прогнозируемого или реального конфликта с субъектами социального пространства.

Таблица 1

**Структура конфликтологической компетентности
социального работника**

Компонент компетентности	Содержание компонента
<i>Гностический (когнитивный) компонент</i>	Включает в себя совокупность научных знаний в области конфликтологии, психологии, профессионально-этических норм деятельности социального работника. Это знания: – о сущности конфликта, его функциях, причинах, структуре и динамике развития; – о специфике и видах конфликтов, возникающих в пространстве социальной работы; – о методах и способах управления конфликтом, включая его прогнозирование, предупреждение и разрешение; – о психологических особенностях личности, ее состояниях и поведении в конфликтной ситуации; – о возрастных и специфических особенностях психологии различных категорий граждан, являющихся потенциальными получателями социальных услуг; – о нормативных и морально-нравственных регуляторах поведения в ситуации конфликта, о корпоративной и профессиональной этике социального работника.
<i>Ценностно-мотивационный</i>	Включает в себя ценностные и мотивационные установки: – на восприятие конструктивных функций конфликта, позволяющих обнаружить проблемы и противоречия, лежащие в его основе, и, следовательно, разрешить их; – на гармонизацию отношений с людьми, стремление к сотрудничеству и диалогу, толерантное и терпимое отношение к другим точкам зрения;

Компонент компетентности	Содержание компонента
	– на осознанное восприятие и понимание личности партнера (оппонента), эмпатическое и уважительное отношение к ней, стремление к безусловному и безоценочному принятию; – на использование эффективных методов и стратегий разрешения конфликта исходя из конкретной ситуации; – на соблюдение профессионально-этических норм в конфликтных ситуациях; – на постоянное повышение своей конфликтологической компетентности, стремление к саморазвитию и самообразованию.
<i>Проектировочно-прогностический компонент</i>	Содержит прогностические и проектировочные умения и навыки: – умение прогнозировать возможности возникновения конфликта с целью его предотвращения на стадии возникающих противоречий; – умение осуществлять оптимальный выбор конфликтной стратегии на основе анализа конфликтной ситуации и психологических особенностей оппонентов; – навыки проектирования деятельности по управлению конфликтом, подбор наиболее эффективных форм, методов и средств управления; – навыки моделирования бесконфликтного поведения в проблемных, противоречивых ситуациях; – умение предвосхищать действия оппонентов, их поведение, используемые ими методы и стратегии конфликтного противоборства.
<i>Операционно-деятельностный (поведенческий)</i>	Включает в себя владение навыками, умениями и способностями: – применения различных методов и технологий управления конфликтами (диагностики, профилактики и разрешения конфликтов); – организации и проведения переговоров, посредничества, медиации; – выстраивания гуманистических взаимоотношений с партнером общения на основе

Компонент компетентности	Содержание компонента
	эмпатии, толерантности, доброжелательного и уважительного отношения к нему; – эффективной коммуникации в конфликтной ситуации, включая навыки рефлексивного и нерефлексивного слушания, умения в ясной, точной и корректной форме выражать свое мнение, точку зрения, позицию и др.; – наблюдения и оценивания личностных особенностей, эмоциональных состояний и поведения участников конфликта; – выбора эффективных стратегий поведения в конфликтных ситуациях, учитывая индивидуально-психологические особенности и психические состояния оппонентов; – управления собственными эмоциональными состояниями (гневом, обидой); – оказания влияния на оппонента, противоборствующие стороны (на их отношения, цели, мотивы конфликтного поведения, мотивирования на конструктивное разрешение конфликта); – соблюдения профессионально-этических норм в конфликтных ситуациях.
<i>Рефлексивно-оценочный компонент</i>	Включает в себя умения и способности рефлексивной культуры: – умения осуществлять самоанализ и самооценку своих знаний, умений и качеств личности с точки зрения конфликтологической компетентности; – мониторинг собственного поведения, проявления эмоциональных реакций в той или иной ситуации общения; – способность организовывать процесс самопознания и оценку своего профессионального развития.

В нашей стране накоплен достаточно богатый научный и методический опыт по формированию конфликтологической компетентности будущего профессионала в высшем учебном заведении.

Формированию конфликтологической культуры в рамках вузовского обучения посвящены работы Д.Ф. Ильясова,

А.М. Митяевой, А.И. Кротова, Н.В. Самсоновой, А.М. Татаринцевой, Т.Н. Черняевой, О.И. Щербаковой, Н.У. Ярычева и других. Разрабатываются различные модели и технологии формирования конфликтологической компетентности у будущих педагогов, преподавателей (М.Б. Алпысбаева, В.В. Базелюк, Г.С. Бережная, Е.С. Борисова, Е.Е. Ефимова, О.И. Иванова, Н.В. Куклева, А.М. Митяева, И.В. Никулина, Н.В. Соловова, А.С. Короткова, С.И. Назарова, Т.Л. Шабанова, М.Г. Шебалкина); педагогов-психологов (А.К. Бисембаева, Н.Ф. Петрова, Е.А. Шерешкова, М.Г. Ошнурова); руководителей (О.И. Денисов, О.Ю. Калмыкова, Г.П. Гагаринская); специалистов таможенных служб (Д.В. Ивченко); офицеров (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов) и специалистов других профилей. Определяются педагогические условия подготовки студентов к решению конфликтологических задач, методы и технологии конфликтологического обучения (Т.А. Баранова, Т.Б. Беляева, Г.М. Болтунова, Н.Н. Васильев, З.З. Дринка, М.М. Главацких, Д.В. Горелова, Н.В. Гришина, Н.А. Гурьева, С.М. Емельянов, Н.И. Леонов, О.Н. Лукашенок, Л.А. Максимова, М.И. Реутов, И.С. Пилипец, А.П. Теплоухов, Е.П. Хорошилова и др.).

Однако отмечается явный дефицит работ, посвященных проблеме профессиональной подготовки социальных работников, в рамках интересующего нас вопроса. Образовательные программы вуза недостаточно ориентированы на подготовку будущих социальных работников к деятельности по диагностике, профилактике и разрешению конфликтов, отмечается недостаток технологического и методического обеспечения этого процесса.

Мы считаем, что являясь компонентом профессиональной компетентности социальных работников, конфликтологическая компетентность, должна формироваться одновременно с приобретением специальной подготовки в системе высшего профессионального образования.

В рамках подготовки студентов по направлению «Социальная работа» в Бирском филиале Башкирского государственного университета разработана модель формирования конфликтологической компетентности в процессе реализации образовательной программы вуза, осуществляемая во взаимосвязи учебного и воспитательного процессов.

Данная модель реализуется как в процессе учебных занятий (лекции, практические занятия, самостоятельная работа студента, учебные и производственные практики), так и

во внеучебной деятельности (воспитательные мероприятия, кураторские часы, тренинги адаптации для первокурсников, участие в проектах, волонтерстве, научно-практических конференциях и др.).

Структурно-динамическими блоками предлагаемой модели являются диагностический блок (первичная диагностика уровня сформированности конфликтологической компетентности и личностных особенностей студентов), содержательный блок (формирование основных составляющих конфликтологической компетентности) и оценочный блок (повторная диагностика уровня сформированности конфликтологической компетентности и сопоставление с результатами первичной диагностики).

Для первичной и повторной диагностики используются психодиагностические методики, выявляющие уровень сформированности когнитивного, поведенческого и личностного компонентов конфликтологической компетентности у будущих социальных работников в процессе профессиональной подготовки в вузе. Для диагностики когнитивного компонента можно использовать методики: «Тест на самооценку компетентности и готовности к ведению спора, переговоров, разрешению конфликта» (В.А. Андреев), «Опросник для определения уровней конфликтологической культуры студента» (И.С. Почекаева), «Диагностика уровня конфликтологической культуры» (О.И. Щербакова). Для изучения личностно-мотивационного компонента используют методики: «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев), «Самооценка конфликтности» (В.А. Розанова), тест «Самооценка конфликтности» (В.Ф. Ряховский). Поведенческий компонент можно исследовать с помощью опросников «Стиль поведения в конфликте» (Т. Килманн), «Методика диагностики ведущего типа реагирования в конфликте» (М.М. Кашапов).

Процесс формирования конфликтологической компетентности социального работника включает в себя комплексное формирование ее основных компонентов (см. таблицу 1) в течение всего обучения в вузе.

Формирование гностического (когнитивного) компонента предусматривает получение студентами научных знаний в области конфликтологии, психологии, профессионально-этических норм деятельности социального работника. Такие знания студенты, прежде всего, приобретают в процессе изучения дисциплин «Конфликтология в социальной работе», «Психология социальной работы», «Введение в социальную работу»;

осуществления научно-исследовательской деятельности (написание курсовых работ, статей, тезисов, проектов по конфликтологии); получения информации на тренингах «Управление конфликтами». Используемые методы обучения: разные виды лекций, беседа, дискуссия, изучение литературы, организация и проведения круглого стола или мини-конференции на тему «Конфликты в деятельности социального работника, их регулирование и предупреждение» и др.

Формированию ценностно-мотивационных установок конфликтологической компетентности у будущих социальных работников способствуют такие методы обучения, как убеждение, беседа, дискуссия, пример, игровые методы, дебаты, тренинг и другие. Большую роль играет пример преподавателя, мотивирующего студентов к повышению своей конфликтологической компетентности и саморазвитию.

Проектировочно-прогностические, операционно-деятельностные (поведенческие) и рефлексивно-оценочные навыки и умения представляют практическую основу конфликтологической компетентности. Для их формирования широко используются интерактивные методы обучения: наблюдение и самонаблюдение, диагностика и самодиагностика, метод картографии (составление карты конфликта), решение конфликтологических кейс-заданий, ситуационных задач и проблемных ситуаций, дебаты и дискуссии, освещающие проблемы конфликта, разработка проектов по диагностике, профилактике и разрешению конфликтов и др. Тренировке навыков эффективного поведения в конфликтной ситуации способствуют игровые методы – ролевые и деловые игры (например, «Медиация», «Переговоры»), упражнения, элементы тренинга общения, личностного роста, сензитивности, поведенческое (имитационное) моделирование и др.

В рамках кураторских часов со студентами 1 и 2 курсов проводятся занятия с использованием методов социально-активного обучения: «Тренинг социальной адаптации», «Коммуникативный тренинг», «Личностный рост», «Навыки саморегуляции» и «Управление конфликтами».

Формирование рефлексивно-оценочного компонента предполагает обучение студентов мониторингу собственного поведения, эмоциональных реакций в той или иной ситуации общения, повышение уровня рефлексивной культуры. Этому способствует использование приемов рефлексии, самонаблюдения и самодиагностики в аудиторной и самостоятельной работе, на тренинговых занятиях, активное

освещение и обсуждение вопросов, связанных с профессиональным саморазвитием социального работника.

Таким образом, мы считаем, что в процессе профессиональной подготовки студентов по направлению «Социальная работа» необходимо уделить внимание теоретической и практической подготовки их в сфере конфликтологической компетентности. Социальный работник должен овладеть системой знаний, умений и навыков в области конфликтологии, необходимых для решения задач общественного, личного и профессионального развития, профилактики и разрешения конфликтов в социальной сфере с использованием наиболее эффективных методов и технологий, путем мобилизации собственных сил, психических и социальных ресурсов.

На наш взгляд, конфликтологическая компетентность социального работника – это системное, многокомпонентное образование, включающее в себя конфликтологические знания, ценностно-мотивационные установки личности, проективно-прогностические умения, владение методами, технологиями предупреждения и управления конфликтами, навыки эффективной коммуникации и саморегуляции поведения, конфликтогенные свойства личности и рефлексивно-оценочные умения. Формирование конфликтологической компетентности в совокупности выделенных компонентов в процессе вузовского обучения будет способствовать повышению качества подготовки социального работника к профессиональной деятельности в современном обществе.

Предложенная нами модель формирования конфликтологической компетентности будущих социальных работников в процессе профессиональной подготовки позволяет достичь положительных результатов и может служить методической основой при подготовке студентов данного направления.

Литература

1. Анцупов А.Я. Конфликтология: Учебник для вузов – 3-е изд. / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – СПб.: Питер, 2008. – 496 с.
2. Бережная Г.С. Формирование конфликтологической компетентности педагогов общеобразовательной школы: Дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – Калининград, 2009. – 341 с.
3. Бисембаева А.К. Структурно-функциональная модель формирования конфликтологической готовности будущих педагогов-психологов // Педагогическое образование в России. Народное образование. Педагогика. – 2017. – № 3. – С. 84–89.
4. Бисембаева А.К. Формирование конфликтологической компетентности будущих педагогов-психологов / А. К. Бисембаева, Н.

В. Сиврикова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 147-154.

5. Болтунова Г.М., Белова Т.В. Формирование готовности студентов-бакалавров к разрешению конфликтов в образовательном процессе дошкольного образовательного учреждения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 2(2). – С. 203-213.

6. Денисов О.И. Развитие конфликтологической компетентности руководителей: Дисс. ... канд. психол. Наук. – М., 2001. – 168 с.

7. Дринка З.З. Дидактические условия подготовки студентов к решению профессиональных конфликтологических задач: Автореф. Дисс. ... канд. пед. наук. – Калининград, 2000. – 25 с.

8. Ефимова Е.Е. Формирование конфликтной компетентности будущего учителя: Автореф. Дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2001. – 23 с.

9. Ивченко Д.В. Формирование конфликтологической компетентности специалиста таможенной службы: Автореф. Дисс. ... канд. пед. наук. – Калининград, 2000. – 26 с.

10. Кашапов М.М. Психология конфликтной компетентности: Учеб. Пособие / М. М. Кашапов, М. В. Башкин; Яросл. // Гос. Ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 130 с.

11. Кузина А.А. Воспитание конфликтологической компетентности старшеклассников: Автореф. Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2007. 21 с.

12. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М.: Высшая школа, 1990. – 119 с.

13. Митяева А.М. Конфликтологическая компетентность будущего специалиста как предмет научного исследования. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2. – С. 273-280.

14. Мокшанцев Р.И. Конфликтология в социальной работе. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009. – 314 с.

15. Петровская Л.А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 41-45.

16. Соколова Н.А. Формирование конфликтологической готовности будущих педагогов-психологов / Н.А. Соколова, А.К. Бисембаева. – Челябинск: Южно-Уральский центр РАО, 2021. – 185 с.

17. Хасан Б.И. Конфликтная компетентность – атрибутивный эффект развивающего обучения // Педагогика развития: «Проблемы современного детства и задачи школы». Материалы 3-й научно-практической конференции. Красноярск, 1996. – Ч.1. – С. 42-47.

18. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Психология конфликта и переговоры: Учеб. Пособие. – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 192 с.

I.M. ZINOVA

***Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Psychology and Social
Work of the Birsk Branch of the Bashkir State University***

S.N. KRASNOVA

***Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of
the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work
of the Birsk Branch of the Bashkir State University***

On the question of conflictological competence of social workers

The proposed article deals with the problem of conflictological competence of social workers, provides an overview of the views of domestic scientists on this issue, reveals the essence of the concept of "conflictological competence", examines its structure and components. The author's view on the structure of the conflictological competence of a social worker is presented, a model of its development in the process of preparing students in the direction of "Social work" is proposed.

Keyword: conflictological competence, structure of conflictological competence, conflictological readiness, model of formation of conflictological competence of a social worker.

Literature

1. Antsupov A.Y., Shipilov A.I. Conflictology: textbook for universities – third edition. – SPb: Peter, 2008. – 496 s.
2. Berezhnaya G.S. Formirovanie konfliktologicheskoi 102ussian102e102 of teachers in general education school: dissertation ... D. in pedagogical sciences: 13.00.08. – Kaliningrad, 2009. – 341 s.
3. Bisembaeva A.K. Structural and functional model of formation of conflictological readiness of future teachers-psychologists // Pedagogical Education in Russia. Public education. Pedagogy. – 2017. – № 3. – S. 84-89.
4. Bisembaeva A.K. The formation of conflictological competence of future teachers-psychologists / A. K. Bisembaeva, N. V. Sivrikova // Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. – 2018. – № 4. – S. 147-154.
5. Boltunova G.M., Belova T.V. The formation of undergraduate students' readiness to resolve conflicts in the educational process of preschool educational institution // Bulletin of Tyumen State University. Humanities Studies. Numanitates. 2015. Vol. 1. № 2(2). S. 203-213.
6. Denisov O.I. Development of Conflictological Competence of Leaders: Ph. Cand. Of Philosophy / O.I. Denisov. – M., 2001. – 168 s.

7. Drinka Z.Z. Didactic conditions of students' training to solve professional conflictological problems: Dissertation. ... candidate of pedagogical sciences. – Kaliningrad, 2000. – 25 s.
8. Efimova E.E. The formation of conflict competence of the future teacher: Ph. ... candidate of pedagogical sciences. – Volgograd, 2001. – 23 s.
9. Ivchenko D.V. Formation of conflictological competence of a customs service specialist: autoref. Diss. Candidate of pedagogical sciences. / D. V. Ivchenko. – Kaliningrad, 2000. – 26 s.
10. Kashapov M.M. Psychology of conflict competence: textbook / M. M. Kashapov, M. V. Bashkin; Yaroslavl State University. P. G. Demidov. – Yaroslavl: Yaroslavl State University. 2010. – 130 s.
11. Kuzina A.A. Education of Conflict Competence of High School Students: Cand. Candidate of Pedagogical Sciences.- M., 2007. – 21 s.
12. Kuzmina N.V. Professionalism of the personality of a teacher and master of apprenticeship. – M.: The Higher School, 1990. – 119 s.
13. Mityaeva A.M. Conflictological competence of future specialist as a subject of scientific research // Scientific notes of Oryol State University. Ser.: Humanities and social sciences. 2012. № 2. – S. 273-280.
14. Mokshantsev R.I. Conflictology in social work. – Rostov n/D.: Phoenix, 2009. – 314 s.
15. Petrovskaya L.A. On the nature of conflict competence // Bulletin of Moscow State University. Series 14. Psychology. – 1997. – № 4. – S. 41- 45.
16. Sokolova N.A., Bisembaeva A.K. Formirovanie konfliktologicheskoi pochoditelstva budushchikh-psihologov. – Chelyabinsk: South-Ural Center of RAO, 2021. – 185 s.
17. Khasan B.I. Conflict Competence – Attributive Effect of Developmental Learning // Pedagogy of Development: "Problems of Modern Childhood and the Tasks of the School". Materials of the 3rd scientific-practical conference. Krasnoyarsk, 1996. – P. 1. – S. 42-47.
18. Khasan B.I., Sergomanov P.A. Psychology of conflict and negotiation: textbook. – 4th ed. – M.: Academy, 2008. – 192 s.

Л.К. ХАМИДУЛЛИНА
кандидат педагогических наук, доцент
Бирского филиала БашГУ
E-mail: ilnur_0@mail.ru

С.А. БРОННИКОВ
кандидат педагогических наук, профессор
Бирского филиала БашГУ
E-mail: bronbir@rambler.ru

Управление процессом формирования профессиональных компетенций исследовательской деятельности у будущих педагогов

В статье рассматривается проблема подготовки педагога к руководству исследовательской деятельностью обучающихся. Рассматриваются требования к исследовательской компетентности педагога, сформулированные в профессиональном стандарте. Представлена система подготовки педагога к руководству проектно-исследовательской деятельностью обучающихся в процессе реализации основной профессиональной программы. Выделяется изучение учебной дисциплины по выбору как ключевое условие для развития исследовательских компетенций будущих педагогов.

Ключевые слова: *подготовка педагога-исследователя, профессиональный стандарт, руководство проектно-исследовательской деятельностью обучающихся, учебная дисциплина по выбору.*

На современном этапе развития отечественной системы общего образования необходимость осуществления учителями целенаправленной исследовательской деятельности актуализировалась как никогда ранее. Отражена эта позиция в Национальной доктрине образования Российской Федерации, где в качестве концептуальной заложена идея участия

педагогических работников в научной исследовательской деятельности, интеграции научных исследований с образовательным процессом [3]. Необходимость формирования и развития исследовательских умений школьников заложена в принятых федеральных государственных образовательных стандартах общего образования. В профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» определены такие основные требования к исследовательской компетентности педагога как «владеть формами и методами обучения, в том числе выходящими за рамки учебных занятий: проектная деятельность, лабораторные эксперименты и т.п. Организовывать различные виды внеурочной деятельности: учебно-исследовательскую и другие. Организация публичных выступлений обучающихся, поощрение их участия в дебатах на школьных конференциях и других форумах, включая интернет-форумы и интернет-конференции [5].

В современной общеобразовательной организации востребован педагог, обладающий исследовательской компетентностью. Под исследовательской компетентностью педагогов-практиков мы понимаем интегративное профессионально значимое качество, характеризующее их готовность и способность к организации педагогического исследования в целях совершенствования педагогического процесса, а также способность организовать учебную исследовательскую деятельность школьников. Модернизация учебного процесса в школе невозможна без внедрения проектных и исследовательских технологий обучения, на что указывают ФГОС общего образования. Повышение уровня профессиональной квалификации и получение высшей категории также требует от современного педагога исследовательской компетентности: умения организовать педагогический эксперимент и обобщить его результаты в публикации.

Идея обеспечения более тесной связи между научными исследованиями, преподаванием и обучением на всех уровнях прослеживается в ФГОС высшего образования. На уровне бакалавриата в нём предусматривается в числе профессиональных компетенций способность руководить учебно-исследовательской деятельностью обучающихся (ПК-12) [7]. На магистерском уровне эта деятельность значительно усложняется. Система высшего педагогического об-

разования решает задачу подготовки педагогов новой формации, обладающих необходимыми исследовательскими и проектными компетенциями, четырьмя путями:

1) усиление внимания к вопросам психологии исследовательского поведения, исследовательского и проектного обучения при изучении базовых предметов (психология, педагогика, методика преподавания учебных предметов);

2) включение в учебные планы специальных курсов, непосредственно связанных с психологией исследовательского поведения, исследовательским и проектным обучением школьников;

3) включение будущих педагогов в самостоятельную исследовательскую работу (курсовые и выпускные квалификационные работы);

4) организация учебно-исследовательской практики студентов [2;6].

Для педагога-практика наибольшее значение имеют умение самостоятельно организовать педагогическое исследование в целях совершенствования педагогического процесса и организовать исследовательскую деятельность школьников. Возросшая потребность в педагоге-практике как педагоге-исследователе обнажила серьёзные просчеты в системе его профессиональной подготовки.

По мнению М.М. Поташника «требование ФГОС обучать проектированию и исследованию пронизывает собой все ступени школьного образования, и как быть, если сам учитель никогда в своей жизни всерьез (не на уровне обыденного, житейского здравого смысла, а методически и технологически!) не проектировал и не исследовал» [4]. У педагогов не только с большим стажем работы, но и у молодых учителей нередко возникают затруднения в организации своей исследовательской деятельности и учебно-исследовательской деятельности школьников. Становится всё более очевидным, что учителю, не имеющему опыта организации собственной исследовательской деятельности в процессе профессионального обучения, трудно организовать её с детьми. Он плохо представляет её задачи, развивающие возможности, логику и методы выполнения исследовательских заданий и обобщения полученных данных.

В настоящее время в организации учебного процесса в педагогических вузах ещё недостаточно утвердилась идея «исследовательского высшего образования», реализация

которой требует максимального насыщения учебной деятельности студента элементами исследовательской деятельности [4]. Без систематической организации специальных исследовательских заданий для будущих педагогов в процессе их обучения все разговоры о формировании их методологической культуры и исследовательской компетентности останутся лишь благими пожеланиями. Преподаватели всех учебных дисциплин в вузе должны работать над решением этой задачи, в том числе и преподаватели педагогических дисциплин. В ходе изучения педагогических дисциплин необходимо постоянно включать элементы исследовательской деятельности и исследовательские проекты как комплексные исследовательские задания. Безусловно, наибольшие возможности для этого предоставляют магистерские образовательные программы. Однако, по нашему мнению, в настоящее время явно недооцениваются возможности учебного процесса для формирования исследовательской компетентности студентов уже на первом этапе их обучения, на уровне бакалавриата. Базовый курс педагогики начинает изучаться на младшем курсе и нередко опережает курс философии, где студенты усваивают некоторые методологические понятия. Безусловно, студентам – вчерашним школьникам довольно сложно усвоить понятие о методологии педагогики и овладеть методами педагогического исследования. Тем не менее, наш опыт организации педагогических исследовательских проектов в изучении педагогических дисциплин убеждает в возможности их применения в целях формирования исследовательской компетентности будущих педагогов уже на уровне бакалавриата. В содержании дисциплины была несколько расширена тема «Педагогика как наука». В течение лекций были даны знания о методологии педагогического исследования, методах теоретического и эмпирического уровня, требованиях к их применению, методах педагогической диагностики как упрощенных модификациях методов научного педагогического исследования. К практическому занятию студенты получили задание выполнить исследовательский проект, предполагающий апробацию одного метода исследования. Перед студентами ставилась задача апробировать метод исследования в соответствии с поставленной целью, обработать полученные данные, сформулировать обобщающие выводы и подготовить презентацию проекта.

Таким образом, в содержание заданий закладывалась задача овладения методами исследования, которые понадобятся им в будущей педагогической деятельности. Каждый проект оформлялся как научный доклад и проходил общественную презентацию на занятии. В сообщении докладчик обосновывал цель исследования, выбор методов исследования, иногда и предварительную, рабочую гипотезу, анализировал полученные результаты, формулировал собственные выводы, а в некоторых случаях и педагогические рекомендации.

Однако особые условия для развития исследовательских компетенций студентов создаются в процессе изучения учебных дисциплин по выбору. Так, на факультете филологии и межкультурных коммуникаций будущим учителям предлагается курс «Подготовка филологов к исследовательской деятельности в школе». В процессе освоения дисциплины у студентов-бакалавров формируются следующие компетенции, предусмотренные ФГОС ВО по направлению 44.03.01 Педагогическое образование: готов использовать систематизированные теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в части образования (ПК-11); способен руководить учебно-исследовательской деятельностью обучающихся, использовать методы научного исследования (ПК-12) [7]. Основное назначение учебной дисциплины по выбору – формирование умений работать с различными видами научной литературы; знакомство с особенностями различных видов студенческих научно-исследовательских работ и рекомендациями по их выполнению. Знакомство студентов с основными видами научной литературы проходит на примере демонстрации реальных продуктов научной деятельности ученых университета. Например, при изучении темы «Виды научных трудов» дается общий обзор монографий ученых университета и сборников научных трудов, опубликованных в вузе; краткий обзор диссертаций; презентация научных журналов. Особое внимание уделяется требованиям, предъявляемым к оформлению списков использованной литературы. Учебной программой курса предусмотрены часы на самостоятельную работу студента. Считаем целесообразным в качестве заданий для самостоятельной работы студентов предложить подготовку рефератов, тезисов (конспектов, цитат, тезаурусов) отдельных глав монографий и статей, подготовленных

преподавателями вуза. Это, на наш взгляд, позволяет, с одной стороны, применить полученные на лекциях знания на практике и сформировать умения работы с текстами, с другой, расширить представления студентов о научной деятельности вуза, сфере научных интересов преподавателей. На старших курсах студенты сталкиваются с учебной задачей подготовить и защитить выпускную квалификационную работу. Здесь важно систематизировать уже имеющиеся у них знания и умения организации и осуществления исследовательской работы. Эту работу также наиболее системно и последовательно можно осуществить в рамках курса по выбору. Содержание курса включает следующие разделы: «Логика выполнения ВКР по педагогике», «Научный аппарат педагогического исследования», «Методологические основы педагогического исследования», «Основные виды и содержание ВКР», «Языковая и стилистическая культура работы». Изучение данных разделов, на наш взгляд, обеспечивает овладение студентами умениями постановки цели и задач исследования; формулирования научного аппарата; выбора методов исследования; обработки полученных результатов, анализа и интерпретации их с учетом выбранных методологических оснований исследования; представления итогов исследования в виде отчетов, статей, докладов; публичной защиты исследования. Зачётной работой по нашему курсу является защита исследовательского проекта, «исследование какой-либо проблемы по всем правилам научного исследования» [1].

Однако, как показывает собственный опыт, научно-исследовательская работа привлекает лишь самых заинтересованных и одарённых студентов в рамках студенческого научного кружка по педагогике [10]. Одной из актуальных тем исследовательских работ студентов является гражданско-патриотическое воспитание и под нашим руководством они выполняли следующие исследовательские работы: «Гражданско-патриотическое воспитание современных школьников» (2016 г.); «Ценностное отношение к Отечеству как личностный результат обучения истории» (2017 г.); «Решение актуальных проблем патриотического воспитания учащихся во внеурочной деятельности средствами музея в рамках федеральных государственных образовательных стандартов общего образования» (2018 г.); «Доминирующая роль учителя в гражданско-патриотическом воспитании школьников в современных условиях становления сильной, устремлённой в

будущее России» (2018 г.), где «особое внимание уделяется примеру самого учителя, его мировоззрению и патриотизму» [9]; «Роль учителя в гражданско-патриотическом воспитании учащихся на уроках иностранного языка» (2018 г.); «Гражданско-патриотическое воспитание детей в детском оздоровительном лагере» (2018 г.); «Проектно-исследовательская деятельность как средство духовно-нравственного воспитания и развития учащихся на уроках иностранного языка» (2019 г.); «Организация внеурочной воспитательной работы в школе» (2019 г.). Студенты в 2020 г. Году участвовали в III Международном конкурсе обучающихся и педагогов профессиональных учебных заведений (Professional stars – 2019-2020 (5 сессия сезона) по направлению «педагогические науки» в номинации «научные работы, подтверждающие результаты исследовательской деятельности» с формой конкурсной работы научная статья и были награждены дипломом за первое место. Члены студенческого научного кружка по педагогике приняли участие в Международном конкурсе учебных и научных работ студентов, II Международном конкурсе университетских групп, получили первое место за конкурсную работу «Отечественные педагогические традиции и современный опыт взаимодействия школы и семьи по духовно-нравственному воспитанию личности гражданина России», стали обладателями стипендий Главы Республики Башкортостан в 2020/21 учебном году.

Опыт научно-исследовательской деятельности необходим студенту для осознания собственной значимости в общем деле, возможности показать результаты своей исследовательской деятельности и открыть перспективы личного и профессионального роста. Нельзя не сказать о встречах с представителями науки и практики, о работе с новинками литературы, участии в конкурсах методических разработок. Таким образом, усваивалась общая логика педагогического исследования, которая будет востребована в работе над дипломным проектом. По нашим наблюдениям, выполнение таких исследовательских проектов доступно студентам первого курса, оно вызывает интерес, позволяет сформировать первые навыки организации исследовательской деятельности, повысить мотивацию к изучению педагогики как науки и учебной дисциплины. В заключение следует отметить, что в моделировании и реализации вариантов заданий необходимо соблюдать ряд условий, обеспечивающих их эффективность:

1) организация подготовительного этапа, где студенты усваивают базовые теоретические знания о логике и методах научного педагогического исследования;

2) соблюдение в ходе выполнения проекта в общих чертах логики научного исследования;

3) самостоятельное оформление результатов исследовательского проекта, формулировка обобщающих выводов и их публичная презентация;

4) систематическое применение исследовательских педагогических проектов в процессе обучения.

Особые условия для развития исследовательских компетенций студентов создаются в процессе изучения магистерских образовательных программ [8]. Так, на социально-гуманитарном факультете по направлению 44.04.01 Педагогическое образование будущие педагоги изучают учебную дисциплину «Управление научно-исследовательской деятельностью в образовательной организации». В процессе освоения дисциплины у студентов формируются следующая профессиональная компетенция ПК-2. Способен вести совместно с другими участниками образовательных отношений научно-исследовательскую деятельность, анализировать её результаты и применять их при решении профессиональных задач.

Таким образом, участие будущих педагогов в научно-исследовательской деятельности способствует воспитанию творческого отношения к профессии учителя, формированию необходимых для профессиональной деятельности компетенций, становлению педагога-исследователя, способного решать актуальные задачи современности.

Литература

1. Коджаспирова Г.М. Педагогика в схемах и таблицах: Учебное пособие.-2-е изд., перераб. И доп. – М.:Проспект, 2016. – С. 116.

2. Львова А.С. Подготовка студентов к руководству исследовательской и проектной деятельностью младших школьников / А.С. Львова, О.А. Любченко, А.И. Савенков // Педагогика. – 2017. – № 1. – С. 83-88.

3. Национальная доктрина образования Российской Федерации/ Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. N 751.

4. Поташник М.М., Левит М.В. Как помочь учителю в освоении ФГОС. – М.: Педагогическое общество России, 2014.

5. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» / Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н.

6. Савенков А.И. Педагогика. Исследовательский подход. В 2 Ч., часть 1: Учебник и практикум. – 2-е изд., испр. И доп. – М. : Издательство Юрайт, 2020.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 44.03.01 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») от 11 января 2016г.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. №126, зарегистрировано в Минюсте РФ 15 марта 2018 г., № 50361).

9. Хамидуллина Л.К. Доминирующая роль учителя в гражданско-патриотическом воспитании школьников в современных условиях становления сильной, устремлённой в будущее России / Л.К. Хамидуллина, В.С. Будилова // Актуальные проблемы гражданско-патриотического воспитания молодежи, г. Бирск, Бирский филиал БашГУ, 18–20 октября 2018 года. – г. Бирск, Бирский филиал БашГУ: Бирск: ООО «Диапазон», 2018. – С. 108-113.

10. Хамидуллина Л.К. Подготовка будущего учителя к руководству проектно-исследовательской деятельностью учащихся в условиях реализации профессионального стандарта педагога / Л.К. Хамидуллина, С.А. Бронников // Доклады Башкирского университета. – 2019. – Т. 4. – № 1. – С. 132-138.

L.K. HAMIDULLINA
*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Birsk Branch of BashSU*

S.A. BRONNIKOV
*Candidate of Pedagogical Sciences, Professor
of the Birsk Branch of BashSU*

Management of the process of formation of professional competences of research activity in future teachers

The article deals with the problem of preparing a teacher to manage the research activities of students. The requirements for the research competence of the teacher, formulated in the professional standard, are considered. The system of preparation of a teacher for the management of design and research activities of students in the process of implementing the main professional program is presented. The study of an educational discipline of choice is singled out as a key condition for the development of research competencies of future teachers.

Keyword: *teacher-researcher training, professional standard, management of students' design and research activities, elective discipline.*

Literature

1. Kodzhaspirova G.M. Pedagogy in schemes and tables: textbook.- 2nd ed., revised. And additional – M.: Prospekt, 2016.-S. 116.
2. Lvova A.S., Lyubchenko O.A., Savenkov A.I. Preparation of students for the management of research and project activities of junior schoolchildren // Pedagogy. – 2017. – No. 1. – P. 83-88
3. National Doctrine of Education of the Russian Federation / Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2000 N 751.
4. Potashnik M.M., Levit M.V. How to help the teacher in mastering the GEF. – M.: Pedagogical Society of Russia, 2014.
5. Professional standard "Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)" / Order of the Ministry of Labor of Russia dated 10/18/2013 N 544n.
6. Savenkov A.I. Pedagogy. Research approach in 2 Part 1: Textbook and workshop. – 2nd ed., Rev. and additional – M.: Yurayt Publishing House, 2020.

7. Federal state educational standard of higher education 44.03.01 Pedagogical education (qualification (degree) “bachelor”) dated January 11, 2016.

8. Federal State Educational Standard of Higher Education – Master’s program in the direction of preparation 44.04.01 Pedagogical education (approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of February 22, 2018 No. 126, registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on March 15, 2018, No. 50361

9. Khamidullina L.K. The dominant role of the teacher in the civil and patriotic education of schoolchildren in modern conditions of the formation of a strong, aspiring to the future of Russia / L.K. Khamidullina, V.S. Budilova // Actual problems of civil and patriotic education of youth, Birk, Birk branch of Bashkir State University, October 18–20, 2018. – Birk, Birk branch of BashSU: Birk: OOO “Diapazon”, 2018. – P. 108-113.

10. Khamidullina L.K. Preparation of the future teacher to manage the design and research activities of students in the context of the implementation of the professional standard of the teacher / L.K. Khamidullina, S.A. Bronnikov // Reports of the Bashkir University. – 2019. – T. 4. – No. 1. – S. 132-138.

Е.П. ПЕРКОВА

*старший преподаватель кафедры «Социология,
психология и социальный менеджмент» Московского
авиационного института (национального
исследовательского университета) МАИ (НИУ)*

E-mail: perkovaep@yandex.ru

Формирование организационных условий, определяющих возможность внедрения технологического подхода к управлению социальными отношениями

Концепция социальных технологий основана на идее применения знаний и результатов социальных наук для их конвертации в стандартизированные практические решения. Однако при растущем интересе к социальным технологиям сравнительно мало внимания уделяется организационным условиям, которые делают возможным их разработку, внедрение и успешное использование в конкретных организациях. В статье обосновывается представление о социально-технологической культуре как части организационной среды, от которой зависит реализация потенциала социальных технологий. Она включает разделяемые ценности, нормы и практики, регулирующие социальные отношения и процессы, и задает рамки их технологического применения. Социально-технологическая культура определяет, могут ли в организации успешно применяться социальные технологии, а также какие конкретно их типы могут быть воплощены на практике.

Ключевые слова: социальные технологии, социально-технологическая культура, организационная культура, управление, организационная среда.

Введение

Технологизация является одной из наиболее универсальных тенденций развития современного общества, являясь прямым следствием научно-технического прогресса. Долгое время технологическое развитие ассоциировалось исключительно с материальными технологиями, а позднее – с информационными. Одной из наиболее сложных и дискуссионных является оценка возможностей технологизации в сфере социальных отношений. Эту идею выражает понятие социальных технологий, которые являются прикладным воплощением знаний закономерностей социального поведения и социальных отношений. В последние 20-30 лет проблематика социальных технологий стала широко востребованной в социальной науке, причем преимущественно в русскоязычной [1-4]. Однако основное внимание в современных исследованиях и теории социальных технологий уделяется самому содержанию социальных технологий, а также конкретным примерам их использования. В гораздо меньшей степени изучены вопросы, касающиеся условий внедрения и использования социальных технологий в системе управления, как на уровне отдельной организации, так и в масштабах всего общества. В статье предлагается использовать понятие социально-технологической культуры для описания тех организационных условий, которые определяют готовность и возможность организации разрабатывать и внедрять технологический подход к управлению социальными отношениями.

Социальные технологии

Несмотря на то, что проблематика социальных технологий начала активно обсуждаться в 1990-х гг., основы этой концепции были заложены в начале XX века [5]. В ее основу легла идея о том, что общая логика и принципы трансформации научных знаний в практические решения, которая действует в физике или химии, может быть применима и в социальных науках. Социальные технологии в этом смысле рассматриваются как прикладное применение знаний и закономерностей, выявленных в социальной науке. Та же идея изначально присутствовала и в классическом бихевиоризме: знание закономерностей человеческого поведения, в том числе социального, позволяет разрабатывать наборы стимулов и условий, которые гарантировали бы определенные реакции и действия объекта воздействия [6].

В дальнейшем в мировой социальной науке к этой идее обращались неоднократно в различных интерпретациях. Например, К. Поппер использовал понятие социальных технологий для описания процессов на социетальном уровне, как рациональные способы управления общественными процессами [7]. На организационном уровне, социальные технологии предлагалось рассматривать по аналогии с физическими, для описания производственных и организационных рутин и практик, общих для всей организации и обеспечивающие предсказуемость и упорядоченность организационных процессов и взаимодействий [8]. Предпринимались и другие попытки разработать концепцию социальных технологий (см., напр., [9; 10]). Тем не менее, эта концепция так и не получила достаточного развития в мировой социальной науке и считается проблематичной [11; 12]. Чаще всего в современных публикациях под социальными технологиями имеются в виду современные информационные технологии, выполняющие социальные функции, например, социальные медиа или системы для совместной работы в Интернете [13].

Гораздо более важную роль и развитие концепция социальных технологий получила в русскоязычной социологии и смежных дисциплинах. По проблемам социальных технологий публикуется большое число работ, а их изучение в значительной степени институционализировано. В ее основе лежит та же общая идея прикладного применения знаний социальных наук и аналогия с «материальными» технологиями. Социальные технологии, по одному из первых определений, предложенному Л. Дятченко, создаются «с целью преобразования общества, социальных отношений и социальных процессов, совершенствования самого человека» [1, с.34]. Для этой и многих других работ (см., в частности, [2; 4]), характерно предельно общее и широкое понимание социальных технологий в попперовской традиции, как способа управления общественными процессами, основанного на знаниях общественных наук. Социальные технологии обеспечивают связь социальной теории и социальной практики, могут применяться практически в любой сфере общественной жизни, и предполагают обязательное рациональное целеполагание, разделение объекта управления на отдельные элементы, выстраивание точной процедуры и последовательности воздействия на них и ее строго соблюдение.

Одной из общих проблем теории социальных технологий является чрезмерная общность этого понятия и фактическое

отождествление; как замечают некоторые критики, практически любая устойчивая социальная практика при желании может быть представлена как социальная технология [12, с. 78]. Одно из наиболее проработанных определений социальных технологий, сочетающих общую идею с достаточной специфичностью черт, позволяющих отличить их от методов или практик, было предложено в работах В.В. Щербины. Согласно этому подходу, социальные технологии имеет смысл рассматривать как «инструментальные стандартизированные средства, созданные на основе положений социальных наук, для решения типовых задач социальной практики, и направленные на обеспечение изменения в сфере социальных отношений, деятельности» [13, с.51]. Помимо опоры на социальные знания, ключевыми чертами социальных технологий является наличие конкретной задачи (функции), которой должна обладать технология, а также стандартизация ее решения, которая должна гарантировать ее выполнение в заданных условиях.

В организационном контексте такое понимание представляет безусловную ценность, поскольку позволяет отличить социальные технологии от управленческих методов или организационных практик. В системе управления социальные технологии должны решать конкретные организационные задачи, которые так или иначе связаны с социальными отношениями и социальным поведением или зависят от них, причем делать это предсказуемым образом и обеспечивать гарантированный результат при заданных условиях.

Социально-технологическая культура

Как и в случае любых других технологий, реализация практического и, в частности, управленческого потенциала социальных технологий требует выполнения определенных условий. Во-первых, необходимы надежные и достоверные знания, которые позволяют гарантировать достижение определенного результата при выполнении соответствующих условий. Во-вторых, необходимы люди, которые способны использовать универсальные научные знания и научную методологию для разработки технологии, решающей определенную задачу. В-третьих, если речь идет об организации, необходим комплекс управленческих мероприятий, необходимых для успешного внедрения социальных технологий, начиная от грамотного целеполагания и заканчивая поиском

и распределением ресурсов, а также оценкой результатов применения технологий.

Наряду с собственно технологической стороной, такие организационные условия включают в себя создание организационной среды, благоприятной для социальных технологий. Хорошо известно, что наряду с «жесткими» методами и аспектами управления, такими как финансовый менеджмент, организация производства, управление закупками или кадровое обеспечение, на организационное функционирование влияют и гораздо более эфемерные аспекты, связанные с ценностями, трудовой мотивацией, способами выстраивания неформальных социальных отношений в коллективе. Этот аспект организационной среды, как правило, выражается понятием организационной культуры, которая сейчас признается важным фактором организационной эффективности [14; 15]. Исследования, в частности, показывают, что организационная культура может существенно влиять на способность организации создавать и внедрять инновации, содействовать организационным коммуникациям и трансферу знаний, управлению качеством и влиять на операционную эффективность [16].

Есть разумные основания полагать, что социокультурные элементы организационной среды играют еще более значимую роль, когда речь идет о разработке, внедрении и использовании социальных технологий. Отчасти это связано с тем, что их внедрение в конкретной организации может рассматриваться как организационная инновация, а инновации достоверно зависят от культурных условий. Но еще важнее сама природа социальных технологий. Они затрагивают не материальные процессы, а социальные отношения и социальные взаимодействия, то есть то, что имеет прямую и непосредственную значимость для каждого человека. Важной частью любой культуры, как в масштабах всего общества, так и на организационном уровне, являются ценностные ориентации и нормы, регулирующие социальные отношения и процессы. Базовые культурные ориентации регулируют отношения между индивидом и коллективом (индивидуализм – коллективизм), отношение к власти и социальной иерархии, готовность к неформальным отношениям на работе, просоциальное поведение, допустимость выражения эмоций, допустимость дискриминации и непотизма, и т.п. Поскольку же социальные технологии используют социальные

процессы и отношения для решения организационных задач, например, связанных с трансфером знаний, организационными коммуникациями, кооперацией и др., то логично предположить, что некоторые организационные культуры представляют более благоприятные условия для разработки и внедрения социальных технологий, чем другие.

Для описания того аспекта организационной среды, который непосредственно связан с социокультурными условиями разработки, внедрения и применения социальных технологий, мы предлагаем использовать понятие социально-технологической культуры (СТК). В ряде работ это понятие использовалось ранее, однако преимущественно в значении личностной готовности сотрудников организации к применению социальных технологий в своей деятельности [17-18]. На наш взгляд, трактовка понятия СТК как феномена индивидуального уровня является спорной с теоретической точки зрения, поскольку общее понятие культуры, в том числе национальной и организационной, исходит из того, что она имеет коллективную природу и характеризует развитые социальные общности, единые наборы норм, ценностей, представлений и практик, которые разделяются большинством членов и которые задают определенные, типичные способы действий.

Более перспективным и обоснованным в этой связи выглядит представление о корпоративной социально-технологической культуре (КСТК), предложенный И.В. Бурмыкиной и К.В. Беляевой [19]. Они обосновали возможность и необходимость рассматривать ее в контексте общей теории организационной культуры (в версии Э. Шейна) и как ее часть. Они отнесли КСТК к «ценностно-обусловленным способам организации социальных и производственно-технологических процессов компании», которые выполняют две функции: интегративную (связывают воедино внутренние процессы компании) и идентификационную (позиционирование во внешней среде). Авторы применяют понятие КСТК для описания уникальных особенностей организационной среды высокотехнологического промышленного предприятия и особенностей реализуемых на нем социальных технологий [там же, с. 151]. Несмотря на то, что КСТК предлагается как часть организационной (корпоративной) культуры, она рассматривается на трех уровнях: индивидуально-личностном (ценности, потребности и установки персонала), операци-

онно-технологическом (способы организации внутрифирменных процессов, особенности внутрифирменного управления и адаптивность организации) и общекорпоративном (социально-технологическое корпоративное управление, включающее определение миссии, способы координации и взаимодействие персонала).

При всей ценности и новизне, такой подход не свободен от ряда недостатков. На наш взгляд, он характеризуется неоправданной всеобщностью и недостаточной специфичностью, объединяя множество разнородных элементов, многие из которых являются стандартными элементами системы управления. Кроме того, в предложенном подходе не вполне ясно показана связь между КСТК и социальными технологиями. Тем не менее, авторы справедливо указали на необходимость рассматривать КСТК как часть организационной культуры.

Мы полагаем, что более специфичным и обоснованным будет рассматривать СТК как часть организационной культуры, которая регулирует социальные технологии, а именно, как набор разделяемых представлений, норм и практик, которые задают типичные способы решения организационных задач, связанных с разработкой, внедрением и использованием социальных технологий [20, с. 161]. Центральной идеей предлагаемого подхода является представление о том, что в разных компаниях могут складываться СТК, которые в большей или меньшей степени пригодны для развития и внедрения конкретных видов социальных технологий или технологизации социально-организационных процессов в целом.

Существует потенциально бесконечное разнообразие социальных технологий, которые могут быть разработаны на основе знаний социальных наук. Однако возможность их разработки, внедрения или успешного применения в конкретной организации определяется гораздо более общими и универсальными условиями организационной среды. Например, общая ценностная ориентация на открытость, поддерживаемая в организации, может создавать благоприятные условия как для внедрения конкретных социальных технологий, таких как краудсорсинг, так и для готовности персонала к внедрению социальных технологий в целом, за счет большей открытости к новому и готовности экспериментировать. Организации, для которых характерна большая социальная закрытость, напротив, столкнутся с трудностями при попытке внедрения таких технологий. Однако они же могут оказаться

более благоприятными для социальных технологий, направленных на сохранение производственных секретов. Аналогично, бюрократическая СТК, ориентированная на формальные процедуры, может способствовать готовности к использованию стандартизированных способов организации труда в тех областях, в которых более неформальные организации будут сопротивляться попыткам такой технологизации, например, при внедрении автоматизированных систем вознаграждения и контроля.

Таким образом, следует ожидать, что культурные различия между организациями в плане готовности к социальным технологиям проявляются не только в степени благоприятности для их разработки и внедрения, но с точки зрения типологических характеристик. Управленческий смысл такого понимания СТК также очевиден: успешное внедрение социальных технологий требует не только «технических» навыков по конвертации знаний социальных наук в стандартизированные способы организации социальных процессов для решения конкретных задач, но также понимания того, для каких типов социальных технологий СТК предприятия создает благоприятные возможности, а каким она, скорее всего, будет препятствовать.

Заключение

Изучение социально-технологической культуры – перспективное направление в исследованиях социальных технологий, имеющее как теоретическое, так и прикладное значение. Однако реализация ее потенциала требует отказа от широких, всеобъемлющих трактовок социальных технологий и СТК в пользу более специфичных и рассматривающих последнюю в русле хорошо подтвержденных и устоявшихся теорий организационной культуры. Основное направление в разработке концепции СТК и эмпирических исследованиях связано с конкретизацией социокультурных условий и факторов, определяющих возможности разработки внедрения различных типов социальных технологий.

Литература

1. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород: Центр социальных технологий, 1993. 343 с.
2. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии: Курс лекций. М.: Союз, 1999. 431 с.

3. Герасимов Б.Н., Чумак В.Г. Социальные технологии в управлении: Монография. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2014. 396 с.
4. Патрушев В.И., Виноградов А.И. Основы общей теории социальных технологий. Изд. 3-е, испр. И доп. М.: Изд-во ИКАР, 2018. 323 с.
5. Henderson C.R. The scope of social technology // *American Journal of Sociology*. 1901. Vol.6. P.465-486.
6. Tarter D.E. Heeding Skinner's Call: Toward the Development of a Social Technology // *The American Sociologist*. 1973. Vol.8. P.153-158.
7. Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 188 с.
8. Nelson R. Physical and social technologies, and their evolution. Laboratory of Economics and Management Sant'Anna School of Advanced Studies: LEM Working Series, 2003. 23p.
9. Derksen M., Beaulieu A. Social technology. In : *The Sage Handbook of the Philosophy of Social Sciences* / Ed. By I.C.Jarvie, J.Zamora-Bonilla. London: Sage, 2011. P.703-720.
10. Leibetseder B. A critical review on the concept of social technology // *Socialines Technologijos*. 2011. Vol.1. P.7-24.
11. Chui M., Manyika J., Bughin J. Et al. The social economy: Unlocking value and productivity through social technologies. McKinsey Global Institute. November 2012. 26 p.
12. Аргмакова А.А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // *Эпистемология и философия науки*. 2015. №4. С. 70-84.
13. Щербина В.В. Целеформирующие и целеобеспечивающие рационализирующие социальные технологии // *Социологические исследования*. 2016. №4. С.50-58.
14. Cameron K.S., Quinn R.E. *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 268 p.
15. Schein E., Schein P. *Organizational Culture and Leadership*. 5th ed. Hoboken: Wiley, 2017. 308 p.
16. Tian M., Deng P., Zhang Y., Salmador M.P. How does culture influence innovation? A systematic literature review // *Management Decision*. 2018. Vol. 56. №5. P.1088-1107.
17. Дятченко Л.Я., Бабинцев В.П. Формирование социально-технологической культуры как теоретическая и праксеологическая проблема // *Социологические исследования*. 2011. №7. С.65-70.
18. Бурмыкина И.В. Социально-технологическая культура государственных и муниципальных служащих // *Социология власти*. 2007. №6. С. 83-87.
19. Бурмыкина И.В., Беляева К.В. Корпоративная социально-технологическая культура промышленного предприятия // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право*. 2013. №16. Вып. 25. С.148-158.
20. Перкова Е.П. Теоретическая модель социально-технологической культуры высокотехнологического предприятия // *Социология*. 2021. №3. С. 160-167.

E.P. PERKOVA
**Senior lecturer at the Department of Sociology,
Psychology and Social Management, Moscow
Aviation Institute (National Research University) MAI**

Formation of organizational conditions that determine the possibility of introducing a technological approach to the management of social relations

The concept of social technologies is based on the idea of applying the knowledge and results of social sciences to convert them into standardized practical solutions. However, with the growing interest in social technologies, relatively little attention is paid to the organizational conditions that make it possible to develop, implement and successfully use them in specific organizations. The article introduces and argues for the idea of socio-technological culture as part of the organizational environment, conditioning the realization of the potential of social technologies. It includes shared values, norms and practices that regulate social relations and processes, and frames the possibilities of their technological application. Socio-technological culture determines whether social technologies can be successfully applied in an organization, as well as what specific types of them can be put into practice.

Keyword: *social technologies, socio-technological cultures, organizational culture, management, organizational environment.*

Literature

1. Dyatchenko L.Y. Social'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi processami [Social technologies in the management of social processes]. Belgorod: Centr social'nyh tekhnologij, 1993. 343 p.
2. Ivanov V.N., Patrushev V.I. Social'nye tekhnologii : Kurs lekcij [Social technologies : lectures]. Moscow: Soyuz, 1999. 431 p.
3. Gerasimov B.N., Chumak V.G. Social'nye tekhnologii v upravlenii: Monografiya [Social technologies in management]. Samara: Izd-vo SamNC RAN, 2014. 396 p.

4. Patrushev V.I., Vinogradov A.I. Osnovy obshchej teorii social'nyh tekhnologij [Fundamentals of a general theory of social technologies], 3rd ed. Moscow: Izd-vo IKAR, 2018. 323 p.
5. Henderson C.R. The scope of social technology // *American Journal of Sociology*. 1901. Vol.6. P.465-486.
6. Tarter D.E. Heeding Skinner's Call: Toward the Development of a Social Technology // *The American Sociologist*. 1973. Vol.8. P.153-158.
7. Popper K. Nishcheta istoricizma. M.: Progress, 1993. 188 p.
8. Nelson R. Physical and social technologies, and their evolution. Laborato-ry of Economics and Management Sant'Anna School of Advanced Studies: LEM Working Series, 2003. 23 p.
9. Derksen M., Beaulieu A. Social technology. In : *The Sage Handbook of the Philosophy of Social Sciences* / Ed. By I.C.Jarvie, J.Zamora-Bonilla. London: Sage, 2011. P.703-720.
10. Leibetseder B. A critical review on the concept of social technology // *Socialines Technologijos*. 2011. Vol.1. P.7-24.
11. Chui M., Manyika J., Bughin J. Et al. The social economy: Unlocking value and productivity through social technologies. McKinsey Global Institute. November 2012. 26 p.
12. Argamakova A.A. Prikladnoe sociogumanitarnoe znanie, social'nye tekhnologii i inzheneriya [Applied socio-humanitarian knowledge, social technologies and engineering] // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. №4. P. 70-84.
13. Shcherbina V.V. Celeformiruyushchie i celeobespechivayushchie racionaliziruyushchie social'nye tekhnologii [Goal setting and goal ensuring, streamlining social technologies] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016. №4. P. 50-58.
14. Cameron K.S., Quinn R.E. Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 268 p.
15. Schein E., Schein P. Organizational Culture and Leadership. 5th ed. Hoboken: Wiley, 2017. 308 p.
16. Tian M., Deng P., Zhang Y., Salmador M.P. How does culture influence innovation? A systematic literature review // *Management Decision*. 2018. Vol.56. №5. P.1088-1107.
17. Dyatchenko L.YA., Babincev V.P. Formirovanie social'no-tekhnologicheskoy kul'tury kak teoreticheskaya i prakseologicheskaya problema [Making of social technology culture as theoretical and praxeological issue] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2011. № 7. P. 65-70.
18. Burmykina I.V. Social'no-tekhnologicheskaya kul'tura gosudarstvennyh i municipal'nyh sluzhashchih [Socio-technological culture of civil and municipal servants] // *Sociology of Power*. 2007. № 6. P. 83-87.
19. Burmykina I.V., Belyaeva K.V. Korporativnaya social'no-tekhnologicheskaya kul'tura promyshlennogo predpriyatiya [Corporate socio-technological culture of industrial firm] // *Nauchnye vedomosti*

BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2013. №16. Issue 25. P.148-158.

20. Perkova E.P. Teoreticheskaya model' social'no-tekhnologicheskoy kul'tury vysokotekhnologicheskogo predpriyatiya [Theoretical model of socio-technological culture of a high-tech enterprise] // Sociology. 2021. №3. P. 160-167.

О.А. ТРИНАДЦАТКО
*старший преподаватель кафедры педагогики,
Тихоокеанский государственный университет,
Педагогический институт (Россия, г. Хабаровск)*
E-mail: olga.demidko@yandex.ru

Экологическое сознание как элемент социально- экологического управления

Данная статья посвящена проблеме экологического сознания и рассматривается как важный элемент социально-экологического управления. Актуальность данного исследования вызвана необходимостью экологизации общественного сознания вследствие различных факторов (экологический кризис и необходимость его предупреждения, качественное состояние окружающей природной среды и т.д.), которые отражают общественные потребности в улучшении условий развития и качества жизни. Необходимо отметить, что экологизация сознания оказывает влияние и на течение, в том числе, социально-экономических действий и процессов, так как общество напрямую зависит от потребностей и целей, знаний и интересов, жизненных убеждений и ценностных ориентаций, а также морально-нравственных характеристик. Целью исследования является анализ научных исследований по проблеме «экологическое сознание», а также выявление его взаимосвязей с социально-экологическим управлением. На современном этапе развития общественных отношений, актуальность социального управления экологической сферой и становление новой формы общественного экологического сознания приобретает особую актуальность, поскольку определяется изменением ценностных ориентиров в области экологии, а также подходов к практическому использованию природных ресурсов.

Ключевые слова: *сознание, экологическое сознание, общество, социально-экологическое управление, антропоцентрическое сознание, экоцентрическое сознание.*

Введение

Сознание человека можно представить как высшую, свойственную только ему форму отражения объективной реальности, а также осмысление человеком своего собственного

бытия. Сознание возникает в процессе трудовой, общественной, производственной и иной деятельности людей.

Сознание, как объективный результат мышления реализуется посредством практической и теоретической человеческой деятельности в различных сферах. В основе реализации деятельности лежит формулирование замысла, цели или идей.

Сознание отражает суть личности и присущие только ей индивидуальные черты и особенности, которые выделяют личность в эмоциональном, нравственном, культурном и ином смысле. Сознание отличается непрерывной активностью и изменчивостью, поскольку на протяжении всей своей жизни человек осмысляет и познает внешнюю действительность и вырабатывает о ней личное мнение.

Красюк В.Ф. [1] понимает сознание как «общее», «народное». И определяет, что сознание – это регулятор ежедневного человеческого поведения, способ осмысления полученного личного опыта, накопленных, но не всегда рационально и полно освоенных знаний. Сознание отражает социальный практический опыт и общественные противоречия и представляет собой способ осмысления и понимания теоретических знаний, которые могут направлять, корректировать социальные перемены. К одним из таких знаний относятся знания в области экологии, который дают основу и для практической деятельности и для формирования экологического сознания.

В наши дни, когда экологического кризис возымел для общества особую актуальность, назрела необходимость и осознание, что изменить ситуацию в положительную сторону возможно, лишь серьезно изменив общественное сознание и его потребительское отношение к природе и природным ресурсам. Поэтому проблема экологического сознания особо актуальна как в научных сообществах, что подтверждается многочисленными научными исследованиями, так и в общественном сознании и отношении к природе, что выражается в экологизации производства, экологическом образовании, активной профилактике рисков возникновения негативных природных явлений.

Таким образом, экологизация сознания современного общества должна быть нацелена на формирование определенных экологических установок, в основе которых лежат правила и нормы бережного и рационального отношения к природе.

Материалы исследования

Понятие «экологическое сознание» возникло в социальной науке во второй половине XX века, когда в 1970-1980-е гг. вышли научные труды Моисеева Н.Н. [2] и Гирусова Э.В. [3], в которых определяется философское понимание феномена экологического сознания.

Согласно исследованиям Гирусова Э.В.[3], который в 1976 г. Определил экологическое сознание, как комплекс теорий, взглядов, а также эмоций, которые отражают проблемы взаимодействия общества и природы в плане их наилучшего совмещения.

Моисеев Н.Н. [2] в 1982 г. Отмечает, что в жизнедеятельность человека, активное потребление природных ресурсов несет угрозу его дальнейшему развитию, поэтому необходимо конструировать новое общество, в котором бы преобладали экологические приоритеты.

Необходимо отметить вышедшую в 1987 г. Публикацию, Кочергина А.Н. [4], Маркова Ю.Г. [4], Васильева Н.Г. [4], согласно которой отмечается взаимосвязь общественного существования и развития с формированием и совершенствованием экологического сознания. Учеными приводится следующее определение экологического сознания: «Это отношения и связи между природой и обществом как подсистемами целостного объекта, реализующиеся в комплексе общественных отношений, связанных с выполнением деятельности по оптимизации системы «природа-общество»» [4].

В 1990-2000-е гг. XX в. Феномен экологического сознания находит свое отражение в научных трудах следующих ученых: Бахарев В.В. [5], Дерябо С.Д. [6], Ясвин В.А. [6], Иванова Т.В. [7], Маркович Д.Ж. [8], Гагарин А.В. [9].

Дерябо С.Д. [6], Ясвин В.А. [6] в 1996 г. Под понятием «экологическое сознание» понимают сочетание представлений (как личных, так и общественных) о взаимоотношениях в области «человек – природа», действительном отношении к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней. Ученые приходят к выводу, что именно устоявшийся тип экологического сознания и определяет отношение общества к окружающей их природе: антропоцентрический или эоцентрический.

В основу исследований Дерябо С.Д. [6], Ясвина В.А. [6] в области экологического сознания были положены антропоцентрическое экологическое сознание и эоцентрический

тип экологического сознания, характеристика которых представлена на рис. 1.

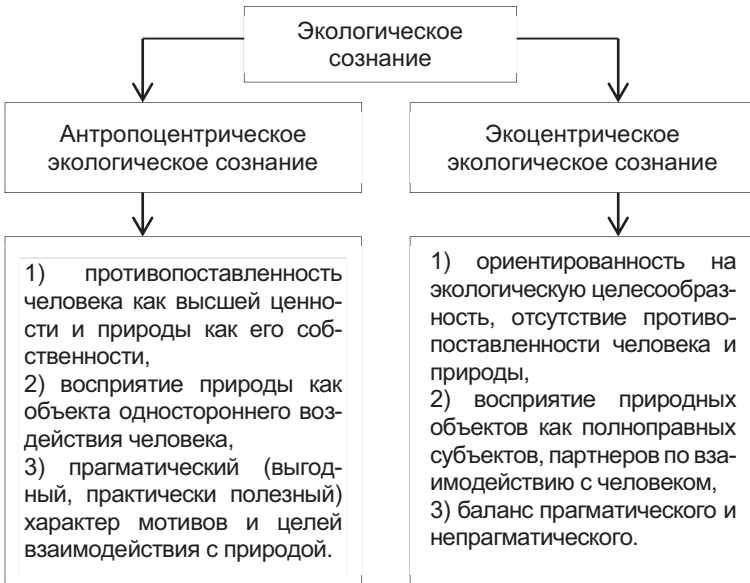

Рис. 1. Типология экологического сознания, согласно исследованиям Дерябо С.Д. [6], Ясвина В.А. [6]

Таким образом, согласно антропоцентрическому подходу, отношения с природной средой выстраиваются, согласно правилам, которые устанавливает сам человек, ставя себя в центр природы, а иногда и выше ее. Постигая природные законы, направляя их на личные интересы, а также основываясь на умственных способностях, социальной организации, технической и технологической мощи, человек подчиняет природу своим законам жизни.

Экоцентризм же принимает природу как полноправного субъекта взаимоотношений с обществом (которое при удовлетворении личных потребностей не нарушает экологического равновесия).

Бахарев В.В. [5] в 1999 г. Определяет экологическое сознание, как становление общественной экологической культуры во взаимодействии социо-экокультурных качеств индивидов и социальных групп, культурно-экологических институтов и отношений, норм и ценностей, ответственности и навыков природосообразного поведения.

Иванова Т.В. [7] в 1999 г. Определяет природную среду как имеющую ценность вне зависимости от ее вовлеченности в социокультурную действительность. В данном случае понятие «охрана окружающей среды», которое предполагает восприятие природы как фактора и условия развития общественной активности, заменяется другой системой отношений природной среды и человеческого общества, в которой природа наделена самоценностью вне зависимости от ее важности для социокультурной действительности.

Маркович Д.Ж. [8] в 2001 г. Отмечает, что именно экологическое образование должно оказывать влияние на развитие экологического сознания и формированию экологической культуры как важнейших составляющих концептуальных идей экологической политики, направленных на сбережение окружающей природной среды.

Гагарин А.В. [9] в 2001 г. Определяет экологическое сознание как множество мнений, представлений и суждений о взаимоотношениях в системе «человек-природа», о действительном отношении общественности к природной среде, и о соответствующих технологиях и стратегиях взаимодействия «общество-природа».

Раскрытию феномена экологического сознания в совокупности с социально-экологическим управлением посвящены научные работы и современных исследователей: Хусаинов З.А. [10], Симоненко С.Н. [11], Аутлева А.Н. [12], Ульянова Н.В. [13], Орешкина Т.А. [14], Скуратова Н.А. [15], Арутюнян К.С. [16], Васильева В.Н. [17], Торгунакова М.А. [17], Глебов В.В. [18], Двойнев В.В. [19] и др.

Аутлева А.Н. [12] в 2005 г. Приходит к выводу, что одна из главных функций экологического сознания носит социальный характер и сводится к рационализации взаимодействия в системе «природа – общество», что в свою очередь подразумевает разработку новых экологических теорий и суждений, а также переосмысление общественного мировоззрения.

Ульянова Н.В. [13] в 2007 г. Связывает экологическое сознание с охраной окружающей природной среды и осмыслением последствий нерационального отношения к ней.

Глебов В.В. [18] в 2008 г. В своем исследовании проводит анализ взаимосвязи экологического сознания и экологического поведения. Под экологическим сознанием ученый определяет совокупность экологических и природоохранных взглядов и суждений, а также стратегий осуществления

практической деятельности, направленной на окружающую природную среду. Экологическое поведение представляется как совокупность определенных практических действий общества, которые напрямую или косвенно связаны с воздействием на природную среду и использование природных ресурсов. Ученый отмечает, что человеческое экологическое поведение может быть определено особенностями его экологического сознания и умениями в области природопользования.

Двойнев В.В. [19] в 2009 г. Вводит термин «экологическое сознание городского населения», аргументируя тем, что для сельских жителей экологические проблемы не столь явны. А экологическое сознание населения, проживающего в черте города – это феномен общественного сознания, который обусловлен восприятием городским населением природной среды как компаньона по социальному взаимодействию.

Двойнев В.В. [19] приводит элементы экологического сознания, представленные на рис. 2.

Орешкина Т. А.[14] в 2012 г. Определяет, что экологическое общественное сознание понимается, как осведомленность населения о проблемах экологии своего региона, а также как осмысление уровня экологической опасности и забота об окружающей природной среде.

Хусаинов З. А. [10] в 2015 г. Отмечает, что экологическое сознание проявляется в ходе взаимодействия общества с окружающей природной средой. Природно-социальная сфера обуславливает сознание личности через ее потребности, и через осмысление ею экологических проблем. В своей познавательной деятельности личность акцентирует внимание на имеющихся у нее экологических знаниях, их анализе, и таким образом делает выводы, которые раскрывают новые и перспективные направления экологических знаний.

Скуратова Н. А. [15] в 2017 г. В своем исследовании отмечает, что воспитание экологического сознания является сложным многосторонним процессом. В первую очередь – это преодоление исходной пассивности общества в отношении экологических проблем, а также формирование и воспитание способности оценивать необходимость вмешательства в определенную экологическую проблему, что является важным фактором, обеспечивающим ценность такого воспитания.

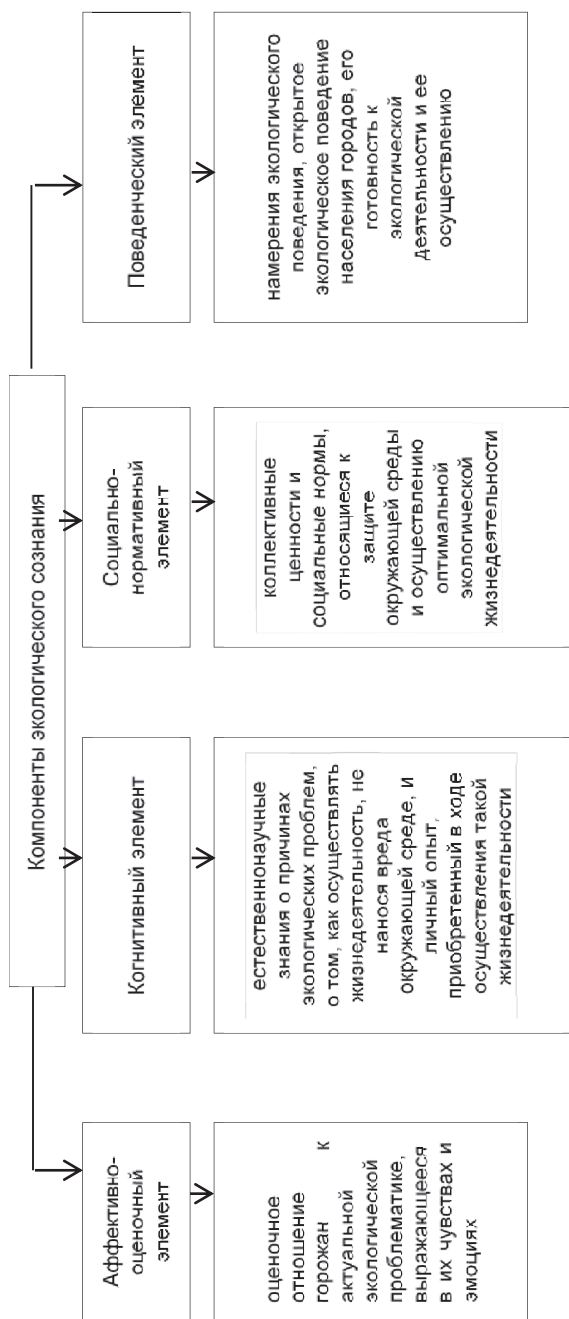

Рис. 2. Элементы экологического сознания

Симоненко С. Н. [11] в 2020 г. Определяет, что основным фактором в изучении экологического сознания выступает историческая составляющая жизнедеятельности общества. На разных этапах общественной цивилизации ей были характерны различные типы экологического сознания. В современных условиях своего развития человек не может отказаться от основной причины экологического кризиса – производственной деятельности. Производство и потребности человека находятся в тесной взаимосвязи. Человек испытывает острую необходимость в производственных благах, и не представляет без них современную жизнь.

Автор данного исследования приходит к выводу, что экологическое сознание – это область как общественного, так и личностного сознания, которая тесно взаимосвязана с природной средой как частью человеческого бытия.

Таким образом, на основе модели экологического сознания, представленной Дерябо С.Д. [6], Ясвиным В.А. [6], можно сформировать модель нового экологического сознания, направленную на сохранение природных богатств и представленную на рис. 3.

При активном развитии общественных отношений, прежде всего, в сфере потребления, люди не задумывались о ценности природой среды. Поэтому возникшие новые экологические теории и идеи не сразу популяризировались. Для закрепления в личностном и общественном сознании обеспокоенности проблемами экологии понадобилась длительная просветительская работа, которая в современном обществе преобразовалась в понятие «социально-экологическое управление».

Арутюнян К.С. [16] выделяет следующие предпосылки развития эколого-управленческого сознания:

1. В основу развития экологического сознания в управлении социальной сферой положена личность «ноосферного типа» или высшего разума, которая обладает определенными знаниями, умениями, качествами, морально-нравственными принципами, которые позволяют ей осуществлять сознательное и рациональное влияние на социоприродную среду с целью создания благоприятных и гармоничных отношений с природой;

2. выработка новой формы управления – управление сферой экологии или экологическое управление. К уникальности экологического управления необходимо отнести наличие норм, правил, целей, которые возникают в ходе социального взаимоотношения между субъектом и объектом управления.

Рис. 3. Модель нового экологического сознания

Васильева В.Н. [17], Торгунакова М.А. [17] отмечают, что главная роль в выработке экологического сознания отводится разнообразным природоохранным движениям, мероприятиям и инициативам, которые способствуют популяризации экологических знаний, привлекают внимание общественности к проблемам экологии, развивают у населения уверенность в их преодолении, а также осуществляют природоохранную деятельность. Инициативы и движения в защиту окружающей природной среды и практические результаты их деятельности предоставляют возможность обществу оказывать влияние на экологические проблемы.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования научных трудов, автор приходит к следующим выводам:

1. Экологическое сознание в современном обществе приобрело наибольшую актуальность и присуще каждой личности.

2. В основе экологического сознания лежит понимание прочной связи человечества и окружающей среды, а также применение этого понимания в практической общественной деятельности.

3. Основой экологического сознания являются научные знания, которые несут объективный характер на основе изучения природных особенностей.

4. Тип экологического сознания обуславливает общественное поведение по отношению к природной среде: антропоцентрическое и эгоцентрическое.

5. Экологическое образование должно содействовать развитию экологического сознания и формированию экологической культуры.

6. Экологическое сознание обладает социальным характером и объединяется гармонизацией взаимодействия в системе «общество – природа».

7. Экологическое сознание определяется осведомленностью общества о проблемах экологии, осознанием уровня экологической опасности и обеспокоенностью состоянием окружающей природной среды.

8. Ценность экологического сознания заключается в преодолении пассивности человека в отношении экологических проблем.

9. Экологическое сознание формирует экологическое поведение.

10. На современном этапе развития общества необходимо новое экологическое сознание – эгоцентрическое.

11. Формирование и развитие экологического сознания нуждается в управлении и просветительской работе, которая в современном обществе трансформировалась в понятие «социально-экологическое сознание».

В свою очередь любая система взаимоотношений должна быть результативной и эффективной с точки зрения целей этих взаимоотношений. Это предполагает определенное структурирование и систематизацию принципов, методов и мониторинга на всех этапах этих взаимоотношений, т.е. речь идет о формировании соответствующей системы управления.

Литература

1. Красюк В. Ф. Обыденное сознание в социальном поле культуры переходного общества // Вестник белорусского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2(12). С. 15-20.
2. Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. Проблема формализации описания. М.: Наука. 1982. 240 с.
3. Гирусов Э. В. Система «общество – природа» (проблемы социальной экологии) / Э. В.Гирусов. М.: изд-во Моск. Ун-та. 1976. 435 с.
4. Кочергин А. Н., Марков Ю. Г., Васильев Н. Г. Экологическое знание и сознание: Особенности формирования. Отв. Ред. Г. А. Антипов; АН СССР, Сиб. Отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск. Наука. Сиб. Отд-ние. 1987. 218 с.
5. Бахарев В.В. Экологическая культура как фактор устойчивого развития социума. Ульяновск: Изд-во Ульянов. Гос. Ун-та. 1999. 446 с.
6. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология: [Учеб. Пособие для вузов]. Ростов н/Д : Феникс: АО «Книга». 1996. 476 с.
7. Иванова Т. В. Экологические ценности в общественном сознании // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 83-89.
8. Маркович Д. Ж. Глобализация и экологическое образование // СОЦИС. 2001. № 1. URL: https://www.isras.ru/socis_2001_01.html (дата обращения: 04.07.2022).
9. Гагарин А. В. Воспитание природой: Некоторые аспекты гуманизации экологического образования и воспитания. М., 2001. С. 232.
10. Хусаинов З. А. Экологическое мышление и экологическое сознание – основа формирования экологической культуры молодого поколения // Евразийский союз ученых. 2015. № 3-1(12). С. 62-64.
11. Симоненко С. Н. Экологическое сознание как элемент взаимодействия человека и природы // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2(42). С. 319-323.
12. Аутлева А.Н. Сущность экологического сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ekologicheskogo-soznaniya> (дата обращения: 16.06.2022).
13. Ульянова Н. В. Экологическое сознание и экологическая культура, проблемы и перспективы // Вестник. М., 2007. № 6. С. 61
14. Орешкина Т. А. Социологический анализ экологического сознания населения как объекта управления // Социологический журнал. 2012. Том. 0. № 4. С. 94-105.
15. Скуратова Н. А. Современное экологическое сознание человека при использовании природных ресурсов // Альманах мировой науки. 2017. № 2-2(17). С. 172-174.
16. Арутюнян К.С. Становление и развитие новой формы общественного сознания в управлении экологической сферой // Вестник

Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-novoy-formy-obschestvennogo-soznaniya-v-upravlenii-ekologicheskoy-sferoy> (дата обращения: 11.06.2022).

17. Васильева В.Н., Торгунакова М.А. Современное экологическое сознание: пути и средства формирования // ЖССА. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-ekologicheskoe-soznanie-puti-i-sredstva-formirovaniya> (дата обращения: 11.06.2022).

18. 1. Глебов В.В. Экологическая психология: Учеб. Пособие. – М.: РУДН, 2008. 243 с.

19. Двойнев В. В. Экологическое сознание городского населения: состояние и перспективы развития: автореф. Дисс.... Канд. Социол. Наук. Смоленск. 2009. 28 с.

O.A. TRINADTSATKO

**Senior Lecturer of the Department of Pedagogy,
Pacific State University, Pedagogical Institute
(Khabarovsk, Russia)**

Ecological consciousness as an element of socio-ecological management

This article is devoted to the problem of ecological consciousness and is considered as an important element of socio-ecological management. The relevance of this study is caused by the need to ecologize public consciousness due to various factors (environmental crisis and the need to prevent it, the qualitative state of the environment, etc.), which reflect the public needs to improve the conditions of development and quality of life. It should be noted that the ecologization of consciousness also influences the course, including socio-economic actions and processes, since society directly depends on needs and goals, knowledge and interests, life beliefs and value orientations, as well as moral characteristics. The purpose of the study is to 138ussian scientific research on the problem of “ecological consciousness”, as well as to identify its interrelationships with socio-ecological management. At the present stage of the development of public relations, the relevance of social management of the ecological sphere and the formation of a new form of public ecological consciousness is of particular relevance, since it is determined by the change in value orientations in the field of ecology, as well as approaches to the practical use of natural resources.

Keyword: *consciousness, ecological consciousness, society, socio-ecological management, anthropocentric consciousness, ecocentric consciousness.*

Literature

1. Krasnyuk V. F. Everyday consciousness in the social field of culture of a transitional society // Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts. 2009. No. 2(12). Pp. 15-20.

2. Moiseev N. N. Man, environment, society. The problem of formalization of description. M.: Nauka. 1982. 240 p.

3. Girusov E. V. System "society – nature" (problems of social ecology) / E. V. Girusov. M.: Publishing house of Moscow. Un-ta. 1976. 435 p.

4. Kochergin A. H., Markov Yu. G., Vasiliev N. G. Ecological knowledge and consciousness: Features of formation. Ed. By G. A. Antipov; USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk. Nauka. Sib. Otd. 1987. 218 p.

5. Bakharev V.V. Ecological culture as a factor of sustainable development of society. Ulyanovsk: Publishing House of the Ulyanovsk State University. 1999. 446 p.

6. Deryabo S.D., Yasvin V.A. Ecological pedagogy and psychology: [Textbook for universities]. Rostov n/A : Phoenix: JSC "Book". 1996. 476 p.

7. Ivanova T. V. Ecological values in public consciousness // Questions of psychology. 1999. No. 3. Pp. 83-89.

8. Markovich D. J. Globalization and environmental education // SOCIS. 2001. No. 1. URL: https://www.isras.ru/socis_2001_01.html (date of address: 04.07.2022).

9. Gagarin A.V. Nature education: Some aspects of the humanization of environmental education and upbringing. M., 2001. P. 232.

10. Husainov Z. A. Ecological thinking and ecological consciousness – the basis for the formation of ecological culture of the younger generation // Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 3-1(12). Pp. 62-64.

11. Simonenko S. N. Ecological consciousness as an element of interaction between man and nature // Skif. Questions of student science. 2020. No. 2(42). Pp. 319-323.

12. Outleva A.N. The essence of ecological consciousness // Bulletin of the Adygea State University. 2005. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ekologicheskogo-soznaniya> (date of address: 06/16/2022).

13. Ulyanova N. V. Ecological consciousness and ecological culture, problems and prospects // Vestnik. M., 2007. No. 6. P. 61

14. Oreshkina T. A. Sociological analysis of ecological consciousness of the population as an object of management // The Sociological journal. 2012. Vol. 0. No. 4. Pp. 94-105.

15. Skuratova N. A. Modern ecological consciousness of a person when using natural resources // Almanac of World Science. 2017. No. 2-2(17). Pp. 172-174.

16. Arutyunyan K.S. Formation and development of a new form of public consciousness in environmental management // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-novoy-formy-obshchestvennogo-soznaniya-v-upravlenii-ekologicheskoy-sferoy> (accessed: 11.06.2022).

17. Vasilyeva V.N., Torgunakova M.A. Modern ecological consciousness: ways and means of formation // ZHSSA. 2007. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-ekologicheskoe-soznanie-puti-i-sredstva-formirovaniya> (date of reference: 11.06.2022).

18. 1. Glebov V.V. Ecological psychology: Textbook. – M.: RUDN, 2008. 243 p.

19. Dvoynev V. V. Ecological consciousness of the urban population: state and prospects of development: abstract. Diss.... cand. Social sciences. Smolensk. 2009. 28 p.

Ю.А. СЕМИКОЛЕННОВА
*аспирант кафедры социологии, общей
и юридической психологии Волгоградского
института управления – филиала РАНХиГС*
E-mail: semikolennova96@yandex.ru

Оценка сотрудниками системы управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций: социологический анализ (на материалах г. Волгограда)

В статье представлены результаты анкетного опроса сотрудников по оценке системы управления внутренней социальной политикой в волгоградских бизнес-организациях. Проанализировано мнение респондентов по определению сущности внутренней социальной политики в компании и установлена степень её фактической реализации. Определены ключевые факторы и мотивы, способствующие осуществлению социально-ориентированной деятельности в волгоградских бизнес-структурах. Выявлены наиболее востребованные направления внутренней социальной политики для сотрудников и обозначены распространенные виды социально-ориентированной деятельности в организациях. Проанализирована степень удовлетворенности работников предлагаемыми мероприятиями внутренней социальной политики, а также определены факторы, оказывающие влияние на данный показатель. Установлены наиболее популярные средства и каналы информирования персонала о социально-ориентированных мероприятиях в волгоградских компаниях. Выявлена степень фактического и желаемого участия респондентов в системе управления внутренней социальной политикой бизнес-структур; определена степень доверия сотрудников и установлены факторы, оказывающие влияние. Проанализированы наиболее востребованные и фактически реализуемые инструменты внутренней социальной политики, представлены данные сравнительного анализа другого тематического исследования. Выяв-

лены проблемные зоны, оказывающие влияние на процесс реализации внутренней социальной политики в компаниях; определены корректировочные мероприятия. В конце статьи отмечены перспективы в системе управления внутренней социальной политикой волгоградских бизнес-организаций.

Ключевые слова: *внутренняя социальная политика, бизнес-организация, сотрудники, направления, факторы, мотивы, инструменты.*

Использование механизма управления внутренней социальной политикой в современных бизнес-организациях способствует осуществлению социально-ориентированных мероприятий для сотрудников со стороны руководителей, которые ориентированы не только на соблюдение действующего законодательства, но и на осуществление разнообразных социальных инструментов и гарантий сверх законодательно установленных требований и нормативов. Меры, реализуемые в рамках внутренней социальной политики, позволяют влиять на лояльность и вовлеченность сотрудников различных бизнес-структур, повышать их мотивационную составляющую и, как следствие, способствовать росту производительности труда, являющейся одним из факторов экономической эффективности компаний в современных условиях.

Оценка степени практической реализации внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях подразумевала осуществление социологического исследования в трех направлениях, где анкетный опрос сотрудников позволил выявить мнение внутренних стейкхолдеров, непосредственно для которых реализуется социально-ориентированная деятельность в компаниях разного уровня (период проведения исследования: декабрь 2021 – февраль 2022 года; N=350, тип выборки – многоступенчатая случайная; удельный вес представителей малого бизнеса составил 39,1%, среднего – 20%, крупного – 40,9%). Основные результаты социологического исследования представлены в рамках данной статьи.

Анализ позиций респондентов в отношении определения сущности внутренней социальной политики бизнес-организаций (с учетом половой принадлежности) выявил следующие особенности: каждый третий представитель сильного пола воспринимает данное направление сквозь призму получения дополнительных социально-трудовых преференций (льгот и выплат), которые предлагаются сотрудникам волгоградских компаний по собственной инициативе работода-

теля (33,9%), что может быть обусловлено заинтересованностью мужчин в получении дополнительных материальных благ, благодаря которым можно удовлетворять различные интересы и потребности. Для женщин наиболее характерна позиция, в которой внутренняя социальная политика ориентирована на создание благоприятных условий, способствующих формированию комфортного социально-психологического климата, на профессиональное развитие сотрудников, а также справедливую оценку результатов труда, что отражает большую ориентацию женщин на нематериальный аспект социальной политики. Полученные результаты свидетельствуют о разнородности понимания сотрудниками сущности внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях, что обусловлено как возрастом, половой принадлежностью респондентов, так и уровнем их фактического образования и профессиональной компетентности, что оказывает влияние на степень понимания и дальнейшую интерпретацию социально-ориентированной деятельности в своей компании.

Степень фактической реализации внутренней социальной политики в волгоградских организациях обусловлена масштабом бизнеса: чем крупнее компания – тем чаще и больше осуществляется различная социально-ориентированная деятельность (малый – 59,1%, средний – 68,6%, крупный – 79%). В процессе анализа полученных данных было установлено, что ситуация на рынке относительно положительна, поскольку в представлениях сотрудников компании пытаются соразмерно реализовывать внутреннюю социальную политику, где существует вполне объективное отличие по реализуемым мероприятиям между представителями разных масштабов бизнеса, что обусловлено разным уровнем ресурсообеспеченности бизнес-структур, ориентациями руководства, а также наличием и развитостью централизованной системы управления внутренней социальной политикой. Однако, несмотря на разноплановость позиций респондентов, подавляющее большинство сотрудников (87,1%) отметили, что внутренняя социальная политика оказывает влияние на успешность функционирования современных бизнес-организаций.

Реализация внутренней социальной политики предполагает наличие факторов, способствующих росту заинтересованности руководства в плане осуществления социально-

ориентированной деятельности в бизнес-организациях. Согласно полученным данным, около половины сотрудников считают, что «формирование и поддержание внутреннего позитивного социально-психологического климата в организации» (48,3%), а также «рост экономической прибыли компании» (47,1%) являются ключевыми мотивами в осуществлении внутренней социальной политики в волгоградских компаниях, однако установлена смена ориентаций в зависимости от масштаба бизнеса: от формирования внутреннего позитивного социально-психологического климата в коллективе (малый – 49,6%, средний – 48,6%, крупный – 46,2%) до получения экономической прибыли (малый – 38,7%, средний – 50%, крупный – 53,8%). Представили женского пола (52%), а также одинокие люди (вдовец/вдова – 60%, холостые – 57,9%) чаще всего указали на «формирование и поддержание позитивного социально-психологического климата в коллективе», а мужчины (51,2%) и разведенные респонденты (60,5%) отмечали важность экономических показателей компании (рост прибыли), что свидетельствует о влиянии гендерного параметра и семейного положения на формирование представлений о мотивационной составляющей. Фактический опыт работы сотрудников в организациях имеет значение при формировании представлений относительно мотиваций руководства, где молодые специалисты демонстрировали ориентацию на установление положительных контактов с коллегами (60,6%), а также отмечали важность удержания на рабочем месте, в то время как более опытные сотрудники указывали на экономическую стабильность компании (46%), которая предлагает нормальные (комфортные) условия труда (44,4%).

В процессе социологического исследования анализировались направления внутренней социальной политики, в большей степени влияющие на формирование удовлетворённости и лояльности сотрудников, где наиболее востребованным выступило «развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня сотрудников» (62,3%), которое чаще выбрали сотрудники малых (61,3%) и крупных (67,1%) организаций. Стоит отметить, что для работников средних компаний наиболее актуальным оказалось предоставление материальной помощи работникам (60%), что свидетельствует об их заинтересованности в получении дополнительных материальных благ.

Практика реализации наиболее востребованных направлений внутренней социальной политики в волгоградских компаниях респондентами оценивается на «частичном» уровне (59,1%), где масштаб бизнеса имеет значение: каждый третий сотрудник крупной компании отметил полноценную реализацию, а 14,6% представителей малого бизнеса отметили отсутствие практического осуществления актуальных направлений в своей организации. В процессе социологического исследования было установлено, что «ограниченность различного рода ресурсов» (50,6%) выступает основным фактором, который оказывает влияние на степень реализации мероприятий внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях, где позиция женщин на 12,9% активнее от представлений мужчин.

Наиболее распространенным видом деятельности в рамках направления по созданию благоприятных условий для поддержания здоровья сотрудников выступает охрана здоровья на рабочем месте (43,4%). Каждый третий указал на систематический мониторинг заболеваемости персонала (36%), осуществление которого обусловлено масштабом бизнеса (малый – 25,5%, средний – 42,9%, крупный – 42,7%). Стоит отметить, что представители крупных организаций чаще предлагают доступную и качественную медицинскую помощь своим работникам, а каждый четвертый респондент малого бизнеса отметил отсутствие подобных мероприятий в своей компании.

Анализ видов деятельности в рамках направления по охране труда и обеспечения безопасных и благоприятных условий труда выявил следующие особенности: больше половины респондентов отметили «создание безопасных условий труда» (53,1%) и «обучение сотрудников нормам и правилам безопасного труда» (52%) как наиболее распространенные виды деятельности в своих компаниях, где «аттестация рабочих мест» при увеличении опыта работы персонала в рамках одной бизнес-структуры начинает обладать все более доминирующим положением (рост показателя почти в 2 раза: с 28,8% до 54%).

Изучение наиболее распространенных видов деятельности в рамках направления по обучению и развитию персонала привело к следующим результатам: 44% респондентов отметили создание условий для развития профессиональной компетенции (навыков); 41,4% сотрудников указали на

обеспечение возможностей для карьерного продвижения работников (наиболее характерно для крупного бизнеса – 53,1%). Было установлено, что наличие опыта работы в рамках одной компании оказывает влияние на заинтересованность сотрудников в мероприятиях по реализации индивидуальных профессиональных способностей: относительно молодые работники (стаж работы – от 0 до 5 лет) чаще отмечают обучающие и развивающие мероприятия по сравнению с более опытными респондентами, стаж работы которых составляет более 10 лет. Каждый четвертый респондент указал на отсутствие подобных мероприятий в волгоградских бизнес-организациях (28,3%), а каждый пятый отметил, что подобного рода процедуры проводятся как каждый месяц, так и один раз в год, что свидетельствует о нерегулярности действий компаний в данном направлении работы с собственным персоналом. Учитывая масштабы волгоградских бизнес-организаций, реализация различных обучающих мероприятий и тренингов больше характерна для крупных компаний, которые проводят их каждый месяц (27,3%), а сотрудники малого (36,5%) и среднего (24,3%) бизнеса чаще отмечают отсутствие подобного рода мероприятий, что является основным препятствием для полноценной и успешной реализации наиболее востребованного направления среди персонала.

По мнению сотрудников волгоградских бизнес-организаций, наиболее распространенным видом деятельности в рамках формирования социальной защиты персонала является предоставление социальных гарантий, льгот и компенсаций (41,3%); на втором месте оказалось корпоративное медицинское страхование (31,4%), которое чаще всего реализуется крупным бизнесом (39,9%) и встречается у сотрудников со стажем работы от 10 до 15 лет (44,7%), что может отражать как заинтересованность руководства в поддержке стабильных сотрудников различными социальными бонусами, так и во внимании со стороны более опытных респондентов к данному инструменту. Каждый пятый работник отметил оказание социального помощи отдельным категориям сотрудников (20,6%). В целом, полученные результаты отражают реальное осуществление подобной деятельности в волгоградских компаниях.

Анализ практического использования направления по развитию организационной (корпоративной) культуры в вол-

гоградских бизнес-структурах выявил следующие распространенные мероприятия: формирование единых внутрикорпоративных ценностей и норм (32,3%), которое чаще всего отметили сотрудники средних и крупных организаций, а также привлечение коллектива к определению и решению внутрикорпоративных задач (31,7%), которое больше характерно для малого бизнеса. Оценка ситуации в отношении проведения различных внутрифирменных неформальных мероприятий оказалась весьма неоднозначной, так как каждый четвертый респондент отметил проведение подобных событий только «раз в год»; 23,7% сотрудников указали организацию таких мероприятий «раз в полгода», а каждый пятый сотрудник указал на отсутствие подобного рода процедур в своей организации. В целом, каждая третья волгоградская компания заинтересована в формировании благоприятного микроклимата в компании, где транслируются общие модели поведения, а персонал является непосредственным участником в осуществлении различного рода мероприятий как производственного, так и развлекательного характера.

Реализация любого рода социальных направлений должна включать проведение комплексной оценки степени удовлетворенности целевой аудитории предлагаемыми мероприятиями, где в волгоградских бизнес-структурах порядка 45% респондентов (61,4% с опытом работы в компании от 5 до 10 лет) отметили частичную степень личной удовлетворенности реализуемыми мерами, что обусловлено размером перечня предлагаемых мероприятий (56,7%) и возможностью участия сотрудников при разработке и реализации социально-ориентированных мер в своей компании (49,4%). Опрашиваемые, которые удовлетворены «в полной степени» (26%), чаще отмечали уровень доступности предлагаемых услуг (32%), благоприятный социально-психологический климат (30,6%) и степень уверенности работников в предлагаемых условиях и программах (30,3%). Для каждого пятого работника, который неудовлетворен предлагаемыми компанией социально-ориентированными мерами, играет роль размер перечня предлагаемых мероприятий (23,3%), факт учета интересов и мнений сотрудников (20,9%), а также хорошие отношения между руководителями и подчиненными (20,5%). В итоге было установлено, что женщины оказались наиболее удовлетворенными предлагаемыми мероприятиями внутренней социальной политики в своей бизнес-

организации по сравнению с представителями сильного пола (48,5% против 38,8%).

Выявление уровня удовлетворённости сотрудников реализуемыми мероприятиями в области внутренней социальной политики обусловлено анализом наиболее влияющих факторов. Согласно проведенному исследованию, больше половины респондентов (58,9%) отметили учет мнений и интересов сотрудников при разработке и реализации мер как наиболее значимый маркер, где количество приверженцев данной позиции уменьшается с течением времени пребывания в организации, что может быть обусловлено снижением активности участия сотрудников по реализации социально-ориентированных мер в компаниях. Стоит отметить, что реальная практика в волгоградском бизнесе складывается следующим образом: 38,6% респондентов отметили, что их мнение, потребности и интересы скорее учитываются, чем нет, где основными причинами неполноценного учета мнений персонала выступают разобщенность или динамика мнений, пассивное поведение сотрудников и невозможность учета абсолютно всех мнений. Несмотря на то, что больше половины сотрудников относительно положительно оценили данный аспект, полученные результаты демонстрируют наличие проблемных зон, что обусловлено следующими факторами: отсутствие заинтересованности руководства (43,4%); пассивное поведение сотрудников (39,7%) и ориентация на стратегические цели бизнес-организации, а не на отдельные запросы персонала (29,7%). Вторым по значению фактором выступили хорошие отношения между сотрудниками и руководством (48,9%), который отметили более половины респондентов с опытом работы в разных вариантах (55,6% – старше 60 лет; 54% – стаж более 15 лет), что доказывает влияние характера взаимоотношений с руководителями на уровень удовлетворённости более опытных сотрудников. Третьим фактором выступил благоприятный социально-психологический климат в коллективе после реализации различных социальных мероприятий в компании (41,1%).

Наиболее популярными средствами и каналами, которыми пользуются волгоградские бизнес-организации для информирования сотрудников о проводимых мероприятиях в области внутренней социальной политики, являются проведение общих собраний коллектива (планёрки) (53,1%), что больше характерно для крупного бизнеса; межличностное общение между руководителем и сотрудниками (52%), что

подтверждает популярность практики «очного взаимодействия в бизнес-организациях» и чаще используется в малых и средних компаниях (детерминировано фактической частотой возможных контактов), а также используются чаты в различных мессенджерах (40,9%), что обусловлено развитием современных электронных коммуникаций. 40,6% респондентов, которые «скорее информированы, чем не информированы», отметили использование корпоративного чата на официальном портале (48,8%), проведение общих собраний (планерок) (45,7%), а также корпоративную рассылку официального письма на электронные ящики сотрудников (44,8%), что, скорее всего, больше обусловлено масштабом бизнеса – крупные компании имеют больше разнообразных средств для коммуникации с персоналом. 30% респондентов отметили полную информированность благодаря наличию корпоративных газет (40%) и корпоративному чату на официальном портале (39%) несмотря на то, что в общей выборке данные каналы не столь популярны (10% и 11,7% соответственно).

Практика проведения очных встреч для выявления и решения социальных проблем сотрудников подтвердилась позициями почти 30% респондентов, которые указали на их осуществление каждый месяц, однако 26,6% работников отметили, что подобного рода мероприятия не проводятся в их компании, что отражает следующую ситуацию: больше половины опрошенных принимают участие в подобных встречах с различной степенью периодичности, что подтверждает факт заинтересованности руководителей в состоянии собственных сотрудников, однако желаемая позиция респондентов оказалась более активной в сравнении с реальной практикой – 42,9% отметили, что такие встречи необходимо организовывать на ежемесячной основе.

Оценка позиций работников в отношении участия в управлении внутренней социальной политикой весьма неоднозначна. Например, 55,1% респондентов отметили, что сотрудники должны принимать ограниченное участие в данном направлении деятельности. 30,9% опрошенных полагают, что работники должны быть включены в процесс управления внутренней социальной политикой в полной мере, однако на практике реализуется иначе – 40,9% опрошенных (чаще – сотрудники среднего и крупного бизнеса) отметили, что не участвуют в данном направлении в своей компании, а 39,4% персонала малого бизнеса отметили частичное вовлечение

в формирование и реализацию мероприятий внутренней социальной политики, что обусловлено активным использованием всех человеческих ресурсов в малом бизнесе.

Внутренняя социальная политика ориентирована на выстраивание благоприятных и продуктивных взаимоотношений между руководителем (компанией) и сотрудниками, где одним из ключевых компонентов выступает формирование доверия. Основными факторами, которые способны повлиять на уровень доверия к мероприятиям внутренней социальной политики, выступают уровень информированности сотрудников о предлагаемых мерах (60,3%); открытое и прямое обсуждение насущных задач и проблем с руководством (47,4%), а также демонстрация результатов работы после проведения запланированных социальных мероприятий (42,9%). В целом, полученные данные свидетельствуют о том, что порядка половины сотрудников (45,7%) «скорее доверяют, чем нет» предлагаемым мероприятиям и инструментам внутренней социальной политики в своей компании, что является относительно хорошим показателем и, в первую очередь, обусловлено высоким уровнем их информированности, степенью доступности предлагаемых социально-ориентированных мер, а также наличием благоприятных взаимоотношений с руководящими лицами бизнес-организаций.

Проанализировав наиболее востребованные и эффективные инструменты внутренней социальной политики для волгоградских сотрудников, автором были выявлены следующие мероприятия: 1) мотивационные схемы оплаты труда и поощрения персонала (49,1%), имеющие схожее значение для представителей разного пола; 2) социальные (компенсационные) пакеты (46,9%), которые наиболее востребованы среди разведенных респондентов (65,8%), а также корпоративное социальное страхование (40,3%), набирающее актуальность с увеличением опыта работы в компании (36,4% сотрудников с опытом работы менее года, 54,5% – для персонала от 5 до 10 лет, 44,4% работников со стажем более 15 лет). Стоит отметить, что для сотрудников среднего бизнеса оказалось наиболее востребованным развитие социальной инфраструктуры (42,9%). Отдельного внимания заслуживает коллективный договор, актуальность которого поддержал каждый четвертый работник (27,1%), что обусловлено заинтересованностью сотрудников в защите собственных прав и

интересов со стороны компании, а также подтверждается исследованием И. В. Долгоруковой: «73% опрошенных руководителей государственных предприятий подтвердили заключение коллективного договора с профсоюзом, так как в общей сложности 85% руководителей частных компаний указали на отсутствие подобного договора; 51,3% сотрудников подтвердили отсутствие профсоюзной организации, 38,2% указали на наличие подобного органа и 10,5% респондентов не знают о существовании профсоюза в их компании» – сложившаяся ситуация отражает неполноценную степень удовлетворенности сотрудников в дополнительной защите, что обусловлено ограничениями на вступление в профсоюз, неполноценным осуществлением заявленных функций или низкой степенью информированности о существовании и результатах работы организации, что приводит к снижению значимости роли профсоюзов [2, С. 264].

Отдельный интерес представляет сравнительный анализ фактических инструментов внутренней социальной политики, которые предлагаются волгоградским сотрудникам в зависимости от масштаба бизнеса, с данными социологического исследования, проведенного В. А. Сагайдак в 2015 году [4, С. 82-83]. В процессе сравнения было выявлено, что для представителей малого бизнеса ситуация значительно улучшилась за последние 7 лет, поскольку работники отметили фактическое использование следующих инструментов внутренней социальной политики: 1) материальные мероприятия включают денежное вознаграждение по праздникам (31,4%), оплату обучения работников (27%), а также предоставление прогрессивных выплат за выслугу лет (21,2%); 2) нематериальные инструменты характеризуются вручением корпоративных подарков (32,8%), приобретением продукции / услуг, производимых организацией (31,4%), а также предоставлением билетов в различные досугово-развлекательные центры и культурно-просветительские учреждения. Использование материальных инструментов социальной политики в крупных и средних компаниях претерпело небольшие изменения, где денежное вознаграждение по праздникам и ориентация на обучение (оплата процесса обучения или предоставление оплачиваемых учебных отпусков) стало более частым явлением, что заменило оплату проезда и мобильной связи. Однако в использовании нематериальных инструментов крупным и средним бизнесом не наблюдается

колоссальных отличий за последние 7 лет, поскольку большинство мер сохранилось с течением времени (приобретение продукции и услуг, производимых организацией; предоставление в пользование служебного автомобиля; пользование домами отдыха и детскими лагерями по льготам и другое), что подтверждает репрезентативность проведенного опроса. Небольшим изменением выступила переориентация с оплаты учебных отпусков работникам на предоставление возможности обучаться во внутрикорпоративных центрах и бизнес-школах в крупных организациях, что могло быть обусловлено распространением коронавирусной инфекции в последнее время. Стоит отметить, что целесообразность и эффективность использования различных инструментов внутренней социальной политики целесообразно оценивать, используя периодический мониторинг (опросы среди сотрудников), что подтверждается результатами стандартизированного интервью с сотрудниками в исследовании Е.И. Нефедьевой и Д. М. Гаврисенко: «Следует уделить внимание регулярному проведению опросов по эффективности инструментов нематериального стимулирования, применяемых в компании» [3, С. 64].

Планирование и реализация любого вида социально-ориентированной деятельности в бизнес-структурах ориентировано на получение положительного результата, который в волгоградских компаниях характеризуется положительным социально-психологическим климатом (55,7%); высоким уровнем мотивации труда сотрудников (51,7%); повышением показателей производительности труда (47,1%), а также высоким уровнем вовлеченности и лояльности коллектива (46,6%). Согласно представлениям волгоградских сотрудников, основными проблемными зонами, которые мешают (или способны помешать) процессу эффективной реализации мероприятий внутренней социальной политики, выступают отсутствие правильного и полноценного понимания роли внутренней социальной политики руководителем (39,1%), что более характерно для представителей среднего (38,6%) и крупного (44,1%) бизнеса; низкая осведомленность сотрудников о реализуемых мерах в области внутренней социальной политики (34,%), которая чаще встречается в крупных организациях (39,2%), на третьем месте респондентами были одинаково оценены такие факторы, как столкновение интересов сотрудников и руководителей (наиболее значимо для среднего бизнеса – 40%) и ограниченность различного

рода ресурсов (чаще проявляется в малых компаниях – 43,8%). Последний аспект подтверждается исследованием И. В. Василенко, которая отмечает влияние фактического доступа к ресурсам на уровень развития малого бизнеса, где основным источником покрытия финансовых затрат в волгоградском регионе чаще выступает оформление банковских кредитов (56%), а также получение в долг средств у родственников и друзей (17%) или личные сбережения предпринимателей (17%) [1, С. 95]. Стоит отметить, что наиболее превалирующего фактора выявить не удалось, что свидетельствует о необходимости осуществления разноплановых действий при разработке корректирующих мероприятий для разрешения проблемных зон в управлении внутренней социальной политикой волгоградских бизнес-организаций.

Оптимизация реальной ситуации включает проработку и анализ действий и мероприятий, на которые больше всего указали респонденты: почти половина сотрудников (49%) отметили необходимость учета реальных мнений и интересов персонала при разработке мероприятий; 38,4% посоветовали наладить систему сбора обратной связи между руководителями и подчиненными (чаще в малом и крупном бизнесе); 34,7% опрошиваемых (больше для среднего бизнеса) считают, что благодаря разработке официальной программы управления внутренней социальной политикой можно изменить реальную ситуацию в лучшую сторону.

Подводя итоги проведенного социологического исследования, необходимо отметить, что практика реализации мероприятий внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях, согласно представлениям сотрудников, фактически присутствует, но требует систематических корректировочных действий в отношении проблемных зон, которые были выявлены в ходе анкетного опроса. Было установлено, что работники весьма заинтересованы в процессе формирования и реализации социально-ориентированных действий в своей компании, но соотношение желаемого и реального состояния оставляет желать лучшего: потенциальная активность сотрудников не подтверждается аналогичной возможностью реализовать свои интересы и запросы на практике. Однако, несмотря на фактические ограничения по осуществлению активных действий, большинство респондентов относительно удовлетворены и доверяют действиям своих работодателей, что является положительным моментом. Учитывая нестабильность и сложность

ситуации, в которой приходится функционировать современным бизнес-структурам, сотрудники полагают, что волгоградские компании будут использовать внутреннюю социальную политику как один из способов воздействия на эффективное управление человеческими ресурсами посредством расширения перечня социально-ориентированных мер и программ, большая часть которых будет включать материальные инструменты и методы воздействия.

Литература

1. Василенко, И. В. Волгоградское малое предпринимательство: тенденции развития делового пространства / И. В. Василенко // *Logos et Praxis. Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2012. – № 1 (16). – С. 90-98.

2. Долгорукова, И. В. Разнообразии социальных практик реализации корпоративной социальной политики на российских предприятиях / И. В. Долгорукова // *Материалы Афанасьевских чтений*. – 2015. – № 13. – С. 262-266.

3. Нефедьева, Е. И., Гаврисенко, Д. М. Внутренняя социальная политика организации как элемент корпоративной социальной ответственности (на примере ООО «Иркутская нефтяная компания») / Е. И. Нефедьева Д. М. Гаврисенко // *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 51-70.

4. Сагайдак, В. А. Основные инструменты формирования внутреннего социального имиджа волгоградских бизнес-организаций: социологический анализ / В. А. Сагайдак // *Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2016. – № 2 (32). – С. 79-85.

YU.A. SEMIKOLENNOVA
Post-graduate Student of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology Volgograd Institute
of Management – Branch of RANEPA

Assessment by employees of the management system of internal social policy of business organizations: sociological analysis (based on the materials of Volgograd)

The article presents the results of a questionnaire survey of employees to assess the management system of internal social policy in Volgograd business organizations. The respondents' opinion on the definition of the essence of the internal social policy in the company is analyzed and the degree of its actual implementation is established. The key factors and motives contributing to the implementation of socially-oriented activities in Volgograd business structures are identified. The most popular areas of internal social policy for employees are identified and common types of socially oriented activities in organizations are identified. The degree of satisfaction of employees with the proposed measures of internal social policy is analyzed, and the factors influencing this indicator are determined. The most popular means and channels of informing staff about socially-oriented events in Volgograd companies have been identified. The degree of actual and desired participation of respondents in the management system of internal social policy of business structures is revealed; the degree of trust of employees is determined and the factors influencing are established. The most popular and actually implemented tools of internal social policy are analyzed, comparative analysis data are presented. The problem areas that influence the process of implementing internal social policy in companies are identified; corrective measures are identified. At the end of the article, prospects in the management system of the internal social policy of Volgograd business organizations are noted.

Keyword: *internal social policy, business organization, employees, directions, factors, motives, tools.*

Literature

1. Vasilenko, I. V. Volgograd small entrepreneurship: trends in the development of the business space / I. V. Vasilenko // *Logos et Praxis. Bulletin of Volgograd State University*. – 2012. – № 1 (16). – Pp. 90-98.
2. Dolgorukova, I. V. Diversity of social practices of corporate social policy implementation at Russian enterprises / I. V. Dolgorukova // *Materials of Afanasiev Readings*. – 2015. – No. 13. – Pp. 262-266.
3. Nefedieva, E. I., Gavrisenko, D. M. Internal social policy of an organization as an element of corporate social responsibility (on the example of Irkutsk Oil Company LLC) / E. I. Nefedieva, D. M. Gavrisenko // *Social entrepreneurship and corporate social responsibility*. – 2021. – Vol. 2. – No. 1. – Pp. 51-70.
4. Sagaidak, V. A. The main tools for the formation of the internal social image of Volgograd business organizations: sociological analysis / V. A. Sagaidak // *Bulletin of Volgograd State University*. – 2016. – № 2 (32). – Pp. 79-85.

Е.И. ВОСТРОВА

**аспирант кафедры социологии управления
факультета государственного управления**

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: ev.vostrova@mail.ru

Большие данные как инструмент преобразований в туристической отрасли

В статье рассматриваются роль и перспективы развития технологий Больших данных (Big Data) в российской туристической индустрии. Их применение позволяет выстроить эффективную деятельность власти и бизнес-сообществ, совершенствовать и персонализировать тревел-услуги, развивать внутренний туризм. Активное применение технологий Big Data в бизнес-процессах становится неотъемлемой частью интенсивной цифровизации и вектором переориентирования всей туристической сферы. Автором представлен опыт использования Больших данных российскими компаниями, а также определены проблемные стороны их внедрения в индустрии, сделан вывод о том, что цифровые технологии должны быть ориентированы на улучшение качества туристической практики, предполагая разумность и устойчивость как правильную парадигму для улучшения качества жизни и социальных ценностей туристов и местных жителей.

Ключевые слова: Big Data, умный туризм, гостеприимство, геоданные, цифровизация бизнес-процессов.

Владение информацией и возможность высокой точности прогнозирования являются важными инструментами в реализации стратегий государственного масштаба. Мультипликативный эффект использования технологий Big Data в туристической индустрии позволяет выстроить эффективную деятельность власти и бизнес-сообществ, совершенствовать и персонализировать тревел-услуги, развивать внутренний туризм.

В туристическом секторе активно используются цифровые технологии обработки данных, идет поиск новых траекторий их применения. В контексте внедрения цифровых преобразований в индустрию экспертное сообщество все чаще

применяет выражения «умный туризм» и «туризм 4.0»¹. Цифровая революция и технологии радикально поменяли язык и концепции деятельности индустрии. Сегодняшний туризм уже стал «4.0», но все еще продолжает становиться «умным» [1]. Здесь подразумевается совершенствование «умных» туристических направлений и городов, навигационных карт и автомобилей, экосистем и др.

Исследование «умной» индустрии туризма сегодня остается новой темой в исследованиях, которая требует интеграции знаний из ряда различных отраслей, а именно в области информационных систем о поведении туристов в поездках, маркетинговых исследований, городского планирования, управления туристическими направлениями, аналитики данных.

Поведение путешественников трансформируется в современных условиях, в том числе, на этот процесс повлияла пандемия Covid-19. UNWTO отмечает, что за всю историю развития отрасли впервые из-за пандемии и ограничительных мер на поездки количество международных прибытий сократилось на один миллиард или на 74% относительно 2019 года [2]. Это историческое событие внесло изменения в модели поведения туристов и локации максимального сосредоточения, однако именно эти данные могут быть применены с пользой в развитии регионального туризма.

Появление Big Data обусловлено технологиями нашей повседневной жизни. Источниками таких данных являются электронные ящики, клики и переходы по сайтам Интернета, транзакции по банковским картам, социальные сети, сведения о роуминге мобильных телефонов, QR-коды и др. Технологии и методы анализа позволяют получить отличный инструмент при разработке туристических продуктов и предложений, который не только поможет в работе, но и спрогнозирует результаты. Фундаментальное различие новых данных заключается в их охвате всей совокупности населения и самообновлении в онлайн-режиме с пространственно-временными метками о туристической деятельности. Эксперты отмечают, что в отраслевые туристические организации, конкурируя между собой, в ближайшем будущем активно начнут использовать в своей повседневной деятельности инструменты бизнес-аналитики [3, с. 69].

¹ Туризм 4.0 происходит от современной парадигмы в промышленности, известной как Индустрия 4.0.

Активное применение технологий Big Data в бизнес-процессах становится неотъемлемой частью интенсивной цифровизации и вектором переориентирования всей сферы. Масса идей и примеров успешного использования Big Data во внешнем мире неоченима и многим известна. Но можем ли мы утверждать о достигнутых полезных результатах в российской туристической индустрии сегодня?

Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2018 году отметил, что наша страна должна стать одним из мировых центров хранения, обработки, передачи и надёжной защиты Больших данных [4]. В «Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» технологии обработки Big Data обозначены в числе передовых для мировой индустрии [5]. В то же время согласно «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года» силы направлены на развитие цифровых технологий в стране, которые включают перевод государственных услуг, связанных с функционированием отраслевой деятельности в электронную форму, интеграцию информационных ресурсов страны, а также применение технологий при разработке и реализации проектов в туристической сфере [6].

В России сегодня разрабатывается цифровой профиль туриста с целью определения потребностей путешественников в определенном регионе, а также выявления их нереализованного спроса [7]. В разработке проекта принимают участие телекоммуникационные компании, банки, мобильные операторы, перевозчики, туроператоры, соцсети и сайты с отзывами. Эксперты предполагают, что сведения банковского сектора могут стать базовыми в формировании туристического портрета, так как банки располагают информацией о тратах путешественников, в том числе выборе категорий отелей и направлений поездки [8].

Изучение потребностей и уровня удовлетворенности продуктом позволяет заинтересованным сторонам туристического сектора сконцентрироваться на привлечении фокусной аудитории, реализовать проекты и программы лояльности с учетом запросов потребителей, благодаря которым спрос на представляемые продукты увеличится, улучшить характеристики продукта или создать более совершенный, узнать поведение индивидов и социальных групп в сетях, предпочтения, проанализировать социальный профиль пользователей.

Технологии Big Data также применяются для анализа туристических потоков, создаются аналитические инструменты с глубоким охватом данных и прогнозирования целевых показателей. Например, панель «Туризм» на платформе «СберАналитика» [9] позволяет оценить вклад отрасли в региональную экономику, определить приоритеты развития индустрии. В 2020 году на основе Big Data разработан первый индекс по развитию туризма в регионах России. Анализируя обезличенную информацию и визуализируя данные в интерактивном формате, сервис создаёт продукты для бизнеса и госсектора.

Создание еще одной цифровой платформы «МТС.Регион» позволило провести анализ туристических потоков, а именно проследить реальное количество туристов, среднюю продолжительность в поездке, наиболее популярный транспорт и локации [10]. Big Data предоставили возможность составить среднестатистический «портрет», содержащий социально-демографические характеристики, уровень дохода и сферу интересов туриста. На основе данных платформы сгенерирован региональный рейтинг, показывающий места отправления туристов в поездку, показаны объекты притяжения, объем турпотока, анализ сезонности и приоритетные направления для развития авиасообщения.

Важно отметить, что выход на цифровые аспекты управления индустрией с применением технологий Big Data является основным фактором рационального и эффективного обеспечения использования природно-рекреационного потенциала при создании туристских продуктов в регионе [11, с. 50-51].

С применением инструментов обработки больших массивов информации сегодня разрабатывается дизайн путешествий, персонализируются предложения в сфере туризма и гостиничного бизнеса, применяется компьютерное зрение для сегментации клиентской базы, распознавания жестов и биометрии, оптимизируется работа туроператоров посредством использования чат-ботов, анализа текстов и публикаций в социальных сетях и другим важным линиям развития индустрии. Благодаря анализу данных стало возможно выводить рекламу только заинтересованной в определенном продукте аудитории, основываясь на модели RTB (технологии аукциона рекламы в реальном времени).

Говоря о широкой интеграции и повсеместном применении Big Data в российской туристической отрасли можно выделить три ключевые проблемы.

1. Для эффективного управления развитием туристских пространств необходимо формирование единой методологии сбора, обработки и анализа данных, отражающий уровень развития сферы. Сегодня в России отсутствуют реализованные проекты, позволяющие решать комплекс этих задач. Ввиду этого снижается эффективность управления туризмом на государственном и региональном уровнях [12].

2. Высокий уровень инвестиционных вложений в интеграцию Big Data доступен не для каждой организации. Вместе с тем окупаемость инвестиций может растянуться на продолжительный период времени.

3. Существует риск сохранности конфиденциальной информации, при котором может произойти утечка данных, кибератаки. Ввиду этого возникает потребность создания усиленной защиты хранилищ данных.

С каждым днем общество погружается все больше в цифровую среду, в которой архитектуры больших объемов информации проникают и усиливают свое влияние во всех сферах жизнедеятельности. С начала периода пандемии Covid-19 наблюдается тенденция усиления роли цифровых технологий в путешествиях, которая станет ведущей в будущем в информировании и подборе туристических продуктов.

Итак, в туризме опыт внедрения технологий позволяет направить силы на решение задач по эффективному использованию инструментария Больших данных, стимулирующего развитие туристской деятельности в регионе и в стране. Существующие проблемы широкого внедрения Big Data ожидают постепенных решений, которые возможно выработать совместными усилиями бизнес-сообществ, властными структурами и обществом. Технологии туризма 4.0 должны быть ориентированы на улучшение качества туристической практики, предполагая разумность и устойчивость как правильную парадигму для улучшения качества жизни и социальных ценностей туристов и местных жителей.

Литература

1. Pencarelli T. The digital revolution in the travel and tourism industry // Information Technology & Tourism. 2020. 22 (3). P 455-476.

2. UNWTO: количество туристов в мире сократилось на 74%. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54073.html> (дата обращения: 11.04.2022).

3. Першина Э.С., Дараган С.В. От больших данных к продвинутой аналитике в индустрии туризма // Научный вестник МГИИТ. 2018. № 2(52). С. 60-69.

4. Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 11.04.2022).

5. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 N 2036-р (ред. От 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/ (дата обращения: 11.04.2022).

6. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/162ussian162/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoj-federatsii-v-period-do-2035-goda> (дата обращения: 11.04.2022).

7. Ассоциация Больших Данных. В России создадут цифровой профиль туриста. URL: https://rubda.ru/association_news/v-rossii-sozhdadut-czifrovoj-profil-turista/ (дата обращения: 11.04.2022).

8. ТАСС. В России создадут цифровой профиль туриста. 05.04.21. [Электронный ресурс] – URL: https://tass.ru/ekonomika/11072193?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.04.2022)

9. СберИндекс. Туризм. Объективная оценка состояния туристической отрасли в России. URL: https://sberindex.ru/ru?partition=9&_ga=2.145058420.1100907868.1649680753-1744599890.1649680753 (дата обращения: 11.04.2022).

10. МТС запустила платформу для эффективного управления регионом на основе Big Data. 02.09.2021 URL: <https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-i-mire/2021-09-02/mts-zapustila-platformu-dlya-effektivnogo-upravleniya-regionom-na-osnove-big-data> (дата обращения: 11.04.2022).

11. Онищенко Е. В., Слепченко В. А. Природнорекреационный потенциал региона: возможности и перспективы использования в постпандемийный период // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2021. Т. 8, № 3. С. 40-54.

12. Ермаков Б.А., Арефьев А.С., Леонова А.В. Информационные технологические платформы на основе big data и геоданных как основной инструмент цифровой трансформации современного туристского пространства // Вестник Национальной академии туризма. 2021. №1(57). С. 27-30.

E.I. VOSTROVA
Post-Graduate Student
of the Department of Sociology of Management,
School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University

Big data as a tool for transformation in the tourism industry

The article discusses the role and prospects for the development of Big Data technologies in the Russian tourism industry. Big Data technologies make it possible to build effective activities of government and business communities, improve and personalize travel services, and develop domestic tourism. The active use of Big Data technologies in business processes is becoming an integral part of intensive digitalization and a vector of reorientation of the entire sphere. The author presents the experience of using Big Data by Russian companies, as well as identifies the problematic aspects implementation in the industry, concludes that digital technologies should be focused on improving the quality of tourism practice, assuming rationality and sustainability as the right paradigm for improving the quality of life and social values tourists and local residents.

Keyword: *Big Data, smart tourism, hospitality, geodata, digitalization of business processes.*

Literature

1. Pencarelli T. (2020) The digital revolution in the travel and tourism industry // Information Technology & Tourism. 22 (3). P 455-476.
2. UNWTO: The number of tourists in the world has decreased by 74%. Available from: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54073.html> (accessed: 04/11/2022).
3. Pershina E.S., Daragan S.V. (2018) From big data to advanced analytics in the tourism industry // Scientific Bulletin of MGII. No. 2(52). Pp. 60-69.
4. Message from the President to the Federal Assembly. 03/01/2018. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 04/11/2022).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of November 1, 2013 N 2036-r (as amended on October 18, 2018) "On approval of the Strategy for the development of the information technology industry in the Russian Federation for 2014-2020 and for the future until 2025. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/ (accessed: 04/11/2022).
6. Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035. Available from: <https://tourism.>

gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda (accessed: 04/11/2022).

7. Big Data Association. In Russia, a digital profile of a tourist will be created. Available from: https://rubda.ru/association_news/v-rossii-sozdadut-czifrovoj-profil-turista/ (accessed: 04/11/2022).

8. TASS. In Russia, a digital profile of a tourist will be created. 04/05/21. Available from: https://tass.ru/ekonomika/11072193?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 04/11/2022)

9. SberIndex. Tourism. An objective assessment of the state of the tourism industry in Russia. Available from: https://sberindex.ru/?partition=9&_ga=2.145058420.1100907868.1649680753-1744599890.1649680753 (accessed: 04/11/2022).

10. MTS has launched a platform for efficient management of the region based on Big Data. 09/02/2021 Available from: <https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-mire/2021-09-02/mts-zapustila-plattformu-dlya-effektivnogo-upravleniya-regionom-na-osnove-big-data> (accessed: 04/11/2022).

11. Onishchenko E. V., Slepchenko V. A. (2021) Natural and recreational potential of the region: opportunities and prospects for use in the post-pandemic period // Scientific result. Business and service technologies. V. 8, No. 3. S. 40-54.

12. Ermakov B.A., Arefiev A.S., Leonova A.V. (2021) Information technology platforms based on big data and geodata as the main tool for the digital transformation of modern tourism space // Bulletin of the National Academy of Tourism. No. 1(57). Pp. 27-30.

А.С. ВАНТЯЕВА
*аспирант Высшей школы современных
социальных наук, кафедры социологии знания
МГУ имени М.В. Ломоносова*
E-mail: vant-anastasia@mail.ru

Обзор отечественных концепций трансформации общества в условиях внедрения интеллектуальных робототехнических систем

Статья посвящена анализу трансформации российского общества в условиях внедрения интеллектуальных робототехнических систем. Последние десятилетия мы наблюдаем активное использование новых технологий в различных сферах жизнедеятельности. И если раньше умные машины были только элементами промышленного сектора, то сегодня они являются уже неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Интеллектуальные устройства используются в быту, промышленности, сельском хозяйстве, медицине, образовании и многих других отраслях для автоматизации различных процессов, а также в качестве умных помощников.

В статье описан процесс развития интеллектуальных робототехнических систем, проанализированы различные взгляды и концепции отечественных ученых относительно внедрения новых технологий в различные сферы общества, а также выделены основные эффекты и последствия использования данных технологий на основе изученных работ.

Ключевые слова: *роботизация, технологизация общества, искусственный интеллект, новые технологии, интеллектуальные робототехнические системы.*

В ходе своего развития человеческая цивилизация претерпела ряд коренных изменений в ходе научно-технических революций начиная со второй половины XVIII века – с момента появления парового двигателя. Создание технического оборудования на основе использования воды и пара

значительно увеличило силу людей и сократило использование тяжелого труда. Появление электричества во второй половине XIX века дало возможность наладить поточное производство и создать систему разделения труда. Создание вычислительной техники в середине XX века помогло автоматизировать производство, а последующее развитие новых технологий повлекло еще более глубокие изменения.

Следующая эпоха глобальных перемен пришлось на начало второго десятилетия XXI века, когда ученые начали говорить про четвертую научно-техническую революцию, в рамках которой происходит все более активное внедрение робототехнических систем, искусственного интеллекта и машинного обучения во все сферы жизнедеятельности современного общества.

Российское общество и сферы его жизнедеятельности также претерпели изменения в связи с появлением новых технологий. В связи с чем многие отечественные ученые попытались оценить эффекты, которые оказывают инновации на жизнь общества. Более подробно их взгляды и концепции будут рассмотрены ниже.

Глобальные научно-технические и социальные трансформации, произошедшие в результате появления новых высокоинтеллектуальных технологий, не могли не оказать влияние на российское общество. В отечественной науке воздействие новых технологий на общество изучалось в контексте исторических трансформаций, а именно, научно-технической революции с последующими ее последствиями. Отечественные ученые старались оценить все риски и обозначить основные эффекты, к которым может привести активное развитие данной области.

В целом, стоит отметить, что успехи в сфере появления новых технологий в Советском Союзе были связаны с развитием космической, атомной и военной отраслей. Перед учеными стояла задача создания систем с высокой степенью автономности, что стало предпосылкой к развитию советской робототехники и задало вектор развития этой отрасли в современной России. Страна достигла хороших результатов в сфере разработки и производства промышленной робототехники, с помощью которой можно было минимизировать тяжелый ручной труд. После распада СССР отрасль была практически утрачена, но в последние годы силы государства, бизнесменов, ученых и других специалистов направлены на ее возрождение.

Активное развитие отрасли началось в 1973 году после утверждения программы Государственного комитета по науке и технике СССР, согласно которой должны были быть разработаны и внедрены в производство промышленные роботы. В 1973 году в ОКБ ТК были созданы и введены в эксплуатацию первые в стране подвижные промышленные роботы МП-1 и «Спрут». А в 1974 году постановлением Совета Министров СССР ОКБ ТК было назначено головной организацией по разработке промышленных роботов для машиностроения.

Новый класс автоматических систем изучался многими советскими учеными. Одним из них был Тимофеев А.В. В своей книге «Роботы и искусственный интеллект» автор пишет о роботах и системах искусственного интеллекта, которые открывают большие возможности для автоматизации как физической, так и интеллектуальной деятельности человека. [1] Ученый освещает ряд проблем, связанных с созданием и применением роботов и систем искусственного интеллекта, а также затрагивает вопросы экономического, психологического и социального характера, с которыми неизбежно приходится сталкиваться в рамках рассматриваемой проблематики.

Поскольку круг проблем, объединяемых термином «роботы» достаточно широк и весьма неоднозначен, первая глава книги посвящена определению данного термина. Robotами называются универсальные автоматические системы, способные обучаться в процессе активного взаимодействия с окружающей средой и предназначенные для имитации разнообразных операций, совершаемых человеком в процессе физического или умственного труда. [1] Также выделяются основные отличительные черты роботов, среди них: универсальность, способность к обучению и адаптации и многоцелевое назначение, которое подразумевает под собой автоматизацию физической и интеллектуальной деятельности человека. Перечисленные характеристики дадут возможность роботам выполнять некоторые виды физической или интеллектуальной работы, которые по определенным причинам не могут быть механизированы или автоматизированы иными способами.

Что касается основных экономических эффектов, то благодаря роботам не просто повышается экономическая эффективность автоматизации и улучшаются свойства технологических процессов. Изначально технологический процесс

представляет собой совокупность отдельных операций, некоторые из которых требуют участия человека, но применение роботов позволяет увязать и «сцементировать» операции разного типа, полностью автоматизировать технологический процесс. [1] А также автоматизация позволяет сократить затраты и сроки освоения новых видов продукции благодаря быстрой и гибкой перестраиваемости на производство новой продукции.

Говоря о психологических и социальных аспектах, Тимофеев делает акцент на том, что взаимодействие человека и робота должно обеспечивать экономическую эффективность и при этом гарантировать охрану здоровья, работоспособность и личную безопасность человека. Этого можно достигнуть благодаря взаимному приспособлению человека и робота. Но при этом распределение обязанностей между ними должно основываться на принципе: человеку – человеческое, а роботу – роботное. И интересы человека должны все же оставаться в приоритете, так как от уровня удовлетворения каждого человека отдельно зависит и степень удовлетворенности общества в целом.

Изучением промышленных роботов и анализом перспектив развития умных машин занимался также А. М. Неймарк – специалист в области автоматизации и роботизации производства. В своей работе «Роботы на службе человека» ученый анализирует процесс интеграции промышленных роботов в производство [2]. Поставленные на XXV и XXVI съездах КПССО задачи были направлены на развитие народного хозяйства страны с помощью ускорения темпов механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства. И эти задачи были поставлены не просто так, ведь надежность и высокий срок службы роботов делает их очень привлекательными для использования в различных отраслях промышленности.

Рассуждая об эволюции и перспективах развития промышленных роботов Неймарк выделяет три поколения робототехники. Первое поколение промышленных роботов, широко применяемых в 70-80-е гг., имеет электромеханические системы, программы и память, разомкнутую систему регулирования без обратной связи, определение координат осуществляется с помощью механических стопорных устройств и аналоговых преобразователей положения. У промышленных роботов второго поколения последователь-

ность операций и запоминание координат реализуются с помощью электронных схем, большая емкость памяти позволяет фиксировать координаты в цифровой форме, что допускает составление сложных программных операций. А роботы третьего поколения характеризуются уже наличием некоторых чувствительных устройств с высокой степенью восприимчивости и возможностью дать обратную связь.

Неймарк также изучает вопросы технико-экономической эффективности использования промышленных роботов в различных видах производств. Автор утверждает, что при определении технико-экономической эффективности внедрения промышленных роботов следует учитывать, с одной стороны, экономию от уменьшения всех затрат, достигнутых при этом: повышение производительности труда, снижение трудоемкости, расхода основных и вспомогательных материалов, энергии, сокращение производственного цикла, брака, повышение использования оборудования и т.п.; с другой стороны – необходимые дополнительные затраты, связанные с роботизацией, затраты на эксплуатацию, включая амортизационные отчисления, техническое обслуживание, новое программирование и наладку, перепрограммирование и переналадку и др. При определении экономического эффекта от повышения производительности труда за счет сокращения трудоемкости следует учитывать, что один робот может обслуживать несколько единиц оборудования и высвободить соответствующее число рабочих, а в ряде случаев несколько установленных последовательно роботов могут заменить большее число рабочих (например, три робота могут заменить от четырех до пяти человек).

Помимо Неймарка изучением развития роботов занимался еще один советский ученый – Бусленко В.Н. В своей книге «Наш коллега – робот» автор описывает эволюцию умных промышленных машин. Он выделяет четыре поколения роботов: [3]

- Нулевое поколение – «Робот Андроидович Автоматов», когда андроидами было принято считать «механических людей», которые являлись отражением механического века сжатых пружин. Но вскоре наступившая эра электричества и появились новые возможности для автоматизации производства.
- Первое поколение – «Обучаемые манипуляторы» (роботы с программным управлением). Эти роботы были предназначены для выполнения жестко запрограммированной

последовательности операций. Управление им осуществлялось по заранее сформированной программе и с соблюдением определенных условий функционирования.

- Второе поколение – «Очувствленные роботы». Это более усовершенствованный вид, наделенный способностью «чувствовать». И как считают некоторые ученые, робот, обладающий теми или иными чувствами, безопаснее, удобнее и точнее робота первого поколения.

- Третье поколение – «Роботы-интеллектуалы». Данный тип уже наделен различными рецепторами в виде датчиков внешней и внутренней информации: зрением, слухом, осязанием, обонянием, а также эффекторами, которые оказывают воздействие на окружающую среду: мышцы, или сервомоторы, приводящие в действие конечности. Но главным элементом такого организма является достаточно развитый мозг, роль которого исполняет центральный компьютер. Такой робот обладает вполне целесообразным поведением; по крайней мере, он не глупее обезьяны. Но при этом деятельность компьютера остается под контролем человека и тем самым может подвергаться воздействию в случае опасности.

Бусленко также говорит о том, что на этом эволюция роботов не закончится, они будут развиваться и дальше. Сейчас лишь закладывается фундамент новой реальности, в которой умение обращаться с роботами и компьютерами станет обыденным условием приобщения к цивилизации.

Изучением трансформации российского общества в условиях внедрения интеллектуальных робототехнических систем занимались в том числе и экономисты. Так, например, Головченко Е.И. изучал вопрос необходимости развития робототехники на современном этапе научно-технического прогресса и анализировал способы эффективного управления робототехникой. В своей диссертации на тему «Совершенствование управления развитием робототехники» ученый делал акцент на том, что с помощью робототехники вполне возможно решить пласт задач технического, экономического и социального характера на абсолютно новом уровне. [4] Однако для этого требуется методологическое обоснование основных направлений развития робототехники, совершенствование форм и методов управления.

Помимо изучения основных последствий внедрения интеллектуальных робототехнических систем в производство, ученые начали строить прогнозы относительно того, к чему

в будущем приведет интеграция робототехники в жизнь человека. Однако для нашей страны после распада СССР эти прогнозы были не очень красочными. Об этом писал российский ученый Химиченко А.А. Автор говорил, что развитие отечественной робототехники переживает тяжелые времена по некоторым причинам: во-первых, из-за финансирования государством всей научно-технической и исследовательской базы робототехники; а во-вторых, из-за стимулирования развития робототехники в СССР экономическим соперничеством между странами социалистического и капиталистического лагеря. [5] А с началом рыночных реформ организации, занимающиеся производством робототехники, остались без финансовой поддержки и каких-либо проектов по дальнейшему развитию их направления. Что в итоге привело к утрате конкурентоспособности отечественной робототехники на мировой арене.

Спустя некоторое время под влиянием всемирной глобализации и цифровизации наша страна вновь взяла вектор на развитие новых технологий. История этого развития проанализирована учеными технических наук, которые установили цикличность изменений, происходящих в технической сфере, и, как следствие, трансформации в социальной сфере. Так, например, Диане Секу Абдель Кадер в статье «Интеллектуальные роботы и многоагентные робототехнические системы: перспективы социальной интеграции» рассматривает социальные аспекты развития интеллектуальной робототехники. Ученый выделяет позитивные и негативные социальные последствия развития робототехники в разных сферах жизнедеятельности. Помимо выделения достаточно очевидных последствий развития новых технологий, таких как облегчение условий труда, увеличение количества благ на душу населения, автор также делает акцент на том, что интеллектуальная робототехника хранит в себе большой потенциал для развития духовной сферы, т.к. переложив часть работы на плечи техники сам человек сможет большее количество времени тратить на развитие своего творческого потенциала. [6] При этом созидательные способности человека будут многократно усилены возможностями робототехники. Однако, возможен и альтернативный вариант развития событий, когда необдуманное использование робототехнических систем приведет к обострению ряда проблем, связанных с экономической, политической и социальной сферами,

например: безработица, социально-политическое расслоение, отстранение людей друг от друга, обострение военных конфликтов и другое. Избежать подобных последствий можно лишь при надлежащем контроле за развитием и применением робототехники.

Изучением социальных последствий внедрения робототехнических систем занимается также Митренина М.Ю. В своей статье «Возможности человека и робототехники: кто станет объектом творчества?» автор пишет о том, что роботы имеют интеллектуальное преимущество перед многими людьми, поэтому если они будут использоваться повсеместно, то людям придется выстраивать отношения с ними, тем самым осваивать новые практики коммуникации. [7] И в связи с тем, что в перспективе возможности роботов способны превзойти человеческие, у автора появляется вопрос – для чего человек создает существо лучше себя? И возможно ли будет дать новые смыслы человеческому существованию после появления его более «совершенной версии» – большой вопрос, который автор оставляет открытым.

Помимо влияния на социальную сферу, внедрение робототехники оказывает колоссальное влияние и на экономику. Анализом экономических эффектов, а также влияния инноваций на благополучие общества занимались И. Л. Авдеева, А.П. Добрынина, В. А. Сухомлин, В.П. Куприяновский и др.

Известный экономист С.Ю. Глазьев, как и его коллеги, размышляет об институциональных вызовах, с которыми может столкнуться общество с связи с распространением и внедрением новых технологий. Ученый выделяет ряд вызовов, с которыми может столкнуться человечество в связи с наступлением цифровой революции: [8]

1. Угроза использования генно-инженерных технологий для создания опасных для человека микроорганизмов.
2. Клонирование людей.
3. Вживление различных кибернетических устройств.
4. Включение человеческих органов и их моделей в робототехнические устройства.
5. Выход из-под контроля способных к самоорганизации автономных роботомашинных систем.

Современные ученые-экономисты Акьюлов Р.И. и Сковпень А.А. анализируют воздействия искусственного интеллекта и робототехники на рынок труда. С развитием роботизации возникает острая проблема с наличием рабочих мест

на рынке труда, т.к. роботы заменяют работников, осуществляемых рутинную низкоквалифицированную работу. Новые профессии постепенно появляются, но для них нужны высококвалифицированные специалисты. Низкоквалифицированным работникам придется проходить переквалификацию для того, чтобы найти себе новое рабочее место. Пока что это не является актуальной для России проблемой, т.к. на сегодняшний день плотность роботизации в стране по общемировому рейтингу роботизации производства не такая высокая. Однако в перспективе проблема безработицы может затронуть 35,4 млн. Российских граждан. [9]

Лукичев П.М. также, как и его коллеги изучает влияние робототехники на рынок труда, однако рассматривает этот вопрос с точки зрения взаимосвязи между «постарением» рабочей силы и технологическими изменениями в современной экономике. Автор анализирует повышение спроса на роботов как в производстве, так и в обществе в связи увеличением числа работников старших возрастов. В своей статье «Технологические изменения и современные работники старших возрастов» автор акцентирует внимание на том, что в некоторых развитых странах была выявлена закономерность между повышением среднего возраста работников и увеличением спроса на роботов. [10]

В России рост количества работников старших возрастов тоже порождает ряд экономических и социальных последствий. С одной стороны, количество занятых остается на приемлемом уровне, не происходит увеличения нагрузки на государственный бюджет, работники старших возрастов остаются «в строю» и не сталкиваются с профессиональной и социальной изоляцией. Но, с другой стороны, они могут столкнуться с дискриминацией по возрасту, снижением профессионального статуса. Поэтому необходимо разработать новые стратегии по управлению работниками старших возрастов для их наиболее комфортной адаптации в той или иной организации.

Однако несмотря на серьезные и не всегда положительные трансформации рынка труда, мы все же не можем оставаться в стороне от актуальных мировых тенденций, связанных с развитием новыми технологий. Поэтому государству следует разработать правильную систему управления новым типом общества, в котором могли бы эффективно функционировать и люди, и интеллектуальные машины.

Проведенный анализ показывает, что на сегодняшний день существует немалое количество научных работ, посвященных изучению робототехники и искусственного интеллекта, внедрение которых вызывает серьезные трансформации общества.

Исследуемая проблематика постоянно находится в поле зрения ученых. Ей интересуются социологи, экономисты, IT-специалисты и многие другие. Межотраслевой подход к изучению данной проблематики обусловлен тем, что внедрение интеллектуальных робототехнических систем влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Особенно явные трансформации выявляются в экономической и социальной сферах, т.к. происходит постепенное внедрение роботов в промышленный сектор, что ведет к трансформации рынка труда, росту безработицы, а вместе с тем к изменению социального положения человека в обществе. Но, с другой стороны, именно эти трансформации предъявляют новые требования к правительству и населению страны, призывая их менять структуру экономики, повышать качество человеческого капитала.

Вероятность неблагоприятных последствий для некоторых слоев населения все же есть, однако для устранения этих последствий есть время. Поэтому правительству нашей страны необходимо тщательно проанализировать опыт более развитых стран, спрогнозировать возможные угрозы процесса роботизации, а также разработать и внедрить механизмы снижения этих угроз.

Литература

1. Тимофеев А.В. Роботы и искусственный интеллект. – Москва: Главная редакция физико-математической литературы издательства Наука, 1978. URL: <http://roboticslib.ru/books/item/f00/s00/z0000026/index.shtml>
2. Неймарк А.М. Роботы на службе человека. – Ленинград: Наука, 1982. URL: <http://roboticslib.ru/books/item/f00/s00/z0000027/index.shtml>
3. Бусленко В.Н. Наш коллега – робот. – Москва: Молодая гвардия, 1984. URL: <http://roboticslib.ru/books/item/f00/s00/z0000004/index.shtml>
4. Головченко Е.И. Совершенствование управления развитием робототехники: дис...канд. экон. Наук. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Москва, 1984.
5. Химиченко А.А. Перспективы робототехники // ЭКО. 2008. №9 (411). С. 85

6. Диане С.А.К. Интеллектуальные роботы и многоагентные робототехнические системы: перспективы социальной интеграции // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2016. №2 (12). С.78

7. Митренина М.Ю. Возможности человека и робототехника: кто станет объектом творчества? // Гуманитарная информатика. 2014. № 8.

8. Симченко Н.А., Нестеренко Е.С. Институциональные вызовы развития цифровой экономики в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2017. №3. С.4

9. Акьюлов Р. И., Сковпень А. А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // Дискуссия. 2019. № 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-transformatsii-sovremennogo-rynka-truda>

10. Лукичев П.М. Технологические изменения и современные работники старших возрастов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskie-izmeneniya-i-sovremennyye-rabotniki-starshih-vozrastov>

A.S. VANTYAEVA

Postgraduate student of the Higher School of Modern Social Sciences, Department of Sociology of Knowledge Lomonosov Moscow State University

The review of domestic concepts about transformation of society in the context of the introduction of intelligent robotic systems

The article is devoted to the analysis of the transformation of Russian society in the context of the introduction of intelligent robotic systems. In recent decades, we have seen the active use of new technologies in various spheres of life. And if earlier smart cars were only elements of the industrial sector, today they are already an integral part of our daily life. Smart devices are used in everyday life, industry, agriculture, medicine, education and many other industries to automate various processes, as well as as smart assistants.

The article describes the process of development of intelligent robotic systems, analyzes various views and concepts of Russian scientists regarding the introduction of new technologies in various

spheres of society, and highlights the main effects and consequences of using these technologies based on the studied works.

Keyword: *robotization, technologization of society, artificial intelligence, new technologies, intelligent robotic systems.*

Literature

1. Timofeev A.V. Robots and artificial intelligence. – Moscow: The main editorial office of physics and Mathematics literature publishing house Nauka, 1978. URL: <http://roboticslib.ru/books/item/f00/s00/z0000026/index.shtml>

2. Neymark A.M. Robots in the service of man. – Leningrad: Nauka, 1982. URL: <http://roboticslib.ru/books/item/f00/s00/z0000027/index.shtml>

3. Buslenko V.N. Our colleague is a robot. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1984. URL: <http://roboticslib.ru/books/item/f00/s00/z0000004/index.shtml>

4. Golovchenko E.I. Improving the management of the development of robotics: dis...Candidate of Economic Sciences. Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU. Moscow, 1984.

5. Himichenko A.A. Prospects of robotics // ECO. 2008. No. 9 (411). P. 85

6. Diana S.A.K. Intelligent robots and multi-agent robotic systems: prospects of social integration // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 2016. No.2 (12). P.78

7. Mitrenina M.Yu. Human capabilities and robotics: who will be the object of creativity? // Humanitarian Informatics. 2014. №8.

8. Simchenko N.A., Nesterenko E.S. Institutional challenges of digital economy development in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management. 2017. No. 3. P.4

9. Akyulov R. I., Skovpen A. A. The role of artificial intelligence in the transformation of the modern labor market // Discussion. 2019. №3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-transformatsii-sovremennogo-rynka-truda>

10. Lukichev P.M. Technological changes and modern workers of older ages // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskie-izmeneniya-i-sovremennye-rabotniki-starshih-vozrastov>

Н.М. ФЕДОРНИН
аспирант кафедры управления персоналом
Института государственной службы и управления
РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: socmanconsult@gmail.com

Истоки социального предпринимательства и современные концепции

Современная экономическая социология не может игнорировать стремительно развивающийся и набирающий популярность феномен социального предпринимательства, особенно в реалиях российской экономики. Это качественно новая форма организации предприятий как в экономической среде, так и с точки зрения законодательства, особенно в России. В Соединенных Штатах Америки и странах Европы эта форма ведения бизнеса впервые появилась официально во второй половине XX века, а в России понятие «социальное предпринимательство» раскрылось в законодательстве лишь в 2019 году, несмотря на то, что сам социальный бизнес существует и активно развивается в нашей стране уже более 10 лет. Настоящая статья и дальнейшие исследования в этом направлении нацелены раскрыть сущность такой формы предпринимательства, объяснить основу для ее появления и отличия от других форм бизнеса, а также описать дальнейшие перспективы развития как в нашей стране, так и за рубежом. Для детального изучения и составления самобытной модели социального предпринимательства в России необходимо начинать с истоков формирования феномена и подходов в его изучении.

Ключевые слова: экономическая социология, социальное предпринимательство, малый и средний бизнес, проблематика исследования, социальная политика.

Социальный мир, как и все его сферы, претерпевают неизбежные трансформации с течением времени. Экономические формации, технические революции, политические перевороты – ничего не проходит бесследно для человеческой культуры в ее общем понимании, все они оставляют после себя глубокие изменения. Постиндустриальная эпоха,

пришедшая на надежный фундамент развитых телекоммуникационных цифровых технологий, так же диктует новый жизненный уклад не только для отдельных этнических групп, но для народов и государств. Исходя из рассуждений великого социолога И.М. Валлерстайна экономический административный центр плавно перетекает от правительств в сторону транснациональных компаний, кейнсианство и концепция национальных государств нивелируются на фоне полномасштабных глобализационных процессов, размывающих государственные границы. Рассуждая по поводу России, то актуальным остаётся вопрос поддержания гармоничной социо-экономической ситуации не только на общегосударственном пространстве, но в отдельных краях, регионах, областях. В развитых странах феномен социального предпринимательства существует достаточно давно, на ряду с Россией имея глубокие корни, но в нашем экономическом поле стал официально закреплён только в 2019 году в 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Целью данной статьи, руководствуясь актуальностью темы, провести социологический анализ основных теоретических подходов, как отечественных, так и зарубежный в изучении социального предпринимательства для более комплексного исследования и развития данного феномена в будущем.

История развития феномена

Необходимо понимать, что современный феномен социального предпринимательства формировался под прессом вызовов времени на протяжении веков. Это достаточно длительный процесс, который ещё не достиг и, вполне возможно, не достигнет своего апогея, так как трансформация социальной жизни и структуры не имеет никаких рамок. Некоторые исследователи подчеркивают важность в развитии феномена социального предпринимательства истоки античной философии. По мнению А.А. Плюхиной идею социально-экономического развития заложили Платон и Аристотель. К примеру, одной из основополагающих идей развития процветающего общества в работе Платона «Государство» (360 г. до н.э.) в создании идеального социального уклада всеобщего благосостояния, когда каждый член общества занят своим делом, приносящим пользу всем остальным гражда-

нам [6, 46]. Так же ученик Платона Аристотель в фундаментальном труде «Политика» (335-322 гг. до н.э.) успешное функционирование государства напрямую зависит от «добродетельной жизни граждан». Он писал: «Не следует думать, будто каждый гражданин сам по себе, нет, каждый из них является частицей государства и принадлежит ему. И работа о каждой частице должна иметь в виду попечение о целом» [1,121]. Работы этих античных мыслителей заложили основы социальной политики на долгие века, так же остаются актуальны до сих пор по своему содержанию.

В XVII-XVIII века активно развиваются идеи социального реформирования. Английский философ Томас Гоббс «Левиафан, или Матрия, форма и власть государства церковного и гражданского» подчеркивал важность благотворительности и поддержки неимущих или бедных слоев населения: «Было бы жестокостью отказывать в поддержке беспомощному человеку, оказавшемуся в этом статусе в силу необратимых обстоятельств» [7,102].

Одним из важных персон в отечественной науке стал экономист-теоретик И.Т. Посошков, который писал о невенесенном богатстве страны, а именно о системе основ общества, способствующих здоровому функционированию экономики. Его знаменитая фраза – «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато» – прослеживается основная мысль ученого в заботе о экономическом благосостоянии народа, в частности[5,72-73]. Как раз одного из его последователей английского социолога Иеремию Бентама можно считать основоположником внедрения практик социального предпринимательства, даже в том виде, в котором мы его представляем в настоящее время. В 1794 году Бентам создал план привлечения на работу малоимущую прослойку населения. Его брат Самюэль является создателем нашумевшей в то время модели дерево-и металлообрабатывающей машины, бедняки привлекались как раз на обслуживание этой техники с подробным обучением из уст самого изобретателя, тем самым предприятие братьев Бентамов стало примером решения социальных проблем. Проект трудоустройства поражаел своими масштабами: предполагалось открыть порядка 250 рабочих домов с административным центром в виде акционерного общества «Национальная компания благотворительности». Бентам даже придумал градаацию для рабочих с учетом их предыдущего опыта и жизненных обстоятельств:

люди, уволенные совсем недавно, сезонные рабочие, «вытесненные рабочие руки» по причине замены человека машиной и даже отдельная категория – бывшие армейские служащие. Для каждой из категорий выбирался отдельный вид работ. Пусть проект не был реализован полностью, так или иначе он оставил ценное наследие для развития социального предпринимательства.

После XVIII века начинает формироваться предпринимательская деятельность в таком виде, в каком мы ее представляем сейчас. Одним из первых заложил концепцию предпринимательства Ричард Кантильон. Он охарактеризовал этот феномен как рискованный вид «доходной деятельности», стимулирующий экономический рост за счет поиска более эффективных путей реализации деловой инициативы. Классиками теории предпринимательства стали Жан-Батист Сэй и Йозеф Шумпетер. Сэй характеризовал предпринимателя как экономического агента, цель деятельности которого комбинировать средства производства таким образом, чтобы они приносили наилучший результат в виде высокой прибыли. Сэй один из первых заговорил о таком важном факторе предпринимательства, как риск. По мнению Сэя как раз доля риска в осуществляемой деятельности, умение организации производственных процессов и необходимый накопленный деловой опыт отличают предпринимателя от наемного руководителя предприятия. Так же Сэй подчеркивал творческую и инновационную составляющую предпринимательства, без которых подобная экономическая деятельность не имела бы успеха. Шумпетер продолжал мысли Сэя, утверждая, что производство – «творческий процесс комбинирования вещей и сил» [8,33]. Если в процессе производства не используются инновационные подходы, то это не способствует экономическому развитию, то есть предпринимательство – это отход от уже устоявшейся производственной деятельности и использование творческой природы для поиска новых возможностей.

Во второй половине XX века развиваются методы социального партнерства на производстве, новые законы в области регулирования труда и профсоюзные движения. Людвиг Эрхард и Гуннар Мюрдаль развивают концепцию социального государства, что стало предпосылкой к созданию и развитию мысли социального предпринимательства. Эрхард и Мюрдаль в основу угла поставили так называемое «социальное партнерство» – особый вид взаимоотношения народа с

государством, инструмент достижения экономической выгоды с сохранением социальной справедливости, за счет объединения работодателей и активного взаимодействия их с профсоюзами.

Социальные инновации как двигатель развития предпринимательства обосновываются в работах Питера Друкера. По его мнению, развитие бизнеса может быть абсолютно рутинным процессом, тогда как предпринимательство (он разделял два этих понятия, отождествляя бизнес исключительно с прибылью, а предпринимательство с инновациями и творчеством) это искусство, творческий процесс создания чего-то нового. В этот же период формируются первые социальные предприниматели с мировым именем: М. Юнус, Б. Стикленд, Б. Дрейтон и др. М. Юнус сформировал Grameen Bank в Бангладеше, который решал острую социальную проблему кредитования малообеспеченных слоев населения, социальные программы в Питтсбурге развивались за счет организации Б. Стрикленда, а Б. Дрейтон создал компанию поддержки социальных предпринимателей в 1980 году.

Уже в 1990-х годах формируются первые научные исследования социального предпринимательства в том виде, в котором мы его можем наблюдать сейчас. Одним из первых исследователей был директор Центра развития социального предпринимательства Университета Дьюка. Он актуализировал эту тему для изучения в научном сообществе, описал социальное предпринимательство через призму традиционных предпринимательских практик и реализации социальной миссии в своей работе «Значение термина “социальное предпринимательство»». С тех пор осуществляется активная исследовательская деятельность, направленная на изучение феномена социального предпринимательства.

Определение термина социальное предпринимательство

Для детального изучения необходимо разобрать исследуемый термин на составляющие компоненты и характеристики. Существует достаточно много подходов в трактовке понятия социального предпринимательства и появляются новые.

Очевидно, что термин «социальное предпринимательство» состоит из двух понятий. Т. Лайонс и Дж. Кикал описывают «социальное» как общественно значимое, а понятие

«предпринимательство» отождествляют с сугубо экономической деятельностью, направленной на создание прибыльного предприятия. Исходя из их логики «социальное предпринимательство» является гибридом экономической деятельности с элементом социально значимой нагрузки. Это понимание фундаментально, так как оно фигурирует практически у всех исследователей в той или иной языковой форме. Различия в трактовках заключаются в масштабах и в некоторых дополнительных характеристиках. Таким образом, Роберт и Вудс описывают социальное предпринимательство, как «деятельность увлеченных людей, направленную на поиск, оценку и создание новых возможностей осуществлять социальные изменения». В более широком смысле описывают этот тип предпринимательства Маир и Марти. В их понимании оно заключается в «инновационном использовании ресурсов для стимулирования социальных изменений и удовлетворения человеческих потребностей». Создатель Gramen Bank М.Юнус утверждал о категорическом отличии социального предпринимательства от бизнеса, так как второй направлен лишь на максимизацию прибыли[9,44-46]. Дж. Маир и И. Марти, описывая социальное предпринимательство, опирались на три его основные характеристики: социальное предпринимательство создает ценность за счет новых комбинаций в использовании ресурсов, ценность заключается в создании социальных благ, которые, в свою очередь, активизируют общественные изменения [2, 167-178].

В России социальное предпринимательство существует не так давно, как за рубежом, особенно как деятельность, подкреплённая законодательно. Одними из первых эту тему анализировали М.Л. Баталина, А.А. Московская и Л.Д. Тарадина. С их точки зрения социальное предпринимательство необходимо описывать через призму характерных для него черт: новаторство (новые комбинации ресурсов), решение социальных проблем, самокупаемость и финансовая независимость предприятия, инновационный подход в достижении целей и принятии решений. Следовательно, само существование социально-ориентированного бизнеса на рынке – двигатель национальной экономики, так как периодически он использует ранее неиспользуемые ресурсы[4,106-118]. Для государства такой феномен особенно важен, так как обычно он занимается социальными проблемами, до которых само государство «недосягивается».

А.Н. Макаревич и Т.Ю. Сазонова приписывали заслугу социального предпринимательства в том, что на его основе создаются рабочие места и достойные условия для работы социально незащищенным слоям населения. Социальное значение у подобных организаций носит основной, а не косвенный характер как у традиционного коммерческого сектора [3,52-56].

Можно приводить ещё множество подходов к определению социального предпринимательства, как зарубежный, так и отечественных. Проблематика данной области заключается в том, что социальное предпринимательство описывается через призму экономики, политики и культуры той среды обитания, в которой находится изучаемый объект. Вследствие этого факта, исторически сложившиеся модели социального предпринимательства активно обсуждаются научным сообществом, и до унификации определения этого феномена ещё достаточно далеко.

Как уже упоминалось ранее, социальное предпринимательство начало путь своей институализации в конце XX века в странах Западной Европы и США. Социокультурные и географические различия стран обосновали появление разных научных школ, исследующих этот феномен, среди которых выделялись: европейская школа исследования социального предпринимательства, социально – предпринимательская и социально – инновационная школы. Американская модель (социально – предпринимательская и социально-инновационная школы) сформировались в период Великой депрессии. Социально – предпринимательский подход основывался на исследовании НКО, так как их основной целью было получение дохода от социально-ориентированной нагрузки, социально – инновационная школа ориентировалась в первую очередь на изучение новых подходов и креативность решений в достижении социальной миссии социальных организаций. Одним из первых центров по исследованию и поддержке социального предпринимательства в Америке стал Центр «Ашока». И если модель США предполагала, что уже существующие предприятия должны нести необходимую социальную нагрузку (социальная ответственность бизнеса), то европейский подход заключается в создании новых предприятий в тех экономических зонах, куда не может добраться государство. Следовательно, американская модель больше ассоциируется с коммерческим секто-

ром с дополнительной социальной нагрузкой, когда европейская модель именно с фундаментом организации в виде социальной миссии.

Проблематика будущих исследований.

Российская модель социального предпринимательства более схода с европейской моделью. Предприятия, входящие в официальный реестр социального предпринимательства, изначально создаются ориентированными на решение острых социальных проблем. Но в силу новизны такого понятия, как «социальное предпринимательство» остается еще много вопросов по поводу особенности изучения этого феномена в российских реалиях, исследования благоприятности экономической среды и мотивации самих предпринимателей для создания подобных организаций, а самое важное – к какому типу социокультурной модели социального предпринимательства можно отнести российскую модель или же она сохраняет свою самобытность.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 240 с.
2. Клиндух, Р.В. Социальное предпринимательство: понятийно-терминологическая систематизация / Р.В. Клиндух // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Том 9. № 3. С. 167-178.
3. Макаревич, А.Н. Сущность и специфика социального предпринимательства в России / А.Н. Макаревич, Т.Ю. Сазонова // Российское предпринимательство. 2012. № 24 (222). С. 52-56.
4. Московская, А.А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследование / А.А. Московская. М.: Высшая школа экономики, 2011. 288 с.
5. Нестеренко Ю.Н., Плюхина А.А. Развитие социального предпринимательства в экономике России. М.: Креативная экономика, 2017. – 151 с.
6. Платон. Государство. М.: Наука, 2005. С. 576
7. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 102.
8. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 132 с.
9. Юнус, М. Создавая мир без бедности: социальный бизнес и будущее капитализма / М. Юнус, А. Жоли. М.: Альпина Паблишер, 2009. 307 с.

N.M. FEDORININ
**Postgraduate student Department of Personnel
Management Institute of Public Service and Management
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation**

Genesis of social entrepreneurship and modern conceptions

Modern economic sociology cannot ignore the rapidly developing and gaining popularity of the phenomenon of social entrepreneurship, especially in the realities of the Russian economy. This is a qualitatively new form of organization of enterprises both in the economic environment and in terms of legislation, especially in Russia. In the United States of America and European countries, this form of doing business first appeared officially in the second half of the 20th century, and in Russia the concept of “social entrepreneurship” was revealed in the legislation only in 2019, despite the fact that social business itself exists and is actively developing in our country for over 10 years. This article and further research in this direction are aimed at revealing the essence of this form of entrepreneurship, explaining the basis for its emergence and differences from other forms of business, as well as describing further development prospects both in our country and abroad. For a detailed study and compilation of an original model of social entrepreneurship in Russia, it is necessary to start from the origins of the formation of the phenomenon and approaches to its study.

Keyword: economic sociology, social entrepreneurship, small and medium business, research problems, social policy.

Literature

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Sobr. Cit.: In 4 vols. M.: Thought, 1983. Vol. 4. 240 p.
2. Klindukh, R.V. Social entrepreneurship: conceptual and terminological systematization / R.V. Klindukh // Economics, entrepreneurship and law. 2019. Volume 9. No. 3. P. 167-178.
3. Makarevich, A.N. Essence and specifics of social entrepreneurship in Russia / A.N. Makarevich, T.Yu. Sazonova // Russian Entrepreneurship. 2012. No. 24 (222). Pp. 52-56.
4. Moskovskaya, A.A. Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and research / A.A. Moscow. Moscow: Higher School of Economics, 2011. 288 p.
5. Nesterenko Yu.N., Plyukhina A.A. Development of social entrepreneurship in the Russian economy. M.: Creative economy, 2017. – 151 p.

6. Plato. State. M.: Nauka, 2005. S. 576
7. Polanyi K. Great transformation: Political and economic origins of our time. SPb., 2002. S. 102.
8. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. M.: Eksmo, 2007. 132 p.
9. Yunus, M. Creating a world without poverty: social business and the future of capitalism / M. Yunus, A. Joli. Moscow: Alpina Publisher, 2009. 307 p.

Т.В. НАУМОВА
*кандидат философских наук, старший научный
сотрудник сектора философии культуры
Института философии РАН*
E-mail: naumova.tv.iphras@mail.ru

Реформа российской академической науки: Произошли ли позитивные изменения?

Повышение эффективности деятельности современной российской академической науки – проблема весьма обширная. Мы пытались рассмотреть наиболее важные, с нашей точки зрения, вопросы влияния реформы на науку и пути ее ускоренного развития. В статье рассматриваются некоторые направления реформы академической науки; дается оценка результатов реформы Российской академии наук; выясняется ее влияние на состояние российской науки, в том числе и в тех научных направлениях, которыми занимаются ученые; оценивается уровень российских исследований по отдельным областям науки; выясняется место современной отечественной науки в мировой науке. Особое внимание уделяется рассмотрению мер по ускоренному развитию фундаментальной науки в нашей стране.

Ключевые слова: академическая наука, вузовская наука, сокращение численности, критерии уровня исследований, состояние исследований, меры по развитию.

«...Чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, что греха таить, у нас особенно часто бывает)»
В.И. Ленин «Лучше меньше, да лучше»

Почти десять лет назад государство начало реформу академической науки. Цель реформы состояла в том, чтобы выработать модель эффективной организации в академической науке и тем самым повысить результативность исследований. Реформа велась по разным направлениям. Одним из них стало кардинальное изменение существующей формы академической научной деятельности, иначе говоря, перестройка отечественной науки по западным моделям путем передачи исследовательских институтов, входящих в состав Российской академии наук, высшей школе (университетам).

Другим вектором реформы академической науки является политика государства, направленная на оптимизацию научной деятельности с целью повышения эффективности научных исследований. Иначе говоря, ранжирования академических институтов в зависимости от их конкурентоспособности, а затем реструктуризации (сокращения) числа научно-исследовательских институтов, входящих в состав Российской академии наук, и работающих в них ученых.

Еще одним из направлений реформы академической науки стало стремление государства превратить Российскую академию наук из самоуправляемой научной организации в бюрократическую структуру, руководить которой должны так называемые эффективные менеджеры.

Стоит сказать и о таком направлении реформы академической науки, как привлечение к работе в нашей стране известных западных ученых. А также привлечение к работе в России на особых условиях, существенно отличающихся от тех, которые имеют отечественные ученые, своих бывших соотечественников.

Как реформа академической науки сказалась на положении дел в науке, каковы результаты этой реформы и какое влияние она оказала на российскую науку? Прежде всего, отметим, что реформа академической науки способствовала ее отставанию от науки в развитых странах Запада. Как показало исследование, проведенное группой по приоритетам фундаментальных исследований, Институтом социологии РАН, Институтом психологии РАН в 2019 г., подавляющее большинство академического сообщества считает, что в результате реформы положение в науке в целом ухудшилось, а сама реформа сказалась на ней негативно. Только незначительная часть ученых полагает, что реформа РАН оказала на науку как положительное, так и отрицательное влияние.

В значительной своей части ученые негативно оценивают и влияние реформы РАН на те научные области, которыми занимаются ученые. Если сопоставить уровень российских исследований в своей области знания с уровнем их зарубежных коллег, то в большинстве своем отечественные ученые признают: российские исследования или находятся на одном уровне с исследованиями в развитых странах Запада (математические науки, физические науки и некоторые другие), или в той или иной степени отстают от них. Согласно данным российской статистики, в рейтинге стран по числу публикаций в научных изданиях, индексируемых в 2019 г. Математические и физические науки занимали 7-е и 3-е место соответственно, а в 7-е и 4-е место.

Наиболее часто признают отставание российских исследований в своей области ученые, занятые в физиологических науках, глобальных проблем и международных отношений, медицинских науках (здесь мы занимали 24-е место) и некоторых других. Только незначительная часть ученых считает, что в их научной области российские исследования опережают своих коллег в развитых странах. Речь идет об истории, археологии, филологических науках и социологических науках.

Каковы же причины того, что современная российская академическая наука оказывает очень незначительное влияние на мировую науку? По этому поводу отметим, что в течение многих лет большое внимание уделялось таким областям социального и гуманитарного знания, которые к подлинной науке никакого отношения не имели. Речь идет о «теории научного коммунизма», «диалектическом и историческом материализме». Ученые, занятые в этих областях знания обязаны были решать задачи по теоретическому обоснованию и руководству всеми сферами жизни. Кроме того, государство приспособливало ученых-обществоведов к обслуживанию своих идеологических функций, подчиняло науку характеру и содержанию своей деятельности.

Весьма примечательно то, что за рубежом обычно публикуют представителей «сильной» науки, т.е. той науки, чьи представители занимают лидирующее положение в процессе производства научного знания в целом [14, с. 114–115]. Поскольку их работы характеризует высокий профессионализм, они имеют научные достижения национального или международного уровня и признаны мировым научным сообществом.

Однако сегодня мы не всегда можем говорить о высоком уровне работ российских ученых. Несколько лет назад (2016 г.). У нас количество некачественных публикаций достигло максимального уровня и выросло почти в 15 раз по сравнению с 2012 г. Особенно много их в социальных и гуманитарных науках. В мировой науке наша страна занимает 7-е место по количеству некачественных публикаций, а лидируют здесь страны Азии, такие, как Индия и Китай [20, с. 726, 728–729].

Этому есть ряд причин. Одной из них является состояние самой системы образования. В советское время она была одной из лучших в мире. Русско-американский социолог и философ П.А. Сорокин отдавал русской системе высшего образования предпочтение перед американской системой [11]. В 90-е гг. советская модель образования как процесс передачи опыта и знаний, накопленных в обществе, новым поколениям перестала существовать. В связи с переходом к рыночным отношениям образование ставит своей целью подготовку «квалифицированного потребителя». Особенно это касается негосударственных учебных заведений. Они далеко не всегда, и не в полной мере обеспечивают необходимое качество профессионального образования, соответствующее требованиям современных реалий и мировым стандартам. Не случайно, эти вузы дают «облегченное высшее образование», иначе говоря, образование невысокого или низкого качества. Между тем, качество подготовки специалистов в вузе, их конкурентоспособность на мировом уровне является одной из важных составляющих успешности высшего учебного заведения.

В данной связи стоит сказать и о том, что специалисты высшей школы заняты преподавательской деятельностью – учебной, учебно-методической, организационно-методической, нередко в разных образовательных организациях. Кроме того, они вынуждены выполнять также и никому не нужную (кроме чиновников) бумажную работу. Поэтому преподаватели вузов далеко не всегда располагают временем для того, чтобы заниматься научными исследованиями, что, в свою очередь, сказывается на качестве преподавания.

Кроме того, у нас с начала 90-х гг. немало вузов получили статус университета. К концу 2017 г. Названные университеты составляли 50% всей совокупности вузов. Ведущими классическими университетами являются в нашей стране МГУ им. М.В. Ломоносова, СпбГУ и некоторые другие.

Именно они ориентированы на получение фундаментального знания, по словам В. Фон Гумбольдта, возвращают наиболее квалифицированные научные кадры и интеллектуальную элиту государства. К тому же ведущие российские университеты нацелены на подготовку специалиста, как по гуманитарным, так и естественнонаучным дисциплинам, которые являются частями общего университетского образования [13, с. 22]. Между тем сегодня массовый университет далеко не всегда и не в полной мере выполняет свое предназначение.

Конечно, ныне в нашей стране есть высшие учебные заведения, которые по своей фундаментальности, глубине, высоком уровне требований стоят наравне с лучшими вузами ведущих стран мира. Примером может служить значительное количество публикаций, которые дают такие всемирно известные отечественные вузы, как уже упоминавшийся МГУ, СПбГУ. В ведущих мировых рейтингах в той или иной мере занимают места большинство российских университетов [12, с. 500]. Есть у нас и университет мирового класса – МГУ имени м.В.Ломоносова, правда, один единственный в нашей стране. И на мировом рынке университетов мирового класса Россия представлена слабо [3, с. 734].

Возвращаясь к вопросу об отставании российской науки от мировой, отметим, что этому способствует еще одно обстоятельство. Дело в том, что в нашем недавнем прошлом различные отрасли научного знания (естественные, технические и общественные науки) находились в разных условиях. У нас опережающими темпами шло развитие естественнонаучных отраслей знания, в которых была занята основная масса ученых. Это определялось в значительной степени чисто прагматическими ценностями, в частности необходимостью осваивать сложные виды техники, от уровня развития которой зависит состояние российской цивилизации.

В то время как социальные науки, особенно гуманитарные, практически не развивались. А если и развивались, то, пользуясь выражением акад. А.А. Гусейнова, «во властно заданных и административно регулируемых идеологических рамках» [8, с. 789]. В результате общественные науки серьезно отставали от уровня развития мировой науки.

И сегодня у нас система приоритетов в науке построена так, что главенствуют именно естественнонаучные отрасли знания и в них занята основная масса исследователей. По

данным 2018 г. Доля ученых, занятых в технических науках, составляла более 60%, в то время как в области социальных и гуманитарных наук – 5,5 и 4%. Соответственно. Между тем для развития нашей страны необходимы и высококвалифицированные специалисты – гуманитарии, люди, обладающие широкой культурой и мышлением.

Впрочем, развитие технических и естественных наук у нас тоже проходит с определенными трудностями. Сегодня в России затраты ВВП на военные расходы из общих затрат НИОКР составляют 46%, что почти столько же, сколько в США. В то время как в большинстве стран ОЭСР на военные цели расходуется не более 3% бюджетных средств на науку.

Важным показателем развития науки является уровень цитирования ученых, который закреплен международными базами данных. Согласно российской статистике, 2019 г. Удельный вес цитирования публикаций российских авторов в общемировом потоке публикаций в Scopus составлял 2,04%, а в Web of Science – 1,73%. По показателю цитирования научных публикаций наша страна занимает последнее место среди стран – основных поставщиков научной продукции. И в ближайшее время вряд ли стоит ожидать роста цитируемости отечественных ученых за рубежом. Особенно низкой является доля цитируемых публикаций ученых, занятых в социальных и гуманитарных науках. Исключение составляют лишь естественные науки – физика, химия, науки о космосе и особенно математика, в которых по показателю цитирования научных публикаций мы находимся в наиболее благоприятном положении.

Еще одним из важных показателей развития российской науки является доля молодых ученых, остающихся в отечественной науке и работающих в России. В современной России нет однозначного понимания возрастных рамок молодого ученого как представителя отдельной социальной группы общества. По традиции ими являются кандидаты наук в возрасте до 35 лет и доктора наук в возрасте до 40 лет [15]. Между тем на протяжении последних тридцати лет приток молодых кадров в науку сокращается, поскольку престиж профессии ученого в нашей стране невысокий, и не может конкурировать с другими видами деятельности. В науке значительно сложнее сделать карьеру, подняться по социальной лестнице, то есть иметь достойную оплату труда, высокое научное звание, признание коллег.

Кроме того, у нас изменилась мотивация научно-исследовательской работы. Научная молодежь предпочитает работать не в академической науке и не в высших учебных заведениях, а в области прикладной науки, которая более востребована со стороны бизнеса. К тому же немалая часть молодых ученых хотела бы работать в негосударственных компаниях или иметь собственную фирму.

Привлечению творчески ориентированной молодежи в науку может способствовать социальная программа поддержки молодых ученых. Речь идет о возможности повышения уровня образования в ведущих научных центрах России, и за рубежом с возвращением по истечении определенного периода времени в свою страну с высоким уровнем знаний и квалификации.

Между тем неблагоприятная ситуация, которая сложилась в современной академической науке, способствует оттоку ученых за рубеж и остановить этот процесс нам пока не удастся. По масштабам эмиграции мы занимаем четвертое место в мире. В значительной своей части нашу страну покидают молодые представители науки, кто склонен к творчеству, наделен высокой профессиональной активностью, способен развивать отечественную науку.

Ситуация усугубляется и тем, что в результате политики государства по отношению к науке, направленной на реструктуризацию, в России количество исследователей уменьшилось по сравнению с советским временем почти в 3 раза и продолжает сокращаться. По показателю численности исследователей на 10 тыс. занятых в экономике мы находимся на 34-м месте. В то время как в большинстве развитых стран численность исследователей постоянно растет и составляет, к примеру, в Германии – 92 человека, Японии – 100, Франции – 101. Еще больше по показателю численности исследователей Россия отстает от таких стран, как Корея, Швеция и Израиль.

Вне всякого сомнения, сокращение численности исследователей, занятых в академической науке, негативно влияет на ее развитие. Ибо отечественная наука лишается своего главного богатства – интеллектуального потенциала, состояние которого олицетворяет интеллигенция, в том числе и занятая в науке. Между тем его восстановление потребует немало времени и материальных средств.

Еще одним из важных показателей развития науки является удельный вес статей ученых в общемировом числе статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus. В 2019 г.

В России он составлял 3,2% (меньше только в Республике Корея, Бразилии и Иране), в то время как в Китае – 23,7%, США – 20,3%, Великобритании – 6,4% [9, с. 20]. Что касается рейтинговых изданий, то из 350 российских журналов только 3 входят в первый квартиль и 7 – во второй.

Какие меры необходимо предпринять по ускоренному развитию академической науки в России? Прежде всего, речь идет о повышении финансирования исследований. В современном мире уровень науки тесно связан с уровнем социально-экономического развития страны. В России основным источником поддержания науки являются средства государства, которые до недавнего времени составляли 0,15% национального дохода. В то время как в таких развитых странах как Франция, США, Германия затраты на исследования и разработки составляют 2,26, 2,74, 2,9% ВВП.

Еще совсем недавно по объемам государственных инвестиций в научные исследования Россия отставала от США в 28 раз, а ныне – в 33 раза, от Китая – в 18 раз, а сейчас – в 22 раза, от Германии – в 5 раз, а сегодня – в 8 раз [6, с. 205]. И это отставание продолжается. Для того чтобы отечественная академическая наука была конкурентоспособной на мировом уровне нам необходимо увеличить затраты на нее до 0,45% от ВВП.

Однако это вряд ли произойдет в ближайшее время. Ибо в течение последних лет экономика нашей страны не только не росла, но и находилась в состоянии стагнации. И мы только недавно восстановили экономику, по которой сильный удар нанес «коронавирусный кризис». К этому следует добавить санкции Запада против нашей страны в связи с военной спецоперацией на Украине. Поэтому достичь запланированного уровня обеспечения науки нам не удастся.

При этом надо учитывать, что современная наука, так называемая большая наука (megascience) представляет собой чрезвычайно дорогостоящее, финансово емкое предприятие, и ее развитие связано с вложением значительных средств. Поэтому не всякое государство может себе позволить науку с экономической точки зрения [16, с. 62].

Видимо, в ближайшее время наше государство будет, прежде всего, ориентироваться на поддержку отраслей, дающих прибыль и финансировать науку в зависимости от текущей экономической ситуации в стране, а также от ситуации в мировой экономике.

Еще одним из источников сохранения и развития отечественной науки являются научные фонды, выдающие ученым гранты, крупнейшими из которых являются РФФИ и РНФ. Они финансируются из государственного бюджета на науку.

Наша наука получает финансовую поддержку и со стороны бизнеса. Однако в современных российских реалиях его участие в финансировании научных исследований находится на стабильно низком уровне. Особенно это характерно для ряда отраслей естественнонаучного знания, таких как нанотехнологии, информационные технологии, а также и для общественных наук.

В определенной степени это можно объяснить отсутствием в обществе идеологии, направленной на развитие отечественной науки со стороны бизнес-сообщества, его незаинтересованностью в проведении фундаментальных исследований, поскольку риски здесь большие и нет уверенности в том, что вложенные средства можно быстро окупить. К тому же весь капитал отечественного бизнеса находится не в России, а за рубежом. Не стоит отрицать тот факт, что в условиях рыночных отношений вряд ли возможно заставить бизнес-структуры поддерживать науку. К этому следует добавить и нестабильность в последнее время экономической обстановки в стране. В академическом сообществе высказывается мнение о необходимости дифференциации источников развития науки со стороны государства и частного сектора экономики в сторону усиления частной поддержки науки [17].

Определенную долю финансирования наука получает и от экспорта образовательных услуг, привлекая для учебы в российских вузах молодежь из других стран. В современной России основной контингент обучающихся в отечественных вузах составляют выходцы из бывших советских республик – стран Азии, на долю которых приходится до 2/3 всего иностранного контингента обучающихся [2]. Незначительную долю обучающихся в российских вузах составляют выходцы из стран дальнего зарубежья – Китая, Индии, Вьетнама и стран Ближнего Востока [7]. И еще. Численность обучающихся в наших вузах иностранных студентов определяется в основном экономическими проблемами. В результате с начала 2000-х гг. доходы государства выросли в долларовом эквиваленте более чем в 5 раз, а в рублях – еще более значительно.

Таким образом, ныне структура финансирования российской науки такова: 70% она получает от государства, 20% со-

ставляют гранты, выделяемые государством, и очень незначительная доля в финансировании науки приходится на государственные корпорации и частные компании.

Одной из важных мер, способствующих ускоренному развитию академической науки, является снижение бюрократического давления на науку, устранение вмешательства государства в процесс самоорганизации научного сообщества. Свидетельством этому может служить требование государства от ученых, занятых в академическом секторе науки, в ответ на повышение уровня оплаты труда, увеличения количества научных публикаций, в основном статей. Между тем на Западе основной формой публикации научных результатов, особенно в социальных и гуманитарных науках является монография по тематике фундаментальной науки.

Надо отметить и то, что, существующая у нас до недавнего времени система оценки труда ученого, построена на приоритете публикаций в профильных англоязычных журналах. Однако журналов по социальным и гуманитарным отраслям знания за рубежом выходит значительно меньше, чем по естественнонаучным. Поэтому большинство российских ученых-обществоведов не в состоянии опубликоваться в узком круге ведущих западных изданиях.

Что касается публикаций в российских научных журналах. То чтобы соответствовать рейтинговым показателям, сформированным чиновниками, управляющими наукой, ученые, занятые в академическом секторе науки, вынуждены увеличивать количество публикаций в журналах с низким импакт-фактором, поскольку число изданий с приличной репутацией ограничено. По этому поводу в научной литературе высказываются противоположные суждения о необходимости наукометрических показателей при оценке эффективности работы ученого.

Однако большинство специалистов полагает, что от них необходимо отказаться. Это объясняется тем, что наукометрические подходы никак не влияют на эффективность науки, на то, чтобы она способствовала цивилизационному развитию нашей страны [1, с. 294], ослабляют внимание к реальным проблемам, ведут к снижению качества публикаций, их излишней «научности» [5, с. 6], негативно влияют на развитие национальных научных школ и традиций.

К тому же статьи российских ученых должны быть написаны только на английском языке, особенно это касается публикаций в области естественных наук и математики, яв-

ляющимся в международной научной коммуникации интернациональным языком людей, занимающихся наукой. Можно согласиться с мнением, согласно которому, ученому профессионально «выгодно» публиковать статьи на английском языке, поскольку результаты его исследования попадают в поле зрения как можно большего числа специалистов [19, с. 285, 287–288]. В конечном счете, это влияет на карьерную перспективу ученого. При этом стоит отметить, что ученые, для которых английский язык является родным, имеют определенные языковые преимущества перед учеными неанглоязычных стран, которым довольно сложно опубликоваться в англоязычных журналах.

Следует обратить внимание и на то, что сегодня самым распространенным языком в мире является китайский язык. Его значимость за последнее время возросла почти в два раза. Ныне Китай издает большое количество журналов в области науки. Поэтому для опубликования своей работы и построения научной карьеры ученому кроме английского языка необходимо знание и китайского.

Что касается социальных и гуманитарных наук, то в них вряд ли стоит отдавать приоритет публикациям на иностранном языке. Ибо здесь, прежде всего, обсуждаются проблемы, касающиеся социального и культурного развития нашей страны. Поэтому и публиковаться эти работы должны на русском языке [18, с. 149].

Надо сказать и о том, что наряду с английским языком статус международных языков сохраняют русский, немецкий, французский языки. Ибо в них имеется наибольшее количество разработанных в языках народов мира научных понятий, играющих большую роль в развитии науки. Вместе с тем статус международного языка сохраняют также и национальные языки. Поэтому современные исследования в социальной и гуманитарной области знания должны публиковаться на двух языках – одном из международных, который важен с научной точки зрения, и на национальном языке, публикации на котором способствуют развитию национальной культуры, образованию, сохраняют историческую память народа.

Для того чтобы российская академическая наука развивалась ускоренными темпами необходимо модернизировать ее инфраструктуру. От того, в каком состоянии находится материально-техническая база науки, в огромной степени зависит уровень научных исследований, которые ведутся в

стране, конкурентоспособность науки, как у нас, так и за рубежом. К тому же состояние исследовательской инфраструктуры определяет, насколько привлекательна научная деятельность для молодых ученых, поскольку от этого непосредственно зависят результаты исследования, а отсюда и его продвижение по карьерной лестнице.

Однако сегодня состояние инфраструктуры российской науки таково, что не позволяет говорить о работе ученого на современном исследовательском оборудовании. Финансирование материально-технической базы науки в нашей стране и в странах с развитой рыночной экономикой в расчете на одного ученого различается в десятки раз. На это негативно повлияли экономические санкции против России, ведущие к сокращению закупок научного оборудования за рубежом, за счет которого в течение длительного периода времени развиваются у нас отдельные научные направления.

Одной из важных мер, способствующих ускоренному развитию российской академической науки могла бы способствовать политика государства по обеспечению достойного положения лучших представителей научной элиты, особенно молодых, поскольку от них, являющихся субъектом воспроизводства науки как социального института, в значительной степени зависит будущее российской науки в XXI веке, ее роль в развитии страны.

Подводя итог, отметим, что последствия реформы академической науки для состояния научных исследований, проводимых российскими учеными, можно оценить как негативные. За годы реформы положение дел в отечественной науке ухудшилось. Что касается авторитета российских ученых, то он не вырос ни в стране, ни в мире. Таково мнение авторитетных российских ученых. Снизились роль и значимость Российской академии наук как самой эффективной научной организации не только в мире, но и в научной, научно-технической и социально-экономической жизни страны [4].

Вместе с тем реформа академической науки оказала и определенное положительное влияние на положении дел в науке. Свидетельством этому может служить то, что «на волне реформы произошла консолидация значительного количества ученых, был создан ряд общественных движений, независимых профсоюзов в области науки и образования, началось выдвижение петиций в защиту науки и демократии» [10, с. 12].

Конечно, нельзя отрицать того, что сегодня развитие академической науки сопровождаются негативные явления и в обществе существуют неоднозначные оценки деятельности ученых, занятых здесь. Тем не менее, Российская академия наук определяет направления научно-технической политики государства и участвует в ее формировании, решает стратегические задачи развития науки, является единственной структурой, в которой находятся ведущие ученые, занятые в различных отраслях знания, основное звено национальной организации научных исследований.

А сама академическая наука представляет собой основу научного потенциала страны, вносит основной вклад в отечественную научную сферу и является самым эффективным ее сектором. Подтверждением этому может служить число публикаций ученых РАН, а также наличие авторитетных научных изданий, многие из которых переводятся на английский язык и индексируются в международных базах данных.

Для того чтобы отечественная академическая наука, которая формирует образ России в мире, эффективно функционировала и развивалась необходимо преодолеть негативные последствия, вызванные реформой науки. Это предполагает создание такой модели развития науки, которая соответствует ее национальным особенностям, самобытности, нашим культурно-историческим традициям. К тому же реформировать науку должно само научное сообщество. Ибо никто лучше него управлять наукой не может.

Для этого нужно предпринять ряд важных мер. А именно, увеличить финансирование академической науки; повысить заинтересованность бизнеса в поддержке науки; усилить влияние научного сообщества на формирование научной политики государства, модернизировать инфраструктуру науки; снизить бюрократическое давление на нее. Без этого наша страна не сможет включиться в число государств, занимающих ведущее место в новом мировом укладе, который образуется в результате перехода мира в стадию гуманитарно-технологической революции и окажется на обочине мировой цивилизации. Этого необходимо избежать.

Литература

1. Абанеев В. В. Выступления участников научной сессии общего собрания членов РАН «Фундаментальные проблемы развития современного российского общества» // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 294–295.

2. Арефьев А. Л., Арефьев П. А., Дмитриев Н. М. Стратегия России в экспорте образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 388–410.
3. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Глобальная конкуренция университетов в зеркале международных рейтингов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 8. С. 726–738.
4. Вступительное слово Президента РАН А. М. Сергеева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 1. С. 3–4.
5. Выступление министра науки и высшего образования РФ В. Н. Фалькова // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 1. С. 5–6.
6. Выступление председателя комитета государственной Думы РФ по образованию и науке В. А. Никонова // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 205–206.
7. Гуреев В. Н., Гуськов А. Е., Мазов Н. А. Российские учёные в мировых научных миграционных процессах // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 7. С. 648–659.
8. Гусейнов А. А. Философия и общество. К 100-летию института философии РАН (1921–2021) // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 779–792.
9. Индикаторы науки: 2021: Стат. Сб. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 352 с.
10. Касавин И. Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.
11. Кто вы, Иван Ильин? // Литературная газета. 2022. № 16. URL: <https://lgz.ru/article/-16-6830-20-04-2022/kto-vy-ivan-ilin/>
12. Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
13. Миронов В. В. Гумбольдт, натурфилософия и университет как универсум // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 19–23.
14. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. 2-е изд. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020. 201 с.
15. Пирожкова С. В. Основные особенности социокультурного статуса молодого учёного // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 3. С. 243–252.
16. Ракитов А. И. Структура науки и зримые перспективы ее развития // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 56–63.
17. Смирнов А. В. Выступления участников общего собрания членов РАН / А. Д. Каприн, А. И. Рудской, А. В. Смирнов [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 9. С. 950–951.
18. Смолин О. Н. Науки пользуют везде? Научно-инновационная политика в России и некоторые системные проблемы развития отечественной науки // Свободная Мысль. 2021. № 6. С. 139–154.
19. Фрисман Е. Я. Куда эволюционирует национальная наука? // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 3. С. 283–288.

T.V. NAUMOVA
PhD in Philosophy,
Senior Research Fellow, RAS Institute of Philosophy

Reform of Russian academic science: have there been any positive changes?

Improving the efficiency of modern Russian academic science is a very extensive problem. We tried to consider the most important issues, from our point of view, the impact of the reform on science and the ways of its accelerated development. The article examines some areas of academic science reform; assesses the results of the reform of the Russian Academy of Sciences; finds out its impact on the state of Russian science, including in those scientific areas that scientists are engaged in; assesses the level of Russian research in certain areas of science; the place of modern domestic science in world science is being clarified. Special attention is paid to the consideration of measures to accelerate the development of fundamental science in our country.

Keyword: *academic science, university science, downsizing, criteria for the level of research, the state of research, development measures.*

Literature

1. Abaneev V. V. Vystupleniya uchastnikov nauchnoj sessii obshchego sobraniya chlenov RAN «Fundamental'nye 201ussian razvitiya sovremennogo rossijskogo obshchestva» = Speeches of the participants of the scientific session of the General Meeting of RAS members «Fundamental problems of the development of modern Russian society» // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90. № 3. S. 294–295.

2. Arefyev A. L., Arefyev P. A., Dmitriev N. M. Strategiya Rossii v eksporte obrazovaniya = The strategy of Russia in the export of education // Obrazovanie I nauka v Rossii: sostoyanie I potencial razvitiya. 2019. № 4. S. 388–410.

3. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Global'naya konkurenciya universitetov v zerkale mezhdunarodnyh rejtingov = Global competition of universities in the mirror of international rankings // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90. № 8. S. 726–738.

4. Vstupitel'noe slovo Prezidenta RAN A. M. Sergeeva = Introductory speech by the President of the Russian Academy of

Sciences A. M. Sergeev // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 1. S. 3–4.

5. Vystuplenie ministra nauki i vysshego obrazovaniya RF V. N. Fal'kova = Speech by the Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation V. N. Falkov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 1. S. 5–6.

6. Vystuplenie predsedatelya komiteta gosudarstvennoj Dumy RF po obrazovaniyu i nauke V. A. Nikonova = Speech by the Chairman of the State Duma Committee on Education and Science V. A. Nikonov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90. № 3. S. 205–206.

7. Gureev V. N., Guskov A. E., Mazov N. A. Rossijskie uchyonye v mirovyh nauchnyh migracionnyh processah = Russian scientists in the world scientific migration processes // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 7. S. 648–659.

8. Guseynov A. A. Filosofiya i obshchestvo. K 100-letiyu 202ussian202e filosofii RAN (1921–2021) = Philosophy and Society. On the 100th Anniversary of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (1921–2021) // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 8. S. 779–792.

9. Indikatory nauki: 2021: Stat. sb. = Indicators of Science: 2021: Statistical Collection. Moskva: NIU VSHE, 2021. 352 s.

10. Kasavin I. T. Nauka kak politicheskij sub"ekt = Science as a political subject // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 7. S. 3–14.

11. Kto vy, Ivan Il'in? = Who are you, Ivan Ilyin? // Literaturnaya gazeta. 2022. № 16. URL: <https://lgz.ru/article/-16-6830-20-04-2022/kto-vy-ivan-ilin/>

12. Kuzminov Ya. I., Yudkevich M. M. Universitety v Rossii: kak eto rabotaet = Universities in Russia: how it works. Moskva: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. 616 s.

13. Mironov V. V. Gumbol'dt, naturfilosofiya i universitet kak universum = Humboldt, natural philosophy and the university as a universe // Voprosy filosofii. 2021. № 2. S. 19–23.

14. Orekhov A. M. Social'nye nauki kak predmet filosofskogo i sociologicheskogo diskursa = Social sciences as a subject of philosophical and sociological discourse. 2-e izd. Moskva : NIC INFRA-M, 2020. 201 s.

15. Pirozhkova S. V. Osnovnye osobennosti sociokul'turnogo statusa mladogo uchyonogo = The main features of the socio-cultural status of a young scientist // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 3. S. 243–252.

16. Rakitov A. I. Struktura nauki i zrimye perspektivy ee razvitiya = Structure of science and visible prospects of its development // Voprosy filosofii. 2020. № 1. S. 56–63.

17. Smirnov A. V. Vystupleniya uchastnikov obshchego sobraniya chlenov RAN = Speeches of participants of the General Meeting of RAS members / A. D. Kaprin, A. I. Rudskoj, A. V. Smirnov [I dr.] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. № 9. S. 950–951.

18. Smolin O. N. Nauki pol'zuyut vezde? Nauchno-innovacionnaya politika v Rossii I nekotorye sistemnye 203ussian razvitiya otechestvennoj nauki = Are sciences used everywhere? Scientific and innovative policy in Russia and some systemic problems of the development of domestic science // Svobodnaya Mysl'. 2021. № 6. S.139–154.

19. Frisman E. Ya. Kuda evolyucioniruet nacional'naya nauka? = Where is national science evolving? // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 3. S. 283–288.

20. Yurevich A.V., Yurevich M. A. Musor v nauke = Garbage in science // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. № 8. S. 724–733.

В.Л. КОРЕНЬ

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент Департамента гуманитарных наук
Финансового университета при Правительстве РФ,
доцент Российской таможенной академии*
E-mail: Wolin_lukich@mail.ru

И.В. КОРЕНЬ

*адъюнкт кафедры философии религиоведения
Военного университета имени Александра Невского*
E-mail: corenihor@yandex.ru

Гибридная война как фактор угрозы национальной безопасности России

Статья посвящена анализу нового вида вооруженного конфликта – гибридной войны. Отмечены различные точки зрения ученых на понимание гибридной войны. Подчеркивается активная роль США и их союзников в ведении гибридной войны как против России, так и других стран. Делается вывод, что выявление опасностей, которые несут технологии гибридной войны, обеспечат национальную безопасность страны.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, сетевая война, гражданская война, информационная война, терроризм, гибридная война.

С завершением краткой эпохи однополярности и переходом в мир многополярности, усиливаются противоречия, и обостряются кризисные ситуации, что приводит к новым противостояниям и, в частности, к такому виду противоборства, как гибридная война.

Анализ работ, посвященных гибридным войнам, свидетельствует об отсутствии единого и общепринятого определения этого феномена, что обусловлено многообразием в понимании рассматриваемого явления.

Первые упоминания о гибридной войне появились в англоязычной научной литературе в начале XXI века [16. С.150]. Концептуально данный вид современного международного

конфликта впервые был представлен американским военным теоретиком Фрэнком Хоффманом в 2008 г. [21. Р.29].

Однако, гораздо ранее, еще в 1960 году, эта же концепция была обозначена советским исследователем Е. Мессмером в форме «мятеж-войны». Развивая эту концепцию уже в 2000 годы, приведенный автор указал, что в отличие от прежних войн, в которых приоритетом являлось завоевание территории противника, в настоящее время наиболее важным фактором станет психологическое воздействие, «завоевание душ» у граждан враждебного государства, и в итоге войны будут осуществляться повстанцами, диверсантами, террористами, пропагандистами [15. С.130].

В конце 1980-х годов отечественные [13. С.5-7; 27. С.102-110] и зарубежные исследователи [17; 23], стали говорить об изменении природы вооруженных конфликтов, о стирании различия между военной и мирной формами противостояния государств. Учеными отмечается тот факт, что значимой чертой современных вооруженных конфликтов является то, что наряду с государством одной из сторон выступают различного рода движения: этнические, религиозные, сепаратистские и т. П. Кроме того, подчеркивается, что все больше возникает асимметричных конфликтов, действующими субъектами которых оказываются негосударственные акторы, прежде орудовавшие, по большей части, в пределах границ отдельных стран и не вышедшие на мировую арену [25. С.165-168]. Впервые исследователями фиксируется тот факт, что вооруженным конфликтам в соответствии с признаком проявления враждебных действий характерны две стадии – вооруженная и невооруженная.

О новой технологии вооруженного противоборства свидетельствует концепция «сетевой войны», предложенная в 90-х гг. XX в. Адмиралом ВМС США Артуром Цебровски. Технологии «сетевой войны» активно опробовались в ходе проведения военной операции в Югославии, Афганистане и Ираке. В более умеренном варианте новые технологии вооруженного противостояния использовались во время вооруженного конфликта в Южной Осетии [5. С.322-347]. По мнению отечественного философа А. Г. Дугина, «цель сетевых войн – абсолютный контроль над всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе» [6. С.147]. То есть, как утверждает российский политолог и журналист В. М. Коровин «сетевая война ведется не только против противников, но и союзников» [12.

С.124]. Сегодня данный принцип сетевой войны соответствует политике США – «личные отношения – ничто, а американские интересы – все!» [12. С.124]. Кроме того, важной особенностью сетевой войны, как заметил общественный деятель В. И. Якунин, является то, что в сетевых войнах происходит «стирание грани между собственно военной и мирной формами противоборства государств» [30. С.15].

В 1992 г., американским ученым С. Манном была предложена концепция «управляемого хаоса», которая, по своей сущности, имеет много общего с гибридной войной. Впервые термин «гибридная война» появляется в 2015 году в Национальной военной стратегии США. В сентябре 2016 году данный термин прозвучал на саммите НАТО. Под гибридной войной стали понимать проведение большого разнообразия непосредственных военных действий и сокрытых спецопераций, выполняемых по общему замыслу действующей армией и невоенными формированиями. Обозначенные этим термином события на Украине, стали синонимичными нашей стране. Обвинив Россию в происходящих событиях на Украине США стали активно тиражировать термин «гибридная война» в западном информационном поле.

В российском научном сообществе нет однообразного представления о гибридной войне вследствие отсутствия точной дефиниции данному общественному явлению. Но, по большей части, отечественные ученые представляют «гибридную войну» как многомерное явление, включающее в себя симбиоз (сочетание) «мягкой» и «жесткой» силы, а также их скрещивание в виде «умной силы». Такого мнения придерживается академик РАН С. Глазьев [8. С.89-95], российский дипломат А. Будаев [4. С.271-275], ученые А. А. Бартош [1. С.22-27] и А. В. Манойло [14. С.86], политолог и писатель Т. В. Грачева [9. С.310; 10. С.5-6].

Некоторые авторы располагают в одном ряду гибридную войну и терроризм [2. С.8]. Определенная группа ученых придерживается мнения, что гибридную войну не следует причислять к новым видам войны, а следует отнести к обычной войне. Другие эксперты в гибридной войне видят новый тип войны – четвертую мировую войну [24. С.3; 29. С.11-19]. Отдельные специалисты, не вдаваясь в подробности данного вида войны, исключают вооруженную борьбу из ее содержания.

Таким образом, большинство ученых-исследователей гибридную войну относят к современному вооруженному кон-

фликту, представляющему собой сочетание двух составляющих – невоенную и военную. Невоенный элемент предусматривает подрыв экономики, социально-политической стабильности и разжигание крупномасштабных выступлений и неповиновений. Вторым аспектом гибридной войны выступает собственно военный компонент, основанный на принципе ведения военных операций «чужими руками». Кроме того, специфической особенностью гибридной войны является то, что между военными действиями и мирным состоянием общества не существует границы. Наряду с этим используемые невооруженные средства и методы более действенны в реализации стратегических целей, чем общепринятые способы и приемы ведения войны. Немаловажную роль в реализации основных целей гибридной войны играет информационное воздействие на массы, манипулирование их сознанием и его обработка на ментальном уровне. Сегодня, как никогда, особое место в противоборстве стран отводится информационной войне, составной частью которой является психологическая война [26. С.9]. Информационные войны присутствовали в нашей жизни всегда, но только к XXI веку способы их воздействия оказались значительно ухищреннее, и по этой причине опаснее. По мнению профессора А. И. Горячева, как «показывают военные конфликты XXI в., информационные войны являются сердцевинной гибридной войны» [7. С.31].

Особое место в современных гибридных войнах занимают современные технологические средства воздействия на противника. Поэтому по своей содержательной стороне, по масштабам и целям, применяемым технологиям гибридная война становится новым явлением, имеющим тем не менее свои истоки в прошлом. Таким прошлым является сама логика войны – сокрушение противника либо нанесение ему невосполнимого ущерба любыми способами, за исключением взаимного уничтожения.

Как и раньше в современной гибридной войне широко применяется наемничество, с той лишь разницей, что если раньше наемничество не считалось преступлением, то сегодня международным уголовным правом квалифицируется преступным и наказуемым деянием. Сегодня в вооруженных конфликтах активно участвуют частные военные компании (ЧВК), которые являются невоенными организациями и структурно отличаются от наемничества, однако их роль и

сущность осталась прежней. По мнению А. Неклесса «вовлечение невоенных организаций и лиц в процедуры гибридных конфликтов ведет к пересмотру законов войны» [20].

Если раньше войны между государствами могли послужить причиной гражданских войн внутри воюющих стран, то сегодня одной из целей гибридной войны является перерастание ее невоенной составляющей в гражданскую войну, а затем использование военной силы против неугодного государства. В основном политика ведущих мировых государств к тому и сводится, чтобы гибридная война, в частности ее невоенная составляющая, переросла в войну гражданскую, что наглядно представлено в событиях на Украине, Ливии и Сирии. Более подробно расписал механизм перерастания невоенной составляющей гибридной войны в гражданскую войну, а затем в военную часть гибридной войны профессор А. И. Горячев на примере Сирийского вооруженного конфликта. Как отмечает ученый-философ, предвестником гражданской войны в Сирии явилась «Арабская весна», сопровождавшаяся жесткими противостояниями в виртуальном, информационном пространстве, а спустя некоторое время в прямом противостоянии действующей армии (правительственные силы) и иррегулярных акторов (группировки разного толка) [7. С.28-36].

Таким образом, элементы гибридной войны встречались и в прошлых вооруженных конфликтах.

Гибридная война имеет своим истоком глобализационные процессы. Победив в холодной войне, США и его союзники по Североатлантическому блоку не готовы смириться с тем, что в мире формируется полицентричный характер международных отношений. Сегодня мы видим, что созданный в 1949 г. Североатлантический альянс для «коллективной самообороны» превращается в агрессивный вооруженный союз, а его экспансия на Восток несет прямую угрозу национальной безопасности России. Со всей откровенностью оценил продвижение Североатлантического Альянса к границам Российской Федерации Президент России В. В. Путин, отметив, что «наши партнеры не остановились с расширением НАТО на Восток. Они решили, что они победители, что они теперь империя, а все остальные – вассалы, и нужно дожимать» [22. С.162].

Современная объективная реальность свидетельствует о том, что в современном геополитическом миропорядке устанавливают свое влияние не один и не два, а многие мировые

политические силы, которые консолидируют в своих руках как экономическую, так и политическую мощь. Многополярная структура мира – это новое геополитическое устройство современного мира, и вернуть однополярность, невозможно никому. Время, в котором мы живем, не только проверяет Россию на прочность, но и дает ей возможность стать одной из ведущих мировых держав, как в экономическом и политическом, так и военном отношениях.

Мы, видим, что России, медленно, но возвращает ранее потерянный авторитет в международных отношениях, которым славился Советский Союз. Как отмечает Д.Е. Муза, «данный поворот России был беспечен консервативной позицией ее Президента В.В. Путина, для которого выбор между силами жизни, силами космического порядка и силами смерти и хаоса – вполне однозначен» [18. С.147]. А по мнению французского писателя И. Бло «возвращение России есть возвращение жизни. Она должна служить, примером для других стран, в первую очередь европейских, чтобы они тоже возродились к жизни» [3. С.26].

Сегодня мы замечаем, что миролюбивая внешняя политика России не позволяет США и их союзникам устанавливать свои правила игры в международно-правовом пространстве, поэтому и объявляют санкции нашей стране. Не в силах применить военную силу, противник хочет взять измором Россию. Сущность европейской внешней политики по отношению к нашей стране не меняется уже много веков. Изменились технологии ее проведения. Если раньше Запад приходил к нам войной, то сейчас, используя вооруженные средства – экономические санкции, информационно-пропагандистские ресурсы, стремится изнутри ослабить нашу государственность и поставить ее под внешний контроль управления.

Вот почему для отечественной научной мысли важным является переосмысление всей той объективной реальности, в которой оказалась наша страна в течение последних 30-ти лет – периода формирования российской государственности. Следует обратиться с новым переосмыслением к тем ученым, которые стояли у истоков изучения современных вооруженных конфликтов, в частности к трудам А. Г. Дугина, Л. Г. Ивашова, Н. А. Нарочницкой, С.А. Тюшкевича [5. С.322-347; 11. С.9-17; 19. С. 194-211; 27. С.57-67] и др.

Анализ прошлого – это правильная ориентация в настоящем и недопущение ошибок в будущем. Мы не должны оце-

нивать объективную реальность выводами зарубежных экспертов, как это было в 90-х гг. прошлого века, когда часть наших ученых руководствовалась выводами фонда Сороса. Конечно, мы не должны пренебрегать мнением тех зарубежных ученых, которые рассматривают историю России с большей научной объективностью.

Изучение современных вооруженных конфликтов позволит не только разобраться в их сущности, но и представить выверенную жизнью их типологию. Это в свою очередь, позволит вывести точную дефиницию гибридной войны и определить ей место в системе современных конфликтов.

Будучи продуктом современной действительности, гибридная война явилась тем современным конфликтом, в котором перекликаются острые цивилизационные противоречия, смысловые сущности нашего бытия.

Проникновение в сущность этого явления позволит выработать механизм противостояния угрозам со стороны тех технологий, которыми оперирует гибридная война, и, конечно, позволит донести до мирового сообщества ту опасность, которую она несет мировому сообществу. Кроме того, поправки в международно-правовые акты позволят, если не осудить, то хотя бы остудить «горячие головы» войны. Ведь сегодня идеологи глобализма, заменяя понятия войны на конфликт, стремятся размыть эти базисные дефиниции, увести от сути данных явлений, во благо своих узкокорыстных целей.

Вот почему, сегодня, так важно выявить признаки гибридной войны, ее сущность и ту опасность, которую несут ее технологии для обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Литература

1. Бартош А. А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М.: Горячая линия – Телеком, 2020. 324 с.
2. Белозеров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 1-11.
3. Бло И. Россия Путина. М.: Книжный мир, 2016. 190 с.
4. Будаев А. В. Гибридные войны США в Южной Америке. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. С. 271-275.

5. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XX века / Александр Дугин. Санкт-Петербург: Амфора, 2007. 381 с.
6. Дугин А. Г. Русская война / А. Г. Дугин, под редакцией В. М. Коровина. М.: 000 «ТД Алгоритм», 2015. С. 147.
7. Горячев А. И. Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 28-36.
8. Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2015. 352 с.
9. Грачева Т. В. Последнее искушение России. Рязань: Зерна-Слово, 2013. 384 с.
10. Грачева Т. В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань: Зерна, 2009. 288 с.
11. Ивашов Л. Г. Радикальная доктрина Новороссии [Текст]: / Леонид Ивашов. Москва: Алгоритм, 2014. 221 с.
12. Коровин В. М. Геополитика и предчувствие войны. Удар по России. СПб.: Питер, 2018. 288 с.
13. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии / М. М. Лебедева. М.: Аспект-пресс, 1997. 270 с.
14. Манойло А. В. Цветные революции и гибридные войны / Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / Под общ. Ред. И. В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. 218 с.
15. Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. М.: Кучково поле, 2004. 512 с.
16. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты): учебное пособие для вузов / Л. А. Лазутин [и др.]; под редакцией Л. А. Лазутина, М. А. Лихачева. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 312 с.
17. Mitchell Ch., Banks M. Handbook of Conflict Resolution: The Analytical Problem-Solving Approach. Trowbridge: Pinter, 1996. 187 p.
18. Муза Д. Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния / Д. Е. Муза. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. 288. С.
19. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в современном мире [Текст]. Москва: Алгоритм, 2011. 414 с.
20. Неклесса А. Гибридная война // Независимая газета. 18.09.2015. URL: https://www.ng.ru/ideas/2015-09-18/5_war.html
21. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. – Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
22. Путин В. В. 100 и 1 цитата / сост. С. М. Хенкин, И. А. Истомин, С. М. Кретов [и др.]. Москва: Проспект, 2017. 192 с.

23. Raiffa H. *The Art & Science of Negotiation*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982. 384 p.
24. Сенченко Н. И. *Теория и практика невидимых войн*. Киев: КИТ, 2009. 504 с.
25. *Современные глобальные проблемы мировой политики: Учеб. Пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лебедевой*. М.: Аспект Пресс, 2009. 256 с.
26. Ткаченко С. В. *Информационная война против России*. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
27. Тюшкевич С. А. *Новый передел мира*. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. 288 с.
28. Фельдман Д. М. *Политология конфликта: Учеб. Пособие / Д. М. Фельдман; [Ин-т «Открытое о-во»]*. М.: Изд. Дом «Стратегия», 1998. 200 с.
29. Шершнев Л. И. Четвертая мировая война и ее исторические особенности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: международные отношения. № 1 (6) 2006. С. 11-19.
30. Якунин В. И. *Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью / Владимир Якунин, Вардан Багдасарян, Степан Сулакшин*. М.: Эксмо, 2010. 432 с.

V.L. KOREN

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Russian Customs Academy

I.V. KOREN

Adjunct of the Department of Philosophy of Religious Studies of the Alexander Nevsky Military University

Hybrid war as a threat factor to Russia's National Security

The article is devoted to the analysis of a new type of armed conflict – hybrid warfare. Different points of view of scientists on the understanding of hybrid warfare are noted. The active role of the United States and its allies in waging hybrid war against Russia and other countries is emphasized. The conclusion is made that identifying the dangers of hybrid warfare technologies will ensure the country's national security.

Keyword: *war, armed conflict, network war, civil war, information war, terrorism, hybrid war.*

Ю.В. ГАВРИЛОВА

*кандидат филологических наук, заведующая кафедрой
Рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального Исследовательского Университета
«Московский энергетический институт»*

E-mail: GavrilovaYV@mpei.ru

Ю.В. ГОЛОВКО

*кандидат философских наук, доцент кафедры
Рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального Исследовательского Университета
«Московский энергетический институт»*

E-mail: yulia_golovko@mail.ru

С.Н. КУРИЛОВ

*кандидат философских наук, доцент кафедры
Рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального Исследовательского Университета
«Московский энергетический институт»*

E-mail: kurilov85@mail.ru

Консервативно-либеральный синтез русской социально- философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв. и проблема общественного идеала

Статья посвящена рассмотрению либерализма и консерватизма как двух противостоящих друг другу социально-философских концепций. Рассматривается история формирования и развития обеих, как в западной, так и в отечественной традициях. В контексте рассмотрения проблем, связанных с практической реализацией соответствующих подходов, выдвигается идея о возможности синтеза консерватизма и либерализма. Авторы полагают, что формирование либерализма в России отличалось от западного отсутствием опоры на индивидуализм, связывая это с

влиянием традиционалистских идей. Синтез либерализма и консерватизма, таким образом, был изначально характерен для русской философии рассматриваемого периода. В западной же традиции эти идеологические течения развивались независимо друг от друга, и лишь в конце XX века происходит их сближение. В статье также рассматривается смена различных исторических эпох как чередование либеральных реформ и консервативных контрреформ. Ценности консервативного либерализма трактуются как гуманистические, во многом основанные на христианской традиции. Эти ценности предполагают необходимость учета всего многообразия социокультурного контекста конкретного общества при проведении тех или иных изменений.

Ключевые слова: консервативный либерализм, общественный идеал, консерватизм, либерализм, личность, общество, государство, индивидуализм, индивид, права, ценности гуманизма.

Введение

Консервативные и либеральные идеи по своей значимости для социума, культуры, политики, экономики и различных социальных институтов непреходящи, т. К. выражают тенденции эволюции двух социально-онтологических начал – личности и государства. С конца XVIII в., с момента первых консервативных концепций эти две идеологии стали друг другу в бинарную оппозицию, расколов пространство политических концепций на традиционалистские и модернистские. И в XXI в. Сохраняется стереотип, связывающий консерваторов только с принципом социальной неизменности, а либералов с идеей самоценности бесконечных социальных изменений.

Развитие либерализма и консерватизма на Западе

Истоки формирования идейного противостояния либерального и консервативного концептов прослеживаются в становлении новоевропейского взгляда на личность и общество в конце XVII – первой половине XVIII века. В результате развития ренессансного антропоцентризма и гуманизма в Новое время все более утверждается идея, согласно которой приоритет личного над общественным является безусловной нормой, а общественное благо должно рассматриваться как сумма благ индивидуальных.

Утверждение рационализма в качестве всеобщей установки общественного сознания начинает играть определяющую роль в понимании государства как искусственного механизма, созданного людьми ради общего блага. Признание

приоритета разума, вера в его безграничную мощь, рационализация во всех областях человеческой жизни привели к появлению убеждения, что общественные процессы можно контролировать, отношения индивидов в обществе должны строиться на основе разумного согласования их личных интересов, а определяющие функционирование социума институты могут и должны подвергаться переустройству на разумных началах. Государство трактуется как результат общественного договора, появляется разграничение «государственного» и «общественного», государства и гражданского общества, и, как следствие, формируется требование к государству следить за выполнением вышеозначенного договора и стоять на страже главных человеческих ценностей, среди которых особо выделяются свобода, сохранение человеческой жизни, охрана собственности и имущества, поддержание мира и порядка, обеспечение стабильности общества и благополучия его членов, где «власть общества или созданного людьми законодательного органа никогда не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага» [10, с.337].

В работах классиков либерализма постулируется примат индивида над обществом, признание автономии личности и ее права самостоятельно и независимо выстраивать свою жизнь в соответствии с собственным представлением о счастье. Общественный идеал рассматривается через призму идеала индивидуального. Так, в утилитаристском варианте либерализма «общество есть искусственное тело, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его члены. Что же такое есть в этом случае интерес общества? Сумма интересов отдельных членов, составляющих его» [2]. Важно отметить, что классический либерализм не отрицает важность роли общего интереса в развитии общества, но настаивает, что чувство солидарности должно формироваться только через согласование индивидуальных запросов: «чувство общности, возникающее между людьми ...решительно невозможно на какой-либо иной основе, кроме взаимного соблюдения интересов. Сообщество равных не может существовать без понимания того, что интересам всех должно уделяться равное внимание» [11, с. 127].

Как известно, идеология консерватизма возникает в конце XVIII века как реакция на события Великой француз-

ской революции, а отношение к данному историческому событию на протяжении долгого времени рассматривается как маркер принадлежности к тому или иному идейному лагерю. Неслучайно основополагающая работа «идейного отца» консерватизма Э. Берка, вышедшая в 1790 году, называется «Рассуждения о революции во Франции» [3]. Революция рассматривается Берком как цивилизационная катастрофа, разрушающая основы общества, его базовые ценности, подрывающая те связующие нити, которые составляют сущность общественного устройства и без которых невозможно его существование. В своем классическом варианте консерватизм постулирует незыблемость социального начала в человеке, его природную данность, из чего вытекает признание подчиненности индивидуального коллективному. Встав на сторону антропологического пессимизма, отцы-основатели консерватизма не мыслят индивида без строгого контроля со стороны общественных институтов, призванных укрощать и обуздывать биологические инстинкты, агрессию и эгоизм, присущие человеку.

Причина бед и несчастий, постигших Францию, видится консерваторами в утверждении в общественном сознании идей либералов-просветителей с их призывом «*saepere aude*». Тем не менее, при всей идейной оппозиции либерализму, присущей классическому консерватизму, необходимо отметить, что уже у Э. Берка можно обнаружить ряд рассуждений, указывающих на понимание невозможности отказа от признания важности индивидуальных свобод и придающих его работам некоторые элементы либерального дискурса. В «Письме от мистера Берка к Джону Фару и Джону Харрису, эсквайрам, шерифам города Бристоль, об американских делах» Берк пишет: «Свобода, если я вообще понимаю, что это такое, – всеобщий принцип, и она либо имеется в качестве неоспоримого права у всех подданных, либо не имеется ни у кого. Частичная свобода представляется мне самой неприятной формой рабства» [3, с.150]. В целом же в период с конца XVIII вплоть до начала XX противостояние либеральной и консервативной идеологии усиливается.

На Западе тенденция к смягчению позиций намечается с появлением неолиберальных и неоконсервативных идей и развитием «смешанных» форм данных течений (например, социального либерализма). В западной мысли неолиберализм стал формироваться в 30-е гг. XX в. (Ф. фон Хайек,

Дж. Ролз, И. Берлин), неоконсерватизм – уже в 70-е гг. (И.Кристал, Л. Штраус, Р. Нисбет).

Неоконсерваторы открыто заявляют о важности и неотвратимости перемен, говорят о необходимости идти в ногу с прогрессом, приветствуют инновации. Один из главных идеологов американского неоконсерватизма Ирвинг Кристал, характеризуя новые установки течения, пишет: «Неоконсерватизм полон надежд, а не скорби, он смотрит в будущее, а не тоскует по прошлому, и настроен он весело, а не мрачно или подавленно» [8, с.171]. Также меняется и традиционная модель отношений человека и государства. Из нее исчезает свойственный консерватизму патернализм, личности придается большее значение, а важным фактором процветания признается предпринимательство и инициатива. Экономическое развитие и рост благосостояния рассматриваются в качестве залога стабильности общества: «Основная посылка неоконсерватизма заключается в том, что увеличение благосостояния всех слоев общества делает собственников и налогоплательщиков менее уязвимыми для эгалитарных иллюзий и демагогических призывов и более разумными в том, что касается основных экономических расчетов» [8, с.171-172].

В 90-е годы о кризисе либерализма и крахе либеральной идеи в ее классической просвещенческой форме начинают открыто говорить сами представители течения: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон [12]. Показательной в этом плане представляется работа Дж. Грея «Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности» [7]. По словам Грея, современное западное общество вынуждено отказаться от либеральной доминанты и прийти к «признанию реальности культурного многообразия ценностных образов жизни» [7, с.342]. В подобном русле разворачивается и идея «ценностного плюрализма», высказывавшаяся незадолго до этого одним из крупнейших представителей политической философии либерализма И. Берлином [4].

Либерализм и консерватизм в России

Задолго до формирования на Западе вышеозначенной тенденции в России появляется целый ряд идейных учений, представляющих собой сплав как либеральных, так и консервативных позиций. В русской философии уже в XIX в. Формируются синтетические консервативно-либеральные и

либерально-консервативные идеи (Чичерин, Кавелин, Струве). На идеологическом и социально-практическом уровне рациональный синтез этих двух альтернативных установок давно произошел, однако в концептуальном смысле содержание этого синтеза меняется от эпохи к эпохе. Тот или иной элемент синтетического учения начинает доминировать в зависимости от культурно-исторического контекста эпохи. В истории России заметна социально-историческая тенденция сменяемости либеральных и консервативных режимов и правлений. На примере XIX и XX вв. ярко видна эта закономерность: либерально ориентированная эпоха Александра I сменяется консервативно-охранительной эпохой Николая I, на смену периоду бурных реформ Александра II приходит время контрреформ и определенного застоя правления Александра III. Даже в советский период, когда понятия *либерализм* и *консерватизм* не фигурировали в социально-политическом пространстве и не производились с высоких трибун, отчетливо видна смена этих тенденций. Период железного занавеса времен И. Сталина с его возвратом до определенного уровня к имперским и государственно-охранительным формам жизни сменяется периодом реформаторства Н. Хрущева, когда на XXI съезде даже звучит термин уже позднего советского периода – «перестройка». На смену эпохе так называемого брежневского «застоя», для которого характерна определенная консервативная стагнация и в идеологическом, и в политическом смыслах приходит эпоха радикальных социальных, политических, экономических и культурных реформ М. Горбачева. Очередность этой сменяемости во многих своих проявлениях, несмотря на все разнообразие и богатство событий и различных реалий социального бытия, очевидна.

Синтез либерализма и консерватизма

Социально-философский контекст этих эпох и понимание их проблем невозможны без синтеза консервативных и либеральных идей, учитывающих специфику национального менталитета и культурно-исторических особенностей развития российского общества. Целью данного анализа является не только глубинное понимание процессов истории, но и теоретико-методологическое и стратегическое формулирование социального идеала современного российского общества. Проблема идеала на уровне общественного сознания полагается проблемой неразрешимой и даже надуманной,

не имеющей отношения к реальности. Не согласиться с таким мнением трудно по той причине, что идеал по определению недостижим. Идеализм и недостижимость социальных утопий заключаются в невозможности построения такого общества на практике. В концепции консервативно-либерального синтеза, получившего философско-методологическое основание в работах религиозного мыслителя С. Л. Франка, подчеркивается, что «корень греха утопизма заключается в том, что, находясь в рамках конкретной социальной концепции и политической идеологии, и теории, и практики зачастую не понимают ограниченность своего учения и невозможность реализовать его в чистом виде» [17]. Правота этого тезиса заметна на примере истории реализации либеральных и консервативных проектов, когда их положения возводились в ранг неоспоримых истин, что имело пагубное продолжение на практике.

Уже в период прихода в пространство политической и философской мысли либерализма как идеологии, многие представители русской интеллигенции, анализируя сложность развития нашей страны, стали понимать его ограниченность в чистом виде. Как отмечают исследователи, первые идейные ростки консервативного либерализма появились в сочинениях П.А. Вяземского [13, с. 456], Н.С. Мордвинова [14, с. 63–68), А.С. Пушкина [1]. Особенностью российского либерализма было то, что он сформировался после французской революции, горький опыт которой породил консерватизм как социально-политическую концепцию. Кроме того, сами условия жизни в России не создали либеральную среду или почву. В истории России долгое время отсутствовало предпринимательство как социальный институт, власть имела авторитарные черты, широта просторов создавала консервативно-охранительную почву, преобладало доминирование государства над обществом, общества над человеком, общего над единичным.

В наиболее завершенном виде концепция консервативного либерализма сформировалась к концу XIX в., основной идеей ее стала мысль о невозможности придумать «политическую алхимию, с помощью которой можно выстроить механически совершенное общество» [9]. Так, одно из наиболее целостных учений консервативно-либерального толка представлено в работах С.Л. Франка [15], [16], [17,18,19]. Бросая ретроспективный взгляд на сложную и долгую историю построения различных социально-политических систем

и внедрения в реальную жизнь идеологий, можно констатировать, что важнейшей задачей современной социально-философской и общественно-политической мысли должна стать задача теоретического обоснования возможности создания наиболее благоприятных правовых, экономических, социально-политических и цивилизационных условий архитектуры социума.

Особенности проявлений либерализма и консерватизма в России

В XX в. Россия приобрела долгий и трудный опыт не реализовавшейся мечты создания идеального справедливого общества, на алтарь которого были положены тысячи жизней и разбиты миллионы судеб. Этого опыта возможно было избежать при условии примирения двух начал: человека и государства в общественном сознании. Однако такого примирения не произошло по причине отсутствия конструктивного диалога между обществом и властью в связи с ментальными и культурно-историческими особенностями развития России как мощного и централизованного государства, сочетающегося одновременно с определенными «вольницами» территорий и людей, отдаленных от столицы. Власть в лице многих правителей полагала, что общество еще не подготовлено к реформам и часто сворачивала многие либеральные нововведения, как Екатерина II и Александр I. Общество, в свою очередь, отличалось как инертностью к восприятию различных социальных инноваций, так и вспышками бунтов и восстаний как реакциями неприятия методов управления, используемых государством. Сегодня, на наш взгляд, наиболее рациональной позицией является идея консервативно-либерального синтеза, в рамках которого и возможно реальное примирение двух начал общественного бытия.

В западноевропейской традиции классического либерализма господствовало представление о благой природе человека, идея которой стала ценностной основой либерализма как социально-философского и политического учения. Согласно этой теории, природа человека изначально имеет благоую сущность, с ориентацией на добро и прогрессивное развитие, в связи с чем человек стремится заботиться о других и охранять их жизнь и благополучие. Локк утверждает: «Каждый из нас, поскольку он обязан сохранять себя и не оставлять самовольно свой пост, обязан по той же причине,

когда его жизни не угрожает опасность, насколько может, сохранять остальную часть человечества» [10, с. 265]. Если в основе концепции авторитарного «государства-левиафана» Т. Гоббса [6] лежит этика запрета, которая исходит из идеи об изначальной испорченности человека, то в основе либеральной концепции ценностным ядром выступает идея изначальной гуманности личности и общества. Человек не нуждается в природном совершенствовании, т.к. посредством развития сознания, дошедшего до идеи социальной свободы, развивается культура и строится разумная благая цивилизация.

В своем первичном варианте западноевропейский либерализм важнейшим тезисом считал индивидуализацию социально-политической сферы, и, несмотря на трансформацию в различные неолиберальные учения, либерализм оставляет эту идею в нетронутом виде. В России же наблюдается совершенно иная картина. Даже в пору первоначального прихода в отечественную мысль либерализма, он не осмысливается в рамках только индивидуальных категорий. Это было связано с тем, что в XIX столетии существовала влиятельная философия славянофильства и почвенничества, и консервативное крыло отечественной социально-философской мысли выросло, безусловно, из него.

Ценностным ядром консервативного либерализма можно считать концепцию гуманистического реализма, которая вытекает во многом из христианских ценностей, корреспондирующих во многом с идеалами светского гуманизма эпохи Возрождения. Теологический подход видит основание общественного единства в надвременности его существования и божественного замысла о нем. Консервативно-либеральный подход, продолжая эту мысль, полагает это единство в рамках общественного сознания, в котором существует одновременно прошлое, настоящее и будущее, присутствует исторический опыт, культурные ценности, общие цели и ориентиры на будущее. Это – метафизическая точка отчета и «альфа» консервативно-либерального учения.

Культура любого народа представляет собой объективную реальность, состоящую из элементов, которые формируют сознание личности и особенности национального мышления. К ним относятся: культурные «святыни», вера (как религиозная, так и внеконфессиональная), язык, традиции, нравы. Эти элементы не складываются эмпирически из отдельных кусков «мозаики» социальной реальности, они сами

являются истоком той надындивидуальной реальности, благодаря которой существует национально-культурное сознание или общественный менталитет. Общественное или культурное сознание – это сверхличное единство, связывающее общими мотивациями задачи индивидов, целевыми установками, создающее атмосферу совместной деятельности, которая определяет смысл индивидуального бытия. Функционирование этих элементов не зависит от продолжительности индивидуальной жизни и не детерминируется индивидуальным сознанием. Культура мышления и социального бытия не локализована во времени и пространстве.

В основу консервативного либерализма кладется демократический принцип поиска идей, т.к. материальная или телесная свобода не существует без свободы духовного выбора. И хотя этот принцип прописан в конституциях многих стран мира и лежит в основе и классического либерализма, он остается скорее декларативным принципом, а не реально работающей силой. Сила демократии заключается не в индивидуализированной экономической свободе, а в праве искать добро, истину и справедливость в обществе, что предполагает этику ответственности. Этот тезис является альтернативой современной западно-центрированной концепции толерантности, которая провозглашает определенное социальное «равнодушие», «смерть политического», и в итоге, «конец социального» [5]. Идейное равнодушие порождает и общественное, и культурное, и политическое равнодушие. Такая установка псевдотерпимости не является подлинной.

Заключение

Функционирование общества, реальный быт и жизнь людей предполагают диалектический синтез социального, политического, экономического роста отдельной личности и уровень развития государственных институтов. Самосознание личности детерминирует общественное устройство, одновременно социальные институты напрямую влияют на интеллект и поведение личности.

Вихрь исторических событий последнего столетия разметал идею о непосредственной и прямой реализации всех политических идеологий в «первозданном» виде. Консерватизм, либерализм и другие доктрины не могут быть анализированы и внедрены в отрыве от контекста эпохи, без ориентации на конкретные проблемы, чаяния и заботы конкретных

людей. Динамичное и гибкое понимание теоретико-методологических принципов построения максимально справедливого общества обусловлено пониманием золотой меры между односторонностью либеральных и консервативных идей. В пространстве социального диалога необходимо создать такой дискурс, который мог бы навести коммуникационные «мосты» между консерваторами и либералами, традиционалистами и новаторами. Ключевым решением большинства социальных проблем является нахождение точек соприкосновения различных идеологий, что доказывается фактами социального строительства.

Важнейшая установка концепции консервативного либерализма заключается в том, что ни консерватизм, ни либерализм не являются догматами, наподобие религиозных. Либеральные инновации и консервативно-охранительные традиции должны восприниматься как развивающиеся и определяющиеся социальным контекстом эпохи. Либеральные и консервативные элементы социально-политических идеологий должны то расширяться, то сужаться, то отдаляясь друг от друга, то приближаясь. Консервативный либерализм как социально-философское учение – это попытка решить проблему индивидуальных и общественных отношений и найти гармонию между личностью и социумом. Если граждане государства и власть симфонически видят задачи нравственного и материального развития общества, то они разделяют общие ценности, которые выстраивают сбалансированное социально-политическое строительство.

Литература

1. А. С. Пушкин – критик. Сост. Е. Н. Лебедев. – М., 1978. – 672 с.
2. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 416 с.
3. Берк, Э. Правление, политика, общество // Сборник. Пер. с англ., сост., вступ. Ст. и коммент. Л.Полякова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 480 с.
4. Берлин, И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
5. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. – 95 с.
6. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.

7. Грей, Дж. Поминки по Просвещению // Политика и культура на закате современности. Пер. с англ. – М.: Практис, 2003. – 368 с.
8. Кристол, И. Неоконсервативное убеждение // Логос. №6 (45), 2004. – С.170-174.
9. Курилов, С. Н. Концепция консервативного либерализма в социальной философии С.Л. Франка /монография. – М.: Библио-Глобус, 2016. – 156 с.
10. Локк, Дж. Два трактата о правлении. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137-405.
11. Милль, Джон Стюарт. Утилитаризм. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.
12. Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 320 с.
13. Струве, П. Материалы для исторической хрестоматии русской мысли. О либеральном консерватизме в нашем прошлом // Русская мысль. Париж, 1927. – Кн. I. – С. 63–68.
14. Струве, П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М.:1997. – 456 с.
15. Франк С. Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. - 736 с.
16. Франк, С. Л. *De profundis* // из глубины. – М.: 1990. – 298 с
17. Франк, С. Л. Духовные основы общества // Сборник: сост. П.В. Алексеев. М.: Республика, 1992. – 511 с.
18. Франк, С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. М.: Республика, 1997. – 479 с.
19. Франк, С. Л. Этюды о Пушкине. М.: 1999. – 177 с.
20. Nisbet R. *Conservatism: Dream and reality*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986 – 136 p.

YU.V. GAVRILOVA

***PhD in Philology, Head of the Department of Advertising,
Public Relations and Linguistics, National Research
University "Moscow Energy Institute"***

YU.V. GOLOVKO

***PhD in Philosophy, Assistant professor at Department of
Advertisement, Public Relations and Linguistics of National
Research University "Moscow Power Engineering Institute"***

S.N. KURILOV

***PhD in Philosophy, Assistant professor at Department of
Advertisement, Public Relations and Linguistics of National
Research University "Moscow Power Engineering Institute"***

Conservative-liberal synthesis of Russian socio-philosophical thought in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries and the problem of social ideal

The article is devoted to the consideration of liberalism and conservatism as two opposing socio-philosophical concepts. The history of the formation and development of both, both in the Western and Russian traditions, is considered. In the context of considering the problems associated with the practical implementation of the relevant approaches, the idea is put forward of the possibility of a synthesis of conservatism and liberalism. The authors believe that the formation of liberalism in Russia differed from that in the West by the lack of reliance on individualism, linking this with the influence of traditionalist ideas. The synthesis of liberalism and conservatism, thus, was originally characteristic of Russian philosophy of the period under review. In the Western tradition, these ideological currents developed independently of each other, and only at the end of the 20th century did they come together. The article also examines the change of different historical eras as the alternation of liberal reforms and conservative counter-reforms. The values of conservative liberalism are interpreted as humanistic, largely based on the Christian tradition. These values imply the need to take into account the entire diversity of the socio-cultural context of a particular society when making certain changes.

Keyword: *conservative liberalism, social ideal, conservatism, liberalism, personality, society, state, individualism, individual, rights, values of humanism.*

Literature

1. A. S. Pushkin – critic. Comp. E. N. Lebedev. – M., 1978. – 672 p.
2. Bentham, I. Introduction to the foundations of morality and legislation. – M.: ROSSPEN, 1998. – 416 p.
3. Burke, E. Board, politics, society // Collection. Per. From English, comp., intro. Art. And comment. L. Polyakova. – M.: KANON-press-C, Kuchkovo field, 2001. – 480 p.
4. Berlin, I. Philosophy of freedom. Europe. – M.: New Literary Review, 2001. – 448 p.
5. Baudrillard, J. In the shadow of the silent majority, or the end of the social. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2000. – 95 p.
6. Hobbes, T. Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state // Hobbes T. Works: In 2 vols. T. 2. – M.: Thought, 1991. – 731 p.
7. Gray, J. Enlightenment Wake // Politics and Culture at the End of Modernity. Per. From English. – M.: Praxis, 2003. – 368 p.
8. Kristol, I. Neoconservative belief // Logos. No. 6 (45), 2004. – P. 170-174.
9. Kurilov, S. N. The concept of conservative liberalism in the social philosophy of S.L. Frank / monograph. – M.: Biblio-Globus, 2016. – 156 p.
10. Locke, J. Two treatises on government. Works: In 3 volumes – T. 3. – M.: Thought, 1988. – S. 137-405.
11. Mill, John Stewart. Utilitarianism. Rostov-on-Don: Don Publishing House, 2013. – 240 p.
12. Modern liberalism: Rawls, Berlin, Dworkin, Kimlika, Sandel, Taylor, Waldron. M.: House of Intellectual Books, 1998. – 320 p.
13. Struve, P. Materials for the historical reader of Russian thought. On liberal conservatism in our past // Russian Thought. Paris, 1927. – Book. I. – pp. 63–68.
14. Struve, P. B. Patriotica: Politics, culture, religion, socialism. M.: 1997. – 456 p.
15. Frank S. L. Russian outlook. – St. Petersburg: Nauka, 1996. – 736 p.
16. Frank, S. L. De profundis // from the depths. – M.: 1990. – 298 p.
17. Frank, S. L. Spiritual foundations of society // Collection: comp. P. V. Alekseev. M.: Respublika, 1992. – 511 p.
18. Frank, S. L. Reality and man. Metaphysics of human existence. M.: Respublika, 1997. – 479 p.
19. Frank, S. L. Etudes about Pushkin. M.: 1999. – 177 p.
20. Nisbet R. Conservatism: Dream and reality. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986 – 136 p.

С.А. ПИЛЯК
кандидат архитектуры,
доцент ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет»,
советник Российской академии
архитектуры и строительных наук
E-mail: s.pilyak@mail.ru

Междисциплинарный характер исследования интерпретации культурного наследия

Интерпретация культурного наследия является важным процессом, оказывающим особое влияние на восприятие самого наследия, а, значит, выступающим в качестве залога его сохранения. Исследование этого процесса представляет сложную задачу. Очевиден и междисциплинарный характер данного исследования, обоснованный сложностью самой природы наследия.

Материал обобщает результаты работы по изучению механизма интерпретации культурного наследия и потенциала актуализации наследия, раскрывая особенности применяемых методик исследования. В представлении широкого диапазона методов и обосновании актуальности междисциплинарного подхода в исследовании процессов, связанных с культурным наследием, заключается новизна исследования.

Ключевые слова: *Культурное наследие, интерпретация, междисциплинарный подход.*

Междисциплинарный характер исследования интерпретации культурного наследия, на первый взгляд, не подлежит сомнению. Культурное наследие принадлежит различным сферам. Поскольку культурное наследие является символом и смыслом человеческой культуры, его следует рассматривать с разных сторон.

Культурное наследие и горизонты его применимости как научного понятия обладают сложной природой и могут рассматриваться в контексте философии, эпистемологии, герменевтики, культурологии, антропологии, искусствоведения, истории, иных наук [3].

Для исследования интерпретации культурного наследия необходимо применить методики различных наук. Междисциплинарность в данном случае является как проблемой, так и решением. Получение нового научного знания выступает достойным результатом, в полной мере объясняющим сложность методик.

В разработку проблем восприятия культурного наследия, и интерпретации в целом внесли свой вклад выдающиеся исследователи, труды которых традиционно относимы к разным областям человеческого знания. Феномену метафоры особое внимание уделяли П. Рикёр [5], Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Дэвидсон, Н. Гудмен, Дж. Сёрль, Дж. Лаккофф и др. Вопросы формирования культурного кода были рассмотрены в исследованиях Р. Барта, Ю.М. Лотмана [2], У. Эко и др. Важнейшее для настоящего исследования понятие объекта культурного наследия, в том числе в контексте человеческого восприятия разработали исследователи В.К. Егоров, А.В. Работкевич, К.Е. Рыбак, Ю.А. Годованец, И.Е. Кознова [1].

Для достижения целей исследования используются как общенаучные методы, так и отдельные подходы, характерные для сравнительно узких областей научного знания. Среди общенаучных методов можно выделить следующие. Метод классификации позволяет выработать общие закономерности путем систематизации материала, обособления по отличительным признакам. Системно-структурный метод направлен на рассмотрение объекта исследования в качестве системы, имеющей взаимосвязанные элементы и определенную специфику действия и существования. Выделение частного и целого позволяет проанализировать интерпретацию культурного наследия в качестве обособленной сферы жизни общества, сделать выводы об институциональном строении исследуемой сферы. Метод концептуализации позволяет теоретически организовать представления о векторах развития исследуемого объекта, обосновать связанные с ним концепты, сформировать понимание узловых моментов стратегии на современном этапе. Кроме этого, используются методы наблюдения, описания, сравнения, измерения, моделирования, анализа, синтеза, систематизации.

Всеобъемлющее рассмотрение культурного наследия как феномена человеческой цивилизации позволяет в полной мере осознать его важное значение для настоящего и будущего. Наиболее важным остается философское осмысление

наследия. Мировоззренческая роль этого феномена, спектр важных задач, для решения которых наследие является инструментом, чрезвычайно велик. В данном случае особое применение находят приемы теоретического познания: абстрагирование, формализация, моделирование. Применение системного подхода в рассмотрении объекта познания позволяет проанализировать его в качестве системы, обладающей разработанным понятийно-категориальным аппаратом репрезентации познаваемого объекта.

Применение методов, характерных для сферы искусствоведения, позволяет проанализировать ценность объекта наследия как памятника искусства, демонстрирующего эстетику определенного исторического периода. Важное значение в данном случае имеет сравнительный метод. Выделение общего, установление повторяемости, регулярности явлений, выделение особенного позволяют обратить внимание на индивидуальные особенности объекта наследия, выделяющие его на фоне общей закономерности развития.

Исторические науки рассматривают объект наследия, в первую очередь, как артефакт, свидетельствующий о реальности связанных с ним исторических событий. Именно артефакт делает страницы коллективной памяти зримыми, образуя надежную доказательную базу. Метод исторической аналогии позволяет поставить различные предметы, в том числе и объекты наследия, в схожие условия, чтобы проанализировать результат их взаимодействия. Однако основным методом исследования в данной области знания следует признать исторический метод, предусматривающий исследование возникновения и трансформации явлений и феноменов в историческом развитии. Этот метод позволяет полноценно проанализировать их сущность и тенденции развития и реализуем как в отношении исследования самих объектов наследия, так и процесса их интерпретации.

При использовании методов, характерных для культурологических наук, объект культурного наследия воспринимается как свидетельство поступательного развития человеческой цивилизации, освоения культурных ценностей прошлых эпох. Исследованию наследия способствует экспликация образцов наследия в современных стратегиях. Данный подход предусматривает реализацию методов компаративистики (сопоставительно-типологический и сравнительно-исторический) с целью сравнения восприятия наследия на разных этапах.

По итогам рассмотрения методики стоит отметить, что комплекс указанных подходов не исчерпывает всей сложности и многообразия природы наследия.

Культурное наследие – сложный предмет исследования [4], что определяет необходимость применения междисциплинарного подхода. В целом методы, примененные в исследовании, представляют совокупность общенаучных методов, характерных для гуманитарных и общественных наук. Ключевыми методами остались наиболее общие – методы анализа и синтеза, систематизации и классификации, позволяющие достичь поставленных задач во многих областях научного знания. В исследовании был также применен общий историко-философский подход, сочетающий анализ материалов по теме исследования и изучение процессов формирования и трансформации ключевых понятий в историческом развитии.

Литература

1. Кознова, И.Е. Наследие как историческая память // Вечное и преходящее в культурном наследии России [Текст] / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии ; Отв. Ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2010. С. 133-150.
2. Лотман, Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.
3. Пиляк, С.А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. – С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.
4. Резник, Ю.М. Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект? // Теория культуры. Фундаментальные проблемы культурологии. – СПб.: Алетейя. 2008. С. 16-32.
5. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И вступит. Ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 624 с.

S.A. PILYAK

**Candidate of Architecture, Associate Professor of the
Smolensk State University, Advisor to the Russian
Academy of Architecture and Construction Sciences**

Interdisciplinary nature of the study of the interpretation of cultural heritage

The interpretation of cultural heritage is an important process that has a special impact on the perception of the heritage itself, and, therefore, acts as a guarantee of its preservation. The study of this process is a difficult task. The interdisciplinary nature of this research is also obvious, justified by the complexity of the nature of the heritage itself.

The material summarizes the results of the work on the study of the mechanism of interpretation of cultural heritage and the potential of actualization of heritage, revealing the features of the applied research methods. The novelty of the research lies in presenting a wide range of methods and substantiating the relevance of an interdisciplinary approach in the study of processes related to cultural heritage.

Keyword: *Cultural heritage, interpretation, interdisciplinary approach.*

Literature

1. Koznova, I.E. Heritage as historical memory // Eternal and transitory in the cultural heritage of Russia [Text] / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy ; Ed. S.A. Nikolsky. – M. : IFRAN, 2010. Pp. 133-150.

2. Lotman, Yu.M. Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes. – SPb.: Iskusstvo-SPb, 2001. – 703 p.

3. Pilyak, S.A. Interpretation of material cultural heritage in the context of a museum // Ideas and ideals. – 2020. – Vol. 12, No. 3, part 2. – pp. 337-351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

4. Reznik, Yu.M. Cultural studies in the system of cultural sciences: a new discipline or an interdisciplinary project? // Theory of culture. Fundamental problems of cultural studies. – St. Petersburg: Aleteya. 2008. Pp. 16-32.

5. Riker, P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / Trans. From fr. And will enter. V. I. Vdovina. – M.: "CANON-press-C"; "Kuchkovo field", 2002. – 624 p.

В.В. ДАВЫДОВ
**кандидат философских наук, Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Камчатский
государственный университет им. Витуса Беринга»**
E-mail: vse-davydov@yandex.ru

Образы онтологического рубежа у Пушкина и Гоголя

В статье рассматривается философская (антропологическая) проблематика произведений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. В контексте гипотезы о фазах естественной динамики русской культуры Нового времени рассматриваются концепции сюжета и героя, реализованные в произведениях А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Показаны варианты образного выражения и эстетического осмысления онтологического рубежа между вовлеченным в процесс нравственной и духовной самоидентификации субъектом и идентифицируемым через культурную парадигму внешним миром. Первый вариант представлен пушкинским ренессансным гуманизмом, второй – гностическим антропологическим пессимизмом Гоголя. В обоих вариантах актуализированы, во-первых, сюжет о бегстве и обратимости героя, преодолении границы господствующей в культуре антропологической парадигмы, а во-вторых – образы человека или вещи, оказавшихся на онтологическом рубеже.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, философские мотивы русской художественной литературы, антропологическая парадигма культуры, онтология художественного мира.

Для культурологической, или экзистенциально-антропологической, адаптации онтологических представлений, актуальных в русской духовной культуре первой половины 19 века, следуя за М.Н. Виротайнен, выделим «в качестве исходной аксиоматики различений» «четыре основных уровня, которые... являются формообразующими началами собственного русской культуре миропорядка. Это уровень *канона*, уровень *парадигмы*, уровень *слова* и уровень *непосредственного бытия*» [3, с. 3]. Под каноном «...понимается

совокупность законов, традиционно упорядочивающих культурный космос. Главное свойство канона – его неявленность, непроявленность, незафиксированность, невоплощенность. Но, неявленный, он постоянно является, невоплощенный – присутствует во всяком акте воплощения» [3, с. 4]. А уровень парадигмы «...также содержит в себе законы, нормирующие и регулирующие культурный миропорядок. Но, в отличие от канона, парадигма всегда явлена, предъявлена, воплощена. Если канон суть начало актуализируемое, то парадигма – актуализированное. Если канон нерукотворен, то парадигма всегда имеет авторское происхождение – пусть даже имя автора оказывается преданным забвению. Парадигма существует как наличность и данность, как предъявляемый образец» [3, с. 4].

В эпоху русского Просвещения культура канона сменилась парадигмальной культурой. В 19 веке в культуру входит Личность – субъект, возлагающий на себя всю полноту ответственности за культуру, мыслящий, пишущий и говорящий «от первого лица». Человек преодолевал парадигмальную культуру и одновременно возлагал на себя бремя личностного бытия. Становящееся в культуре личностное начало проблематизируется. Эмансипация личности проблематична во всех направлениях: и с собственной точки зрения, и с точки зрения внешней. Личностного отношения требует все: бог, творчество, общественные процессы, природа. Охватить все это личным Словом, свести в сферу непосредственного опыта – сложная задача, требующая больших духовных усилий.

В русской художественной культуре первой половины 19 века можно найти различные варианты решения этой задачи в различных ее аспектах. Феномен ускользающего доступа к традиции и культурному канону, нарушения связи с трансцендентным, ситуация фатального разрыва между каноном и парадигмой принципиально выступали предметом в художественной философии писателей этого периода. Одной из сюжетных линий Пушкина является роковое движение отчужденного от канона (непосредственно данной и нерerefлексивно реализуемой культурной нормы) героя к осознанию невозможности полностью посвятить себя парадигме, принять парадигмальный порядок. Этот сюжет ярко представлен в «южных» поэмах и лирике времени написания южных поэм. Рок изначально он понимал (будучи воспитанным на идеях и ценностях культуры Просвещения) как стихию, где

не может быть позитивно проявлена разумная воля человека, где человек становится обезволенной, пассивной, страдательной «частицей». Героя несет навстречу новому миру, где он может найти для себя новое место, новый космос, дать своему разуму новый закон. Пушкинский герой не упорядочивает хаос личной волей, но только ждет спасительного рубежа новой парадигмы. Соответственно, у Пушкина появляются образы корабля, желанного берега, метафора пристани-пристанца души. Они используются для того, чтобы обозначить идею перехода к новой парадигме или же к новому – непарадигмальному – бытию (в каноне или личном произволе). Оба исхода предполагают внешнее, формальное участие героя в обстоятельствах новой жизни, без осознания реализованного в ней культурного канона (которым могут жить другие герои) и без подлинно явленной личной воли. То, чего нет у героя Пушкина – дерзновения обрести надличностный (национальный) канон культуры и жизни либо неистово предаться произволу личной воли – есть у романтических героев. Подлинно романтических произведений у Пушкина нет. Романтическое преодоление всех и всяческих парадигм для него неактуально. Пушкина (гуманиста, а не индивидуалиста; просветителя, а не мистика; государственника, а не националиста) интригует именно парадигмальное существование человека. Оказывается, что опыт существования в парадигмальном порядке является не меньшим экзистенциальным подвигом, чем трансцендирование или волюнтаризм.

Парадигма у Пушкина не есть что-то внешнее герою – ее нельзя сбросить, как старую одежду; она, скорее, кожа (один из главных собственно пушкинских образов – образ «покрова» вообще). Покров и кожа – внешнее, адресованное миру, другому человеку начало, без которого нельзя быть, с потерей которого человек теряет все. Такого человека мы видим в сюжетной лирике Пушкина. Смена покрова, кожи – это перемена в исторической судьбе героя, в условиях его нравственной ответственности. Пушкин не видел в человеке автономного витального или нравственного начала, и поэтому, находя «себя» там, где кончается историческое призвание и общественное служение, где нет «зеркала» истории, он востребовал трагические образы разоблаченного человека, человека ищущего и обретающего (часто не по своей воле) новый покров, новую кожу – новый запас нравственного или витальной прочности в истории и среде.

Другим образом, значение которого – возвращение, приобщение героя Пушкина к парадигме, являясь образ верного коня (см. подробнее [4, с. 56-58]). Конь имеет важную сюжетную функцию. Коню ведома не только парадигма, но и канон. Ведомо и то, что канон актуализирует: вечное, нравственное, будущее – непарадигмальное, в общем, бытие. Он может понимать, что парадигма есть фальшивый канон, либо то, что она уже не актуальна, что требуется эмансипация личности, что последняя уже происходит независимо от желания личности. Конь – это олицетворение той силы, что несет парадигмального человека ради встречи с чем-то совсем ему непонятным; иногда – от рухнувшей парадигмы к хаосу, небытию, но чаще – к новой гуманизированной парадигме, гармонизирующей быт и судьбу неэмансипированной личности (см. яркий и выразительный *глубоко лирический* цикл «Песни западных славян» [9]). Конь не обязательно является непосредственно; есть у Пушкина и другие образы «медиаторов», выполняющих функцию сближения человека с нравственным началом, реализованным в парадигме, уводя героя от обветшавшей парадигмы к новой (поскольку служение обветшавшей парадигме ведет к потере нравственного измерения жизни, утрате связи с эпическими объектами (историей, прежде всего) и, возможно, с трансцендентным миром). Человек Пушкина существует только в парадигмальном порядке, но не ради его поддержания. Через парадигмальное существование человеку открывается возможность стать непроблемно личностью или гарантированно соприкоснуться с вечным и надличностным бытием. В онтологии эпического мира Пушкина (событийной канве его мира) роль коня выполняет случай. Случай выводит героев «Повестей Белкина» и «Капитанской дочки» к новому парадигмальному порядку.

Есть у Пушкина и герой, отвергающий помощь коня (или другого «межпарадигмального медиатора»). Преступающий парадигмальный порядок герой, брошенный конем, не слушающий коня, оказывается один перед новым образом мира, в отношении которого ни долг, ни совесть – никакое человеческое чувство (чувство парадигмального человека) не значимы. Такой герой может понимать то, что нельзя преступать черту между тем миром, который был ясен и неотторжим, и тем миром, что потребует от героя нового знания и новой кожи. Случай может спасти героя, унося его

от опасного рубежа. Но случай на помощь герою не всегда приходит. Это сюжет пушкинской трагедии. В частности, трагическое движение человека к рубежу парадигмального бытия является общим сюжетом «Маленьких трагедий». У героев «трагедий» нет верного коня, и случаем они не прозревают альтернативы опасному рубежному опыту. Ни Сальери, ни Дон Гуан, ни Барон *случайно* не просыпаются от страшного морока, порожденного их страстью. Герои «Песен западных славян» также с ужасом переживают это чувство рубежа парадигмального порядка – кожа, которой они выросли в парадигмальный порядок уходящего старого мира, будет с этим миром сорвана. На что она будет выброшена в новом мире? В какую новую кожу герой вращет, вновь обретая себя и мир как парадигмальный человек? Гуманизм, видимо, заключается в том, чтобы увести человека от этого рубежа. Пушкина интересуют герои «странной судьбы», люди, не по своей вине выпавшие из привычного порядка жизни – преступники поневоле, преступники случаем, по несчастью, в силу личных нравственных обязательств (Н.Н. Петрунина, рассматривая «Дубровского» и «Капитанскую дочку», обращает внимание на роль «странной» судьбы героев, «странных» событий в генезисе пушкинского сюжета и концепции героя [7, с. 165-175, 250-256]; такого героя мы видим и в «Песнях западных славян»). Существенным для Пушкина является и вопрос, почему сложилась ситуация «преступления»: кто вывел героя к рубежу? Кто периодически сдирает кожу быта и судьбы с героев? А далее – перед чем последние в итоге выступают ответственными? Не имеют ли они права (для них – долга) слепо следовать парадигме даже тогда, когда можно изведать другое бытие, трансцендентное? И не является ли большим экзистенциальным подвигом *все-таки* следование парадигме (как это делают парадигмальные герои «Маленьких трагедий» – Альбер, Моцарт)? Судьба – это парадигма, ставшая неотторжимыми обстоятельствами жизни. Долг – понятие крайне актуальное для Пушкина. Долг для человека парадигмальной культуры – это осознание границ личного и границ реального: должно понимать, каким образом могу быть «я» и каким образом может быть «мир» благодаря безусловно ценной и безусловно значимой, ценной и значимой более любой «личности» и любого «мира», парадигме.

Пушкин мог и преодолеть трагическое звучание темы отношения своего героя к трансцендентному миру или миру, открывающемуся в личном выборе героя. «Хитрость» Пушкина в том, что, показав людей парадигмальной культуры, людей, безальтернативно «овнешненных» парадигмой (например, в «Повестях Белкина»), он показал и их свободу от нормы, порядка, иерархии, закона. Эта свобода в неведении. Парадигмальный человек может не быть фатально обременен мыслями о порядке, может не думать сосредоточено о законе жизни и судьбы. Задача человека – сыграть роль (прожить жизнь), ничего не имея в виду (кроме долга следовать определенному порядку вещей). Герои «Повестей Белкина» в неведении проходят рядом с границей, отделяющей порядок их жизни от хаоса, и, если выпадают-таки из определенного парадигмального порядка жизни, благополучно попадают в новый, врастают в новую парадигму, не успев даже на мгновение получить опыт обезличенного существования наедине с собой или богом. Вопрос, что скрыто за «овнешнивающими» человека парадигмами, для Пушкина принципиален. С чем ты будешь, когда придется встретиться непосредственно с богом и своей душой. Это вопросы лирического героя Пушкина и Пушкина-автора, создающего эпический сюжет. Для героев же его эпоса они, видимо, не актуальны. Это отчасти и вопросы веры (отсылающие, соответственно, к культуре канона). Вера нужна не для парадигмы (там вера не нужна, там – долг). Вера необходима для того, что за стоит за парадигмой и в итоге оправдывает парадигмального человека. У Пушкина это История.

Умозрение трансцендентного неземансипированной личностью, вынужденно отрешившейся от канона в пользу парадигмы, вносит смуту в социоприродный космос. Секуляризированная культура России 18-начала 19 веков – это культура людей, отрешившихся от трансцендентного мира или не имеющих трансцендентного опыта. Связь с трансцендентным как будто даже и невозможна для того, чья «священная обязанность» – блюсти парадигмальный порядок. Гоголевские чиновники, отпавшие от канона, узрев трансцендентное, – каменеют. Современники Гоголя не каменели. Но их реакция на его попытку обратиться непосредственно к трансцендентному, в общем, тоже свидетельствует о власти парадигмальной культуры, о непонимании отношения канона и культуры. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь пытался высказаться Словом канона. «Переписка» Гоголя

сродни средневековым поучениям. А современники, для которых этот жанр был уже чужд, поняли эту аномальную актуализацию канона как кощунственную попытку узурпации парадигмы. Даже полвека спустя принадлежащий уже совсем другой культурной эпохе Розанов не мог представить Гоголя в отношении канона: «...не умею представить себе, чтобы Гоголь «перекрестился»... И просто смешно бы вышло. «Гоголь крестится» – точно медведь в менюэте» [8, с. 392]. А ведь Розанов смотрит на Гоголя так, как Гоголь в свое время смотрел на своих «парадигмальных» современников (ему, Гоголю, казалось подлинно невозможным и комичным крестное знамение, совершаемое «чиновниками»). Гоголь хотел вернуться к религиозному канону. Хотя при этом, очевидно, он не мог игнорировать естественный для его современников парадигмальный «модус» культурной коммуникации. Если для культуры канона коммуникация есть исповедь и проповедь, покаяние и молитва, то для культуры парадигмы коммуникация – это письмо, циркуляр, указ, рацея, записка, ученый трактат, литературное сочинение. Онтологически полновесно и понятно только слово, опосредующее отношения ориентирующихся на образец и норму культурной парадигмы субъектов. Гоголь перешли за эти рамки. Этот шаг можно расценить и как бегство от реальности, как признание собственного неумения освоить парадигмальный уровень культуры. Ведь парадигма, в отличие от канона ветшает, ее нужно менять, модернизировать в творческих практиках, на общественном поприще периодически. Но Гоголь за пределами художественных практик решил на актуализацию трансцендентного, перешел на уровень канона. Многие современники поняли публицистику Гоголя как попытку уйти от обязанности перед ними, избавиться от долга перед «Государем», «Отечеством», «народом». Избегание «обязанности», забвение «долга» сродни безумию (потере себя), сродни «волхвованию», имеющему целью освобождение от власти общей для коллективного субъекта (только такого субъекта знает парадигмальная культура) судьбы. Нельзя не говорить, не делать. Андрей Белый писал о гоголевском приеме «не» [1, с. 57-68], с помощью которого автором творится особая онтология избегания. Мысля, в сущности, парадигмально, перечисляя все, что составляет общий социальный, космический порядок («все, что ни есть»), но не находя в этом того, что дано в опыте как вещь с непрояснен-

ным онтологическим статусом, Гоголь-художник декларирует свой отказ взять на себя личную ответственность за именование, за определение статуса этой вещи. Не именованная, не имеющая статуса вещь, о которой мы знаем только то, что она *не* есть, – это человек Гоголя в итоге, убегающий от парадигмального порядка, но остающийся в нем, прячущийся. Для некоторых «вещей» избегание может стать открытым, явным способом существования – можно существовать («казаться») в парадигмальной культуре, указывая на то, чем не являешься. Есть то, чего нет: небытие в парадигме оборачивается особым способом бытия. Вещь в мире Гоголя прячется либо убегая за обозримую границу «всего, что ни есть», либо скрываясь за другими вещами, погружаясь в зияющие провалы хтонической массы «всего, что ни есть». За счет «не» разрастается масштаб и сложность композиции барочного массива, вещь, существуя мнимо, не показываясь на белый свет, является основой для актуализации парадигмального порядка вещей. Та же, что у Пушкина, ситуация: есть порядок вещей (как гармония природы, гармония быта, как согласие вещей, людей в общем процессе, в общей композиции единого), но нет действительного участия в этом порядке человека; человек представлен как «минус-знак» (он есть, но его нет), как внешняя оболочка человека вросшая во внешний порядок, являющаяся его изнанкой, как душа, питающаяся стереотипами и не принимающая в силу своей пассивности никакой другой пищи. Только Пушкин глядит на эту ситуацию как ренессансный гуманист, а Гоголь как антропологический пессимист-гностик.

В гоголевской актуализации канона можно увидеть попытку узурпации парадигмы (попытку прозрения в парадигмальном уровне культуры канонического уровня), желание укрыться от всевластия онтологии парадигмальной культуры в онтологии «кажимостей» либо снизить эту всевластную онтологию, приведя ее к онтологии «кажимостей». Оба этих направления получили богатую разработку в гоголеведении, стали «магистральными». А если понять Гоголя не с позиций парадигмальной культуры? Если допустить, что он действительно актуализировал трансцендентное в личном опыте с неизбежной, видимо, оглядкой на культуру канона? Конечно, Гоголь уже не был человеком канонической культуры. И реализовать религиозный канон в индивидуальном художественном мире, а не декларировать через духовную

публицистику – задача сложная, скорее, невыполнимая. «Гоголь-подвижник», «Гоголь-религиозный писатель» – фигуры сомнительные в контексте его значимых культурных практик; впрочем, в качестве культурных диспозиций Гоголя эти характеристики в его отношении приемлемы. Трансцендентное в его художественном мире (потому что он был в первую очередь писателем) может присутствовать парадоксальным образом. Для трансцендентного у Гоголя-художника нет образа (с исторической точки зрения это закономерно – культура канона ушла в прошлое). Но трансцендентное все равно является. В таком образе, что и сам Гоголь его не признает. У Гоголя *трансцендентное комично*.

Как трансцендентное может быть комичным? Здесь нужно иметь в виду одно уточнение: комична не сама природа трансцендентного (это в принципе невозможно), комичен способ его актуализации в мире, где канон в контексте культурных практик непонятен, сомнителен как способ деятельности и как слово. В крайнем выражении примерами такой актуализации являются образы разного рода аномалий эмпирической реальности. У Гоголя это обычно телесные и вещные аномалии, детали с сомнительным онтологическим статусом. Конкретный пример – нос. «Сотворение человека было в 25-й день марта; а посемя и Гавриил в этот день послан был благовестить Деве нетленной от Нее воплощение Спасителя и предвозвестить Ей имеющее совершиться чрез Нее спасение человеков. Ибо прилично, чтобы согрешивший и воссоздан был в такое же время, в какое создан» [10, с. 265], – писал известный Гоголю архиепископ антиохийский Анастасий. Сюжет повести «Нос» приобретает неожиданный смысл. 25 марта цирюльник Иван Яковлевич, преломив *хлеб*, обнаружил в нем *плоть* – всего лишь нос. Бросил нос в *воду* (реку Неву). Владелец носа майор Ковалев обнаруживает его уже как *господина* и имеет с ним личную встречу в *храме* (интерпретация М. Вайскопфа [2, с. 320-330 и др.]). Пытается вернуть ему статус плоти, то есть собственного носа, но безуспешно. Нос бежит из Петербурга, но это ему не удается. После некоторых затруднений хозяина он возвращен на место. Перед нами сюжет о невозможности актуализации духовного начала, о невозможности евхаристии в бездуховном, греховном, сатанинском мире. Сюжет, реализованный через комичное «приравнение духовного омертвления к потере носа», представление Носа, «вобравшего в себя самую сущность внутреннего Я героя», «утрированно-вещественным образом духа Христова,

«нечеловеколюбиво» разрывающего союз с грешным телом» [2, с. 320, 330].

Часто нос представляют не в качестве духа, души, а в качестве утерянного «лица», «чина» и прочих необходимых признаков, овнешнивающих майора Ковалева, воплощающих его фиктивную сущность. Такая интерпретация сближает «Нос» с литературой романтизма. Идея телесной аномалии, паразита (маленьких, скрытых), незаметного артефакта как причины дара, одержимости встречается в фантастике немецких романтиков (наряду с другими способами отметки «странного» героя). Судьба носа Ковалева тоже, возможно, как думает сам Ковалев, была определена «волхованиями»; нос тоже, возможно, своего рода аномалия, «ответственная» за какие-то «таланты» хозяина. У романтиков тайный «агент» гения, одержимости сам по себе нейтрален по отношению к герою как субъекту действия; он живет своей жизнью, будучи связанным с какой-то тайной силой, принадлежа другому миру. И дар по отношению к субъекту действия может быть охарактеризован амбивалентно: герой романтиков сам по себе является сложной «конструкцией», устройство которой оказывается более или менее подходящим для внешнего дара, для воздействия гения. Устройство «конструкции» при определенных обстоятельствах может менять качество дара, характер одержимости. «Конструкция» – это и «механизм», и «организм» (животного, уродца), и «болван» и т. Д. У Гоголя, если его антропологию сравнивать с романтической, скорее, последнее. Но важно учитывать то, что в романтическом конфликте герой без дара может сохранять свою автономность, может каким-то образом *быть*. Пусть *быть* на только уровне «быта» (*быть* комично, *быть* ужасно). Альтернатива такому способу существования – аномальная одержимость подлинным бытием. Гоголевский же Ковалев, потеряв нос, перестает быть Ковалевым, перестает быть видимым Петербургом. У Ковалева нет двух способов быть. Проще говоря – у Гоголя нет романтического двоемирия и, соответственно, образа-медиатора, с которым связана тайна перехода из одного мира в другой, от одного способа быть к другому. Гоголевский сюжет ближе к барочным трансформациям.

Сложное, затрудняющее или способствующее проникновению в него дара, устройство «болвана» («пробки», «подшвы» и пр.) не так просто заявить. Герои Гоголя – это не

«механизмы» и не «чудовища». Они не имеют никакого внутреннего (и даже внешнего) движения, свидетельствующего о сложностях сообразования дара и того, что герой представляет без такового. От этих героев может только отпасть часть. Отсутствует у Гоголя романтическая идея встречи героя со своим гением или демоном: указание на онтологическую простоту героя – это дань гностическому антропологическому пессимизму. То, чем герои не могут стать – духовными или бездуховными существами (повод для меланхолии или иронии романтика, соответственно), – никак не актуализировано сюжетно. Единственный используемый Гоголем способ актуализации (вполне романтический) – «гуманные места». Это исключение; оно спровоцировано социальной проблематикой (независимо от философско-антропологической). Гоголю ближе другой, нежели беспрестанные попытки примерки «бытия» на «быт», прием: поход в глубь хтонической (однородной, неиерархичной) массы с целью найти там что-то живое или мертвое. Гоголю интересен сюжет о невозможности или невозможности оживления болвана, а не сюжет о его совпадении или несовпадении с каким-то даром. А показана эта невозможность или возможность в принципе конфликта части и целого: вырвав из общего порядка вещей «болванчика», Гоголь его оживляет (одухотворяет), погрузив в общий порядок – омертвляет.

Вообще, нос – это оптимальный для близкой Гоголю барочной эстетики образ. Образ чего-то явного и вместе с тем скрытого, видного всем, но не самому обладателю. У романтиков на лице героя может лежать печать уродства, гримаса куклы, сияющей взглядом человеческим взглядом, или что-то подобное. В конце концов, у романтического героя может быть двойник: второе Я, существующее в отношении к бытийному, а не бытовому аспекту судьбы героя. Романтический герой имеет двойника, барочный герой распадается на части, каждая из которых становится самостоятельным «героем». И если барочный герой не знает какой-то своей части, то она может его водить за нос, выдавая себя за отдельную сущность. Барочная масса едина и имеет только видимость массива множества отдельных деталей. Гоголевский человек, будучи частью хтонической массы, обнаруживая себя в общем с внешним миром теле (а иногда и духе – «будто залез в прадедовскую душу или прадедовская душа шалит в тебе»), спешит иногда утвердиться в собственной сущности, спешит обрести связь с чем-то иным. Сделать он

это может только оторвав кусочек от единой массы мира (не благой у Гоголя чаще) и отправив его в самостоятельное путешествие к неведомому, к трансцендентному.

Чувство собственной нетождественности преследует человека, когда имеют место трудности самоидентификации в условиях сомнительной или рушащейся парадигмы. Идентификация барочного человека затруднена игрой значений, оборотничеством образов, доступных ему. Эта игра и это оборотничество не мыслятся как предпосылки для перехода на новый уровень (от быта к бытию). Они, скорее, способ индивидуализации. Причем – рационально постижимый способ, требующий остроумия, вдохновения искусника. Но никак не метафизических откровений. Если барочный человек не знает чего-то в себе, то он, образно говоря, отправляется за этим в поход. И здесь предполагается не метафизическое восхождение к «вершинам духа» и не метафизическое падение в «пропасть бездуховности», а некое блуждание в лабиринте, по тайникам, подземным ходам и «небесным ступеням». Так человек ходит, вместо прямого пути, поворачивая, опускаясь, думая, что поднимается, поднимаясь, думая, что опускается, перебирая на месте, проваливаясь вниз, думая, что шагнул вперед и т.п. В итоге барочным автором будет явлена не снижающая сакральный сюжет «пародия», не уничтожающая канон «сатира» и не что-то подобное. Будет явлена именно попытка приближения к трансцендентному началу человека, которому еще неведом романтический дуализм, человека, который онтологически еще «ни то, ни се». Совершив ревизию всех телесных «закутков», «ящичков», «ниш» и прочих барочных «складок» (философско-мировоззренческий аспект эстетики барокко актуализирован в [5]) и не найдя там ничего, человек возвращается к рухнувшему канону (так Гоголь «пришел к религии»). Наивное, как может показаться, приземление трансцендентного начала, кощунственное, как опять-таки может казаться, обыгрывание сакрального сюжета являются единственно и естественно возможной метафизикой для барокко. Метафизикой – в итоге необязательной, «снятой» романтизмом и потом вообще непонятной в качестве «метафизики». Нечто тайное, неявленное, сверхъестественное может скрываться в глубине лабиринта, в барочных «складках». Тайный, сокровенный смысл обнаруживается в хитросплетении слов («сплетении словес»). Но есть еще один способ приближения к трансцендентному миру, используемый барочным человеком: смех

над каноном, вызванный неким эстетическим замешательством перед ним.

Гнущая определенность миром, желание преодолеть ее при сознании того, что это невозможно сделать, не отрицая себя и мир, могут пробудить у человека желание придать исключительную определенность, а далее – исключительное значение одному из элементов, одному из локусов мира. Гоголевский герой – путешественник в принципе, не закрепленный в мире, перекатывающийся внутри него до момента попадания в удобную внутреннюю складку. Либо перемещающийся вместе со множеством сопутствующих вещей в ходе внутренних трансформаций мира, реализации каких-то циклов его естественной динамики. Но если найти или объявить действительной такую составляющую подвижного и обратимого мира, которая будет не доступна для включения в игру по принципу барочного «то – да не то», барочного «как бы», то можно предположить, что путь к этой составляющей – это исключительный опыт, подобный трансцендированию, встрече с инобытием, подобный подвижничеству или грехопадению. Позже у романтиков появятся такие целевые объекты или (в негативном варианте) объекты избегания – таинственные предметы, связывающие героя с потусторонним миром, имеющие на себе печать духа или отблески адского пламени. На носу майора Ковалева ничего подобного нет (только прыщик или шляпа с плюмажем). Кажется, что сам сюжет повести «Нос» построен на той же игре, перемещающей одно на место другого с целью обнаружения сомнительности любой претензии парадигмального порядка на фундаментальность. Конечно, эта игра имеет место, но не является сюжетообразующей. Нос – не рядовой элемент довлеющей массы гоголевского Петербурга; имеет место и очевидное пристрастие Гоголя к носу. И особая сюжетная роль носа. По крайней мере в «петербургских» повестях нос востребован в одной сюжетной функции – он пытается сбежать из Петербурга, он только кажется живущим на лицах его жителей, он не нужен им. Нос – беглец, ему нет места в Петербурге, он не хочет быть частью общего порядка вещей реализующегося на ковалевском лице. При этом, повторим, Нос никак не герой романтической повести, никак не гофмановский Щелкунчик, и тем более не Крошка Цахес. То есть мы видим превращение «болванчика» в «принца» сначала, а затем обратное: «принца» в «болванчика», видим как будто «двоемирие», двойственную принад-

лежность носа, но разрыв между обратимо трансформируемыми героями не так значителен, границы между мирами «болванчика» и «принца», как уже сказано, нет – это один мир. Сюжетные перипетии не ведут у Гоголя к расколу (удвоению) мира (хотя мир можно мнить (по ошибке, недоразумению) двоящимся). Есть здесь еще одно сближение. Андрей Белый много писал о гоголевском герое-«оторванце» [1, с. 49-51, 65-70 и др.]. Безродные герои «малороссийских» рассказов и повестей – вполне себе демонические натуры, пусть и комичные, но бесами примеченные и используемые бесами для того, чтобы посеять в человеческом мире раздор или беспорядок. Такой герой не способен к трансформациям, романтическому преображению, поскольку его функция бежать от «провала» в «теле рода» или, напротив, к «провалу». Этот герой перемещается в пределах хтонической массы, чтобы наконец быть возвращенным нечистой силой в место зияния. Но он не беглец, а праздный скиталец, гонимый судьбой странник, не ведающий своей участи. Беглец Нос приходит на смену такому герою-«оторванцу». А на смену беглецу Носу придет деловой путешественник Чичиков, который, как и герой-«оторванец», будет проваливаться в «ямы» постоянных дворов, падать в грязь, скакать на по кочкам и на «клавишах» деревянных тротуаров, перемещаться по вертикали, все глубже увязая в земле, который, вместе с тем, как и беглец Нос, будет интригующим и не признанным вполне господином, колесящим по грешной земле и бегущим из ее пределов, странным образом связанным с душами, являющимся даже, возможно, частично не полным по телесному воплощению и только кажущимся таковым (если верить почтмейстеру, предположившему, что Чичиков есть безрукий и безногий капитан Копейкин). Чичиков – это и Хома Брут, спасающий душу ведьмы, но гибнущий от хтонического чудовища Вия. Чичиков – это и выдающий себя за господина нос; история Чичикова – это история побега главного героя. Можно ли и Чичикова считать «утрированно-вещественным образом духа Христа, «нечеловеколюбиво» разрывающего союз с грешным телом»? Оснований для этого не много, как кажется, и сближение Чичикова с героями «малороссийских» повестей более очевидная интерпретация его сюжетной судьбы. «Род» становится «народом», Чичиков обнаруживает бреши и зияния в едином теле русского народа, в теле России – спускается в преисподнюю (миры помещиков-архонтов) и собирает мертвые души, воскрешая их, являя через них величие и поэзию

русского духа. Чичиков чувствует это величие и поэзию (хотя и на свой-таки лад: как отметила Л.И. Еремина, «все жизне-описания [приобретенных мертвых и беглых крестьян – В.Д.] Чичиков придумывает, основываясь на своем житейском опыте и правилах», «творя историю белых и мертвых душ «по своему образу и подобию», Чичиков каждого из поименованных мужиков приводит или в тюрьму, или, «в погоне за большим прибытком», в могилу» [6, с. 106]). Дух народа спит, заколдован, мертв. Чичиков его чувствует (вместе с автором), но как распорядится Чичиков этим духом – неизвестно. Гоголь такой же «оторванец», как и Чичиков, только Гоголь осознает, помимо загадочности «провала» (ее он осознает глубже, чем Чичиков, в духе времени – «историософски», как духовную немоту, историческую непрявленность) русского духа, и свою миссию собирателя русской духа. И такой же, как Чичиков, как герои «петербургских» повестей беглец, стремящийся прочь «с этого света», которому «нет места на свете», но при этом надеющийся на возвращение с миссией спасителя и словом истины.

Русская классическая литература в силу специфики национальной философской культуры брала на себя функции философии (в частности – мировоззренческую). Писатели актуализировали в своих произведениях исторический опыт духовной и социальной эмансипации индивида, показывая его проблемные аспекты. Эти аспекты обнаруживаются в сюжетосложении русских классиков первой половины 19 века, в созданных ими художественных моделях человека. Эмансипация индивида происходила в условиях постоянной стимуляции обществом его разума идеологемами и философемами, целью которой было приобщение индивида к парадигмальной культуре (гарантирующее, в свою очередь, своеобразное раскрепощение общественного сознания и далее – построение гармонической иерархии свободных личностей). В то же время было сильным влияние уходящей в прошлое традиционной культуры (культуры канона). Проблематизировала парадигму в глазах индивида и запаздывающая социально-экономическая модернизация общества (было сложно довериться идеологемам и философемам в текущих условиях жизни). Сюжет о победе и образ лишнего во всех отношениях человека результируют художественную рефлексию этой общественной ситуации, придавая ей глубокое философское измерение.

Литература

1. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.-Л.: ОГИЗ, Государственное издательство художественной литературы, 1934.
2. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: Российский гуманитарный университет, 2002.
3. Виролайнен М.Н. Типология культурных эпох русской истории // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 3-20.
4. Давыдов В.В. Философские мотивы творчества Пушкина: встреча неэмансипированной личности с прошлым // Вестник КРА-УНЦ: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (23). – С. 47-58.
5. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М: Логос, 1997.
6. Еремина Л.И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя: (Искусство повествования). М.: Наука, 1987.
7. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (пути эволюции). Л.: Наука, 1987.
8. Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989.
9. Свенцицкая Э.М. «Песни западных славян» Пушкина как художественное единство // Вопросы литературы. – 2001. – N 1. – С. 319-328.
10. Христианство. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1.

V.V. DAVYDOV

Candidate of Philosophic Sciences, Federal state budget education establishment of higher education «Vitus Bering Kamchatka State University»

Images of the ontological frontier in Pushkin and Gogol

The article deals with the philosophical (anthropological) problems of the works of A.S. Pushkin and N.V. Gogol. In the context of the hypothesis about the phases of the natural dynamics of the Russian culture of Modern times, the concepts of the plot and the hero, realized in the works of A.S. Pushkin and N.V. Gogol, are considered. The variants of figurative expression and aesthetic understanding of the ontological boundary between the subject involved in the process of moral and spiritual self-identification and the external world identified through the cultural paradigm are shown. The first variant is represented by Pushkin's Renaissance humanism, the second by Gogol's gnostic anthropological pessimism. Both versions actualize, firstly, the plot about the escape and reversibility of the hero, overcoming the boundaries of the anthropological paradigm prevailing in culture, and secondly, the images of a person or thing caught on the ontological frontier.

Keyword: A.S. Pushkin, N.V. Gogol, philosophic motives of Russian belles lettres, anthropological paradigm of culture, ontology a work of art

Literature

1. Bely A. Gogol's mastery. Research. M.-L.: OGIZ, State Publishing House of Fiction, 1934.
2. Weiskopf M. Gogol's plot. Morphology. Ideology. Russian Russian University for the Humanities, 2002.
3. Virolainen M.N. Typology of cultural epochs of Russian history // Russian Literature. –1991. – No. 1. – pp. 3-20.
4. Davydov V.V. Philosophical motives of Pushkin's creativity: the meeting of an unemancipated personality with the past // Bulletin of KRAUNTS: Humanities. – 2014. – № 1 (23). – Pp. 47-58.
5. Deleuze J. The fold. Leibniz and the Baroque. Moscow: Logos, 1997.
6. Eremina L.I. On the language of N.V. Gogol's Fiction: (The Art of Narration). M.: Nauka, 1987.
7. Petrunina N.N. Pushkin's Prose (the Ways of Evolution). L.: Nauka, 1987.
8. Rozanov V.V. Thoughts on Literature. M.: Sovremennik, 1989
9. Svetsitskaya E.M. Pushkin's "Songs of the Western Slavs" as an artistic unity // Questions of literature. – 2001. – N 1. – pp. 319-328.
10. Christianity. Encyclopedic Dictionary. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1993. Vol. 1.

А.Д. ГОДЖАЕВА

**аспирант Департамента гуманитарных наук
Факультета социальных наук и массовых
коммуникаций Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации**
E-mail: godzhaeva.aida@mail.ru

Н.А. ОРЕХОВСКАЯ

**доктор философских наук, профессор
Департамента гуманитарных наук
Факультета социальных наук и массовых
коммуникаций Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации**
E-mail: naorehovskaya@fa.ru

Философские подходы к проблеме творчества в образовательном процессе*

Актуальность работы состоит в обосновании необходимости развития творческого потенциала личности студента.

Целью и задачами работы стал анализ самого понятия «творчество», его роли в образовательном процессе при формировании универсальных компетенций.

В статье рассмотрены наиболее важные характеристики творчества как социокультурного феномена, а также тенденции его развития в области образования. Обоснована значимость творческого мышления на пути к раскрытию своего потенциала, способности к самоуправлению и систематизации отношений в социальном взаимодействии.

Методологическую базу исследования составили такие методы как герменевтический, диалектический, метод сравнительного анализа.

Выводы, к которым пришли авторы, состоят в том, что развитие творчества и креативности у современного студента является одной из ключевых задач системы высшего образования.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситета

Ключевые слова: философия, креативность, творческое мышление, образовательный процесс.

Постановка проблемы

Объективная необходимость в современном мире формирования творческого потенциала личности сделала изучение проблемы творчества в образовательном процессе крайне значимым, чем и обусловлена актуальность темы данной статьи.

Для исследования философских подходов к проблеме творчества в образовательном процессе были поставлены следующие задачи:

- проанализировать и раскрыть суть понятия «творчество»;
- определить исключительную необходимость творчества в образовательном процессе;
- рассмотреть наиболее важные черты философского мышления;
- обосновать важность философского познания для обретения пути к самоуправлению и решению внутренних конфликтов личности.

Методология исследования

Методологическую базу исследования составили такие методы как герменевтический, диалектический, метод сравнительного анализа. Также были проанализированы философские, социологические, психологические, культурологические труды и применен компаративистский подход.

Теоретическая основа исследования была получена из фундаментальных трудов российских и зарубежных философов, социологов, культурологов и психологов, также были проанализированы материалы международных научно-практических конференций, аналитических данных и собственных исследований.

Определение проблемного поля

Творчество и креативность изучались на протяжении многих столетий и, несомненно, они являются довольно важными понятиями для человека, несмотря на их неоднозначность. Данные понятия развивались и видоизменялись, дополнялись новым смыслом, меняли ценностное значение. В современное время понятия творчества и креативности можно описать с помощью близких и родственных категорий,

относящимся к разным областям философского и научного знания, среди которых можно выделить, например такие как свобода, информация, ценность, информация, благо, гармония и т.д.

Инновационные процессы сопряжены со всеми областями современного университетского образования, что предусматривает трансформацию образовательной деятельности с учетом ориентации на приобретение определенных результатов, которыми являются компетенции выпускников, и среди которых важно отметить творческое мышление.

Качественное образование студентов в университете предусматривает тщательную социально-гуманитарную и культурологическую подготовку. Базой данного изучения является освоение философских знаний. Несомненно, что философия всегда занимает передовую роль в формировании мировоззрения личности. Это связано с многовековым опытом философии критического рассмотрения жизненных вопросов и проблем не только отдельного человека, но и всего человечества в целом. Изучение философии помогает формировать критическое видение существующего научного знания.

Можем сказать, что творческое мышление – это философское мышление [1]. Выделим основные черты философского мышления:

- намерение к абсолютному осмыслению происходящего, определение смысла поступков и событий, их связей;
- комплексное видение мира;
- критичность, которая порождает необходимость сомневаться во всем и искать доказательность любого дискурса, как писал Рене Декарт: «Подвергай всё сомнению!».

Данные черты творческого мышления выступают основным инструментом человека для самоуправления, что безусловно влияет на поступки людей. Навык самоуправления важен и имеет непосредственное отношение к интенсификации человеческого фактора. Для реализации творческого потенциала человеку необходимо уметь совладать со своими внутренними разногласиями.

Ключевая дисгармония человеческого существования заключается в постоянном противоречии социального и биологического. Порой человек даже не находит пути преодоления данного конфликта, считая, что он – одно целое, соединяющее две различные системы, являющийся при этом биологическим и социальным существом. Противостояние данных систем так или иначе сказывается на деятельности лично-

сти. Биологическая система подразумевает поведение человека, в то время как социальная система устанавливает. Для разрешения этого противостояния внутри необходимо владеть особыми навыками [2].

В процессе познания философии личность осознает тайны человеческого существования, постигает смысл своего бытия, обретает знания о методах избегания разногласий, учится самоуправлению и воплощает свой творческий потенциал. [3]

Для сохранения порядка во взаимоотношениях между людьми и в обществе в целом всегда нужно стараться, что нельзя сказать о беспорядке – он без усилия появляется сам с собой. Это некий природный закон, действующий в жизни, который порождает неизбежность отказов. Наша жизнь – это вечная борьба против естественного хода событий и сил, пытающихся привнести хаос в любую систему. Неумение человека быть самоорганизованным и управлять собой ведет к распаду. Отсюда важно понимать, что индивид, умеющий творчески мыслить, способен лучше справляться с данным противостоянием, достигать поставленных целей и добиваться высокого уровня самоорганизации и контроля.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать заключение, что для студента и личности в целом важны не только конкретно профессиональные знания, но и не менее значимыми являются ценностные аспекты [4].

Аристотель называл «первой философией» структуру знания, объясняющую основы понимания мира и открывающую всеобщие начала – именно это подразумевается под преподаванием дисциплины «Философия» в университете и формирует такие необходимые компетенции у выпускников как умение осуществлять творческий поиск и критически мыслить, выходить за границы стандартного и стереотипного мышления и обретать нестандартный подход к решению задач, уметь вести грамотные дискуссии [5].

Результаты исследования

С давних пор философию отождествляли с лестницей, которая позволяет личности подняться в область истинной науки [6]. Только человек, способный выйти за пределы традиционного мышления, отказаться от стереотипности и применить нестандартный подход, способен собрать из шести спичек четыре равносторонних треугольника, потому что решить данную задачу на плоскости невозможно.

В университетах активно внедряют в образовательный процесс различные информационные технологии, которые позволяют использовать не только традиционные методики обучения, но и инновационные способы, благоприятствующие формированию творческих способностей и мышления в ходе изучения дисциплины «Философия» [7].

Среди наиболее важных методик для формирования творческого потенциала у студентов, используемых в образовательном процессе, можно отметить следующие:

– методика кейс-анализа. Представляет собой две ступени, где на первой ступени выполняется творческая работа по формированию самого кейса и вопросов для его обсуждения, а на второй ступени осуществляется предварительное исследование кейса и подбор наиболее эффективного способа представления этого анализа в аудитории. По существу, преподаватель формирует дерево проблемных вопросов, прибегая к различным информационным технологиям, после чего занимается поиском способов решения данных вопросов. Далее студенты включаются в работу в аудитории, подбирая поиск решения проблем в разрезе проработанной преподавателем стратегии кейса, и принимают участие в последующих обсуждениях. Кейс анализ является хорошим интерактивным методом обучения для освоения теоретических положений и практических способностей, а также развития творческого мышления у студентов. Философия в матрице инновационного преподавания становится средством для создания нетрадиционного знания и обновленных убеждений [8].

– технология «Дебаты». Данная технология берет свое начало еще из Средневековья, где в университетах студентам не только читали лекцию, но и попутно давали комментарии по данному тексту. Интересен тот факт, что средневековые студенты должны были носить с собой книги, которые им читались на лекциях для того, чтобы учиться комментировать лекции вместе с преподавателем. Технология «Дебаты» полезна тем, что ее можно проводить как по определенным темам, так и в форме свободных диспутов. Данная технология помогает студентам освоить искусство обоснования своего мнения и грамотного спора, составлять последовательную логику мышления и мыслить творчески. В современной высшей школе дискуссия как методика преподавания активно используется преподавателями социогуманитарных дисциплин в образовательном процессе.

Выводы

В заключение можно отметить, что стремление к творчеству, истине, свободе, добру и красоте как важнейшим духовным ценностям описывает смысл человеческой жизни, а значит воспитания и образования, а также представляется условием исполнения творчества как продолжения гармонии, прорыва над необходимостью [9].

Важно подчеркнуть роль креативной составляющей современного образования, что предусматривает развитие нестандартного мышления и творческого потенциала личности. Качественное образование студентов в университете предусматривает тщательную социально-гуманитарную и культурологическую подготовку. Творческое мышление выступает основным инструментом человека для самоуправления [10]. Личность, умеющая творчески мыслить, способна добиваться больших высот и достигать высокого уровня самоорганизации и контроля.

Подведя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что для студента в процессе образовательной деятельности важно не только формирование и освоение профессиональных знаний, но развитие таких ценностных аспектов как творчество и креативность.

Литература

1. Андреева И.С. Философские проблемы творчества: Кант и Шопенгауэр // Человек: образ и сущность. 2001.
2. Шумилин А.Т. Проблемы теории творчества: Монография. – Москва: Высш. Шк., 1989. – 143 с.
3. Пауль Г. Философские теории прекрасного и научное исследование мозга. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. Москва: Мир, 1995: 15 – 28.
4. Ореховская Н.А. Ценность профессионального образования в современных условиях / Н.А. Ореховская // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 2. – С. 187-191.
5. Николаенко Н.Н. Психология творчества : учеб. Пособие / Н. Н. Николаенко ; под ред. Л.М. Шипицыной. – СПб. : Речь, 2007 – 277 с.
6. Бердяев Н.А. Философия творчества, культура и искусство. –Т.1.-М., 1994.-542 с.
7. Ореховская Н.А. Социальная философия: учебное пособие (программа подготовки аспирантов) / Н.А. Ореховская. – Казань: Отечество, 2018.- 250 с.
8. Пигров К.С., Яценко Л.В. Философские аспекты научно-технического творчества. М., 1987.

9. Философия: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / А.Д. Иоселиани. – 5-е изд., перераб. И доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 481 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс).

10. Диалектика и теория творчества / под ред. С. С. Гольдентрихта и А. М. Коршунова. М.: изд-во МГУ, 1987. 200 с.

A.D. GODZHAeva

**Postgraduate Student of the Department of Humanities
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation**

N.A. OREKHOVSKAYA

**Ph.D., Professor of Department of Humanities
Financial University under the Government
of the Russian Federation**

Philosophical approaches to the problem of creativity in the educational process**

The relevance of the work consists in substantiating the need to develop the creative potential of the student's personality.

The purpose and objectives of the work was the analysis of the very concept of "creativity", its role in the educational process in the formation of universal competencies.

The article examines the most important characteristics of creativity as a socio-cultural phenomenon, as well as trends in its development in the field of education. The importance of creative thinking on the way to the disclosure of their potential, the ability to self-government and systematization of relations in social interaction is substantiated.

The methodological basis of the study consisted of such methods as hermeneutical, dialectical, and comparative analysis.

The conclusions reached by the authors are that the development of creativity and creativity in a modern student is one of the key tasks of the higher education system.

Keyword: *philosophy, creativity, creative thinking, educational process.*

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University

Literature

1. Andreeva I.S. Philosophical problems of creativity: Kant and Schopenhauer // *Man: Image and essence*. 2001.
2. Shumilin A.T. Problems of the theory of creativity: Monograph. – Moscow: Higher School, 1989. – 143 p.
3. Paul G. Philosophical theories of beauty and scientific research of the brain. Beauty and the brain. Biological aspects of aesthetics. Moscow: Mir, 1995: 15 – 28.
4. Orekhovskaya N.A. The value of professional education in modern conditions / N.A. Orekhovskaya // *Kazan Pedagogical Journal*. – 2016. – No. 2. – pp. 187-191.
5. Nikolaenko N.N. Psychology of creativity : studies. Manual / N. N. Nikolaenko ; edited by L.M. Shipitsyna. – St. Petersburg : Speech, 2007 – 277 p.
6. Berdyaev N.A. Philosophy of creativity, culture and art. –Vol. 1.- M., 1994.-542 p.
7. Orekhovskaya N.A. Social philosophy: a textbook (postgraduate training program) / N.A. Orekhovskaya. – Kazan: Fatherland, 2018.-250 p.
8. Pigrov K.S., Yatsenko L.V. Philosophical aspects of scientific and technical creativity. M., 1987.
9. Philosophy: textbook and workshop for undergraduate and specialty / A.D. Ioseliani. – 5th ed., reprint. And additional – M.: Yurayt Publishing House, 2018. – 481 p. – (Series: Bachelor. Academic course).
10. Dialectics and theory of creativity / edited by S. S. Golden-trichta and A.M. Korshunov. M.: Publishing house of Moscow State University, 1987. 200 p.

А.Л. РЕПЕТЕНКО
*аспирант Общеуниверситетской кафедры
философии и социальных наук
Института гуманитарных наук МПГУ*
E-mail: xarn-ray@mail.ru

Проблема преемственности традиций в армии Российского государства в условиях «смуты»

Статья посвящена 350-летию со дня рождения Петра I. В статье исследуются характерные факторы, оказавшие влияние на дальнейшее становление и развитие традиций в армии государства Российского в определенные культурно-исторические периоды, детерминированные «смутой» на рубежах XIX-XX и XX-XXI вв. Автор приходит к выводу, что в условиях социальных запросов на «новые» идеи проблема преемственности традиций в современной Российской армии остается актуальной.

Ключевые слова: *армия, Красная армия, Русская императорская армия, российское общество, традиция.*

Исторические неудачи, постигшие наше общество, непрерывно находящееся в поисках общественного идеала, являются неоднократными свидетельствами поражения идеологии, представляющей сущность всей жизнедеятельности общества. Идеологическая несостоятельность подвергает деструкции иллюзию опоры на существующие общественные ценности. Одна из ключевых особенностей возникших коллапсов заключается во все более обостряющихся моральных противоречиях, порождая искушение заполнить образовавшийся вакуум сторонней идеологией, где весь спектр ценностей ориентирован иначе. В различные периоды нестабильности происходит обесценивание предыдущей системы ценностей и предпринимаются попытки построить новые.

Изменения социальных устоев общества придают особую окраску принципам внедрения идеологических стереотипов в армейскую действительность. Противоречия, порождаемые состоянием переходности, затрагивают проблему

исторического наследия, кристаллизованного в армейских традициях. Зачастую умаляется престиж военной службы в общественном сознании. Актуальные проблемы осмысления патриотической самоидентификации возникают в аксиологическом контексте. Это способствует укреплению армейских традиций путем накопления и трансляции совокупного опыта и смысловых интенций [Мамедова, 2016, с. 10], образующих основу модуся армейской действительности.

Армия, как социальный институт, во все времена являлась одной из наиболее фундаментальных основ государственности. Актуальным является социально-философское осмысление и изучение проблем армии, в системе которой воинские должности и звания заменяют социальные классы, личные привязанности зависят от строгой организационно-штатной ветви взаимоотношений, а личность военнослужащего зачастую представляется незначительной. А так как армия – это не только элемент государства, но и социальный субъект общества, то без философского анализа и рефлексии специфики национального сознания и менталитета народа, особенностей его социокультурных традиций, мировоззрения и психологии невозможно верно усвоить характер и особенности развития традиций армии конкретного общества.

Существование традиций в армии во многом детерминруется непосредственной связью с «характером» социальных систем и исторических процессов. На наш взгляд в масштабах российского общества допустимо классифицировать этапы армейской действительности по периодам культурно-исторического развития нашей страны. Рассматривая хронологический период российской государственности с конца XVII в. По н. вр., можно говорить о русской императорской армии, Советской армии и армии Российской Федерации на современном этапе. Мы уже отмечали, что в контексте культурно-исторического развития страны существует проблема духовно-нравственной, социокультурной преемственности между поколениями армии. Преемственность является фундаментальным механизмом сохранения традиций вооруженных сил, в развитии которых в первую очередь прослеживаются процессы накопления, передачи, преобразования и усвоения военно-социального опыта. На наш взгляд тенденции, происходящие в современной отечественной армии, свидетельствуют о том, что механизмы преемственности традиций в ней выражены слабо.

Проблема преемственности традиций в Русской, Советской и Российской армии является одной из определяющих в интеллектуальном поле современного военно-философского знания. Принципиальное значение проблемы кроется в условиях социально-политических отношений, в сложностях формирования новой идентичности, в экзистенции самого военнослужащего (индивида) и в диалектике наследования и элиминации традиций. Под этой диалектикой мы подразумеваем сложившийся и укрепившийся своего рода «ментальный штамп» в индивидуальном и массовом сознании, призванный воспринимать старый порядок как чуждый всему новому и неминуемо приводящий к обострению противоречий (конфликтов) и проблем механизмов как социетального творчества, так и стабилизации [Мамедова, 2016, с. 10].

Применение культурно-исторического подхода позволяет рассмотреть ретроспективу основных моментов нарастания в нашей истории социально-политических кризисов, катализирующих процедуру распада государственности, культурной стагнации, ослабления традиций. Отечественные ученые рассматривают два периода так называемой «смуты» в нашей истории: рубеж XIX-XX вв. (русские революции, распад империи, разрушение монархии и экономического уклада) и рубеж XX-XXI вв. (распад СССР, очередная трансформация государственно-политической формы правления и ведущих укладов) [Аванесова, Иванова, 2015]. В этих обстоятельствах проблема преемственности армейских традиций приобретает первостепенную значимость. Социально-философский анализ преемственности традиций в Русской, Советской и Российской армии также необходим для извлечения интеллектуального, духовно-теоретического опыта прошлого, анализа современной социокультурной ситуации и прогнозирования будущего. Обозначим некоторые внешние факторы проблемы преемственности в русской армии на различных этапах ее функционирования, которые мы уже перечисляли выше.

С нашей точки зрения «разрыв» контактов с государством наблюдался на всех этапах, указанных ранее, но степень этого разрыва была различной. Почти во все крупномасштабные военные конфликты армия вступала с дефицитом полноценного перевооружения и отсутствием эффективной структурной организации (Северная война, Великая отечественная война, Чеченская война). Проблематичность государственной и военной структуры России, эрозия общности

людей, подчас ложная стабильность, искаженная система мерил социального блага, наказаний и порицаний, привычки руководителей страны неизменно решать проблемы за счет одной только выдержки русских солдат и офицеров приводили к страшным безвозвратным потерям среди личного состава как во время революции, Гражданской войны и иностранной интервенции начала XX в., так и во время проведения контртеррористических операций на территории Северного Кавказа и выполнения задач по сохранению суверенитета России в начале XXI в.

Еще одним фактором проблемы преемственности на наш взгляд является стремление на каждом этапе сформировать армию «иноного типа». Реорганизация общественных отношений в российском обществе предшествующих эпох, изначально обусловленных вечевым идеалом, впоследствии переросшим в соборный, а затем замененным авторитарным, затронула и локус философско-мировоззренческих основ функционирования ценностных традиций отечественных вооруженных сил – их нравственное содержание.

Следующим фактором является переосмысление общественного устройства. Исторический опыт нашего отечества преломляется в армейской действительности, проецируется через призму включенности армии в решение социальных проблем. Армейские традиционные устои как определенная часть (сторона) духовной жизни общества, в конечном счете, детерминированы общественными изменениями и «переворотами».

Существенным фактором на наш взгляд является стремление к прерыванию или даже разрыву преемственности. Одним из приоритетных направлений реформирования вооруженных сил является трансформация в вопросах обучения и воспитания личного состава. В процессе реформирования армейской структуры идет искажение и частичная элиминация ранее сложившихся традиций. В советский период активно отвергались, предавались забвению, замалчиванию традиции Русской императорской армии. А в конце XX начале XXI столетия эти традиции обрели некоторую идеализацию. Нарушение механизма устойчивости и преемственности опыта поколений, времен и эпох приводит к определенным перекосам и изменениям в общественном мнении. Кто-то считает, что необходимо отказаться от старых в пользу формирования новых, а кто-то полагает, что необходимо сохранить прежние.

Обращаясь к понятию «традиция», следует понимать, что ее характер, сущность и содержание тождественны императивам конкретного исторического периода. В рамках соответствующего культурно-исторического типа общества и вооруженных сил традиции являются важнейшим компонентом системы воинских устоев и одновременно выступают гарантом сохранности воинских обычаев, ритуалов, обрядов, правил и норм, передающихся от поколения к поколению, приоритетности и актуальности, позволяющим военнослужащим беззаветно оставаться верными воинскому долгу и присяге. В современных источниках профессиональной терминологии традиции (боевые) трактуются как: «Исторически сложившиеся в армии...» [11]. Тот непреложный факт, что традиции нашей армии являются частью культурных ценностей российского общества, порождает очевидную необходимость исследователя «...знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения, заложенную в них культурную память» [Лихачев, 2017, с. 282].

Свои традиции были присущи русскому воинству императорской армии с его кодексами чести, формировавшимися на протяжении длительного периода в истории нашего Отечества. У истоков создания регулярной армии находился наш первый император Петр Великий со своей гвардией, составивший небезызвестную «Табель о рангах». С течением времени успех исторического развития или упадка традиционных устоев и нравов в русской армии в дореволюционный период был обусловлен соответствием разума и воли самодержца, а место главного субъекта развития в этом направлении отводилось боевому опыту, ценностным ориентациям русских солдат и офицеров. Обратим внимание на основные факторы, способствовавшие в период правления Петра I зарождению славных традиции в Русской императорской армии и их эволюции вплоть до начала «смуты» 1917 г.:

1. *Повышение боеспособности русской армии.* К концу XVII в., полагаясь на ядро допетровской армии, состоявшей преимущественно из стрельцов и дворянского ополчения, существенного успеха в решении задач по обеспечению обороноспособности государства, а также в превосходстве над потенциальным противником московское правительство не достигало ввиду несоответствия указанных подразделений требованиям общеевропейского уровня военного дела. Поэтому на службу спешно нанимались отовсюду целые от-

ряды иноземных военных специалистов, являвшихся образчиками современных методов ведения войны. Однако неудача под Нарвой поставила под сомнение состояние профессиональной пригодности иностранных ратников на русской службе. Отказавшись от услуг иноземных наемников в регулярном войске, Петр I переводит армию на комплектование посредством рекрутских наборов для всех сословий, тем самым закладывая основы обязательной воинской повинности (обязанности).

2. Развитие нравственно-патриотической парадигмы.

При ведении западных военных кампаний рассчитывать лишь на одно численное превосходство армии представлялось бессмысленной затеей и смертельно опасной авантюрой, угрожающей целостности государства Российского. К тому же опыт боевых действий указывал на необходимость в развитии способности новой императорской регулярной армии противостоять сильным европейским армиям. Национальные черты русской армии позволили воспитательному процессу военнослужащих базироваться на отечественном опыте, традициях и обычаях. В связи с этим Петр I выше всего ставил идею нравственного воспитания своих солдат и офицеров, полагаясь на принцип служения Отечеству и интересам государства Российского, а не ради славы и чести своей или императора. Петровский завет: «В службе честь» – оказался прочно усвоенным военным сословием, а в русском общественном мнении формировалось убеждение, что каждый должен служить общему благу, и носителем, выразителем последнего мыслилась абсолютная власть государя. «Отечество» и «Государь надолго сольются в единое целое – «Великая Россия», служба которой станет и гражданской, и моральной нормой [Новикова, Сиземская, 1997, с. 52].

3. Стимуляция интереса к военному делу.

Популяризация культа знаний путем издания «Манифеста» о вызове иностранцев в Россию и привлечение военного сословия к постижению военных и специальных наук позволили искоренить отчужденность государства Российского по уровню обученности регулярной армии от передовых европейских держав. Уже в начале XVIII в. Ведомый целью подготовки ратного, честного, трудолюбивого и добросердечного человека, верного слуги Отечества, император создает первые военно-учебные заведения: морскую академию, артиллерийскую школу, школу математических и навигацких наук и т.д., выступившими законодателями светского образования. Они

выпускали воспитанных в просветительском духе, высокообразованных офицеров.

4. *Совершенствование законодательной основы, регламентирующей боевое применение войск, дисциплину и порядок.* Воинские уставы, выпущенные Петром I в первой четверти XVIII в., содержат определение некоторых нравственных ценностей, таких как «стыд», «храбрость», «благоденствие». В текстах затронута речь о значимости такого воинского ритуала как присяга, о моральной и уголовной ответственности принявшего присягу в случае ее нарушения. В отдельных статьях отражены вопросы повседневного поведения военнослужащих русской армии, соблюдения субординации, действий в различных условиях боя и на завоеванных территориях противника, состояния физического и нравственного развития.

5. *Становление и совершенствование института военного духовенства.* С момента формирования государства Российского, основой нравственности в нем была вера. Не случайно духовность во все времена считалась высшей ценностью русского народа. Впервые правовое положение священников в армии было определено в главе «О священнослужителях» петровского воинского устава. Военное духовенство строило воспитание русского воинства на религиозной, главным образом, православной основе. Священнослужители пребывали на передовой боевых порядков войск, в походах и в боях, разделяя с воинами радость побед и горечь поражений, все тяготы и лишения воинской службы. Они благословляли войска на ратные подвиги, приносили успокоение раненым, воодушевляли нерешительных, принимали участие в воспитании у личного состава мужества, самопожертвования, необходимости жертвовать личными интересами во благо государственных. Генерал-лейтенант А.И. Деникин в своих мемуарах отмечал, что «...Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле: «За веру, царя и отечество». На ней выросли, воспитались и воспитывали дружки десятки поколений...» [Деникин, 2017, с. 7].

В период царствования Александра I, а затем Николая I бюрократический аппарат в Российской империи увеличился настолько, что превратился во влиятельную силу, противопоставляющую достоинству военнослужащего препятствиям в его служебном продвижении. Так, в армии действует порядок автоматического повышения по старшинству, вследствие чего в офицерском корпусе наравне со славными воинскими традициями находят выражение и иные, неподобающие,

скверные, свидетельствующие об оскудении социальной культуры государства и общества. В своих сочинениях Солженицын отождествляет старшинство чинов военных с издержкой бюрократического процесса: «Да еще же губит русскую армию это старшинство! Верховный неоспоряемый счет службы, механического течения возраста и возвышения по чинам. Только бы ты ни в чем не провинился неприлично, только бы не рассердил начальство, – и сам ход времени принесет тебе к сроку желанный следующий чин, а с чином и должность. <...> И так уже все принимали эту разумность старшинства, наряду с постепенным ходом небесных светил, что полковник о полковнике, генерал о генерале первое спешат узнать – не в каких он был боях, а с какого года, месяца и числа у него старшинство, стало быть, в какой он фазе перехода в очередной чин» [Солженицын, 2007, с. 110-111].

В общем, можно сказать, что в конце правления Николая II эволюция традиции в армии протекала динамично и подвижно. Опыт их формирования напрямую связан с успехами в духовно-нравственном и патриотическом воспитании и обучении военнослужащих, победами в сражениях с неприятелем, с практической деятельностью отечественных полководцев и флотоводцев. Многие в быт и нравы, форму и навыки Русской императорской армии внесли представители других народов и наций, ибо господствующий класс – офицерство – впитывал элементы культуры и Востока, и Запада. К тому же офицерский корпус русской армии формировался из дворянского сословия, относящегося по своему происхождению к славянам, немцам, французам, шведам, татарам, армянам, финнам, шотландцам и пр.

После Октябрьской революции в Российской молодой республике началось строительство принципиально нового общества. Не стали исключением и вооруженные силы. В эпоху Гражданской войны в молодой армии начали зарождаться новые традиции. Русский литератор, пишущий под псевдонимом А.С. Изгоев, в своей работе «Социализм, культура и большевизм» констатирует: «Произносятся фразы о красной армии, они (большевики) на самом деле создавали только полицейские отряды против «внутренних врагов» и для добычания у крестьян хлеба. Без идеи национального надклассового отечества настоящей армии создать нельзя» [Аскольдов, Бердяев, Булгаков и др., 1990, с. 169]. Примечательно, что традиции в новой армии основывались на подго-

товленной большевиками идеологической почве, принципиально отвергающей духовно-нравственные ориентиры Русской императорской армии. В виду классовой ориентации новую армию пополняли люди, еще недавно проводившие почти все свое время за пахотой и рабочими станками в артели. Теперь им предстояло с оружием в руках сплавляться в образованный на общих началах и целях воинский коллектив – Рабоче-крестьянскую Красную армию, которая, в свою очередь, отличалась иными подходами к формированию традиций, основанных на насаждении новых методов воспитания и воинской дисциплины. Были введены такие институты, как институт военных комиссаров и товарищеские суды.

Приоритетной задачей института военных комиссаров являлась организация среди личного состава РККА пропагандистской просветительной работы, основанной на политической идеологии Советского правительства и Коммунистической партии.

На военных комиссаров возлагались основные функции: политический контроль над командиром; руководство партийной работой; проведение агитационной работы с целью разъяснения командирам и красноармейцам политики партии; пресечение в войсках антисоветских настроений; обеспечение высокой исполнительности и дисциплинированности при выполнении воинского и партийного долга и пр.

В первые месяцы новой власти документов, регламентирующих положения о воинской дисциплине и правопорядке в РККА, не существовало. Старые императорские наставления, руководства и уставы не применялись, а новых еще не было. Для поддержания управления, воинского духа и дисциплины командиры руководствовались инструкциями, разработанными штабами, а по отношению к нарушителям применяли наказания, принятые коллективными органами – товарищескими судами. Армия придерживалась столичного наказа Советского правительства: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, ..., того надо истреблять беспощадно» [Ленин, 1966, с. 207].

Поступление в войска изданного 29 апреля 1919 г. Дисциплинарного устава Красной армии определило общие требования воинской дисциплины к каждому военнослужащему, меры применения дисциплинарных взысканий и поощрений, права и обязанности начальников и подчиненных, положение о товарищеских судах и другой богатый пропагандой укрепления воинской дисциплины материал.

Дела в товарищеских судах возбуждались по заявлению комиссаров, командиров, отдельных красноармейцев и граждан и решались судьями. Решение выносилось составом суда на тайном совещании по большинству голосов, объявлялось собравшимся и немедленно приводилось в исполнение, так как никому обжалованию не подлежало.

Таким образом, воплотилось в жизнь требование сознательной воинской дисциплины. Созданная в годы Гражданской войны, новая воинская дисциплина способствовала повышению уровня боеспособности Красной армии, обеспечила успешное ведение боевых действий. Участник Гражданской войны главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров вспоминал: «В период финской войны я, как преподаватель Академии бронетанковых войск, был командирован на фронт на определенный срок для изучения опыта боевых действий. В одном бою мне пришлось находиться при танковом батальоне. Во время боя командир танкового батальона был убит. Передо мною встал вопрос: что делать? Решил я его просто: принял на себя командование батальоном и повел его в бой. Правильно я поступил? Мне кажется, правильно. Конечно, можно было этого не делать: никто бы и не подумал поставить мне такое решение в вину. Но разве может так поступить советский командир? Принцип «моя хата с краю» – буржуазный, эгоистичный принцип. Им не может руководствоваться офицер Советской Армии, воспитанный нашей партией совсем в ином духе» [Геллер, Смирнов, Солодов, 1987, с. 15]. Проводившаяся комиссарами, командирами и политотделами политико-просветительная и организаторская работа позволяла добиться от личного состава сознательного отношения к поддержанию революционного порядка в подразделениях.

В постреволюционный период произошла смена идеологической формулы. Лозунг «Вера, Царь и Отечество» сменился новым: «Родина, Вождь и Партия», который консолидировал молодое общество пролетариата. Были преданы забвению накопленные дореволюционной армией духовно-религиозные традиции. Воспитание личного состава уже осуществлялось в духе воинствующего атеизма с приоритетом классового подхода.

Советская власть и партия в первые годы существования Красной армии всячески подчеркивали негативное отношение к опыту и традициям Русской императорской армии. Акцент делался на не преемственность, а на принципиальные

различия новой военной организации и прежней. Однако, такой нигилистический подход к культурно-историческому прошлому, в какой-то мере оправданный во время борьбы с контрреволюцией и интервенцией, обернулся затем большим упущением для воинского воспитания. История свидетельствует, что искусственный разрыв связи времен, забвение национальных корней приводят к печальным последствиям. Небезызвестен тот факт, что в отличие от офицеров Белого движения, отставивших свои воинские идеалы во время Гражданской войны, почти никто из офицеров Советской армии не выступил на защиту социалистических идеалов на закате существования Советской империи.

Ход культурно-исторического развития предreshает будущее, именно поэтому проблема эволюции, заимствования традиций очень важна.

В условиях релятивизации всеобщей национальной военной истории, проблем понимания воинского служения, воинской доблести и русской исторической миссии процесс социально-экономической, культурной и духовно-нравственной идентификации еще не завершен. Очередная фаза мировоззренческих кризисов справедливо предоставляет власти предпринять попытку конструирования новой доктринальной идеи, превратив ее в доминирующий элемент духовной и политической жизни общества [Жукоцкая, 2009, с. 45]. На сегодняшний день, с нашей точки зрения, новая национально-государственная идеология в современной армии и обществе отсутствуют.

Поэтому сегодня процессы преемственности традиций в Российской армии, принимая во внимание ситуацию социальной неопределенности, обусловленную снижением общественного и профессионального интереса к гуманитарным ценностям и нравственным моделям поведения, выглядят далеко не однозначными.

Очевидно только одно, что независимо от культурно-исторического типа отечественных вооруженных сил, для армии, как института государства оборона страны, ведение войны и другие формы применения средств вооруженного насилия, несомненно, остаются приоритетными.

Литература

1. Мамедова, Н.М. Традиция и культурная идентичность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2016. № 1 (17). – с. 10-15.

2. Аванесова, Г.А., Иванова, Е.В. Кризисы и риски национальной безопасности в контексте развития российской культуры//Социально-гуманитарные знания № 5 – М.: 2015. – с. 89-105.

3. Лихачев, Д.С. Письма о добром. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 448 с.+ [16 вкл.] с.: ил.

4. Новикова, Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. – М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. – 328 с.

5. Деникин, А.И. Очерки русской смуты. В 2 томах. Том 1 – Минск: Харвест, 2017. – 768 с.

6. Солженицын, А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Том 7. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. – Узел 1: Август Четырнадцатого. Книга 1. – М.: Время, 2007. – 432 с.

7. Из глубины: Сборник статей о русской революции/ Аскольдов, С.А., Бердяев, Н.А., Булгаков, С.А. и др.— М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. – 298 с.

8. Ленин, В.И. Избранные произведения // В 3-х т. Т. 3. – М., Политиздат, 1966, – 830 с.

9. В.И. Ленин и кремлевские курсанты / Сост.: И.И. Геллер, Н.В. Смирнов, Ф.М. Солодов. – 3-е изд., испр. И доп. – М.: Моск. Рабочий, 1987. – 301 с.

10. Жукоцкая, А.В. Феномен идеологии. Самара: ГОУ ВПО МГПУ (Самарский филиал), 2009. 272 с.

11. Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. Комиссии А.Э. Сердюков. – М.: Воениздат, 2007. – 832 с.: ил., с 730

A.L. REPETENKO

***Postgraduate Student General University Department
of Philosophy and Social Sciences Institute
of Humanities Moscow City University***

The problem of the continuity of traditions in the army of the Russian state in the conditions of «distemper»

The article is devoted to the 350th anniversary of the birth of Peter I. The article examines the characteristic factors that influenced the further formation and development of traditions in the army of the Russian state in certain cultural and historical periods determined by the «distemper» at the borders XIX-XX and XX-XXI centuries. The author comes to the conclusion that in the context of social demands for «new» ideas, the

problem of the continuity of traditions in the modern Russian army remains relevant.

Keyword: *army, Red army, Russian imperial army, 269ussian society, tradition.*

Literature

1. Mamedova N.M. Traditsiya I kul'turnaya identichnost' [Tradition and cultural identity]. Seriya «Filosofskie nauki». 2016. № 1 (17). – p. 10–15. (In Russian).

2. Avanesova G.A., Ivanova E.V. Krizisy I riski natsional'noy bezopasnosti v kontekste razvitiya rossiyskoy kul'tury [Crises and risks of national security in the context of the development of Russian culture]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya № 5 – M.: 2015. – p. 89-105. (In Russian).

3. Likhachev D.S. Pis'ma o dobrom [Good Letters]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2017. – 448 p.+ [16 incl.] p.: il. (In Russian).

4. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Russkaya filosofiya istorii: Kurs lektsiy [Russian Philosophy of History: A Course of Lectures]. Moscow: IchP «Izdatel'stvo Magistr», 1997. – 328 p. (In Russian).

5. Denikin A.I. Ocherki russkoy smuty [Essays on Russian Troubles]. In 2 vols. V. 1. Minsk: Kharvest, 2017. – 768 p. (In Russian).

6. Solzhenitsyn A.I. Sobranie sochineniy v 30 tomakh. Tom 7. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh srokakh v chetyrekh Uzlakh. – Uzel 1: Avgust Chetyrnadtsatogo [The Red Wheel: Timed Narratives in the Four Knots]. Moscow: Vremya, 2007. – 432 p. (In Russian).

7. Askol'dov S.A., Berdyaev N.A., Bulgakov S.A. I dr. Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii [From the Depths: A Collection of Articles on the Russian Revolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1990. – 298 p. (In Russian).

8. Lenin V.I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. In 3 vol. V. 3. Moscow: Politizdat, 1966, – 830 p. (In Russian).

9. Geller I.I., Smirnov N.V., Solodov F.M. V.I. Lenin I kremlevskie kursanty [V.I. Lenin and the Kremlin cadets]. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: Mosk. Rabochiy, 1987. – 301 p. (In Russian).

10. Zhukotskaya A.V. Fenomen ideologii. [Phenomenon of ideology]. Samara: GOU VPO MGPU (Samarskiy filial), 2009. 272 p. (In Russian).

11. Military Encyclopedic Dictionary / Pre. Gl. Ed. Commission A.E. Serdyukov. – M.: Voenizdat, 2007. – 832 p.: ill., from 730

Е.А. КОРМОЧИ
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Камчатского государственного университета
имени Витуса Беринга*
E-mail: kormochi@mail.ru

С.В. ЗАВЬЯЛОВА
*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
юриспруденции Камчатского государственного
университета имени Витуса Беринга*
E-mail: s_zavyalova@mail.ru

Система социального кредита в КНР как элемент социального иммунитета в условиях глобализационного давления

Современное человечество охвачено процессами глобализации, в основе которых лежит система западных ценностей и ориентиров, активно навязываемых незападному миру (глобализационное давление). С одной стороны, быть успешно развивающимся субъектом современной цивилизации и при этом быть вне глобализационных процессов невозможно. С другой стороны, необходимо противостоять глобализационному давлению, выработав социальный иммунитет. Примером успешной выработки социального иммунитета является Китайская Народная Республика. Предполагаем, что важным элементом социального иммунитета в КНР является система социального кредита.

Ключевые слова: *Китай (КНР), система социального кредита, глобализация, глобализационное давление, социальный иммунитет, рейтинг.*

Стало очевидным признание двух фактов, имеющих место в последние десятилетия: во-первых, современное человечество охвачено процессами глобализации, которая представляет собой сложный процесс взаимопроникновения, слияния экономических, политических и социокультурных

сфер разных стран в результате их тесного взаимодействия и взаимозависимости. В результате этого процесса происходит унификация всех сфер жизнедеятельности человека в общепланетарном масштабе [1]. Во-вторых, Китайская народная республика, сохраняя ориентиры строительства социализма с китайской спецификой и самобытность культуры, демонстрирует высокие темпы развития во всех сферах жизни общества и государства и тем самым претендует на статус супердержавы, в результате чего США и его партнеры воспринимают Китай как врага и пытаются навязывать ему свои сценарии поведения. В Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19 созыва (26-29 октября 2020 г.) отмечено, что экономический рост даже в условиях пандемии оказался лучше, чем ожидалось. Так, в 2020 г. ВВП превысил 100 трлн юаней (примерно, 17,3 трлн. Долларов США), а система социального обеспечения КНР не имеет аналогов в мире по своему масштабу: медицинским страхованием охвачено 1,3 млрд. человек, пенсионным обеспечением – примерно 1 млрд. человек [2]. По итогам 2021 года ВВП уже достиг 114 млрд. юаней (примерно, 18 трлн. Долларов США) [3].

В этой связи основная задача статьи – выявить факторы, позволяющие КНР, будучи полноправным и успешно развивающимся субъектом глобального мира, сохранять свой уникальный путь развития и приверженность традиционной культуре.

Ни для кого не секрет, что западная система ценностей и так называемый менталитет Просвещения во многом детерминировали сущность, направления и следствия глобализации. Быть успешно развивающимся субъектом современной цивилизации, авторитетным членом мирового сообщества и при этом быть вне глобализационных процессов невозможно. В то же время очевидно, что вместе с «плюсами» глобализации есть и «минусы», среди которых глобализационное давление – «следствие субъект-объектных отношений в условиях глобализации, в основе которых лежит навязывание потребительского вестернистского принципа развития всему остальному миру» [4: с. 11].

Выделяются объективные и субъективные факторы, детерминирующие глобализационное давление [4]. Объективные факторы: активизирующий процесс глобализации, балансирование человечества между стремлением к объединению, с одной стороны, и самостоятельному развитию государств, с другой стороны; холизм современного историче-

ского процесса, связанный с навязыванием западных ценностей и стереотипов всему миру; общность рыночных отношений, технических и технологических достижений; глобализация в социально-экономической и культурной сферах; развитие глобальных коммуникационных сетей; тотальное распространение массовой культуры; сосуществование процессов интеграции и дифференциации; расширяющиеся международные контакты во всех сферах; трансформация международных политических отношений в мировые политические отношения; тенденции появления целостной мировой науки; сочетание вестернизации с ориентализацией и пр.

Субъективные факторы: политика по нивелированию социокультурной идентичности отдельных социумов в пользу вестернизации, глобализм как навязываемая миру социальная модель политического и экономического доминирования западной цивилизации под эгидой США, становление общепланетарной политики, исчерпание «конструктивного потенциала в идеологии глобализации в его крайнем вестернистски-потребительском виде» [4:с. 59]; идеи теоретиков западного образа жизни; создаваемая глобализацией угроза национальным системам образования и воспитания в формате Болонского процесса; стремление Запада в лице США к завоеванию власти над остальным миром; тенденции к установлению нового мирового порядка и единого мирового правительства; дискредитация демократических принципов; фальсификация исторического прошлого, переписывание истории распространение и давление массовой культуры и пр.

Способность противостоять глобализационному давлению является жизненно необходимой государствам и обществам, если они хотят сохранить свою политическую и правовую самостоятельность и состоятельность, культурную и этническую идентичность и уникальность. Способность противостоять глобализационному давлению можно назвать социальным иммунитетом, поскольку его функция подобна функции иммунитета в организме – защита от приходящего извне разрушающего воздействия.

Социальный иммунитет не может возникнуть только как результат императивных мер со стороны государства. Его формирование – трудный и многоаспектный процесс, результативность которого зависит от консолидации государства, общества, индивидов.

В обществе, подвергающемся глобализационному давлению и не выработавшему социальный иммунитет, происходит замена традиционно сложившихся социальных связей безличными, функциональными отношениями, распадаются коллективные и личные связи, общезначимые ценности, наступает кризис идентичности.

Пример планомерной выработки социального иммунитета демонстрирует Китай, который, успешно вписываясь в глобализующийся мир, тем не менее противостоит глобализационному давлению. Такое положение вещей прекрасно иллюстрирует высказывание доктора философских наук, профессора Б.В. Маркова: «Здоровье культуры определяется высоким иммунитетом по отношению к чужому и одновременно способностью воспринимать полезные внешние факторы» [5: с. 37].

Осознание Китаем невозможности существования вне глобального мира нашло отражение в идее сообщества единой судьбы человечества: «Мы призываем народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества, создавать чистый и прекрасный мир, где царит долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность» [6]. Платформой реализации этой идеи является выдвинутая в сентябре-октябре 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином инициатива (проект) «Один пояс, один путь», основное содержание которой – «сопряжение политических установок, соединение транспортных магистралей, расширение торговли и инвестиций и сближение народов» [6]. В свою очередь данная инициатива включает два проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века» [7]. Содержание инициативы было воспринято мировым сообществом и вошло в тексты документов и постановлений Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН. По состоянию на конец 2021 г. 145 стран и 32 международная организация подписали более 200 документов о сотрудничестве с Китаем в совместном строительстве проекта «Один пояс, один путь» [3].

Данный проект, будучи изначально инициативой экономического сотрудничества, планируется развивать и в других направлениях: как путь здоровья, восстановления, роста, гуманитарного обмена и пр. Так Китай планирует создание «Шелкового пути здоровья», «Цифрового шелкового пути», «Зеленого шелкового пути» и т.д. [8].

В докладе Председателя КНР Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК были четко обозначены главные ориентиры развития КНР: для осуществления великого возрождения китайской нации необходимо адаптироваться к веяниям времени и отвечать чаяниям народа, смело проводить политику реформ и открытости [6]. В то же время «Необходимо осознаннее защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы Китая, непреклонно бороться с любыми действиями, направленными на раскол Китая, подрыв нашей национальной сплоченности и нанесение вреда социальной гармонии и стабильности в Китае» [6].

В беседе с корреспондентов сингапурской газеты «Lianhe Zaobao» Член Госсовета КНР, министр иностранных дел Ван И подчеркнул, что, несмотря на взаимосвязь стран в современном мире, о верности пути развития страны следует судить по тому, как он соответствует национальным реалиям. Очернять, сдерживать и давить на страны с неудобной системой, ссылаясь на так называемую свою исключительность – само по себе проявление «институциональной гегемонии» [9]. Слова руководителей КНР служат замечательной иллюстрацией понимания властями КНР необходимости и важности выработки социального иммунитета.

Представляется, что важной составляющей системы социального иммунитета КНР выступает система социального кредита (Шэхуэй синьюн тиси).

Становление ССК демонстрируют заинтересованность властей КНР в создании гармоничного и процветающего общества, ориентацию на достижения научно-технического прогресса, рациональность и планомерность в вопросах государственной важности. Рассмотрим основные вехи становления ССК.

– 1990 г. Институт мировой экономики и политики Академии наук КНР разрабатывает базовую концепцию оценивания кредитоспособности участников рыночных отношений на основе изучения опыта кредитных институтов США, прежде всего FICO [10: с. 9].

– 8 ноября 2002 г. В докладе Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК озвучены базовые положения будущей ССК [11].

– 2003 г. На 3-м пленуме XVI съезда КПК Ху Цзиньтао выдвигает концепцию «научного развития и построения гармоничного общества» [12].

– 23 марта 2007 г. В Заключении №17 Секретариата Государственного Совета КНР сформулированы цель и принципы построения ССК [13].

– апрель 2007 г. Созыв Межведомственного Совещания по строительству ССК в составе представителей КПК, Министерства финансов, Государственного управления промышленности и торговли, Министерства общественной безопасности. Позже к разработке системы были привлечены представители Центрального дисциплинарного комитета КПК, Центральной ведущей группы по строительству духовной цивилизации, Центрального отдела пропаганды, Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры.

– 18 октября 2011 г. Принимается «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам, касающимся углубления реформы культурной системы и содействия великому развитию и процветанию социалистической культуры» [14].

– 14 июля 2014 г. Государственный Совет КНР опубликовал План построения системы социального кредитования [15].

– декабрь 2017 г. Национальная комиссия по развитию и реформам и Народный банк Китая выбрали модельные города для реализации ССК.

– март 2019 г. Функционирование ССК в 40 городах в пилотном режиме.

16 июля 2019 г. Опубликованы «Руководящие заключения главного управления Государственного совета по ускорению строительства системы социального кредитования и созданию механизма кредитного надзора» [16].

– сентябрь 2019 г. Вводится ССК для компаний.

– 2020 г. Распространение ССК на весь материковый Китай.

В руководящих документах отмечено, что при построении ССК следует руководствоваться теорией Дэн Сяопина, важным принципом трех представительств, твердо установить и полностью реализовать концепцию научного развития, взять правовую систему за основу [13]. ССК направлена на повышение динамической стабильности общества и государства [17: с. 119], поддержание и распространение идеи культуры искренности, повышение уровня честности в государстве и общественной жизни, повышение уровня рыночной и социальной удовлетворенности.

Цели ССК: построение гармоничного социалистического общества, изменение менталитета, актуализация принципа честности, возрастание уровня общественного доверия в масштабах всей страны.

Задачи ССК: создание пространства всеобщего доверия, формирование в обществе культуры честности и искренности, культивирование совестливости и воспитание традиционных добродетелей.

Направления мероприятий ССК:

1. Укрепление честности в государственных делах, просвещение государственных служащих.
2. Укрепление честности в предпринимательской деятельности.
3. Укрепление социальной честности.
4. Укрепление честности судебных и правоохранительных органов.

Структуры, включенные в программу создания и функционирования ССК:

Государственный комитет по развитию и реформам КНР (отвечает за создание и внедрение в жизнь ССК), Министерство общественной безопасности КНР, Национальное бюро планирования КНР, Министерство коммерции КНР, Народный банк КНР, Главное таможенное управление КНР, Государственное налоговое управление КНР, Главное управление промышленности и торговли КНР, Комиссия по регулированию банковской деятельности КНР, Комиссия по сертификации КНР, The National Credit Information Sharing Platform, China Social Credit System, Ant Financial Services Group, Tencent, Alipay, Alibaba Group, Baidu, Laiwang и др. [18].

Информационное и техническое обеспечение функционирования ССК:

1. Отраслевые кредитные информационные системы в сфере торговли, ценообразования, налогообложения, экспорта, импорта, производства, безопасности, пищевой промышленности, экологии, здравоохранения, образования, науки, социального обеспечения, логистика, транспорта, интеллектуальной собственности, инноватики и пр.
2. Систематизация, стандартизация, хранение и размещение информации субъектами указанных в пункте 1 сфер в электронном виде.
3. Система кредитных проверок уполномоченными органами.

4. Единая платформа кредитных проверок в финансовой сфере.

5. Распространение кредитной информации.

Рейтинг физических лиц по ССК включает 18 категорий: от высшей (AAA), где лицу начисляется 1300 баллов и выше, до низшей категории (D), лицо имеет менее 600 баллов. Единый информационный центр анализирует около 160000 различных параметров, поступающих из 142 учреждений (государственные, муниципальные, правоохранительные органы). **Есть** данные о том, что на сегодняшний день в КНР функционируют около 200 млн. камер с системами распознавания лиц.

Учитывается соблюдение законодательства, правил дорожного движения, налоговые платежи, кредитная история, поведение в повседневной жизни, добрые дела и пр. 8 частных компаний собирают данные. Массив данных в конечном итоге поступает на Всекитайскую объединенную платформу кредитной информации, которая формирует рейтинги.

Граждане с высоким рейтингом получают преференции: кредиты по льготным ставкам, аренда товаров и услуг без залога, возможность карьерного роста, размещение фото и информации о достойном гражданине на рекламных щитах, лидерство в общественном мнении и пр.

К лицам с низким социальным рейтингом применяются негативные санкции: отказ в покупке авиабилетов, билетов на скоростные поезда, билетов на спальные места в ночных поездах; отказ в местах в люксовых отелях и ресторанах; отказ в социальном обеспечении и получении выгодных кредитов. Лицам с пониженным рейтингом запрещено работать в государственных учреждениях, занимать руководящие должности в фармацевтической и пищевой промышленности; запрещено обучать детей в дорогих частных школах, университетах. К ним применяют меры особо тщательного досмотра на таможне, могут уволить с работы, общение с ними нежелательно.

Рейтинг юридических лиц включает соблюдение ими юридических и экологических норм, условий и безопасности труда, финансовой отчетности; учитываются поступающие на компанию жалобы, а также уровень корпоративной социальной ответственности, достоверность рекламы

Юридические лица с повышенным рейтингом поощряются льготным режимом налогообложения, выгодными усло-

виями кредитования, упрощенными процедурами обращения в административные инстанции, доверием подрядчиков и потребителей.

К юридическим лицам с пониженным рейтингом применяются наказания: дорогие кредиты, повышенные ставки налогообложения, запрет на эмиссию ценных бумаг, запрет инвестировать в компании, которые торгуются на бирже; необходимость получать разрешение от государства на инвестирование; отказ от участия в государственных тендерах, получении государственных заказов и пр.

Идея внедрения системы социального кредита настолько уникальна и масштабна, что не могла не вызывать активного исследовательского интереса и широкого общественного резонанса, в том числе имеют место и негативные оценки. Главные аргументы западных критиков, как правило, связаны с нарушением прав человека, тотальным государственным контролем и т.п.). Такая реакция вполне объяснима – США и их союзники не заинтересованы в переходе к многополярному миру, успехи развития КНР их раздражают и пугают, что порождает вал неконструктивной критики. В то же время анализ ССК не мог не привести к появлению позитивных оценок. Представляется, что в точки зрения как совершенствования китайского общества, так и с точки зрения выработки Китаем социального иммунитета ССК играет ведущую положительную роль за счет следующих позитивных качеств и следствий системы.

- 1) повышается степень сотрудничества государства и общества, власти и граждан;
- 2) государство формирует через ССК четкую модель социально приемлемого поведения;
- 3) упорядочивается жизнедеятельность людей путем введения неких единиц измерения поведения;
- 4) повышается информационная грамотность и Интернет-культура граждан;
- 5) объединение граждан на основе сетевой солидарности [17: с. 118];
- 6) расширяется доступ граждан к финансовым услугам, поскольку минимизируется субъективизм и бюрократизм в кредитно-финансовых отношениях;
- 7) ССК создана как принципиально обезличенная, поэтому лица, обслуживающие базы данных, не знают имена граждан и названия компаний;

- 8) исключение влияния чиновников различных уровней на повышение или понижение рейтинга граждан или компаний;
- 9) отсутствие анонимности в Интернет-пространстве КНР;
- 10) общедоступность рейтинга в Интернете порождает стимулы для правомерного и нравственного поведения граждан и компаний;
- 11) упрощение процесса кадрового рекрутирования [17: с. 117];
- 12) развитие технологизации и информатизации общества;
- 13) переориентация менеджмента компаний с прибыли на учет мнения общества;
- 14) демонстрация прорыва КНР в области цифрового обеспечения жизни человека и общества;
- 15) возможность граждан и компаний повышать свой рейтинг путем социально-приемлемого поведения;
- 16) разработаны механизмы, защищающие граждан и компании в случае клеветы;
- 17) единая система наказаний и поощрений;
- 18) китайские власти стимулируют местные органы власти создавать и внедрять свои системы социального кредита для жителей того или иного региона

Ожидаемый результат внедрения ССК: укрепление общественной искренности и социально удовлетворенности, стимулирование взаимного доверия между гражданами, компаниями, гражданами и государством, гражданами и компаниями, компаниями и государством, государством и обществом; сокращение общественных противоречий; совершенствование социального управления, построение гармоничного общества. С высокой долей вероятности можно утверждать, что внедрение ССК не только приведет к достижению целей, для реализации которых она создавалась, но и укрепит социальных иммунитет китайского общества.

В отличие от Западной цивилизации не право стало в Китае фундаментальным принципом социальной организации, а принцип «Ли». Возникновение принципа «Ли» связывают с первыми годами западной династии Чжоу (12 в. До н.э.). Наиболее полное развитие он получает у Конфуция и далее разрабатывается в работах его последователей. Понятие «Ли», как и многие понятия китайской философии и куль-

туры, весьма многозначно. «Ли» – это церемонии, религиозные ритуалы, жертвоприношения; правильное и пристойное поведение, обеспечивающее порядок в обществе и др. Важна идея, согласно которой, если в человеке сформировался принцип «Ли», законы («Фа») ему не нужны, поскольку такой человек не совершает негативных поступков не под страхом наказания, а по совести. Как справедливо отмечает Синха Сурия Пракаш: ««Ли» является чем-то внутренним по отношению к человеческому поведению, а не чем-то навязанным свыше какой-либо человеческой или божественной силой. Его осуществление на практике внутренне обусловлено как демонстрация личной способности человека содействовать осуществлению всеобщей гармонии и культивированию своего существа и общества» [18: с. 31].

Думается, что и в наши дни многие инициативы китайских властей имеют своей целью формирование принципа «Ли» в гражданах КНР: параметры, учитываемые в ССК, отражают, помимо прочего, следование конфуцианским ценностям (достойное поведение, уважение к старшим, служение обществу и пр.), ценность семьи и ответственность за нее (граждане с низким рейтингом не смогут отдать своих детей в престижные школы, вузы), коллективную ответственность (низкий рейтинг компании отразится на благополучии всех ее сотрудников) и др.

ССК построена таким образом, что поощряются добродетельные граждане, которые ведут достойный образ жизни поскольку в них сформировался принцип «Ли», а не по причине исключительно страха перед наказаниями. В то же время, в отношении тех, кто не руководствуется принципом «Ли», применяются не только меры непосредственно правового характера, но и меры морального воздействия, по сути дела, возведенного до уровня норм права. Таким образом, мы видим гармоничное сочетание правовых и моральных мер воздействия, разделить которые порой непросто.

В отличие от большинства представителей Западной цивилизации, для которых негативные санкции государства выступают единственной сдерживающей силой, для китайцев общественное порицание или поощрение значат не меньше, а возможно и больше, нежели правовые санкции.

Как известно, Китай в течение многих веков оказывал многоплановое влияние на страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Во многом были восприняты: китайская модель

государственности, китайская иероглифическая письменность, философско-религиозные учения (конфуцианство, буддизм, даосизм), литература и искусство, бытовая культура. Социально-экономический статус Китая в современном мире, рост геополитической мощи позволяют предположить, что влияние Китая на остальной мир не только не ослабнет, но усилится: «на развитие процессов глобализации в современном мире все больше влияния оказывает Китай» [19: с. 82].

В речи Председателя КНР Си Цзиньпина на ВЭФ 25 января 2021 года были обозначены четыре задачи эпохальные общечеловеческие задачи:

1. Усилить координацию макроэкономической политики, сообща продвигать мощный, устойчивый, сбалансированный и инклюзивный рост мировой экономики.

2. Отказываться от идеологических предубеждений, идти по пути мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества.

3. Преодолевать разрыв между развитыми и развивающимися странами во имя всеобщего развития и процветания.

4. Сообща противодействовать глобальным вызовам во имя прекрасного будущего человечества.

В интересах реализации мультилатерализма и построения сообщества единой судьбы человечества всем нам необходимо предпринять ряд мер:

- придерживаться открытости и инклюзивности;
- поставить во главу угла международные нормы и принципы без подхода исключительности;
- развивать консультации и сотрудничество вместо конфликтности и конфронтации.

22 июня 2022 года в программной речи на церемонии открытия Делового форума БРИКС Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что «В условиях происходящих кардинальных перемен и коронавирусной инфекции один за другим возникают вызовы безопасности, мировая экономика вяло восстанавливается, глобальное развитие оказалось под ударом» [20]. В связи с этим необходимо: объединить усилия для поддержания мира и стабильности на планете, в духе взаимовыручки содействовать глобальному устойчивому развитию, объединить усилия в целях достижения взаимовыгодного сотрудничества, с инклюзивным подходом совместно наращивать открытость и интеграцию [20].

Китай готов вместе с партнерами развивать чистое и прекрасное человечество, где воцарится прочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность. С этой целью КНР впредь будет: активно участвовать в международном противоэпидемическом сотрудничестве, проводить стратегию открытости на принципах взаимной выгоды, способствовать устойчивому развитию, продвигать научно-технические инновации, продвигать процесс установления международных отношений нового типа [21].

Земной шар – единственный дом для человечества. С глобальными проблемами ни одна страна не в силах справиться в одиночку, только коллективные действия, объединение усилий и глобальное сотрудничество помогут их успешному решению [21].

В свою очередь, государство, влиятельное в политическом, экономическом, финансовом планах, скорее всего, станет влиятельным и в культурном плане. Следовательно, стоит задуматься о том, какое духовное воздействие может оказать Китай на некий мир. Помня о разрушительном влиянии массовой культуры, явившемся результатом глобализации (назовем ее «первой», где в авангарде глобализационных процессов стоит Запад), хочется надеяться, что в ходе дальнейшего развития глобализации (назовем ее «второй, в авангарде которой встанут другие мировые силы»), помимо трансформации в экономической, финансовой, транспортной, информационной и пр. сферах, будет сформирован новый духовный базис, в основе которого будет лежать система ценностей иного рода, нежели ценности Запада. И здесь Китай может выступить примером целенаправленного противостояния глобализационному давлению, базирующемуся на системе либеральных западных ценностей, и формирования социального иммунитета, основанного на сохранении традиционных добродетелей, национальной культуры и духовности.

Литература

1. Кормочи Е.А. Глобальные вызовы современного человечества. Новый взгляд / Е.А. Кормочи // Международный научный вестник : сборник научных трудов; под общ. Ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – Вып. 8. – С. 191-200.
2. Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19-го созыва (13.11.2020 г.) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL.: <http://ru.china-embassy.org/rus/gg/t1832267.htm>. – 24.08.2021.

3. Доклад о работе Правительства (05.03.2022 г.) / 5-я сессия Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва // Китайский информационный Интернет-центр. – [Электронный ресурс]. – URL.: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-03/12/content_78104963.htm. – 04.06.2022.

4. Кравцов Д.И. Феномен глобализационного давления: социально-философский анализ : дисс. ...кандид. Филос. Наук / Д.И. Кравцов. – Красноярск, 2014. – 168 с.

5. Марков Б.В. Политическая иммунология : монография / Б.В. Марков. – М.: Проспект, 2021. – 144 с.

6. Си Цзиньпин Доклад на 19 съезде КПК (04.11.2017 г.) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL.: <http://ru.china-embassy.org/rus/zttbd/19sjd/t1507487.htm>. – 29.08.2021.

7. Строительство «одного пояса – одного пути» (реформы и открытость) // Знакомство с Китаем с помощью ключевых слов. – [Электронный ресурс]. – URL.: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/29/content_68823537.htm. – 29.08.2021.

8. Чжан Ханьхуэй «Один пояс, один путь»: открыть дорогу взаимному выигрышу / Ханьхуэй Чжан // Труд. – 2021. – 15 янв. – С. 5.

9. Вопросы и ответы Члена Госсовета, Министра иностранных дел Китая Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям (22.06.2022 г.) // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1859896.shtml>. – 11.08.2021.

10. Рувинский Р.З. Система социального кредита: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена / Р.З. Рувинский, А.А. Тарасов // Национальная безопасность (notabene). – 2020. – № 3. – С. 72-88.

11. Цзян Цзэминя Доклад на XVI Всекитайском съезде КПК (19.11.2002 г.) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL.: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm>. – 29.08.2021.

12. Теория гармоничного мира Председателя Ху Цзиньтао (25.11.2009 г.) // Россия в глазах китайца. – [Электронный ресурс]. – URL.: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html>. – 06.06.2022.

13. Несколько заключений Главного управления Государственного совета по созданию системы социального кредита (02.04.2007 г.) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.gov.cn/zwgk/2007-04/02/content_569314.htm. – 27.08.2021.

14. Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам, касающимся углубления реформы культурной системы и содействия великому развитию и процветанию социалистической культуры (принято на шестом пленуме Центрального комитета Коммунистической партии

Китай семнадцатого созыва (Китай 25.10.2011) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.gov.cn/jrzg/2011-10/25/content_1978202.htm. – 27.08.2021.

15. Уведомление Госсовета о выпуске Плана построения системы социального кредитования (2014-2020 гг.) (27.06.2014 г.) // Государственный совет Китайской Народной республики. – [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm. – 06.06.2022.

16. Руководящие заключения по ускорению строительства системы социального кредитования и созданию нового механизма кредитного надзора (16.07.2019 г.) // Государственный совет Китайской Народной республики / Генеральная канцелярия Государственного совета выпустила. – [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.gov.cn/xinwen/2019-07/16/content_5410254.htm. – 27.08.2021.

17. Галиуллина С.Д. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего / С.Д. Галиуллина, М.Г. Бреслер, А.Р. Сулейманов, А.А. Рабошвили, Н.Н. Байрамгулова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. – 2018. – № 4 (26). – С. 114-121.

18. Синха С.П. Юриспруденция: Философия права : краткий курс / С.П. Синха [пер. с англ]. – М.: Академия, Будапешт: COLPI, 1996. – 301 с.

19. Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке / Ю.В. Морозов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2020. – Вып. XXV. – С. 80-95.

20. Си Цзиньпин Программная речь на церемонии открытия / Делового форума БРИКС (22.06.2022 г.) // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202206/t20220622_10708156.html. – 06.06.2022.

21. Си Цзиньпина Пусть факел мультилатерализма осветит путь к будущему человечества / Специальная речь в Диалоге «Давосская повестка дня» // Всемирный экономический форум (25.01.2021 г.) / Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1848326.shtm>. – 08.08.2021.

E.A. KORMOCHI

**Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and
Philosophy, Vitus Bering Kamchatka State University**

S.V. ZAVYALOVA

**PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of
the Department of History and Philosophy,
Vitus Bering Kamchatka State University**

The social credit system in PRC as an element of social immunity under globalization pressure

Modern humanity is gripped by the processes of globalization, which are based on a system of Western values and guidelines actively imposed on the non-Western world (globalization pressure). On the one hand, it is impossible to be a successfully developing subject of modern civilization and at the same time be outside the globalization processes. On the other hand, it is necessary to resist the globalization pressure by developing social immunity. An example of successful development of social immunity is the People's Republic of China. We assume that an important element of social immunity in China is the social credit system.

Keyword: China (PRC), Social Credit System, globalization, globalization pressure, social immunity, rating.

Literature

1. Kormochi E.A. Global challenges of modern humanity. New look / E.A. Kormochi // International Scientific Bulletin: collection of scientific papers; under total ed. S.S. Chernov. – Novosibirsk: Publishing house CRNS, 2015. – Issue. 8. – P. 191-200.
2. Communiqué of the Fifth Plenum of the 19th CPC Central Committee (November 13, 2020) // Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm>. – 08.24.2021.
3. Report on the work of the Government (03/05/2022) / 5th session of the 13th National People's Congress // China Internet Information Center. – URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-03/12/content_78104963.htm. – 06.04.2022.
4. Kravtsov D.I. The phenomenon of globalization pressure: socio-philosophical analysis: diss. ... candidate. Philosophy Sciences / D.I. Kravtsov. – Krasnoyarsk, 2014. – 168 p.

5. Markov B.V. Political immunology: monograph / B.V. Markov. – M.: Prospekt, 2021. – 144 p.
6. Xi Jinping Report at the 19th CPC Congress (04.11.2017) // Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm>. – 08.29.2021.
7. Building «one belt – one road» (reforms and openness) // Acquaintance with China with the help of Keyword. – URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/29/content_68823537.htm. – 08.29.2021.
8. Zhang Hanhui «One belt, one road»: open the way for mutual gain / Hanhui Zhang // Trud. – 2021. – 15 Jan. – P. 5.
9. Questions and Answers by Member of the State Council, Minister of Foreign Affairs of China Wang Yi at a press conference on China's foreign policy and international relations (06/22/2022) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1859896.shtml>. – 11.08.2021.
10. Ruvinsky R.Z. System of social credit: historical background and doctrinal foundations of the phenomenon / R.Z. Ruvinsky, A.A. Tarasov // National Security (notabene). – 2020. – №. 3. – P. 72-88.
11. Jiang Zemin Report at the XVI National Congress of the CPC (11.19.2002) // Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm>. – 29.08.2021.
12. The theory of harmonious peace by Chairman Hu Jintao (25.11.2009) // Russia in the eyes of the Chinese. – URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html>. – 06.06.2022.
13. Several conclusions of the Main Department of the State Council for the establishment of a social credit system (04.02.2007) // Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation. – URL: http://www.gov.cn/zwgk/2007-04/02/content_569314.htm. – 08.07.2021.
14. The Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Several Important Issues Regarding Deepening the Reform of the Cultural System and Promoting the Great Development and Prosperity of Socialist Culture (Adopted by the Sixteenth Plenum of the Seventeenth Central Committee of the Communist Party of China (China 25.10.2011) // Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation. – URL.: http://www.gov.cn/jrzg/2011-10/25/content_1978202.htm. – 27.08. 2021.
15. Notification of the State Council on the release of the Plan for building a social credit system (2014-2020) (27.06.2014) // State Council of the People's Republic of China. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm. – 06.06.2022.
16. Guiding Opinions on Accelerating the Construction of the Social Credit System and Establishing a New Credit Supervision Mechanism (16.07.2019) // State Council of the People's Republic of

China / General Office of the State Council issued. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-07/16/content_5410254.htm. – 27.08.2021.

17. Galiullina S.D. The system of social credit in China as an element of the digital future / S.D. Galiullina, M.G. Bresler, A.R. Suleimanov, A.A. Raboshvili, N.N. Bayramgulov // Bulletin of USPTU. Science, education, economics. Economics Series. – 2018. – № 4 (26). – P. 114-121.

18. Sinha S.P. Jurisprudence: Philosophy of Law: a short course / S.P. Sinha [trans. From English]. – M.: Academy, Budapest: COLPI, 1996. – 301 p.

19. Morozov Yu.V. China's global positions and prospects for their development in the 21st century / Yu.V. Morozov // China in world and regional politics. History and modernity. – M.: IFES RAS, 2020. – Issue. XXV. – P. 80-95.

20. Xi Jinping Keynote speech at the opening ceremony / BRICS Business Forum (22.06.2022) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202206/t20220622_10708156.html. – 06.06.2022.

21. Xi Jinping Let the torch of multilateralism light the way to the future of mankind / Special speech in the Davos Agenda Dialogue // World Economic Forum (25.01.2021) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1848326.shtm>. – 08.08.2021.

С.Н. СОРОКИН

**аспирант кафедры ЮНЕСКО Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

E-mail: seregamonster22@mail.ru

Корреляция виртуальной реальности с существованием человеческой души

Статья рассматривает такой феномен современного общества, как виртуальная реальность. Анализируются бытийные и смысловые аспекты этого глобального явления. Проводится параллель между существованием человеческой души, а также выражением людской сущности в виде виртуального аватара. В основу исследования легли работы русского философа и религиозного мыслителя С.Л. Франка. Он задолго до появления виртуальной реальности в её нынешнем виде прогнозировал наличие подобной структуры, способной взаимодействовать с человеческой душой, являться одной из форм (сосудов) её существования.

Цель исследования – установить взаимосвязь между человеческой душой и аватарами людей в виртуальной реальности. Проанализировать, могут ли они считаться реальным сосудом для людского бытия. Выделить главные постулаты, которые в своих работах обозначил С.Л. Франк, а также адаптировать их под современные философские положения. Сделать выводы о существовании реальной взаимосвязи между этими феноменальными явлениями.

В результате делается вывод о существовании и точки соприкосновения, и моменты демаркации между анализируемыми явлениями. Пока виртуальная реальность не готова полностью отвечать требованиям общества в плане существования идеальных «сосудов», выраженных в виде виртуальной реальности, но содержащих в себе зачатки человеческой души. Правда, темп прогресса указывает на то, что в самое ближайшее время ситуация может качественно измениться.

Ключевые слова: виртуальная реальность, человеческая душа, С.Л. Франк, всеединство, морально-этические проблемы.

Социальная антропология на данный момент имеет тесную связь с феноменом «виртуальной реальности», который окончательно оформился практически одновременно с ней. Именно с помощью учений исследователей этого направления можно прийти к дальнейшему развитию в правильном русле. Социальная философия готова дать ответы на многие проблемы, в том числе и глобальные, к которым приводит виртуальная реальность.

Если внимательно обратиться к многочисленным трудам С.Л. Франка можно найти положения, которые могут прямо относиться к виртуальной реальности. В частности, философ уже тогда говорил о наличии некой параллельной реальности, которая не совпадает с объективным бытием человека, но при этом тесно с ним связано, всячески переплетается и взаимодействует [9].

С.Л. Франк вынужден признавать, что любой человек одновременно пребывает в двух плоскостях. Первая – мир предметов, публичный. Это объективная реальность, отражённая в осязаемых вещах. Вторая – мир идей, страданий, страстей. Франк считает, что именно вторая плоскость и является отражением духовной жизни человека. Иными словами, исследователь признаёт наличие нескольких реальностей, в которых человек и пытается существовать, переживая различные моменты одновременно в нескольких мирах.

В связи с этим С.А. Левицкий заявил, что само исследование С.Л. Франка вызывает неуверенность в объективном значении душевного существования человеческого. Исследователь подчёркивает, что духовное бытие выглядит слишком призрачным по сравнению с фундаментальной реальностью внешнего окружения, которое постоянно давит на человека своим грузом [4].

Изначально с похожим противоборством сталкивается и виртуальная реальность, которая выглядит неосязуемо, «призрачно». Высказывались позиции о том, что она является лишь воплощением мира идей, мыслей в новой форме существования. Но на самом деле это не так, поскольку прогресс направления доказывает обратное. Как душа человеческая распространяется далеко за пределы тела человека и его существования, так и виртуальная реальность создаёт огромное поле, которое невозможно описать в каких-то категориях и мерах измерения. Более того, если сначала виртуальная реальность была действительно размытым и при-

зрачным направлением, то в дальнейшем она научилась решать проблемы человека, в том числе и глобальные, которые касаются всего социума [1].

В частности, виртуальная реальность стала великолепным ответом на главный вызов 2020 года – пандемию COVID-19. Она позволила миллионам людей по всему миру уйти на удалённый труд и обучение, снизила опасность заражения и позволила сохранить важнейшие институты жизнедеятельности. Иными словами, уже С.Л. Франк не раз оставлял подсказки о том, что существуют несколько реальностей, которые постоянно пересекаются между собой и находятся в тесной взаимосвязи [10].

Но исследователь ни на секунду не позволял усомниться в значимости и фундаментальном положении душевной жизни в бытие человека. Он постоянно подкрепляет положение, что душа – это целый «микрокосм», который невозможно познать невооружённым взглядом. Но если исследовать его более настойчиво, постоянно углубляться в содержание и смыслы, то можно открыть для себя ту самую подсознательную реальность – тёмную глубину человеческой самости, которая никоим образом не может быть приравнена к познающему субъекту.

Зеньковский утверждал, что именно в этой мысли и выражен основной посыл С.Л. Франка, направленный на изучение человеческой души. Человек познающий в душ своей крепко скреплён со сверхиндивидуальным, с «абсолютной первоосновой душевной жизни». По мнению автора, само бытие не может быть заключено в какие-то рамки – временные или пространственные. А душа переключивает это всеединство на жизнь человека, выражая его в качестве всего окружающего – мира вещей, идей, знаний.

«В этом смысле душа как конкретное единство субъективной формирующей деятельности, материала душевной жизни и как бы извне вовлекаемых предметных содержаний есть не замкнутая в себе, отрешенная от всего иного субстанция, а как бы субъективное «зеркало вселенной» или – говоря точнее – субъективное единство пропитанного стихией душевной жизни и своеобразно преломленного или сформированного объективного бытия» [2].

В дальнейшем С.Л. Франк раскрывает свои мысли через отрицание пренебрежительного отношения к душевной жизни человека. Он отмечает, что нельзя называть душу

«идеей», она не прообраз объективно существующей реальности. Душевная субстанция и является продолжением этой самой «вселенной», её особым состоянием [8].

Философ считал, что каждая человеческая душа представляет собой частичку всеединства. Но несмотря на это обстоятельство нужно констатировать, что она проникает во все бытие человека, для него не существует границ и рамок. И С.Л. Франк лишней раз подтверждал этой идеей тезис о том, что душевная жизнь не может быть заточена в человеческое тело, она постоянно возвышается над оболочкой, воссоединяясь со всеединством. При этом автор вовсе не отрицал значимость тела, но и ключевое значение в существовании людей также не отводил [7].

Большое внимание философ уделял не только человеку, но и всему обществу, поэтому рассматривал его фундаментальные основы, на которых базируется существование института. По мнению С.Л. Франка каждый социум возникает из солидарной ответственности, сознательного объединения людей. Автор настойчиво отрицал любые теории относительно того, что отсутствие согласия и единого вектора развития приводит к созданию успешного общества. Исходя из этого факта С.Л. Франк выводит важнейшее правило существования социума. Он заявляет, что каждый человек должен любить ближнего не меньше, чем он любит самого себя. Именно на таком простом, но довольно глубоком мнении и строится понимание социального у философа.

При этом С.Л. Франк настойчиво указывает на то обстоятельство, что термины «я» и «мы» являются основой и бытия отдельного человека, и существования всего общества. Указывалось на то, что двуединство возникает лишь при условии полного и неукоснительного подчинения человека божественной воле. Для философа абсолютно очевидно то обстоятельство, что социум существует исключительно на едином религиозном мышлении всех людей, его составляющих [3].

Религиозная составляющая социально-антропологического учения С.Л. Франка и его взгляды на строение общества в тот момент казались совершенно обоснованными, но теперь вызывают ряд вопросов, которые необходимо прояснить. В частности, выражение об эффективности существования социума в условиях, когда люди имеют различные взгляды и позиции, отказываются следовать выбранному курсу.

Сама виртуальная реальность по сути своей представляет собой кибернетическое пространство, в котором люди неизменно взаимодействуют между собой. Но реалии современного общества указывают на то обстоятельство, что виртуальная реальность плотно вошла не в виде развлечения или средства отдыха, в качестве полноценного инструмента жизнедеятельности, весь смысл существования которого направлен на достижение дальнейшего развития цивилизации.

Следующим важнейшим моментом становится существование глобального общества в основе виртуальной реальности. Ведь действительно, в наше время кибернетическое пространство пронизывает практически все сферы общественной жизни и страны. Вполне возможно мгновенно связаться с человеком, который находится практически в любой точке Земли. Но зачастую возникает понимание, что на данный момент направление находится довольно далеко от того, чтобы в нём все индивидуумы двигались в едином направлении.

Пока к нему не совсем справедливо относится фраза «полюби ближнего, как самого себя». И именно здесь возникает одна из философских проблем, которая касается виртуальной реальности. С.Л. Франк рассматривал реальный, существующий мир со своими индивидуальными особенностями. Он понимал, что в таких условиях сосуществовать и двигаться в правильном направлении можно исключительно на основаниях взаимного уважения и подчинения воле Бога. Виртуальная реальность также является обществом, вот только уважение и любовь к ближнему далеко не всегда ставится во главу угла. Связано это с тем, что человек продолжает воспринимать виртуальную реальность с точки зрения некоего абстрактного объекта, существование которого окончательно было доказано совсем недавно.

Более того, выстроенная система симулякров и «аватаров» приводит к тому, что человек перестаёт ассоциировать виртуальную реальность в объективно существующим бытием. Он абсолютно не переносит в кибернетическое пространство свои ключевые характеристики, не всегда осознаёт ответственность и соблюдает морально этические нормы. В последнее время виртуальная реальность становится площадкой для ожесточённых споров, переходящих зачастую все моральные и этические нормы.

Этого и хотел избежать С.Л. Франк, указывая на всеединство и Абсолют. Он констатировал, что несмотря на наличие нескольких реальностей, все они тесно взаимосвязаны

между собой. И в подобных условиях справедливо и обоснованно высказывание о том, что все законы объективного бытия человека могут в равной степени накладываться на кибернетическое пространство.

С.Л. Франк не стал первопроходцем социально-антропологического учения, но буквально совершил серьёзный прорыв. В ходе своего исследования он сформулировал основные постулаты, на которых и должно базироваться его существование. Основная задача философа заключалась именно в том, чтобы обосновать наличие некой субстанции – бытия всеединства, Абсолюта. Но параллельно выводится мысль о существовании виртуальной реальности, которая имеет место, но отделена от объективного бытия. При этом философ постоянно указывает на то, что реальности постоянно связаны между собой, буквально взаимно проникают друг в друга.

Второй важнейшей мыслью становится необходимость создания положительных отношений членов общества, основанных на взаимной любви и уважении. В частности, говорится о том, что все его участники должны двигаться в едином направлении. Изначально виртуальное пространство было довольно разрозненным, слабо подчинялась не только юридическим законам, но и нормам этики и морали.

Но сейчас на основе многочисленных философских работ претворяются в жизнь необходимые действия, направленные на создание уникального общества – кибернетического пространства. На это указывают различные признаки – создание специальных законодательных актов, написание полноценных программ развития направления на солидный срок. В основе данных исследований используются и философские взгляды на развитие проблемы, поскольку авторы рассматривают её включённо, не ограничиваются исключительно внешней оболочкой явления [6].

На данный момент решение многих проблем общества попросту невозможно, если не использовать при этом подходы философии. Авторы – философы не только анализируют текущее состояние, но и занимаются тем, что стараются заглянуть в будущее, предугадать последствия и дальнейшее развитие ситуации. Они выполняют целый ряд важнейших функций, направленных на то, чтобы устранить существующие глобальные проблемы, а также предотвратить появление новых.

И здесь лучше всего реализуется мысль С.Л. Франка, что именно государство должно полностью регулировать все от-

ношения в обществе по воле Бога, устранять зло и негативные факторы с помощью имеющихся инструментов. Стоит ещё раз констатировать то обстоятельство, что виртуальная реальность, кибернетическое пространство становятся социальным феноменом. А современный опыт указывает на то, что виртуальная реальность при определённых условиях и вовсе может заменить в некоторых аспектах элементы объективного бытия человека [5].

Во-первых, виртуальная реальность уже сейчас активно участвует в создании комфортной среды для людей с ограниченными возможностями. VR-технологии позволяют им беспрепятственно пользоваться различными благами общества. Например, не выходя из своего дома прямо сейчас можно «посетить» практически любой музей мира, побывать на концерте симфонического оркестра или с глазу на глаз пообщаться с человеком, который находится на другом континенте.

Во-вторых, машинный интеллект постепенно начинает выходить на качественно новый уровень. В частности, речь идёт о технологиях, способных развиваться и совершенствоваться. Например, современные квантовые компьютеры в считанные доли секунды рассчитывают любой код, программы способны писать простейшие музыкальные произведения и графические рисунки. Дополнительно в жизни каждого человека появляются виртуальные помощники («Алиса», Siri), которые ведут общение с людьми, отвечают на их вопросы и реагируют довольно осознанно.

Безусловно, пока ещё рано говорить о том, что виртуальная реальность со временем способна стать хранилищем для человеческой души. Но определённым выражением её существования она является совершенно точно. Верится, что со временем появятся специальные устройства, способные воспринимать генетический код, а также интерпретировать его не в форме машинного разума, а добиваться реального мышления, выстраивания логических цепочек и выполнения сложнейших задач самостоятельно.

Литература

1. Ермаков С.А. С.Л.Франк о роли душевных начал в жизни человека / С.А Ермаков // Русская мысль. Новые исследования и материалы. –СПб., 2001.-С.274-284.
2. Зеньковский В.В. Учение С.Л.Франка о человеке // Сборник памяти С.Л.Франка. Мюнхен, 1954. – С.83.

3. Ильин В.Н. С.Л.Франк и русская философия //Возрождение.- 1966.- № 172.- С.54.
4. Левицкий С.А. Памяти великого философа (С.Л. Франка) // Новый журнал, №127, 1977, С. 113-117
5. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Академический Проект; Трикста, 2011. – 551 с.
6. Назарова О.А. Онтологическая гносеология Франка как основа самооправдания метафизики / О. А. Назарова // Философские науки. – 2006. -№3.- С. 41-49.
7. Франк С. Л. Смысл жизни // С.Л. Франк Смысл жизни: антология / Сост., общ. Ред., предисл. И прим. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994.-592с.
8. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию || Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.
9. Франк С.Л. Реальность и человек. – М.-Республика,1977. – С. 318.
10. Франк С.Л. Человек и Бог / С.Л. Франк // Человек. 1992. – № 1. – С. 103-113.

S.N. SOROKIN

Postgraduate student of the UNESCO Chair of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Correlation of virtual reality with the existence of the human soul

Abstract: *The article considers such a phenomenon of modern society as virtual reality. The existential and semantic aspects of this global phenomenon are analyzed. A parallel is drawn between the existence of the human soul, as well as the expression of human essence in the form of a virtual avatar. The research is based on the works of the Russian philosopher and religious thinker S.L. Frank. Long before the advent of virtual reality in its current form, he predicted the presence of such a structure capable of interacting with the human soul, being one of the forms (vessels) of its existence.*

The purpose of the study – *is to establish the relationship between the human soul and avatars of people in virtual reality. To analyze whether they can be considered a real vessel for human existence. To highlight the main postulates that S.L. Frank outlined in his works, as well as to adapt them to modern philosophical positions. To draw conclusions about the existence of a real relationship between these phenomenal phenomena.*

As a result, it is concluded that there are both points of contact and moments of demarcation between the analyzed phenomena. While virtual reality is not ready to fully meet the requirements of society in terms of the existence of ideal “vessels”, expressed in the form of virtual reality, but containing the makings of the human soul. However, the pace of progress indicates that the situation may change qualitatively in the very near future.

Keyword: virtual reality, human soul, S.L. Frank, unity, moral and ethical problems.

Literature

1. Ermakov S.A. S.L.Frank on the role of spiritual principles in human life / S.A. Ermakov // Russian Thought. New research and materials. – St. Petersburg, 2001.-pp.274-284.

2. Zenkovsky V.V. S.L.Frank’s teaching about man // Collection of S.L.Frank’s memory. Munich, 1954. – p.83.

3. Ilyin V.N. S.L.Frank and Russian philosophy //Revival.- 1966.- No. 172.- p.54.

4. Levitsky S.A. In memory of the great philosopher (S.L. Frank) // Novy zhurnal, No. 127, 1977, pp. 113-117

5. Lossky N. O. History of Russian philosophy. – M.: Academic Project; Triksta, 2011. – 551 p.

6. Nazarova O.A. Frank’s ontological epistemology as a basis for self-justification of metaphysics / O. A. Nazarova // Philosophical Sciences. – 2006. –No. 3.- pp. 41-49.

7. Frank S. L. The meaning of life // S.L. Frank The Meaning of life: an anthology / Comp., general ed., preface and note by N. K. Gavryushina. M.: Progress-Culture, 1994.-592s.

8. Frank S.L. The soul of man. The experience of introduction to philosophical psychology || Frank S.L. The subject of knowledge. The soul of man. St. Petersburg: Nauka, 1995.

9. Frank S.L. Reality and man. – M.-.Republic, 1977. – p.318.

10. Frank S.L. Man and God / S.L. Frank // Man. 1992. – No. 1. – pp. 103-113.

Г.А. АВАНЕСОВА

*доктор философских наук, профессор,
эксперт центра «Гражданское общество
и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)
РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: gal-09@list.ru*

А.В. МИРОНОВ

*доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы,
Почетный работник ВПО РФ*

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.)¹

Авторы анализируют, как осмыслили некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России – ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: *эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы*

¹ Продолжение. Начало см. в №№ 3,4,5,6 – 2021 г., № 1, 2 – 2022 г.

понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.

4.1. Транзит общества от советско-марксистского анализа к осознанию подлинной России

Гуманитарная мысль Запада в фазе усиления глобальных тенденций (1980–1999 гг.) В начале скажем об особенностях гуманитарной мысли Запада и мировой науки данного этапа. Практика подтверждала, что капитализм все хуже справляется с новыми проблемами развития, углубляя внутренние кризисы. К этому времени аналитики разных дисциплин в разных странах приходили к выводу, что разнородные кризисы всегда сопровождают эволюцию многообразных систем планеты из-за неравномерной динамики их внутренних структур, разбалансировки связей с внешним миром. По ходу XX в. системно-синергетическая парадигма анализа рождала понимание кризиса в разных пространствах Земли – геосфере, биосфере, техносфере, социосфере. В 20-х гг. А.А. Богданов видел в кризисе любой системы состояние, связанное с утратой внутреннего равновесия; через самоадаптацию кризис «вынуждает» систему переходить к новому сбалансированному состоянию. Позже ученые устанавливают: в системе разрушаются ослабленные балансы, обостряются противоречия, что вызывает неизбежную трансформацию ряда прежних закономерностей (т.е. программ, матриц развития) и появление новых; меняются не отдельные команды, а целые блоки программ [1, с. 218]. Выделим отличия кризисов в социокультурных системах от систем сугубо природно-планетарных.

В первом случае особое значение приобретает способность общества осмыслить и понять ключевые аспекты кризиса, выработать новые институционально-правовые формы развития, а также использовать информационно-организационные методы регулирования массового поведения. Тем самым самопроизвольный характер кризиса не меняется, но смягчаются его острые формы, болезненные издержки. При этом осмысление и преодоление обществом кризисных процессов проходят весьма сложно. Так, властно-элитарные круги проясняют стратегию будущего развития, руководствуясь нередко своими интересами. Массы опираются на традиции, активные слои тяготеют к

не апробированным, часто чужим инновациям. Социальные нормы, жизненные запросы, моральные ценности в это время хаотичны, разбалансированы. Власть, СМИ, религиозные центры вынуждены прибегать к консолидации населения: корректировать новые траектории развития, смягчать социальные конфликты, помогать выжить низшим слоям. В это время высока роль политических лидеров, способных объединять население конструктивными целями и проектами будущего [2, с. 83-104].

Рассмотрим терминальную фазу кризиса капитализма, которая вынуждала верхние классы США – тайные структуры власти, новых политиков, банкиров, корпоратократию в целом – прояснять свои перспективы. После развала СССР двуполярный мир исчезает, создавая в международных связях стратегическую неопределенность. США, используя ситуацию, декларируют однополярный порядок со своим лидерством; при этом они считают капиталистический уклад истощенным, что ведет к появлению посткапитализма. Высшие слои начинают строить свое благополучие на глобальных связях в экономике, регулируя их политико-информационными методами, подчиняя своим интересам. Они готовы встретить сопротивление этно-национальных сообществ мира и обратить их протест в свою пользу.

Политики и бизнес-среда США внедряли неолиберальный проект вместе с государствами Западной Европы: переводили промышленность в слаборазвитые страны; у себя развивали сферу услуг, в т.ч. медийно-информационные сети; снижали объем среднего класса, расширяя низшие страты; урезали права, социальную поддержку граждан; увеличивали долю кадров из слаборазвитых стран и др. Ставились задачи целенаправленно разрушать не только традиционные структуры, но и культурные порядки Модерна, создавая хаотизированные реалии Постмодерна. Эта экстравагантная стратегия хаоса рождала новые локусы более обширного неблагополучия, вызывала сопротивление. Но в ответ усиливался контроль над своими правительствами и властью стран-сателлитов. При этом политтехнологи Запада еще активнее умножали повсюду хаотические формы через бизнес-связи, информационные сети с целью дерационализации сознания людей, ослабления когнитивной воли масс. В итоге был расчет на то, что многие слои примут перемены и станут работать за кусок хлеба.

Данные практики расширения хаоса и насаждения новых форм жизни стали современными несиловыми методами, с помощью которых высшие классы Запада могли в определенной мере влиять на разные сообщества, в т.ч. в своих странах. Управление массами стало осуществляться через масштабные аудитории компьютерных сетей, которые создавались бизнесом Запада в разных регионах мира. Потребители сетевой информации могли часами пребывать в виртуальном пространстве, развлекаясь с цифровыми симуляциями, общаясь с незнакомыми людьми, живущими в другом полушарии и т.п. Однако компьютерные практики это не только игры, искусство, персональные коммуникации; через них пропагандируются массовые социальные явления, внушается поведение, идеологические принципы, насаждаемые неолиберальным проектом в мире – открытое общество, протестные выступления, псевдорелигиозные секты, мультикультурализм, толерантность, субкультура геев, лесбиянок и др. Медийно-сетевые структуры создают информацию, выгодную скрытой власти, легальным политикам Запада, лидерам подвластных стран; она полна искаженными фактами, «мусорными» новостями, пристрастными оценками. Понять подлинную картину происходящего в регионах мира с ее помощью затруднительно. Такая информация подрывает национальные устои, религию, возбуждает недоверие аудитории к законной власти, усиливает оппозицию. Поэтому многие политики ограничивали работу западных сетей, либо вовсе не допускали их в информационное поле своих стран.

В этом контексте менялось также гуманитарно-философское познание Запада; научая среда по мере разрастания кризиса трансформировала программы своей деятельности. Укажем ряд признаков новой фазы эпистемологии, которую стали называть постнеклассической. Обновленная теория, вскрывая различия между разумной регуляцией общества и саморазвитием природно-планетарных процессов, возводит связь между ними к пониманию людьми реальности, к их мышлению, языку, воле, конструктивистским ценностям. При этом человек и предмет его анализа мыслятся во взаимодействии, как неразрывное единство. Но сам по себе окружающий мир, без человека остается для аналитика «пустым местом», как бы не существую. Такой фокусировке познания придается самостоятельная значимость, как способа кон-

струирования людьми любых форм реальности – субъективных или объективных. Научный анализ сосредоточен в основном на мышлении личности, на взаимодействиях и создании общих позиций между субъектами. Массам якобы безразлично, в чем отличие истины от заблуждения; им важнее знать, какие идеи «работают» в их среде, а какие «не работают», как сделать, чтобы они «заработали». Так, если все члены конфликтного сообщества станут воображать себя единой нацией, то это активизирует специалистов по госстроительству и цель будет достигнута.

Встает вопрос: не сводит ли ученый факты, причинно-следственные связи и т.п. к слабо упорядоченным действиям ума, подменяя реальность мышлением человека, его волей, конструктивистской фантазией? Эти осознанные и бессознательные компоненты всегда присутствуют в когнитивной деятельности; но они могут оставаться, как считал один из недавних политиков РФ, «нашими хотелками». Еще ранее Сталин выразил глубже аналогичный смысл: «Есть логика намерений и логика обстоятельств; логика обстоятельств сильнее логики намерений». Переоценивать мысль вождя тоже не следует; весь мир наблюдал, как он железной волей поправлял или ломал не всегда понятную людям логику обстоятельств, реализуя свои цели и опираясь на массы. Социализм, благодаря усилиям советских людей, стал реальностью, но коммунизм остался воображением классиков. Авторы данного анализа признают важность пропорций указанных когнитивных единиц, их соподчиненность, уместность в той или иной ситуации, их связей с поведением социальных слоев, ходом развития страны, цивилизации. Новые государства и нации одним массовым воображением не создаются; эти процессы у разных народов зависят от множества факторов и проходят неодинаково, требуя от граждан немало усилий, терпения, жертв. Даже границы государства, по мнению историка Н.М. Нарочницой, «скрепляются кровью»; воображение в этом случае может и повредить.

Вместе с тем на данной фазе научного познания исследователи признают, что формы жизненного опыта и культуры в неодинаковых средах не совпадают, а эмпирические наблюдения, традиции в разных сообществах принципиально не схожи. Также не валидны, но относительны (хотя и могут пересекаться) установки познания, когнитивные ценности, в т.ч. понимание истины, в разных научных школах,

теориях. В науке Запада возникает (как и в случае с кибернетикой) междисциплинарная область синергетика, изучающая самоорганизацию структур, в т.ч. фазы подъема, кризиса, перехода в открытых физических, химических системах, лишенных термодинамического равновесия. Немало аналитиков расширяют возможности синергетики, адаптируя ее методы к системам биологическим, социальным, духовным, хотя не все ученые считают эти шаги допустимыми [3].

Затронем связь между организационно-целевыми структурами науки и прикладными аспектами исследований. Динамика XX века выдвигала новые проблемы для изучения, вынуждая ученых менять парадигмальные установки анализа, поляризуя оценки происходящего, создавая неодинаковые прогнозы. Рассмотрим это на примере Римского клуба, созданного в конце 60-х гг. промышленной элитой Европы. Клуб заказывал авторитетным аналитикам доклады на острые темы, связанные с экономикой капитализма, с объемами потребления разных стран, с прогнозами исчерпания природных ресурсов мира. За 50 лет для широкой аудитории опубликован внушительный перечень докладов на английском языке, выходявших с небольшими сбоями каждый год. Ныне, осмысляя эти междисциплинарные темы, мы видим продвинутые для указанного времени методы их анализа (компьютерно-прогнозное моделирование и др.). В целом тематика докладов отразила попытки ученых осмыслить состояние природных ресурсов мира, перспективы кризисов, а также выживания разных сообществ в макрорегионах планеты. Подчеркнем, что авторы докладов придерживались европейских парадигм познания. Так, игнорировались факторы истощения природных ресурсов мира в последние сто лет; тем самым оставались без внимания массовые установки в странах Запада на высокие нормы потребления, жизненный комфорт; замалчивалась ключевая роль капиталистических верхов, действовавших ради своего обогащения и доминирования на планете. Говоря о странах Третьего мира, ученые поначалу рассматривали их возможности «устойчивого развития», сохранения «органической связи» с природой. Но проекты этих стран самостоятельно модернизировать свои хозяйства в клубе интереса не вызывали; зато одобрялись реформы под эгидой Запада, умеренные потребительские запросы населения, качественные, а не количественные сдвиги в их экономиках.

Ведущими в анализе у авторов клуба всегда были принципы вестернизаторской воли к власти, к преобразованию мира по своим лекалам; в ход шли европейские оценки: общинность/индивидуализм, научная истина/традиционное заблуждение, прогрессизм/отсталость и др. Сошлемся на доклад Э.Пестеля «За пределами роста» (1987), где изучалась возможность «органического» развития капиталистических экономик Запада, которые опирались уже не на традицию, а «на достижения науки и техники», включая микроэлектронику, биотехнологии, химические удобрения и др. Автор считал, что и в этом случае «органический рост» должен быть не чисто количественным, но качественным; однако прикладной аспект такого роста в странах Запада не прорабатывался; его конкретизация считалась делом ближайшего будущего. «Только выработав общую точку зрения по этим фундаментальным вопросам – а сделать это должны богатые и сильные страны – можно найти верную стратегию перехода к органическому росту, которую и передать потом партнерам на подсистемном уровне. Лишь тогда можно будет управлять мировой системой и управлять надёжно... [4, с. 13] Спорными выглядят и отвлеченные рекомендации президента клуба А. Печчеи. В докладе «Человеческие качества» (1980) он, учитывая «внешние пределы» природы, сосредоточен на «внутренних свойствах», которые каждый человек должен создать у себя по ходу освоения глобальных отношений. Это означало: человек обязан понять опасность предельной эксплуатации природы; во взаимодействии с ней он и сам будет совершенствоваться [5].

Развивая глобальные связи, бизнес и властные структуры Запада перемещали в Третий мир наукоемкие технологии производства, современные приемы возделывания почв, выращивания зерновых культур, фруктов, аналогичные практики в животноводстве в огромных масштабах. В итоге эти процессы ставили крест на «устойчивом развитии», на качественных результатах» экономики, ибо природа от такого натиска деградировала, атмосфера загрязнялась, почвы истощались, что вызывало мировой кризис в системах «общества-природа». При этом вскрывалась когнитивная беспомощность западного конструктивизма-рационализма. Радикальные выводы сделали в докладе к 50-летию клуба его сопредседатели Э. фон Вайцзеккер и А. Вийкман. Выводы демонстративно выражены в названии: «Шагай с нами!»: Капитализм, близорукость, население и разрушение

планеты» [6]. Этот алармизм отражает уже наше время, когда критика капитализма не требует особой отваги, ибо обвалы, тупики формации у всех на виду.

Затронем тему лидерства США в однополярном мире, которая прорабатывалась учеными разных философских школ, теоретических направлений западной науки. Нам важны аргументы, выводы о ситуациях кризиса в сложных сообществах (в т.ч. СССР/РФ), а также об их роли в развитии глобального мира. Аналитики связывали идею гегемонии США с протестантским мессианизмом англосаксов-переселенцев. После 1-ой мировой войны Американская Идея обновлялась политиками, магнатами, которых объединяли банкирские дома Рокфеллеров, Морганов. Эта среда по примеру английских элит создала неформальный «Совет по внешней политике» (CFR). Его члены – представители власти, высшие военные чины, банкиры, ученые – скрыто осмысливали внешнеполитическую стратегию США в XX в., нацеленную на лидерство Америки, как на своем материке (что выразила Доктрина Монро), так и в мире; этот шаг, по их мнению, позже создаст мировое правительство. Аналитики-неолибералы США (Г. Кисинджер, З. Бжезинский, Ф. Фукуяма и др.), опираясь на идеи CFR, доказывали, что распад социализма неизбежно ведет к созданию нового американского порядка. По их мнению, США имеют успешный опыт культурно-гражданской интеграции народов, рас, верующих; но эта мысль была спорной, как для основной части сограждан, так и для ученых Запада. Последние знали, сколь непредсказуема эволюция сверхсложных сообществ; среди них выживали единицы. Из глубин древнейшей истории ныне сохранились два таких цивилизационного сообщества – на Индостане индуистский тип с уникальной кастовой системой, в Китае имперский тип. Жизненный цикл империй Античности, Средних веков длился в среднем от 200 до 1000 лет. Русско-российское государство (княжества, вечевое самоуправление в период Древнего Киева, Московское царство, империя, СССР, РФ) со сложным составом населения и цивилизационной культурой ныне живет в начале 2-го тысячелетия. Колониальные империи Европы сохранялись 250-400 лет.

В этом ряду возраст США – 200 лет – назовем младенческим. Но в это время структура общества стремительно приобретала сверхсложные признаки, несовместимые по этно-расовым, культурным критериям. Вырастая из протестант-

ских корней цивилизации Европы, имея мало общего с ее романо-германскими, католическими народами, культура США изначально была новоатлантическим экспериментом. В ней усиливались такие черты английского общества, как высокое напряжение внутриэлитных распрей, поляризация верхов и низов, конфликт с древними народами (ирландцами, шотландцами) и растворение новых пришельцев с континента в английской нации, слабая роль в экономике земледелия, ограбление колоний, тяготение к морской торговле, рискованным формам банковского бизнеса и др. [7].

В итоге общество и культура США обрели неустойчивый характер. Их духовный потенциал опосредовался протестантскими традициями, упорством англосаксов, пониманием ими личной свободы, равноправия. Но в культуре не было стабилизирующей основы – адаптивной самоорганизации народов, способных ужиться и трудиться совместно. Англосаксы смотрели на индейцев, не желавших на них работать, как на «пустое место», уничтожая их или сгоняя в резервации; привезенные из Африки негры стали рабами на плантациях. В этих случаях отношения сторон были крайне враждебны. Позже общество размывалось выходцами из Европы, из стран мусульманской, дальневосточной, латиноамериканской цивилизаций. В середине XX в. в США появились аналитики-европейцы, распространяя идеи неомарксизма, мало совместимыми с протестантским духом. Ни один культурно-исторический тип, ни одно государство не могли бы консолидировать эти расовые диаспоры, цивилизационные конгломераты, идейные среды, произвольно собранные в стране и оставшихся чужими друг другу.

В 1960-90 гг. американские граждане уже вполне осознавали угрозы межрасовой неприязни, социальной и духовной поляризации общества. Этот факт мотивировал некоторых аналитиков-консерваторов скептически оценить заявку властей, элитных слоев на мировое доминирование. Известно, что научные среды Европы и США в середине XX в. активно интересовались теорией локальных цивилизаций. В США существовало Международное общество по их сравнительному изучению (ISCSC, USA); в нем российскую мысль выразил ученый русского зарубежья П.А. Сорокин, вместе с А. Тойнби создававший общество. Неудивительно, что проблеме американского порядка в мире мыслители-консерваторы США сочли возможным оспаривать, исходя из идей теории цивилизаций.

Так, в своих трудах 90-х гг. С. Хантингтон, критикуя возможность мировой гегемонии, уточнял: США, не будучи цивилизацией, сохраняют лишь ряд европейских корней; национальная самоидентичность заметной части граждан размыта, неустойчива, что вскрывают межрасовые конфликты. Эта идентичность может исчезнуть, т.к. генезисные пропорции структурного многообразия страны нарушены. Хантингтон был уверен, что союз США с Европой не упрочит их гегемонию, но ввергнет Запад в жесткий конфликт с миром. Сообщества других цивилизаций будут обновляться по-своему, обращая свои успехи против Запада [8]. Исходя из этих оснований, ученый считал, что доминирование США, лишенное прочных культурно-исторических предпосылок, станет конфликтным и кратким; история человечества не завершится; народы освоят иной тип войн – между цивилизациями. Аналитик первым назвал ведущими субъектами будущих перемен в мире не государства-нации, не формации, не политические силы, а саморегулирующиеся цивилизационные сообщества. В истории их роль оставалась в тени, но глобализм выдвинул их в центр общего развития, ибо в процессе эволюции они сохраняли устойчивость, духовный фундаментализм. Этот вывод отразил когнитивную догадку о будущем: на базе цивилизаций спонтанно появится многополярное человечество. Тем самым американская мысль, исходя из теории культурно-исторических типов, рожденной сто лет назад в России, сделала важный шаг – выработала идею возможности качественно иначе сбалансированного мира в XXI в.

Другой аналитик П.Дж. Бьюкенен задался целью прояснить причины падения общественного статуса потомков первых переселенцев (англосаксов, протестантов, белых), утраты ими чувства политической ответственности, морально-гражданского лидерства. Бьюкенен указал важный источник порождения этих процессов – неомарксизм, как политическая идеология и социальная теория. Пропаганда его идей нацеливалась на массовое сознание, на изменения в американской культуре: отвергались ценности семьи, насаждалась свобода сексуальных извращений, дехристианизировалась мораль, порицались традиции, история США. Помимо перечисленных сдвигов в сознании масс, неомарксисты деструктивно влияли на англосаксов, подвергая критике американский патриотизм, «белый расизм», пуританская мо-

раль и др. Этот вектор пропаганды против англосаксов находил понимание у афроамериканцев, «латиносов», мусульман и др. У самих же англосаксов рождалось «ощущение чужеродности, чувство безнадежности и отчаяния к родине, не заслуживающей любви и верности» [9]. Автор попытался сблизить анализ негативных ценностей в сознании и поведении англо-саксонской части граждан США (непрочная семья, низкая рождаемость, атеизм, аморальность и др.) с похожими издержками мировоззрения и поведения коренных жителей стран Западной Европы и русских граждан РФ в конце XX в.; эти параллели автор фиксировал, но не объяснял.

Труды названных ученых-консерваторов США критиковались на Западе. Следует признать эту критику отчасти верной. Их анализ был слабо теоретизирован; выводы нуждались в более тщательной проработке. Но и осмысление Хантингтоном американской идентичности, его видение будущего многополярного мира, а также эмпиризм Бьюкенена, сведение им разрушительных начал в стране лишь к неомарксизму, вскрывали главное: рост кризисных явлений в культуре США, неустойчивость государства. Оба автора также сумели показать важные признаки ослабления европейской цивилизации и лидерства стран Запада. Они предсказали бесславный итог американского порядка: желая приобрести мир, США потеряют самих себя. Мы же напомним закон теории культурно-исторических типов, выработанный русской мыслью XIX в.: претензия одной цивилизации на лидерство в мире, принудительно-силовые отношения с другими народами, внутренние конфликты неизбежно приведут ее к перенапряжению и деградации.

Распад СССР/создание РФ в фокусе мировых сдвигов и тайных замыслов. Анализ позволяет видеть, что страны капитализма и социализма завершали миллениум с нарастающими внутри противоречиями, внешними дисбалансами; на наш взгляд, это не было случайным. Часть этих процессов имела общие корни, которые в разных странах проявляли себя неодинаково. Государственно-политические и экономические модели социализма создавались в XX в., опираясь на общие основы – на парадигмальные представления гуманитарных наук Зап.Европы, на идеологический каркас марксизма XIX в. По Марксу экономика социализма должна неотвратимо вырастать из слабеющей экономики капитализма. Но многие социалистические страны не были до этого затронуты капитализмом, хотя в них так или иначе

внедрялись формы европейской динамики Нового времени. При этом в их культурах действовали укорененные народные матрицы и программы развития, о которых в Европе мало, что знали, считая народы отсталыми. Еще до распада СССР страны социализма изыскивали возможности более свободного, нежели в советской модели, выбора институциональных основ жизнедеятельности. Укажем на разные формы совмещения традиционных, социалистических, посткапиталистических программ в реформах Китая, Вьетнама; напомним об устойчивости самобытного социализма Северной Кореи, об издержках социализма и капитализма в Камбодже и др. Граждане бывших стран народной демократии, входили в Евросоюз с иными позициями, критикуя социализм и позитивно оценивая посткапитализм. Скажем еще об одной любопытной форме обновления. Лидеры разных государств – Японии, Южной Кореи, Швеции, Индии (Дж. Неру, И. Ганди), Египта, Исламской Республики Иран, Малайзии и др. - путем поиска и эксперимента создавали приемлемый для своих сообществ синтез структур социализма, капитализма и своих традиций; главными ориентирами были их население, история, культура, но не научные идеи Запада, не формации или уклады экономики других стран. В этих случаях мы видим модернизацию на базе полицивилизационного синтеза.

В СССР вопрос выбора новой стратегии обновления стал актуальным при генсеке КПСС Андропове Ю.В.; но сам он не успел ничего начать. Его замыслы, по мнению малочисленных мемуаристов, были радикальны, но эскизные, не прагматичны. Они и для нас ныне не выверены; надежные источники на этот счет мало известны. При генсеке КПСС Горбачеве М.С. и президенте РФ Ельцине Б.Н. эти темы обсуждались узким кругом ведущих политиков и их советников-либералов в звании докторов наук, академиков. Перемены в СССР/РФ осмыслялись опять же на келейных совещаниях, при игнорировании потенциала современных научных данных и демократических практик (свободы слова, опросов населения и др.), без понимания специфики российской цивилизации и новых видов обновления в разных странах. О политике этих деятелей, их спорных начинаниях известно гораздо больше; однако многое продолжает оставаться размытым, недостоверным, ибо советским и постсоветским правителям было, что скрывать.

Распад империи/СССР и создание РФ, как кризисная фаза российской цивилизации. Обрисованная выше ситуация в СССР/РФ вскрывала не только ослабление государства и властной вертикали, но кризис нашей цивилизации в целом. Ниже рассмотрим аналитические аспекты кризисных периодов культуры, к изучению которых вплотную подошли российские консерваторы XIX в. В СССР почти никто из ученых не мог сказать что-то внятное о кризисном потенциале общества, как цивилизационной системы; советская гуманитарная мысль не знала подобных тем, хотя понятие кризиса тех или иных сфер было в ходу. Опираясь на теорию цивилизаций, на синергетические представления, авторы анализа исходят из того, что кризисные процессы постоянно воспроизводятся в любой цивилизации, стране через саморегулирование всех сфер социально-культурной жизни. Одни опасные тенденции разрешаются спонтанно; другие затрагивают отдельные области, например, государственную сферу, межнациональные отношения и др. Кризисные проблемы не беспокоят общество, если в нем успешно развиваются ведущие сферы деятельности. Когда цивилизация и государство совмещены, как в России, или власти, общество долго не признают кризис, то он все же наступает, но уже в особо разрушительных формах. Если кризис охватывает важные пространства, сферы, аспекты культуры, то он обретает цивилизационный характер. В этом случае он выражен в больших масштабах, неизбежности, длительности, а при успешном его преодолении – в обновленных формах культурного развития.

Авторы считают, что каждая из ситуаций на стыке имперской/советской (1904-1927 гг.) и советской/постсоветской (1980-2000 гг.) стадии была проявлением цивилизационного кризиса. Выскажем более точное определение: это был единый кризис нашей цивилизации, состоявший из двух актов «исторической драмы». Между этими актами имел место и впечатляющий сталинский прорыв 30-40-х гг., который сохранил страну, придав современные черты цивилизационной динамике. Одним из важных предпосылок этого общего кризиса, по мнению авторов, была растущая устремленность высших, образованных страт империи/СССР к принудительным преобразованиям по стандартам или утопическим проектам Запада. Не оспаривая необходимости обновления стратегического развития любой страны, мы ставим

вопрос иначе: ради каких целей, какими методами, какой ценой и с какими итогами власть реализовала эти процессы обновления в нашем обществе. Хорват Ю. Крижанич, ученый-славянин, живший 17 лет в России в XVII в., наблюдавший раскол православия, эту устремленность верхов грубо назвал чужебесием – «бешеной любовью к чужим вещам, нравам, народам» [10]. Пушкин и Тютчев объясняли подобные позиции отсутствием у части соотечественников естественной любви к Родине. Вслед за поэтами проблему «европейничанья» осмысляли русские консерваторы XIX в. Включе теории они обосновали, во-первых, сложно-цивилизационный потенциал нашей культуры и государства, которым наделила нас через религиозный перво-импульс Византия, позже исчезнувшая цивилизационно-имперская система; Россия стала самостоятельной цивилизацией, созидаась трудолюбивыми, сплоченными сообществами Северной Евразии. Во-вторых, была обоснована неизбежность освоения научно-технического опыта Запада, который должен быть адаптирован к нашим условиям самими народами России; без такой адаптации государство слабеет, в обществе возникают конфликты, властные замыслы не реализуются. В-третьих, в ходе реформ власть и население должны укреплять российскую культуру, действуя заодно; народные массы синтезируют традиции с инновациями; власть придает синтезу институционально-правовую форму.

В начале 20-х гг. XX в. А.А. Богданов тоже доказывал неэффективность насилия и догматизма в преодолении кризисной разрухи; в этом деле важны сотрудничество, добрая воля властей, единение граждан. Ученый на языке системно-функциональной теории раскрывал те способы выхода из кризиса, которые интуитивно угадывали Данилевский, Страхов, Леонтьев и анализировали на базе своей теории. Однако власти империи/СССР позицию консерваторов и прогрессиста-методолога Богданова считали вздором, продолжая видеть в странах Европы образец мирового развития, а их прогнозы оценивали, как научные истины. В итоге имперские и советские лидеры попадали в западню, когда их социально-экономические реформы, «научно обоснованные» революции, взятые на Западе, приобретали в нашей стране новые формы, неожиданные последствия или отторгались населением, заводя государство в катастрофу.

Цивилизационный кризис СССР/РФ и когнитивно-метафизическое бессилие власти. В 1980-х гг. наше общество в

третий раз (после Петра I и большевиков), было подвергнуто мощному идейно-когнитивному погрому. На этот раз через отечественные СМИ на нашу аудиторию обрушились неолиберальные представления, в т.ч. цели, прогнозы, выдвигаемые американцами – рождение глобального однополярного мира, ослабление национальных государств, американский порядок, высокий уровень потребления и качества жизни в США и др. Через искусство, труды современных отечественных аналитиков-либералов началась новая фаза разоблачения авторитетов имперской власти, критиковался советский уклад жизни, а также политика Сталина. Особенно очернялась русская история, как нагромождение нелепых, никчемных событий, что было повтором идей Радищева, Чаадаева, а также первых советских руководителей.

Идейно-познавательная разгерметизация советского марксизма шла столь стремительно, что общество оказалось не готовым адекватно уяснить неолиберальные ценности и замыслы США. Многим гражданам американская идеология поначалу казалась верной, ибо заключала знакомые идеи марксизма об упразднении государств, наций и т.п. Без долгих размышлений молодежь, некоторые слои интеллигенции, высокопоставленные властные круги принимали американский прагматизм, потребительские ценности, идею мирового лидерства США, видя в обществе за океаном чуть ли ни земной рай. Мало, кто из граждан мог предполагать подлинную суть и последствия того, что именно обрушивалось на общество при Горбачеве и Ельцине, когда в стране росло число техногенных катастроф, ширились межэтнические вооруженные столкновения, партийные деятели отрекались от недавнего прошлого. Массовое внимание умирающего советского общества привычно фокусировалось на «прогрессивных» аспектах развития, сближавших страну с Западом.

Скажем о кризисных факторах, которые умножались в обществе в силу деформации процессов познания у политического руководства, партноменклатуры. Как показано выше, для советских элит еще со времен Брежнева было явным банкротство основных целей и когнитивно-метафизических принципов марксизма. Но что взамен? К рубежу миллениумов в этих средах напрочь были утрачены те глубинные смыслы государственного бытия Руси/Московии/России, которые закладывались предками, а затем обновлялись, как устойчивый фундамент политики и народных форм жизни. Речь идет о со-

хранении русско-российским государством чистоты православия, о предназначении верховной власти руководствоваться само-дер-жавием православного духа; консолидировать разные сообщества России на базе их культур, верований, гражданского единства, русской среды; опираться на моральную ответственность перед населением, сохраняя с ним общие интересы. Напомним, что правители СССР в 20-х гг. принципиально дистанцировались от этих российских ценностей и целей развития, считая историческую Россию «тюрьмой народов», образцом отсталости. В этой ситуации рождено сопротивление масс «классовому» террору большевиков. Кронштадтский мятеж, крестьянские, этно-региональные восстания были по сути механизмами цивилизационной самоадаптации, вынуждая власть считаться с народом. В то время эти тенденции интуитивно ухватил Сталин, меняя внутреннюю политику в нужном ключе.

Беспомощность перед кризисом в немалой мере была присуща, как советским, так и поздне-имперским правителям. И те, и другие уклонялись от признания глубинных целей и духовных смыслов отечественной государственности. Те и другие видели в лице Запада мирового лидера, которого наше общество должно догнать по ведущим параметрам развития. Сам же Запад считал целью разрушение империи/СССР, освоение российских ресурсов, в т.ч. трудовых. В этом расхождении оценок Запада имперскими, советскими правителями, с одной стороны, а также деструктивных целей в адрес нашей страны западных элит, с другой, состоит роковая и неразрешимая амбивалентность, которая дважды за последние 100 лет определяла крушение и воссоздание нашего государства.

Подавляющая часть политиков, пропагандистов, ученых позднего СССР не знали об этих подспудных закономерностях, о кризисных связях между этатизмом и культурой, хотя богословы, философы, народные мудрецы по-своему размышляли над разными их аспектами с древних времен. Преемники Сталина во власти и постсоветские политики не были знакомы с этими закономерностями кризиса, но узнав, не признали бы их всерьез; они были уверены, что главное для сохранения страны – договориться с Западом. Отечественные элиты стали смотреть на сограждан в фокусе американского сознания; но это лишь усугубляло дело, так же, как и у либералов империи в период русских революций.

Между тем далеко не все «прогрессивные» заимствования, ценностно-смысловые нормы мышления западного типа успешно вписывались в российскую цивилизацию. В итоге не срабатывали механизмы мутаций, культурного синтеза европейских новшеств и имперской/советской среды. В 80-90-х гг. таких западных норм деятельности, принципов познания, незавершенных по совместимости с русско-российской культурой было аккумулировано в обществе огромное множество – утилитарно-хозяйственное отношение к природе; принцип материализма в понимании общества, человека; атеизм; политика разрушения этнических традиций и др. Этот незавершенный до синтеза материал мог оставаться пассивным, но был способен быстро оживать, рождая спады развития, вызывая общественные катаклизмы. В этих случаях кризисные тенденции стремительно синхронизировались; осколки и части чуждых друг другу программ создавали неразрешимые коллизии, тупиковые противоречия. Все это разрушало разные сферы деятельности, в чем и проявлялся цивилизационный кризис.

Укажем на реформы М.С. Горбачева 1985-1991 гг., механически совмещавшие внедрение рыночных отношений Запада и улучшение социалистических методов регулирования экономики через план. За исключением краткого периода НЭПа и спорадической опоры на кооперативы у СССР не было осознанного опыта интеграции столь разных управленческих способов хозяйствования. Реформы были не сбалансированы по типам хозяйственно-политических целей, по соотношению их с традициями народов, с советскими нормами, с механизмами капиталистического рынка. Власть стремительно пришла к краху. Напомним о нежизнеспособном конгломерате Госагропрома СССР, который стал апофеозом бессилия государственной практики реформ, дисквалификации бюрократии этого времени.

Высшая власть СССР/РФ как объект информационно-политического манипулирования извне. Выделим еще один тип кризисных факторов, который своеобразно учитывали наши правители: безуспешно боролись с ним в основном правовыми запретами. Данный фактор и ныне во многом замалчивается, остается мало изученным; наши неолибералы считают эту проблему спекулятивно-конспирологическим вымыслом. Однако, этот фактор издавна принимали всерьез правители, дипломаты, работники сфер государственной, военной безопасности. В нашей стране он связан с особым вни-

манием правящих сил Запада к имперской власти, позже к советской номенклатуре и массовой аудитории СССР. Силы Запада, располагая властью, ресурсами, волей, уже в начале XIX в. ставили целью особо влиять на российскую элиту или на оппозицию, с тем, чтобы разными способами изменять их сознание и поведение в нужном ключе. Запад пытался создать оппозицию и в СССР. Но при Сталине это было невозможно из-за «железного занавеса», идейного контроля над обществом. Вождь был весьма суровым и пронизательным человеком; в ходе международных контактов он нередко сам подчинял своему влиянию деятелей иностранных государств. Однако и Сталин ошибался, полагая, что идейно-информационный герметизм, изоляция общества от своего цивилизационно-познавательного наследия, позволит партии эффективно воспитывать новые поколения в духе преданности советскому марксизму, социализму.

Духовно-когнитивная изоляция в итоге привела общество к обратным результатам; данный период стал временем, когда она разрушалась и советские граждане начали осваивать зарубежную информацию, когда народы страны потянулись к своему прошлому. Стало очевидным, что у партийной элиты, интеллигенции, массовых слоев в советское время были деформированы этнические стереотипы познания; у них также трудно шло развитие навыков адекватного реагирования на современные реалии жизни. В этих условиях советский марксизм, отторгаясь, как метод познания, все же быстро не исчезал. Он оставался в разных слоях способом понимания привычных ситуаций, или наоборот – сложных новых процессов; нередко его стереотипы произвольно объединялись с современными идеями. Примечательно, что постулаты Запада о глобализации и доминировании США часть советских людей некритично восприняла в духе Маркса, как неизбежные истматовские законы глобального мира. В итоге когнитивная активность обрела характер нерелевантности, неоправданных семанτικο-аналитических сближений и отрицаний, хаотизированную динамику в разных средах, в т.ч. во властно-политических кругах.

Для политических сил Запада, особенно для спецслужб, советологов, тайной власти, это время в СССР стало наиболее благоприятным для их замыслов по деформации советского и российского сознания и, в конечном итоге, по развалу страны. Стратегия и тактика развала разрабатывались в США с конца 40-х гг. авторами Гарвардского проекта, затем

Хьюстонского исследования, которые изучали советское общество с помощью методов истории, политологии, социологии (путем опросов «перемещенных лиц») и др. Подчеркнем: в общественных процессах СССР/РФ 80-90-х гг. немаловажную тайную роль играли профессионалы США – политики, журналисты, политтехнологи, агенты спецслужб, дипломаты. При этом американцы важное значение придавали контактам с руководством КПСС, отчасти с экономической, этнической элитой. Западным политикам на базе соглашений в Хельсинки тогда же удалось убедить Брежнева смягчить идейную борьбу с капитализмом, дать возможность интеллигенции, этническим кругам публично выражать свои взгляды. В 80-е гг. политики США и стран Европы уже отводили диссидентам, художникам, журналистам, ученым роль своих посредников для работы с массовой советской аудиторией. У представителей этих слоев исподволь создавалась готовность принять глобальную зависимость СССР от Запада и в соответствии с этим действовать в профессиональной сфере. Через пропагандистские каналы, СМИ, через научные издания, учреждения культуры вначале была умеренная, потом все более яростная критика советского общества, марксистской идеологии.

С середины 80-х гг. научные институты СССР уже оказывали помощь зарубежным ученым, проводившим международный анализ с привлечением советских материалов и населения для опросов; однако, тематика, цели, методология исследований, как правило, создавались без участия наших аналитиков. Также отбирались молодые специалисты, в т.ч. в сфере управления, экономики, для стажировки в научных центрах Запада. Так, летом 1991 г. группа экономистов – П. Авен, А. Шохин, А. Чубайс, А. Улюкаев и др. – прошла стажировку в Австрии по программе International Visitor Leadership Program (IVLP) Госдепа США. Эти фигуры в глазах населения СССР вскоре станут ведущими организаторами передачи общественной собственности в частные руки. Все эти факты говорят о том, что по ходу 80-х гг. в нашем обществе под эгидой демократизации и разрядки велась отчасти открытая, а во многом тайная работа западных кураторов по отбору советских претендентов на роль политиков, крупных собственников, работников СМИ ближайшего будущего [10].

На Западе в конце XX в. были наработаны шаблоны регулирования политических процессов (в т.ч. государствен-

ных переворотов) с помощью перформансов, организованных по типу представления-зрелища в жизненном контексте [12]. Эксперты по политическим переворотам могли бы заключить, что американские организаторы, завершая к концу 80-х гг. предварительный этап подготовки развала СССР, начинали его итоговую стадию. На ней были задействованы три группы представителей высшей власти страны и их сторонники: лидер СССР М. Горбачев; он готов был сохранить страну и социализм без КПСС на базе нового союзного договора; лидер РСФСР Б. Ельцин, предполагавший расчленение СССР и радикальное преобразование России через установление демократии и капитализма; группа высших правительственных чинов, вошедших в состав ГКЧП, сторонников сохранения СССР с руководящей ролью КПСС. Оправданием переворота было ключевое событие, которое делало бы развал страны неизбежным итогом в оценке общества. По скрытому замыслу это событие обрекало Горбачева и членов ГКЧП на роль беспомощных, злонамеренных неудачников. Роль спасителя отечества в событии отводилась Ельцину, как новому демократическому лидеру. Когда ГКЧП ввел в августе 1991 г. войска в столицу, выступая против подписания союзного договора, тайные организаторы вывели на улицы Москвы тысячи протестантов, выступавших за Ельцина. Ни Горбачеву, ни членам ГКЧП в голову не пришло обратиться к гражданам о поддержке своих позиций. Для несведущей массовой аудитории страны телетрансляция подавала это событие в столице (включая гибель нескольких демонстрантов) весьма убедительно, как победу демократов.

Закljučая данный раздел эпизодом «мятеж в высших эшелонах власти», после которого развал СССР становился необратимым, авторы анализа вовсе не хотели бы одобрять действия одних участников события и осуждать поведение других. В то время эта ситуация была весьма неожиданной для советских граждан и запутанной для многих политиков, хотя со временем она во многом прояснялась. Ныне, опираясь на официальные документы, выступления участников и последующий распад СССР, аналитики могут с высокой долей вероятности говорить о позициях этих трех политических групп: во-первых, об адекватности их понимания кризиса в СССР, во-вторых, о грядущих формах государственно-политического развития страны, которые предлагались обществу каждой из групп.

Относительно первого вопроса скажем: происходящий кризис все участники публично обосновывали узкой логикой и абстрактными принципами советского марксизма и неоллиберальной мысли. Эта мешанина аналитических оценок в итоге сводила кризис к банально понятой экономике, политике, к поверхностно толкуемым социальным связям. Начавшиеся вскоре процессы распада СССР показали, насколько сложными и трагическими для граждан стали кризисные обстоятельства и результаты, разрушавшие все стороны развития государства, общества, отечественной культуры. Второй вопрос о будущем страны выглядит у всех трех групп еще более неубедительным. Так, Ельцин, оправдывал в выступлениях переход России к капитализму тем, что его реформы объединят в себе установки на американский динамизм развития с нормами социальной защищенности граждан при социализме. В «Обращении к советскому народу» группа ГКЧП не сообщала о своих целях на будущее ничего нового, что бы задело граждан за живое; все было, как в планах КПСС: повысить объемы производства продовольствия, сделать доступным покупку жилья и др. Завершая анализ «ключевого события», авторы не осветили один важный аспект государственной катастрофы, который начал будоражить наших граждан сразу после распада страны: почему в поединке США и СССР, когда оба государства одинаково боролись с кризисом, американские политики и ЦРУ одержали победу над советской партноменклатурой и КГБ? Этот, на первый взгляд, наивный вопрос, имеет глубокую теоретическую основу. Авторы пытаются ответить на него в следующем номере.

Литература

1. Анатомия кризисов / А.Д. Арманд и др. М.: Наука. 2000, с.4; Богданов А.А. Тектология. Кн.2. М.: 1989. С.218.
2. Арманд А.Д. Жизнь на земле и человеческая культура // Анатомия кризисов. С. 83-104.
3. Князева Е.Н. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», И. Т. Касавин, 2009.
4. Пестель Э. За пределами роста. М.: 1988, С. 13.
5. Печчеи А. Человеческие качества. М.: 1985.
6. Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2017
7. Вернадский И.В., Вандам А.Е., Фурсов А.И. Русские о главном противнике. М.: 2022
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: 2003; Он же. Кто мы: вызов американской национальной идентичности. М. :АСТ. 2004.

9. Бьюкенен П. Смерть Запада / Пер.с англ. М.: 2003. С.117.
10. Крижанич Ю. Политика. М.: 1965.
11. Шафаревич И.Р. Была ли «перестройка» акцией ЦРУ? // Наш современник, 1995, № 7.
12. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. М.: 2011.

G.A. AVANESOVA

Doctor of Philosophy, Professor, expert of the Center “Civil Society and Social Communications” (UNESCO Chair) of the RANEPa under the President of the Russian Federation

A.V. MIRONOV

Doctor of Social Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education, Honorary Worker of the Higher Education Institution of the Russian Federation

Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries)

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia’s interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

Keyword: *epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Postmodern period.*

Literature

1. Anatomy of crises / A.D., Armand et al. M.: Nauka. 2000, p.4; Bogdanov A.A. Tectology. Book 2. M.: 1989. P.218.
2. Armand A.D. Life on earth and human culture // Anatomy of crises. Ss.83-104.
3. Knyazeva E. N. Encyclopedia of epistemology and Philosophy of Science. – M.: "Canon +", ROOI "Rehabilitation", I. T. Kasavin, 2009.
4. Pestel E. Beyond Growth. M.: 1988, p. 13.
5. Pechchei A. Human qualities. M.: 1985.
6. Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2017.
7. Vernadsky I.V., Vandam A.E., Fursov A.I. Russians about the main enemy. Moscow: 2022.
8. Huntington S. The Clash of Civilizations. M.: 2003; He. Who are we: the Challenge of American national identity. Moscow:AST. 2004.
9. Buchanan P. Death of the West / translated from English M.: 2003. P.117.
10. Krizhanich Y. Politics. M.: 1965.
11. Shafarevich I.R. Was "perestroika" a CIA action? // Nash sovremennik, 1995, No. 7.
12. Domanska E. Performative turn in modern humanitarian knowledge // Ways of comprehending the past. Moscow: 2011.

Продолжение следует

П.А. ЗАКЛИНСКИЙ
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры культурологии
Московского педагогического
государственного университета*
E-mail: zaklinsky@yandex.ru

Философия разрушения

В статье рассматривается проблема деструктивной деятельности как объекта философского осмысления. Понятия зла, страха, деструкции и глобального разрушения становятся сегодня все более и более определяющими отношение человечества к происходящим в мире событиям. Общая тенденция разрушения существующего течения жизни делает эти события предметом специального рассмотрения и философского анализа. Особое внимание уделяется причинам деструктивной деятельности, которые постепенно перестают быть случайными и переходят в разряд «созидающих» отдельный вид деятельности, имеющей цели, задачи, мотивацию и ориентированной на оценку удовлетворенности или неудовлетворенности результатом. Проблема несовместимости зла и прекрасного как эстетической категории получает в современных условиях новый разворот: кардинально изменившиеся реалии делают необходимой рефлексию над понятиями, прежде не подлежавшими обсуждению.

Ключевые слова: созидание, разрушение, зло, страх, тревога, деструкция.

Долго ли человечество шло к тому, чтобы понятия зла, страха, деструкции, глобального разрушения стали «жизнеобразующими»? Ответ мы знаем давно: оно шло к этому всю жизнь... Если за последние 3400 лет войны не было только в 243 году [3, с.34], понятно, что на пути «жизнеобразующего разрушения» человечество достаточно опытно... И этот опыт ничуть не повергает его в уныние при полном осознании всей пагубности происходящего. Невольно вспоминается фраза Ю.М. Лотмана, сказанная им в одной из его «Бесед о культуре» при воспоминании о собственном прошлом: «Вы знаете, а воевать – весело!» Неужели это не горькая ирония, а правда?!... И, что греха таить, история человечества изо всех сил старается подтвердить эту ужасную мысль.

На пути взросления и совершенствования земной цивилизации случалось всякое, но абсолютно неизменным оставалось одно: человечество постоянно строило, чтобы потом разрушать. Причем, чем изысканнее постройка (а следовательно, – чем совершеннее чувство прекрасного), тем она слабее и беззащитнее: уничтожить первобытный кромлех не так интересно, как Парфенон...

Многовековой опыт деструктивной деятельности позволяет теперь даже классифицировать разрушения по видам и, при чем, отнюдь не надуманно. Взгляните. Совершенно очевидно, что разрушение бывает умышленное (целенаправленное) и неумышленное, саморазрушение, происходящее изнутри, внешнее «самотечное» (разрушение временем), которое вполне возможно остановить, неуправляемое (под воздействием стихии), которое, к сожалению, не остановишь. Как ни парадоксально, но разрушение может быть даже «созидающим», когда происходит разрушение старого путем создания нового. Думаю, это не весь видовой список, что само по себе очень печально.

Разрушение порождает два сходных на первый взгляд чувства – страх и тревогу. Но это, как правило, у наблюдателя. А испытывает ли их разрушитель?! Однако сначала разберемся с разницей.

Понятия страха и тревоги обозначают не только не одни и те же, но даже отнюдь не сходные чувства. Страх всегда предметен: ты знаешь, чего или кого боишься, а потому для его исчезновения достаточно устранить причину. Тревога же тем и опасна, что у нее предмета нет... «Тревожно как-то», – говорит человек в таком состоянии, и от неопределенности ему становится еще хуже. С высоты прошедших веков причины некоторых тревожных состояний определить можно. Так, например, состояние тревоги порождает эпоха, предшествующая смене общественно-экономической формации, когда внешне вроде бы ничего не меняется, но становится неуютно жить. Но это – «с высоты прошедших веков», сам же очевидец событий этой причины не чувствует.

Неясность причин порождает непредсказуемость следствий. Именно в таких состояниях совершаются безрассудные поступки, большинство из которых сопровождается фразами типа «будь, что будет», поскольку в данный момент нить жизни потеряна.

Однако это – как бы «пассивные» страх и тревога, испытываемые человеком под каким-то внешним воздействием. А ис-

пытывает ли эти чувства действующий человек, совершающий деструктивный поступок?! Как ни странно, казалось бы, но скорее всего – нет... И, хотя страх исторически первичен (даже Адам – сперва испугался, и лишь потом устыдился) [2], все зависит от источников и движущих сил разрушения. Даже если вспомнить незамысловатую классификацию М.А. Бакунина, то он выделял всего два вида источников и движущих сил разрушения: пафос разрушения (когда он является единственной мотивировкой) и упоение от разрушения (когда оно – единственная награда, перевешивающая все жертвы) [1], становится ясно, что суть их одна – «торжество» разрушения, а торжество не может сообщать страх творящему.

Значит, деструктивная деятельность сама по себе, порождая положительные эмоции «торжества» происходящего, может быть самостоятельным действием по созданию особым образом организованного пространства – «пространства разрушения» как области действия и как системы нового (по отношению к «старому» – до разрушения) миропорядка. А следовательно, создание «нового миропорядка» – деятельность созидающая?...

Размышления над этим повисающим в воздухе вопросом, ответ на который, исходя из логики, положительный, но вместе с тем, каждому ясно, что на деле это не так, заставляют задуматься над тем, как зависят пристрастие к разрушению и ощущения от него от уровня культуры и степени образованности действующих лиц. История дает нам такую возможность. Нет необходимости объяснять и обосновывать точку зрения многих историков на то, что уровень развития средневековой Европы эпохи крестовых походов был явно выше азиатского времен господства Золотой Орды. Однако крестоносцами их благородная цель – отвоевать Гроб Господень у неверных – лишь декларировалась. Более того, под ее прикрытием и во имя ее достижения творились бесчинства и разрушения в изрядном количестве (и это – мягко сказано!). И все только потому, что, по их мнению, исповедующие любую другую религию, кроме христианства, а особенно, мусульмане – не достойны были называться людьми, и уж тем более, не достойны Божьего благословения. Эта идея, абсолютно не приемлемая для цивилизованного человечества, но вполне обычная в те времена, не была чужда и азиатскому менталитету. Монголо-татарское нашествие и иго – тому подтвержде-

ние. Отличие в результатах реализации этой позиции в данном случае лишь одно – более низкая культура не может причинить более высокой никаких бедствий, кроме механических разрушений и подчинения силе, не может «растворить» более высокую культуру в себе, тем самым прекратив ее самостоятельное существование. Завоевательная же политика более высокой культуры многократно опаснее, поскольку она легко может сделать то, что не под силу более низко развитой культуре. Однако мы на мгновение отвлеклись от изначального вопроса... зависят ли от уровня развития культуры действия самого разрушителя? Если бы не было возможности сравнить описанные только что события, ответ был бы однозначен – да. Действия монголо-татар (разрушали, жгли, грабили и убивали) были бы как бы подтверждением того, что их интеллект на большее не способен. Но когда есть возможность сравнить, как в данном случае, возникает вопрос: а почему крестоносцы делали то же самое? Ответ очевиден: пристрастие к разрушению и наслаждение им зависит не от культуры, а от культурности – качества, говорящего о наличии или отсутствии культуры в конкретном человеке. Европейское Средневековье, создавшее готику и имевшее в потенциале возрожденческие идеалы, не могло заставить каждого конкретного человека стать лучше, ибо усвоить что-либо или не усвоить, решает он сам. Содержание общественного сознания определяется общественно-экономическая формация, поэтому, например, в голове человека феодальной эпохи не могут появиться капиталистические идеи по определению, но и представления, нормы и традиции современной тебе эпохи могут не изменить тебя, если ты этого не захочешь. Поэтому деструктивная деятельность, к сожалению, «универсальна», и разрушители могут существовать на любой стадии общественного развития.

Памятуя о классификации М.А. Бакунина, не лишним будет задуматься над тем, вкладывается ли в разрушение какой-то смысл или это просто «упоение от разрушения»? Из недавних примеров наипростейший – уничтожение террористами памятников Пальмиры, – какой смысл в этом? Синкретичное сознание классического Востока, который мы называем ближним (в отличие от неклассического – дальнего (Индия, Китай, Япония)), а вернее, носители этого сознания, дали много примеров поведения, которое дает основания усомниться в понимании ими ценности древних артефактов, принадлежащих их культуре. Достаточно вспомнить, как

египтяне спокойно смотрели на вывоз археологических находок в начале XX века или странное (на взгляд европейца) отношение к своим же музеям древностей чуть позже (когда практически бесконтрольный вывоз был все-таки запрещен): наблюдая интерес к этому европейцев, музеи они создавали, но сами в них не ходили, искренне не понимая, что там можно смотреть. В свете этого есть основания предполагать, что древняя Пальмира, например, пала жертвой жгучего желания боевиков разрушить объекты, ценные для европейских освободителей. Вряд ли они стали бы лишать самих себя великого прошлого, если бы понимали его ценность именно для своей собственной культуры. Правда для этого необходимо, как минимум чувство прекрасного, существование которого порождает одно из серьезнейших противоречий: в конкретном проявлении оно несоединимо со злом, но в глобальном, всемирном масштабе, оно существует (как явление) и отнюдь не мешает человечеству постоянно воевать в течение всех 10-ти тысяч лет своего цивилизованного существования.

И последнее, на что следовало бы обратить внимание, это феномен соединения, казалось бы, совершенно несоединимых вещей – жестокости и ранимости. Разумеется, – как качеств конкретного человека. Чувственность и ранимость не побеждают зло, но иногда заставляют его ужасаться (в том числе, в себе). Известные всем «Синодики» Ивана Грозного – тому подтверждение. Нет сомнений в том, что по прошествии самого кратчайшего промежутка времени их содержание становилось для автора предметом гордости, но в момент создания очередного списка жертв грозный царь не был ли искренне расстроен случившимся?... Потом печаль уходит, и зло возвращается, а носитель зла бичует себя за слабость. И повисает вопрос: это – ложная чувственность или просто зло сильнее?

Вопрос о зле и причинах его существования имеет разные ответы. Для верующих – Бог допускает существование зла в педагогических целях, для нерелигиозных людей оно суть требование прозрения человечества. Прозрения, разумеется, не физического, а того, которое, кстати, упомянуто еще в библейских текстах: «прозревшая» от вкушения запретного плода Ева до этого каким-то образом «...увидела...», что дерево хорошо для пищи». Значит, это была не физическая слепота. Весь вопрос в том, доживет ли человечество до прозрения?...

Литература

1. Бакунин М.А. Государственность и анархия. – М.: АСТ, 2019.
2. Библия. – М., 2014.
3. Свендсен Л. Философия зла. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.

P.A. ZAKLINSKY

**Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies
Moscow Pedagogical State University**

Philosophy of destruction

The article deals with the problem of destructive activity as an object of philosophical understanding. The concepts of evil, fear, destruction and global destruction are becoming more and more defining the attitude of humanity to the events taking place in the world today. The general tendency to destroy the existing flow of life makes these events the subject of special consideration and philosophical analysis. Special attention is paid to the causes of destructive activity, which gradually cease to be accidental and become a separate type of activity that has goals, objectives, motivation and is focused on assessing satisfaction or dissatisfaction with the result. The problem of incompatibility of evil and beauty as an aesthetic category receives a new turn in modern conditions: radically changed realities make it necessary to reflect on concepts that were not previously subject to discussion.

Keyword: creation, destruction, evil, fear, anxiety, destruction.

Literature

1. Bakunin M.A. Statehood and Anarchy. – М.: AST, 2019.
2. The Bible. – М., 2014.
3. Svendsen L. Philosophy of Evil. – М.: Progress-Tradition, 2008.

И.Р. АЛЬМУХАМЕТОВ
Директор Башкирского государственного
театра оперы и балета
E-mail: ilmar1971@mail.ru

Философия

как проявление абсолюта

В статье дается определение философии как субъективно-человеческого и социального проявление абсолюта в единстве хаоса (трансцендента) и порядка (природы).

Ключевые слова: философия, абсолют, трансцендент, природа, хаос, логос.

Понимание и определение философии всегда находилась в эпицентре философских дискуссий. Истинность этих дефиниций во все времена и во всех концепциях считалась одним из важнейших ценностей и требований. Во многих авторских философских построениях можно найти утверждения, что философия не наука и не религия, не искусство и не мировоззренческое учение, не логико-методологический и не моральный императив, не ценностные догматы, и не идеалы жизни и т.д. Такая позиция предшествует собственной трактовке философии, с оговоркой, что все отрицаемые моменты присутствуют в любом философском учении. Мы не станем уходить далеко от этой уже становящейся банальностью традиции, чтобы предложить еще один вариант своей трактовки понимания философии:

а) Любомудрие, как называли иногда русские мыслители философию, есть нечто субъективное, интеллектуально-эмоциональное творчество человека: результат работы левого и правого полушарий мозга, выдумка, сочинение, для обывателя во многих отношениях никому ненужный бред

б) Так или иначе, чем бы она, философия, не была, она есть и существует как факт и феномен общественной жизни в мыслях и делах, словах и чувствах людей. Независимо от структуры и целей сочинителей философия остается размышлением о мироздании, социальном бытии, о смысле и цели жизни каждого отдельного человека. И в такой роли лю-

бомудрие служит и инструментом переустройства социальной действительности. Хотя все философские концепции рождаются в голове конкретной личности и являются субъективной реальностью, они вместе с этим человеком есть продукт и элемент исторического уровня развития общества. Философия есть часть социума. Философ со своим учением есть неотъемлемая часть материальной и духовной социальной действительности. Любое философское построение есть часть общественного бытия. Философская рефлексия эти моменты знает и учитывает, но на этом бытие философии и как субъективной реальности, и как социального факта не заканчивается.

в) Цепочка нашего построения продолжается: философия есть субъективная реальность. Шаг первый. Философия есть часть общественного бытия. Шаг второй. Но общество как совокупность людей, объединенных между собой тысячами различных отношений и связей, в своем развитии на векторе времени образуют особую пространственную часть природы, на плоскости которой хранятся и происходят бесчисленные перипетии истории. И в недрах, глубинах природы задолго до порождения на планете Земля разумного существа потенциально присутствует потенция бытия любомудрия и как социального, и как духовного феномена. Трюизм: если бы в недрах мироздания не была бы заложена эта философская потенция, ее бы не было. В «генетическом коде» мироустройства содержится и будущее бытия космоса, порожденного из материального и духовного хаоса абсолюта, и природы, каким познает ее человек, и социума, и отдельных интеллектуально-эмоциональных индивидов, и части их духовного бытия – любомудрия. Такой «код» содержит возможность не только порождения подобного подобным, но и развитие порожденного с инновациями и мутациями. В бытии природы потенциально заложено будущее человечество со всеми флуктуациями и трансформациями, а в бытии гомо сапиенс содержится возможность интеллектуально-эмоциональной конструкции, называемой нами философией, или любомудрием. Принцип антропности, как мы считаем, предполагает не только бытие человека как такового, но и конкретные «коды» форм его духовности.

Цепочка наша теперь выглядит так: философия есть субъективная реальность, часть жизни человека, сегмент общественного бытия, элемент природы.

г) Дальнейшее восхождение, или углубление в недра мироздания, позволяет нам перейти к рассмотрению природы как части мироустройства, космоса. Если без деталей, мы принимаем далее представление двух авторов В.С. Хазиева и Е.В.Хазиевой, которые подразделяют мироздание на три «ипостаси»: природа, трансцендент, абсолют: «Абсолют – это понятие, которым мы обозначаем мироустройство как абстрактное всеобщее целое в единстве двух его конкретных частей: природы и трансцендента»[4,с.8]. Природа то, что античные мыслители обозначали как «логос», т.е. упорядоченная часть хаоса. В нашей системе понятий это – трансцендент. Абсолют представляет единое целое природы и трансцендента, логоса и хаоса. Еще одна цитата из указанной выше книги. «Но почему абсурд (хаос) не имеет право на существование?! Мы как раз будем доказывать, что не только хаос, но и реальность со своей структурой, не похожей на природный логос, имеет право на существование...

Абсурд как наддиалектический (сплошь антиномичный) стиль мышления соответствует «логике» хаоса, которую для ясности мы будем называть «хаикой». Если логика – это учение о правильном мышлении о естественном порядке вещей (космосе), то хаика – это учение о правильном мышлении о сверхъестественном порядке вещей (хаосе)...» [4, с.7]. Хаика – это своеобразная «логика» хаоса, представляющая собой «порядок» Трансцендента. Абсолют, таким образом, есть целостное единство космоса и хаоса.

Выше мы дошли до утверждения, что философия вместе с обществом мыслящих людей есть часть природы, а природа есть упорядоченная часть Трансцендента, то должны сделать следующий шаг --- любомудрие, или философия, предпослана Трансцендентом. Поэтому нет ничего удивительного в упреках философии, что она кроме научного рационализма содержит еще и массу таких объектов, которым подступает частично лишь иррационализм. Есть и фрагменты, которые надо принимать, как и догмы религии – на веру. К слову, когда мы говорили, что философия – это интеллектуально-эмоциональное мышление (продукт левого и правого полушарий головного мозга), в этом утверждении имплицитно содержалось признание за философией права добывать свои истины и нерациональными способами и формами постижения людьми мира, в котором они живут. Наука, мораль, искусство, религия, эзотерические методы познания – все они со своими специфическими способами

познания трансцендента и природы (= абсолюта) есть одна семья философии. Любомудрие в гносеологическом срезе есть и логика, и хаика. «Модель хаоса проста: полное описание любого элемента совпадает с описанием всей системы (по принципу голограммы)... В качестве примерной модели: теоретическая схема абсурдного триединства христианского божества или пример Рассела с множеством всех множеств. Абсурд является выражением хаоса, как логос – космоса. Абсурд есть доведенная до логического предела картина... антиномичности мира, где единство противоположностей (противоречие) становится полным, абсолютным без исключений...

То есть то, что мы обнаруживаем в трактовках понятия «Бог» во многих религиях» [4, с.9]. Интересна инверсия: если абсурд (хаика) есть невыполнение правил логики, то логика есть невыполнение правил хаики. Плохо, что понятие «абсурд» стал синонимом бессмыслицы! Тогда как абсурд – это противоположный рациональной логике порядок вещей, когда все связано со всем и переходит не только в свою противоположность, а во все другое, иное. Обломок такого представления сохранено в «оборотничестве» из области сказочных превращений...

д) Последний шаг. Онтологическая основа любомудрия – абсолют, часть которой – трансцендент, из хаотичного бытия которого выделяется упорядоченный космос, на векторе бытия которого на какой-то точке возникает природа Земли, где возникает жизнь, потом разумный социум, порождающий любомудров, философов.

Резюме. Философия есть реализация абсолюта через трансцендент, природу, социум и интеллектуально-эмоциональный аппарат (мозг) индивидуального человека. Это в онтологическом плане. А в гносеологическом, вероятно, порядок обратный: от эмоций, мыслей, к разумной общественно-индивидуальной жизни и далее познание себя, общества, природы, космоса, трансцендента и абсолюта. Прослеженные цепочки не новы. Можно пробежаться с античности до сегодняшнего дня. В ясной форме такие мысли есть у Спинозы, Гегеля, у космистов (Т. де Шардена, В.Соловьева, Ф.Федорова, В.И.Вернадского), у М. Хайдеггера.

Итак, философия (любомудрие) в онтологическом аспекте есть интеллектуально-эмоциональное и социальное проявление абсолюта в единстве его трансцендентальной и природной сегментов.

Если вспомнить начало статьи, то увидим, что мы пришли диаметрально противоположному выводу: философия есть и наука, и искусство, и религиозная проповедь, несущая в себе синтез мировоззренческих и логико-методологических, моральных, эстетических ценностей и идеалов.

Данное определение философии не полное: не указана специфика философии. Схему данной дефиниции можно использовать и в других областях. Например: техника есть интеллектуально-человеческое и социальное явление абсолюта, или искусство – это субъективно-человеческое и социальное проявление абсолюта, или наука есть субъективно-человеческое и социальное проявление абсолюта, или мифология – это субъективно-человеческое и социальное проявление абсолюта. Ряд можно продолжить применительно ко всему в природе и обществе. Ясно, что речь идет о философии техники, мифологии, искусства, педагогики и т.д. Везде необходимо кроме онтологической основы указать специфику философии, техники, науки, мифологии, педагогики и т.д. То есть нужно выяснить содержание каждого из них, отличающее их друг от друга. Из приведенных определений видна особенность философии – всеобщность. Философия характеризует всеобщность абсолюта. В других дефинициях мы видим лишь проявление частных аспектов абсолюта. Интуитивно найденное понимание, что философия есть наука всех наук, как раз отражает суть. Без преувеличений: философия служит всеобщим основанием бытия и абсолюта, и трансцендента, и природы, и общества, и человека, и его души. Любомудрие – это всеобщая программа мироустройства, предполагающая необходимость, что все в мире должно быть пронизано духовностью во всех его аспектах бытия. Философия – это код мироздания, реализующая развитие духовности во всех проявлениях абсолюта. Если сказать в понятиях теологии: наличие Бога обязывает мир быть духовно просветленным. В форме философии мир находит в себе реализацию этого кода, этой программы абсолюта.

В гносеологии философия нацелена на познание истин абсолюта, т.е. абсолютных истин человека, общества, природы, трансцендента. Любомудрие есть смысл человеческого присутствия в обществе, природе и трансценденте, и как субъективная реальность раскрывает человеку смысл личного присутствия в бытии.

Философия та красная нить, которая проходит через все ступени абсолюта: трансцендент, природа, общество, человек, интеллектуально-эмоциональная душа личности. Любопытные, или философия, есть онтологическая и гносеологическая связь человека с мирозданием; связь, раскрывающая его предназначение в мире и смысл природного, социального и интеллектуально-эмоционального бытия.

Литература

1. Антология мировой философии. Т.1.- М., 1989.
2. Антология мировой философии. Т.2. – М., 1970.
3. Лобастов Г.В. Так что же есть истина? // Философские науки. 1990. №6.
4. Хазиев В.С., Хазиева Е.В. Познание абсолюта в Средневековом арабо-исламском рационализме. Уфа. 2016.

I.R. ALMUKHAMETOV

Director of the Bashkir State Opera and Ballet Theater

Philosophy as a manifestation of the absolute

The article defines philosophy as a subjective human and social manifestation of the absolute in the unity of chaos (transcendent) and order (nature).

Keyword: philosophy: absolute, transcendent, nature, chaos, logos.

Literature

1. Anthology of World Philosophy. Vol. 1.- М., 1989.
2. Anthology of World philosophy. Vol.2. – М., 1970.
3. Lobastov G.V. So what is the truth? // Philosophical sciences. 1990. No.6.
4. Khaziev V.S., Khazieva E.V. Cognition of the absolute in Medieval Arab-Islamic rationalism. Ufa. 2016.

В.Е. ШИНКЕВИЧ

**доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института МВД России**
E-mail: vlashink@yandex.ru

Диалектика цифровизации образовательной среды в условиях становления информационного общества современной России

В данной работе автор отмечает положительные эффекты, которые несет в современное общество внедрение информационных технологий. Основное внимание обращено на значимость информатизации для современного образовательного процесса. Вместе с тем автор также отмечает существенные проблемы, связанные с внедрением информационных технологий на современном этапе

Ключевые слова: информатизации, цифровизация, образовательная среда, образовательные организации органов внутренних дел.

Живущие сегодня и активно участвующие в различных сферах общественной жизни, будь то политика, экономика, наука, образование, социальная сфера и сфера услуг, несомненно, отмечают громадный прорыв в последние десятилетия в направлении формирования информационного общества. По многим параметрам формирования этого общества характерны признаки революционных преобразований, особенно в процессах внедрения информационных новаций, которые вошли практически во все сферы общественной жизни, как например: изменение методов и значительное сокращение времени поиска необходимой информации и принятия управленческих решений; принципиальный отказ от традиционных накопителей и хранителей различных видов и

объемов информации; практическое сведение к нулю времени передачи информации между корреспондентами и потребителями независимо от ее объемов как на ближние, так и на дальние расстояния. Но имеются существенные и эволюционные контенты, которые предполагают и сохранение традиционных систем передачи, поиска, учета и контроля либо существенно задерживают отказ от них как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе. Особенно в сфере сопровождения учета и контроля.

Несмотря на то, что автоматизированные системы стали активно внедряться в управленческие процессы с середины XX века, а некоторые элементы использовались и ранее, сам термин «информатизация общества», связан с появлением кибернетики. «Именно тогда, – по мнению ряда исследователей, – появился термин об информатизации общества, раскрывающий понятие возможности взаимного обмена информационными ресурсами»[9].

Однако активно термин «информатизация» вошел в нашу жизнь в 90-е годы прошедшего века и непосредственно связан с распространением компьютерной техники, особенно персональных бытовых компьютеров, которые закрепились в новых реалиях системы коммуникации, деятельности, сделали немислимым организацию современной жизнедеятельности человека, организации, общества без компьютерного ее сопровождения.

Последние два-три десятилетия принято считать эрой активного и всестороннего внедрение в различные сферы общественной жизни информационных и коммуникационных технологий, цифровизации среды жизнедеятельности человека, формированием электронной культуры общения. По наблюдению исследователей «...процессы цифровизации оказывают влияние на все сферы жизни человека, на его ресурсы и возможности»[6]. Во многом этим процессам дало толчок как появление первых персональных компьютеров, так и переход общества к использованию принципиально новых средств и систем связи, осознание реальной возможности передачи разнородных данных, качественно иной уровень информационного взаимодействия. Уже на первом этапе преобразования системы коммуникации информация стала не только стратегическим ресурсом общества, но её производство и потребление составили основу эффективного функционирования и развития абсолютного большинства областей общественной жизни.

Владение информацией, умение ее добывать, использовать и передавать стала неотъемлемой составляющей реалий сегодняшнего общежития, кооперации производства, движения товаров, услуг и работ на их рынке. Цифровизация проникла в систему государственного управления, в сферы международного взаимодействия, бизнеса, образования, медицинского обеспечения и социальную сферу. Стала доступна для граждан и бизнес сообществ технология предоставления услуг «в одно окно», с 1 июля 2021 г. на евразийском пространстве реализуется первый цифровой проект «Унифицированная система поиска «Работа без границ» и т.д.

Информационные технологии составили основу современной информационной образовательной среды, некоего образовательного пространства, элементами которого является протяженность (взаимное расположение в пространстве субъектов и объектов образовательного процесса, преподавателя и обучающегося); средства коммуникации и передачи информации (непосредственное и опосредованное обучение, обучение через посредника); объем (количество и доступность образовательных организаций, средств и возможностей самообразования и пр.). Коммуникационные технологии не стоят на месте. В настоящее время социум и его подсистемы уже характеризуются «...переходом от отдельных электрических и электромеханических систем к электронным системам, дигитализацией коммуникации и информации, взрывным развитием программного обеспечения»[3].

Погружаясь в создаваемую информационную среду, осваивая услуги, которые она может предоставить, мы как то особо и не заметили, что изменился не только мир, но и люди, его «наполняющие». Парадоксально при повышении возможности коммуникации, люди стали гораздо меньше общаться непосредственно вне этой самой информационной среды, образно говоря «живьем», что, по мнению исследователей, «ослабляет общественную волю и энергию»[12]. В наш лексикон вошли и закрепились иностранные слова, такие как браузер, юзер, провайдер, мессенджер, скайп, гаджеты и т.д. Исчезли очереди за «свежей» газетой, популярным журналом, редко кого можно увидеть с книгой, учебником, конспектом на улице, в общественном транспорте. Походы в театр и кино стали для многих событием. Человек доверился и погрузился в айфон, смардфон, айпад, планшет, находит «истину» и ответы на все интересующие вопросы в «Википедиях», не задумываясь, что их информационным

наполнением занимаются: во-первых, либо такие же «искатели истины» как и потребители информации, не критически, а лишь информационно транслирующие чей-то контент; во-вторых, либо информационно наполненные социальные, политические технологи, специалисты управления человеческим поведением и эмоциями; в-третьих, специалисты в сфере связей с общественностью, охотники за сенсациями, рекламщики всего и всегда; в-третьих, «аналитики» не несущие ни какой ответственности за то, о чем пишут и что анализируют и т.п.

Целый комплекс общественно-информационных проблем цифровизации коммуникативной среды, требующих осмысления и разрешения, породил в последние два года «Covid-изоляция период», продолжающийся и по сегодняшний день. Необходимо признать, что часть потребителей информации к началу пандемии были не готовы к активному погружению в информационную среду для обеспечения достойного уровня и качества выполнения общественно значимых и производственно необходимых функций. Основными причинами этому по мнению исследователей во многом явились слабость интегрирования в систему вузовского образования технологий цифрового обучения[15], острое ощущение дефицита личного общения и непосредственного взаимодействия обучающихся с преподавателями, сокращение или потеря востребованности многих традиционных креативных форм и методов студенческой жизни снижение эффективности и результативности учебной деятельности[10] и пр.

Необходимо признать, что феномен «цифровизации» как тренд и явление российской действительности, возможности данного феномена многогранно влияют на развитие науки, образовательного процесса, будет только усиливать свое влияние на процессы общественной жизни. Научные наблюдения процессов становления информационной среды, цифровизации, законодательное подкрепление важности данных процессов для общества нашли подтверждение в законодательных актах[13, 14] и научных работах[5, 7, 16], данные проблемы регулярно выносятся на обсуждение на различных научных, научно-практических форумах.

Понимая под «информатизацией» процесс формирования и использования информационных ресурсов, в ходе которого люди получают возможность ускорить процессы взаимодействия с помощью компьютеров, гаджетов, различных программ и технологий, мы обращаем внимание на то, что в

настоящее время уже сформирована новая отрасль – информационная индустрия, позволяющая обрабатывать, хранить эту информацию, оперативно вести информационный обмен в глобальном масштабе.

Безусловным плюсом «цифровизации» является тенденция «ускорения» темпа и ритма жизни как в быту (способствует упрощению многих повседневных забот (онлайн-шопинг, офлайн-доставка, онлайн-заказ билетов, такси и т.д.), так и в науке (люди получают больше свободы и возможностей для реализации своих творческих потребностей и интересов, ученые, исследователи могут отслеживать общественный резонанс той или иной своей работы, результаты общественной оценки научного поиска, а исследовательские центры различных уровней и ведомств вынуждены учитывать требования применимости научно-исследовательского результата и его совместимости с требованиями и запросами заказчиков), и в образовании (возрастает доступность к учебной и научной литературе, эксклюзивному и качественному контенту образовательного процесса) и т.д..

Однако, здесь проявляетсястораживающая закономерность, когда естественное стремление человека, сформированное факторами потребительского общества, получить все и сразу, приводит к нервным срывам, депрессиям и как следствие к пассивности, отказу от деятельности и достижению результата на основе имеющего собственного физического, интеллектуального, морального, материального потенциалов, которые к слову сказать до конца еще остаются не выработанным и вполне могли бы стать основой достижения новых результатов, реализации поставленных целей. В современный век цифровых технологий мы ориентируемся на имеющуюся и доступную информацию в Интернете, порой пытаемся «делать открытия», продуцировать «Ноу-хау», копировать и организовывать свою жизнедеятельность (чаще всего не совсем удачно, или вообще далеко от примера виртуального оригинала) на основе увиденного в телевизионных роликах, сюжетах видеохостинга – YouTube, о жизни других людей «...то есть у нас целенаправленно формируют определенные стереотипы мышления и поведения. Их несоответствие с реальностью влечёт появление различных комплексов и неудовлетворенности собственной жизнью»[16]. И восприятие окружающей мира личностью также обусловлено двойственностью внешних социальных

установок и неоднозначностью ее внутренних переживаний[7]. При этом скорость и доступность информации сделали нас зависимыми от современных девайсов. Это приводит к примитивизации мышления, деградации воображения, принижению ценности целостного образования, что, в свою очередь, ухудшает память, логическое мышление, ведет к формализованности сознания, минимизирует, а нередко и сокращает потребность творчества.

Современный цивилизованный человек становится заложником информационной цифровизации, он отвыкает ставить перед собой долговременные цели, над достижением которых необходимо трудиться и добиваться их реализации. Он предрасположен к принятию готового решения, предлагаемого в информационном пространстве неким менеджером, SMM специалистом, коуч-наставником, гайд-инструкцией и пр., и отвыкает от самостоятельного поиска, выработки и принятия решения, адекватно соответствующего его акме возможностям, ситуации, имеющемуся комплексу ресурсов, которые доступны конкретному человеку в конкретное время. При этом скорость получения информации и ее доступность сделали нас зависимыми от современных девайсов. Сегодня почти все, что нас окружает, связано между собой и Интернетом. Понятие «интернет вещей» подразумевает внедрение технологий, объединяющих вокруг одной облачной платформы все устройства, используемые нами в быту: телефон, электронную почту, электрические бытовые приборы и др. Социальные сети все больше заменяют личностное общение, мы погружаемся в них, ведем активную переписку со знакомыми, а чаще незнакомыми подписчиками. Нам там интересно, там взаимные требования к партнерам и обязательства по отношению к ним зачастую размыты, неконкретны и ни к чему не обязывающие, там сведена к минимуму взаимная ответственность субъектов общения, там в любой момент можно прервать общение с абонентом простым нажатием клавиши либо коснувшись сенсорного устройства.

Данная процессы отрицательно сказываются на личностных коммуникативных способностях личности-гражданина-профессионала. Потеря навыка живого межличностного общения набирает обороты, эпистолярный жанр практически остался только в официальной и практически исчез из личной переписки, а электронная личная переписка она стилистически не окрашена, статистически недолговечна и по

мере заполнения мобильной связи, как правило, уничтожается, освобождая объемы электронной памяти для новой порции информации.

Да, несомненно цифровизация расширила возможности для человека, общества, дала возможность ускоренного поиска и доступа к необходимой, востребованной и запрашиваемой информации, сократила, но не везде, очереди, которые были неотъемлемым атрибутом во всевозможных государственных учреждениях, социальных и торговых организациях, многочисленных билетных кассах и т.п. Она дала дополнительное время человеку в организации своей жизнедеятельности, раздвинула возможности самообразования, разнообразила возможности досуга и пр.

Проблема внедрения и распространения цифровизации непосредственно затронула и систему подготовки кадров для органов внутренних дел России, стала предметом социально-политического, педагогического и психологического анализов в рамках подготовки научных квалификационных работ, монографий, статей [1, 2, 4, 11, 17].

В результате изменений в системе подготовки специалист должен стать лучше, чем тот, который выпускался до реформы. В противном случае ее проведение не имело бы смысла. Вводимая в основу компетентностная модель подготовки кадров не должна «отменить» или принизить главную образовательную цель – формирование личности, способной максимально реализоваться в выбранной профессии, личности с определенной гражданской позицией, личности, ориентированной на общественно-полезную деятельность, умеющей отстаивать и защищать общественно-значимые ценности. Уменьшение этой цели не соответствует интересам обеспечения правопорядка и национальной безопасности государства.

Компетентностный подход предполагает расширение практической составляющей в обучении. Будущий специалист уже в период получения профессионального образования должен получить не только знания, но и сформировать определенные навыки. Цифровизация позволяет моделировать ситуации и возможные действия при принятии решения, получить «картинку» того, к чему могут привести принятые решения, оценить их результативность и правомерность. Тиражируя разнообразные модели жизненных ситуаций и повторяя идентичные, возможно выработка уже в процессе обучения навыков практической деятельности, эмоцио-

нально-нравственную устойчивость выполнения профессиональных обязанностей в условиях опасности, стресса и т.д. Все это, безусловно, положительно влияет на организацию и результативность непосредственно учебного процесса, делает его более насыщенным, привлекательным для обучающихся.

Большие возможности цифровизация дает и для организаторов образовательного процесса в плане подготовки расписаний учебных занятий, планирования и документирования учебного процесса, осуществления контроля деятельности преподавателе и кафедр, составления отчетной документации. Создается некая цифровая инфраструктура – информационная образовательная среда. Вместе с тем, необходимо отметить следующие проблемы, которые связаны с внедрением цифровизации в образовательный процесс:

во-первых, при внимательном рассмотрении особенностей ее функциональной направленности, реальную практическую потребность в обращении к ней при подготовке к занятиям профессорско-преподавательским составом, обучающимся, можно увидеть практическую невостребованность информации, заложенной в данную систему, основными участниками образовательного процесса;

во-вторых, более того она нередко мешает непосредственному образовательному процессу излишними формальностями, а внесение данных, постоянное заполнение предусмотренных полей информации просто отнимает время. Возможно это следствие переходного периода широкого внедрения информационных цифровых технологий, технологической недоработанности внедряемых программ и их постоянной модернизации, размытости функций системных администраторов, специалистов, обеспечивающих деятельность электронной образовательной среды и оставляющие за собою зачастую лишь функцию контроля за своевременностью ее наполнения информацией предполагаемыми пользователями;

в-третьих, остается низкая востребованность некоторых новаций, связанных с цифровизацией еще и потому, что в основе лежит прежний, проверенный временем подход, первичные документы готовятся по старинке – на бумажных носителях, они же проходят необходимую процедуру согласования, одобрения и утверждения должностными лицами. В дальнейшем текст этих документов в электронном виде вносится в информационные образовательные программы.

Первичный же документ не уничтожается, он доступен для работы, всегда также под рукой, не зависимо от наличия или отсутствия возможности работать в сети Интернет, и используется преподавателем при подготовке;

в-четвертых, сложность отслеживания пользователем – преподавателем как нововведений, связанных с наполнением ресурса учебными материалами, так и подготовкой и внесением в систему документов, разрабатываемых периодически, например рабочих учебных программ дисциплин. Данная необходимость возникает перед началом учебного года и выработанные ранее навыки могут быть утрачены и требуют дополнительной интеллектуальной или механической работы по их восстановлению, как следствие естественного забывания человеком того, что не делается ежедневно, или с меньшей периодизацией.

Несмотря на имеющиеся проблемы, связанные с внедрением цифровизации системы образования, информатизации образовательного процесса, за данными новациями будущее. Общество, его подсистемы и социальные институты от них не откажутся, и это правильно. Однако необходимо оптимизировать процессы внедрения цифровизации в социум, обеспечить гармонизацию данного процесса, исключить цифровизацию ради цифровизации. Цифровизация должна работать на человека, на общество, на их дальнейшее развитие. А посему, изучение феномена цифровизации требует дополнительного комплексного исследования философской, социологической, психологической и педагогической науками.

Литература

1. Беляков Б.Л. Нравственно-этические основы военно-педагогической подготовки кадров для силовых министерств и ведомств России: социально-философский и исторический аспекты // Научный компонент. – 2021. – №2.

2. Белякова А.М., Симоненко В.В. Модернизация военно-педагогического процесса в системе подготовки офицерских кадров / А.М. Белякова, В.В. Симоненко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – №4.

3. Василенко И.В. Социально-цифровые практики российской молодежи и дистантная работа в условиях пандемии коронавируса / И.В. Василенко // Развитие науки в эпоху цифровизации: проблемы, тенденции, прогнозы: монография / Н.А. Андреев и др. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021.

4. Вайддорф-Сысоева М.Е. Многоцелевая подготовка педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях

цифрового обучения: дис...д-ра пед. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019.

5. Горелов А. Цифровизация в юридической практике // Трудовое право. – 2021. – № 9.

6. Гуджавина Т.А. Новые цифровые практики как важнейший эффект социального капитала / Т.А. Гуджавина // Society and Security Insights.- 2021. – №4.

7. Дмитриева Т.В. Цифровой этап информационной революции: сущность, предпосылки и тенденции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: философия. №4 (54), 2020.

8. Зонova Н.С. Роль цифровой экономики в реформировании российского общества / Н.С. Зонova // Образование и наука в современных реалиях: материалы // Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2017.

9. Канатова А. Отношение студентов кыргызских и российских вузов к переходу на дистанционное обучение в связи с пандемией COVID-19: пилотное исследование / А. Канатова // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2020. – № 3.

10. Кубышко В.Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел / В.Л. Кубышко // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28).

11. Панов А.И. Электронная культура и проблемы молодежи (социологические аспекты) / А.И. Панов // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – №6.

12. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017. №1632-р. – URL://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf.

13. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 07.02.2008. № Пр-212. – URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/inforientedsoc/doc20080207_01/.

14. Труфанов Д. О. Дистанционное обучение как кризис и окно возможностей в восприятии студентов сибирских вузов / Д. О. Труфанов, Д. В. Савочкин, А. Д. Мальцева, Т. А. Марченко // Siberian Socium. – 2021. Том 5. – № 2 (16).

15. Цифровизация как общественное явление, предмет философского анализа и ее влияние на систему высшего профессионального образования и исследования в области социальных наук / Б.Л. Беляков и др. // Развитие науки в эпоху цифровизации: проблемы, тенденции, прогнозы: монография / Андреев Н.А. и др. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021.

16. Шинкевич В.Е. Совершенствование процесса формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел : акмеологический аспект : монография / В.Е. Шинкевич,

V.Y. SHINKEVICH
Doctor of Sociology, Ass. Professor,
Professor of the Department of Humanitarian
and Social and Economic Sciences,
Siberian Law Institute of MIA of Russia

Dialectics of digitisation of the educational environment in the conditions of the formation of the information society of modern Russia

In this paper, the author notes the positive effects that the implementation of information technologies brings to modern society. The main attention is drawn to the importance of informatization for the modern educational process. At the same time, the author further notes the significant problems associated with the implementation of information technology at the present stage.

Keyword: *informatization, digitisation, educational environment, educational organizations of internal affairs bodies.*

Literature

1. Belyakov B.L. Moral and ethical foundations of military pedagogical training of personnel for law enforcement ministries and departments of Russia: socio-philosophical and historical aspects // Scientific component. 2021. No. 2.

2. Belyakova A.M., Simonenko V.V. Modernization of the military pedagogical process in the system of officer training / A.M. Belyakova, V.V. Simonenko // Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2019. No.4.

3. Vasilenko I.V. Socio-digital practices of Russian youth and distant work in the conditions of the coronavirus pandemic / I.V. Vasilenko // Development of science in the era of digitalization: problems, trends, forecasts: monograph / N.A. Andreev et al. Petrozavodstk: ICNP "New Science", 2021.

4. Weiddorf-Sysoeva M.E. Multipurpose training of pedagogical personnel for professional activity in the conditions of digital learning: dis...doctor of pedagogical sciences. M.: Moscow Pedagogical State University, 2019.

5. Gorelov A. Digitalization in legal practice // Labor law. 2021. № 9.
6. Gudzhavina T.A. New digital practices as the most important effect of social capital / T.A. Gudzhavina // Society and Security Insights. 2021. No.4.
7. Dmitrieva T.V. Digital stage of the information revolution: essence, prerequisites and trends // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. №4 (54), 2020.
8. Zonova N.S. The role of the digital economy in reforming Russian society / N.S. Zonova // Education and science in modern realities: materials // International Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2017.
9. Kanatova A. The attitude of students of Kyrgyz and Russian universities to the transition to distance learning in connection with the COVID-19 pandemic: a pilot study / A. Kanatova // Bulletin on Pedagogy and Psychology of Southern Siberia. 2020. № 3.
10. Kubyshko V.L. Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support of operational and service activities of personnel of internal affairs bodies / V.L. Kubyshko // National Psychological Journal. 2017. №4 (28).
11. Panov A.I. Electronic culture and problems of youth (sociological aspects) / A.I. Panov // Socio-humanitarian knowledge. 2021. №6.
12. The program "Digital Economy of the Russian Federation": Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017. No. 1632-R. URL: [://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf](http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf).
13. Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation: Approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin 07.02.2008. No. Pr-212. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/informededsoc/doc20080207_01/.
14. Trufanov D. O. Distance learning as a crisis and a window of opportunity in the perception of students of Siberian universities / D. O. Trufanov, D. V. Savochkin, A.D. Maltseva, T. A. Marchenko // Siberian Society. 2021. Tom 5. № 2 (16).
15. Digitalization as a social phenomenon, the subject of philosophical analysis and its impact on the system of higher professional education and research in the field of social sciences / B.L. Belyakov et al. // Development of science in the era of digitalization: problems, trends, forecasts: monograph / Andreev N.A. and others . Petrozavodsk: ICNP "New Science", 2021.
16. Shinkevich V.E. Improvement of the process of formation of professional competence of employees of internal affairs bodies : acmeological aspect : monograph / V.E. Shinkevich, O.V. Evtikhov, N.V. Maslodudova, V.V. Molokov. – Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018.

И.В. ПОЛОЗОВА
доктор философских наук, профессор кафедры
философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru)

К вопросу о возможности онтологии права

В статье рассматривается возможность построения онтологии права на основе метафизической системы русского мыслителя Н.О. Лосского, выбор которой обосновывается сочетанием в ней реалий, необходимых для философского осмысления права в онтологической перспективе. Центральной проблемой онтологии права видится соотношение мира ценностей, с одной стороны и человеческой свободы, с другой.

Ключевые слова: онтология права, мир ценностей, антиномии свободы.

Право – важная сфера жизни людей и особая реальность, нуждающаяся в философском осмыслении. Философское исследование права имеет давнюю традицию, у истоков которой стояли еще древнегреческие софисты, которые поднимали серьезные вопросы, относящиеся к происхождению права, его соотношению с природой человека, понятиями правды, справедливости, принуждения и свободы. В процессе философской рефлексии право понималось в неразрывной связи с моралью, как сфера, регулирующая отношения между людьми в обществе, что получило глубокое осмысление в гегелевской философии. Последующая дифференциация философского знания привела к обособлению философии права, его выделению в виде отдельной сферы философских исследований. Со временем философское рассмотрение права привело к появлению областей его философского осмысления, соответствующих традиционному разделению философского знания. Так появились работы по онтологии, гносеологии, аксиологии, антропологии права. Выделение данных областей, оправданное в исследовательских целях, является в значительной мере условным, так как правовая реальность представляет собой сферу, где

все стороны находятся в неразрывном переплетении и взаимодействии.

В настоящей статье мы хотели бы обозначить проблематику и границы *онтологии права*, то есть, обратиться к вопросу о бытии права, его субстанции и сущности. Здесь следует указать на то обстоятельство, что постановка вопросов, относящихся к онтологическим, может различаться в зависимости от эпохи, и быть обусловленной категориальным аппаратом онтологии, преобладающим в тот или иной период. Вместе с тем, набор онтологических проблем является в значительной мере универсальным, применимым, в том числе, к исследованию такого явления как право.

Вопрос об онтологии права следует рассматривать также в связи со статусом собственно философской онтологии в современной философии. Известно, что начиная с рубежа XIX – XX вв в европейской философии возникает некоторое недоверие к метафизической проблематике, предпочтение ей проблематики гносеологической, антропологической, вопросов методологии науки. В соответствии с позитивистским представлением об интеллектуальном развитии человечества, выраженном в законе трех стадий О.Конта, метафизика объявляется подлежащим упразднению пережитком.

В соответствии с доминирующими в обществе идеями позитивизма и сциентизма предполагается, что абстрактные вопросы о существовании должны быть заменены научным исследованием фактов. Но онтология, вопреки прогнозам, не исчезает, а возрождается с новой силой. Уже в XX веке возникают онтологические построения Н. Гартмана и М. Шелера, в которых бытие выстраивается на основе ценностной иерархии, и ценности задают, тем самым, идеальную конструкцию всего бытия. Философским вопрошанием о бытии задается немецкий мыслитель-экзистенциалист М. Хайдеггер, обозначающий подход к бытию, осуществляющийся через человека. В русской философии интерес к метафизической проблематике является неизменным, в XX веке в ней также возникает значительное число онтологических построений, среди которых выделяются учения С.Л. Франка и Н.О. Лосского. Таким образом, в XX веке появляется значительное число философских систем, на основе которых может быть осмыслен онтологический статуса права.

Мы полагаем, что по отношению к праву вовсе не нужно изобретать какую-то особую онтологию. Право вполне способно вписываться и укладываться в общеправовую философию.

схему представлений о реальности, что было блестяще реализовано, например, в философии Гегеля. Вместе с тем, онтология права должна учитывать его специфику, его ценностный характер, соотношение в нем объективного и субъективного, индивидуального и социального, идеального и реального.

В этой связи можно предложить рассмотрение права в свете уже существующих онтологических моделей, среди которых следует предпочесть таковую, которая более всего пригодна для выражения правовой специфики. В качестве подобной, по нашему мнению, наиболее пригодной является идеал-реалистическая онтология, основы которой были разработаны, например, в трудах Н.О. Лосского, восходящая еще к лейбницианской монадологии, но расширенная и дополненная, включающая в себя также учение о ценностях [3, 132-134]. Сочетание в онтологии Н.О. Лосского идеализма, с одной стороны, и реализма – с другой, позволяет с ее помощью объяснить право как с позиции его идеальных принципов, так и с точки зрения его реального осуществления в существующем законодательстве. Данная онтология является, далее, плюралистической и персоналистической, но, вместе с тем, предполагающей сведение к единой идеальной первооснове, что позволяет согласовать свободу индивида с высшими идеальными принципами бытия. В ее основе лежит субстанциальный деятель, активность которого может быть рассмотрена как основание правовой реальности в полном соответствии с господствующими представлениями Нового времени, вместе с тем, существование Царства Ценностей, идеальных основ бытия незримо упорядочивает и выстраивает траектории деятельности индивидов, подчиняя их высшим идеальным принципам, как предполагалось в традиционных правовых концепциях.

Данная онтология имеет два полюса тяготения. С одной стороны, в ее основе лежит активность субстанциальных деятелей, каждый из которых является центром действия двух сил: отталкивания и притяжения. За счет силы отталкивания субстанциональный деятель захватывает в свое единоличное пользование определенную область пространства, которая становится его телом, границы которой и связанные с этим права он защищает и отстаивает. Нуждаясь в удовлетворении своих потребностей, за счет силы притяжения субстанциональные деятели образуют ассоциации высшего по-

рядка, приводящие к возникновению семьи, нации, государства и нуждающиеся также в правовом регулировании. Таким образом, данная онтология способна объяснить появление права как со стороны необходимости защиты прав личности, так и с точки зрения потребностей регуляции жизни общества.

Важную роль в построении онтологии права должен также играть ценностный порядок и строй, которому придан бытийный статус, как в учении Н.О. Лосского [4, 285], ведь право, как таковое, всегда соотносится с определенной системой ценностных координат и является их проявлением в социальной действительности. Право, понимаемое как таковое, и является выражением идеальных правовых ценностей, которые подобно силовым линиям в магнитном поле, структурируют пространство существующего законодательства, более или менее приближающегося к нему. Реальное, позитивное право никогда не является в полной мере совершенным, но, вместе с тем, в нем всегда присутствуют идеальные принципы, на основе которых оно и создается.

В подобном понимании права существует, разумеется, некий платонизм, но в этом смысле в определенной мере всякая подлинная философия является платонической. Вне признания существования ценностного ряда невозможно подлинно философское понимание права. Понимание идеального права как права естественного, принадлежащего человеку от рождения, произошло лишь в Новое время в связи с общей тенденцией секуляризации европейской философии, когда идеальному, сакральному начал придаваться все более естественный характер.

Вместе с тем, простое соединение данных реалий: субстанциальный деятель с его свободой; общество, понимаемое как ассоциация индивидов; существование мира ценностей с его иерархией – все же недостаточно для построения подлинно действенной онтологии права. Подлинная онтология права должна содержать в себе основной стержень, главную проблему, которая является средоточием всей выстраиваемой системы.

Мы полагаем, что сердцевиной онтологии права, ее фокусом, является проблема, на которую указал русский философ и юрист Б.П. Вышеславцев, состоящая в том, что никакая, сколь угодно совершенная система права, никакое совершенное законодательство не способно отменить зла и

преступления [2, 39], Причем, несовершенство закона состоит вовсе не в том, что законодательство, основанное на общих принципах, не способно учесть все конкретные частные случаи. Суть проблемы, лежащей в основе онтологии права, состоит в том, что в ней идет речь о взаимодействии онтологических реалий различного порядка: мира ценностей, с одной стороны, и свободной воли, с другой. Центральная проблема философии права состоит в том, что между правом и его осуществлением стоит свободная воля человека, от которой зависит, следовать ли закону или уклониться от него.

Особое место в философии права заслуживает, поэтому, понятие свободы, которая должна быть признана подлинной субстанциальной основой права. Именно поэтому центральную роль в онтологии права играет соотношение свободы и ценности, вопрос об их взаимной обусловленности и взаимной детерминации.

Свобода и ее антиномии были подвергнуты глубокому рассмотрению в философии, наиболее авторитетными ее исследователями в свое время были, например, Августин, Эразм Роттердамский, Лютер, но особая роль в ее изучении принадлежит Ф.М.Достоевскому. В исследовании Н.А.Бердяева, посвященному Достоевскому, убедительно показывается, что именно в свободе русский писатель видит последнюю и наиболее глубокую тайну человека. Более того, человек и есть, собственно, его свобода. Впоследствии эту идею развивал Сартр и другие философы-экзистенциалисты. Свобода, согласно Достоевскому, является средоточием антиномий, в ней скрыты неразрешимые противоречия, относящиеся к человеку, его последней правде. Так, свобода, с одной стороны, является утверждением человека, а, с другой, оборачивается его разрушением. Свобода может обернуться величайшей несвободой, если она не соединяется с Благом, Любовью и другими высшими ценностями [1, 46].

Свобода не детерминируется ценностями автоматически, и в этом состоит ее наиболее глубокий парадокс, на который указал еще апостол Павел, говоривший: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7:15–17). Разумеется, апостол Павел обвиняет здесь не столько себя самого,

сколько в себе самом видит обобщенного представителя человечества. И данный парадокс, на который обратил внимание вслед за Н.Гартманом Б.П.Вышеславцев, должен быть рассмотрен как центральная проблема онтологии права [2, 95]. Ориентация на закон, да и вообще детерминированность ценностным порядком возможна для преображенной воли, сознательно взявшей курс на добро и благо. Но воля, понимаемая как произвол, исходящая из своих эгоистических соображений, может активно противостоять ценностному, нравственному и правовому порядку.

Стержень онтологии права состоит в том, что свобода идеально детерминирована, но реально не обусловлена ценностным, в том числе правовым, порядком, у человека всегда остается возможность отказаться от любой и даже самой высокой ценности, противопоставив ей свою свободу. Понятно, что свобода, направленная против ценности, является злом и проявлением злой воли, свобода, направленная против правовой ценности, выраженной в законе, является нарушением закона, преступлением. Проявления свободы как произвола, направленные против юридических ценностей, поэтому, справедливо ограждаются системой правовых норм. В этом случае действует реальное, позитивное право и охранительная сила закона. И поэтому, что именно дезориентированная свобода низшего порядка, понимаемая как произвол, является инстанцией, которая посягает на правовые ценности, нарушение права карается лишением свободы.

Данное соотношение и должно являться, на наш взгляд, основанием построения онтологии права.

Литература

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства в 2-х томах, Т.2. М.: Искусство, 1994.
2. Вышеславцев Б.П..Этика преображенного Эроса. М., 1994.
3. Лосский Н.О. Типы мировоззрений. Введение в метафизику// Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1989.
4. Лосский Н.О. Ценность и бытие// Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.

I.V. POLOZOVA

**doctor of philosophical sciences, professor in the
department of philosophy of the Moscow University of the
Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot**

On the question of the possibility of the ontology of law

The article considers the possibility of building an ontology of law based on the metaphysical system of the Russian thinker N.O. Lossky, the choice of which is justified by the combination in it of the realities necessary for the philosophical understanding of law in an ontological perspective. The central problem of the ontology of law is the relationship between the world of values, on the one hand, and human freedom, on the other.

Keyword: *ontology of law, world of values, antinomies of freedom.*

Literature

1. Berdyaev N.A. Dostoevsky's worldview// Berdyaev N. Philosophy of creativity, culture and art in 2 volumes, Vol.2. Moscow: Iskustvo, 1994.
2. Vysheslavtsev B.P. Ethics of the transformed Eros. M., 1994.
3. Lossky N.O. Types of worldviews. Introduction to Metaphysics// Lossky N.O. Sensual, intellectual and mystical intuition. M., 1989.
4. Lossky N.O. Value and Being// Lossky N.O. God and World Evil. M., 1994.

С.В. КОЛГАНОВ
*кандидат философских наук, доцент, кафедра 917,
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)*
E-mail: reality731@yandex.ru

Минимализм в контексте становления виртуальной реальности

В центре внимания автора статьи находится минимализм, как теория и образ жизни. В ней исследуются проявления минимализма и его положительное влияние, как на отдельных людей, так и на общество в целом, а также его важная роль в снижении антропогенной нагрузки на природную среду. Минимализм рассматривается как путь осознанности, осмысленного контакта с миром и вещами, понимания себя и своих потребностей в контексте ответственности перед людьми и планетой. Воцарение рационального и умеренного подхода к материальному потреблению рассматривается как естественный процесс избавления от излишней привязанности к материальной сфере жизни, а неизбежность этого процесса обосновывается появлением новой реальности в форме виртуального мира. В статье анализируется перспективная форма (метавселенная) в эволюции подобной реальности. Правильный баланс между реальным и виртуальным миром позволит сделать жизнь наших современников более благополучной, а активное развитие мышления и деятельности на принципах минимализма может стать важным средством, способным помочь всем людям достичь в материальном мире желаемого.

Ключевые слова: минимализм, виртуальный мир, метавселенная, общество потребления, образ жизни, интернет-пространство.

С развитием рыночных отношений «вещизм» стал характерной чертой образа жизни населения России. Если во времена Советского Союза многие вещи для среднестатистического человека были труднодоступны, то уже с середины 90-х годов прошлого столетия наметился бум в сфере потреб-

ления, который напрочь перечеркнул господствовавший советский потребительский «аскетизм». Люди стали покупать больше, покупать то, что ранее было недоступно. Активное развитие произошло и в сфере кредитования; люди приобрелись к скидкам и распродажам, дисконтным и накопительным картам, бонусам и акциям, стали заложниками агрессивной рекламы и разнообразных маркетинговых приемов активного продвижения товаров.

Так, современное общество приобрело характерные черты общества потребления. И в нем можно выделить следующие объекты потребления: «Объектами потребления в обществе потребления могут быть вещи (как материальный объект потребления), знаки, образы, реклама, бренды, идентичность, отношения, услуги, места, информация, наука» [5, с.121].

Однако, можно найти и плюсы в этом самом «вещизме», ведь многие вещи помогают увеличить нашу продуктивность и качество работы, раскрыть внутренний потенциал. Но зачастую случается так, что новый предмет становится и новым источником забот: приобретается много вещей, которые вовсе не являются жизненной необходимостью – они находят свое применение один-два раза, а в дальнейшем лишь захламляют пространство, либо и вовсе попадают на свалку. Также стоит подчеркнуть, что в современном обществе потребляют не только вещи, но и услуги, информацию и др. «И все же. Общество потребления – это мир, где господствуют вещи» [6, с.86] – отмечается в работе, посвященной данной проблеме. «Вещизм» постепенно превращается в серьезную угрозу для успешного развития нашей цивилизации. Приобретение новых вещей стало для многих смыслом их существования и своеобразным наркотиком. Пора дать ответ на вопрос: приобретаемые вещи работают на нас или же мы работаем на них и являемся их «заложниками»?

Стоит все же отметить, что добиться полной отстраненности от материального невозможно даже индийскому отшельнику. Человек живет в материальной среде, его тело материально, и его окружают материальные объекты. Однако накопительство, излишняя привязанность к материальному, зачастую не позволяет человеку двигаться вперед, развиваться, переходить к более совершенному и продуктивному образу жизни. Культ материальных ценностей, накопительство и стремление к приобретению высокого статуса в обществе за счёт демонстрации материального благополучия также ставят человечество перед лицом ряда глобальных проблем.

Как антитеза идеологии современного капитализма появилось нарастающее стремление к осознанному и минимальному потреблению. Что же такое минимализм? Минимализм – это не искусство, не мода и не архитектура. Минимализм – это философия, стиль жизни. При этом нужно понимать, что минимализм не обязывает вас отказаться от нужных вещей, которые приносят удовольствие или пользу – отказ напрямую касается только того, без чего мы сможем вполне полноценно жить. Минимализм не поощряет отказ от «хорошей жизни», он лишь призывает больше стремиться к удовлетворению духовных запросов, освобождаясь от лишних материальных потребностей.

В работе Н.Г.Дядык приведена следующая характеристика минимализма: «Минимализм как форма философии повседневности применим во многих аспектах нашего повседневного бытия: минимализм в вещах, минимализм в делах, минимализм в питании и здоровье, информационный минимализм, минимализм в общении» [3, с.107]. Минимализм позволяет взглянуть на мир по-новому. С точки зрения адепта минимализма трудовая деятельность понимается, прежде всего, как средство личной самореализации и способности быть полезным не только себе. Люди сейчас больше потребляют, чем создают, потому что для этого не нужно напрягаться, думать, искать. Намного легче просто предоставить возможность сделать эту работу другим, а такой подход не может быть правильным. У тех, кто привык к праздной жизни среди изобилия вещей, порой просто не хватает ни моральных, ни физических, ни творческих ресурсов что-либо создавать. Так, мы приходим к выводу, что общество потребления – это общество без хороших перспектив.

Минимализм, как образ жизни, может внести значительный вклад и в духовное благополучие человека. Духовное здоровье – это установление гармоничных отношений между личной системой ценностей и принимаемыми каждый день решениями, а такая гармония дарит ощущение спокойствия и уверенности. Когда человек обладает меньшим количеством вещей, он может направлять свои ограниченные ресурсы (время, деньги, энергию) на действительно важные цели. Для некоторых людей более аскетичный образ жизни становится эффективной стимулом для проявления любознательности, получения интересного опыта и накопления новых впечатлений. Такой человек будет получать гораздо большее удовлетворение не от того, что он обладает какой-то вещью, а от того, что ис-

пытал яркие эмоции и впечатления. Таким образом, минимализм вдохновляет и мотивирует на достижение благополучия во всех сферах жизни: духовной, физической, финансовой, эмоциональной, интеллектуальной, экологической и социальной. В настоящее время важнейшим фактором, способствующим распространению такого подхода к жизни, является появление виртуальной среды.

Материальное вездесуще, т.к. воздействует на нас многоканально: его можно потрогать, увидеть, ощутить всеми нашими органами чувств. И сложно приобщиться к чему-либо незримому, духовному, когда человек привык ориентироваться, прежде всего, на предметы материального мира. Отсюда вполне понятна роль теории и практики аскетизма в религиозных учениях, ведь аскетизм – это важный инструмент, всемерно способствующий приобщению верующего к духовной реальности. По мере того, как человек развивается духовно, все материальное для него начинает только дополнять духовное и становится уже не столь значимым, каким было изначально.

Общество потребления сейчас испытывает похожий переход, но связанный не с усилением религиозной составляющей в жизни людей, а со стремительным воздействием на все сферы жизни высоких технологий. Цифровые технологии являются важнейшей причиной, которая поспособствовала тому, что на первое место в жизни человека выходят нематериальные факторы. Цифровые технологии – это технологии поиска, передачи, обработки и представления данных в электронном виде. В статье В.И. Пржиленского можно найти такое уточнение, относящееся к новой реальности: «Но на уровне жизненного мира цифровая реальность – это новое качество реальности, обретаемое вследствие того, что взаимодействие человека с реальностью опосредуется электронно-цифровыми устройствами» [4, с.77]. Эти технологии стремительно меняют не только окружающий мир, но и представления человека о самой реальности. Так, зачастую, виртуальная реальность поглощает человека настолько сильно, что становится для него уже первичной реальностью.

Технологические инновации в экономической сфере уже серьезно влияют на поведение потребителей, формируя у них новые привычки и делая избыточное материальное потребление явлением недавнего прошлого. В рамках цифровой экономики традиционные методы продвижения товаров и услуг оказываются малоэффективными. Этой точки зрения

придерживаются и другие авторы: «Судя по всему, современная логика цифрового капитализма делает владение всё менее выгодным и осмысленным предприятием» [1, с.79].

Таким образом, компьютерные технологии глубоко проникли в нашу жизнь. И культура не стала исключением. Интернет-пространство в настоящее время превращается в отдельную культурную среду, в которой действуют свои правила, присутствует своеобразный этикет и нормы поведения. Ежедневно проводя в интернет-пространстве значительную часть своего времени, а в целом и изрядную долю своей жизни, люди перенимают его неочевидные правила, становятся его частью, и эта виртуальная среда, в свою очередь, оказывает влияние на отношение человека к материальному миру и на его поведение в нем.

Уже сейчас в виртуальной реальности можно продублировать все области окружающего нас мира: увидеть величайшие произведения искусства, посмотреть записи лучших спектаклей или отправиться на виртуальную экскурсию по знаменитым музеям; можно без труда ознакомиться с оригиналом редчайшей книги. Виртуальная среда помогает каждому человеку выбрать тот материал, который действительно ему интересен и нужен, предлагая практически безграничные возможности для умственного развития, самосовершенствования, обучения и отдыха. Таким образом, все чаще выбор человека склоняется совсем не в пользу материальной реальности, т.к. зачастую для него приятнее и продуктивнее проводить время в виртуальном мире. Однако стоит помнить, что все-таки не технологии или «виртуальная реальность» творят нас и нашу культуру, а мы сами создаем себя такими, какими хотим быть. Как отмечают авторы статьи о цифровом обществе в журнале «Общество. Среда. Развитие»: «Актуализация дискурса постматериального и «постматериализма» в аксиологическом, ценностном поле связана прежде всего с отсутствием в мировой и отечественной социальной философии и философии образования фундаментальной, комплексной, системной теории, отражающей картину мира современной молодежи, сформировавшегося у участником образовательного процесса адекватного отношения к новому цифровому миру, в котором мы все сегодня живем» [2, с.63].

Согласно социологическим опросам уже более 20% людей (прежде всего молодежь) находят ежедневно в сети по 8 – 12 часов. То есть, можно сказать, что современный человек ведет в Интернете «вторую жизнь» и среди пользо-

вателей есть люди практически всех возрастов и социального статуса. Большинство людей создают в сети свой мир, в котором делятся впечатлениями от того, что занимало их в материальном мире. Это обстоятельство привело к появлению проекта создания на основе сети целой Метавселенной – нового «продукта» цифровой эпохи, который расширит наши возможности и позволит вести полноценную жизнь уже не только в реальном мире, но и в виртуальном.

Метавселенная предназначена для объединения независимых сервисов (социальных сетей, игровых сообществ, мессенджеров и т.п.) в единую виртуальную платформу. Метавселенная будет доступна для всех; жизнь внутри нее идет так же, как и в нашем мире: линейно и в реальном времени. В метавселенной люди смогут учиться, работать или просто проводить свободное время. Здесь будет реализовано объединение реального и виртуального миров, интегрирован жизненный опыт и контент, собранный максимально широкой аудиторией. Метавселенная – это не просто площадка для общения или работы. Это полноценный трехмерный мир, пользователи которого представлены не обыкновенными аватарками, а 3D-моделями, с которыми можно встречаться и взаимодействовать в виртуальном пространстве. Реализация проектов метавселенной предоставит возможность объединить миллиарды пользователей из разных стран. Метавселенная даже позволит избавиться от физических офисов: можно будет перевести весь рабочий процесс в нематериальное пространство, в котором будет возможность лично присутствовать среди коллег, а также взаимодействовать с их аватарами.

Таким образом, в условиях перехода запросов потребителей грядущего цифрового общества в новые виртуальные миры, материальный минимализм становится усиливающейся тенденцией в «старой» реальности. Следование принципам минимализма поможет людям лучше понять самих себя, приблизит к осознанию главных целей и ценностей жизни, снизит негативный эффект, оказываемый человечеством на природу, и будет способствовать удовлетворению действительно важных материальных потребностей всех членов общества. Чем больше вещей, тем меньше новизны в жизни, тем она унылее и скучнее. На смену «вещизму» придут интересы, вдохновляющие людей на поиск ярких впечатлений, получение новых знаний и освоение полезных навыков, стимулирующие развитие умственных способностей и творческого мышления.

Мы не можем изменить прошлое, но в наших силах создать лучшее будущее. В границах метавселенной у человека появится больше свободы, поэтому он сможет там выбирать для себя формы совершенно иного образа жизни. И важным отличием новых подходов к жизни будет материальный минимализм, как закономерный итог нарастающей виртуализации общества. Людям уже сейчас стоит начать адаптироваться к новому миру виртуальных вселенных, точно также, как в 90-х годах мы подготовились к повсеместному внедрению интернет-технологий.

Литература

1. Афанасов Н. Б. Переопределяя свободу. Цифровой капитализм и частная собственность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность – 2022. Т. 7, № 1. – С. 74–83.
2. Воскресенский А.А., Султанов К.В., Суныгина А.Г. Трансформация ценностей в современном цифровом обществе: культурный капитал личности в контексте идеи постматериального // Общество. Среда. Развитие. – 2021, №2.– С. 62–66.
3. Дядык Н. Г. Минимализм как форма философии повседневности // Социум и власть. – 2019. № 2 (76). – С. 106–117.
4. Пржиленский В.И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл// Философия науки и техники – 2021. Т. 26. № 2. – С. 68–80.
5. Тихазе Д.К., Курилова А.С. Вещь как объект потребления в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии – 2011. Т. XIV. № 5 (58) – С. 121–128.
6. Smart B. Consumer Society. SAGE Publications, 2010. The Oxford Handbook of Material Culture Studies / Hicks D., Beaudry M.C. (ed.) Oxford: Oxford University Press, 2010.

S.V. KOLGANOV

***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department 917, Moscow Aviation Institute
(National Research University)***

Minimalism in the context of forming virtual reality

The author of the article focuses on minimalism as a theory and a way of life. It explores the manifestations of minimalism and its positive impact on both individuals and society as a whole, as well as its important role in reducing the anthropogenic pressure on the natural environment. Minimalism is seen as a path of awareness, meaningful

contact with the world and things, understanding oneself and one's needs in the context of responsibility to people and the planet. The reign of a rational and moderate approach to material consumption is seen as a natural process of getting rid of excessive attachment to the material sphere of life, and the inevitability of this process is justified by the emergence of a new reality in the form of a virtual world. The article analyzes a perspective form (metauniverse) in the evolution of such a reality. The right balance between the real and the virtual world will make the life of our contemporaries more prosperous, and the active development of thinking and activity on the principles of minimalism can become an important tool that can help all people achieve what they want in the material world.

Keyword: *minimalism, virtual world, metauniverse, consumer society, lifestyle, Internet space.*

Literature

1. Afanasov N.B. Redefining freedom. Digital capitalism and private property // Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. Story. Modernity – 2022. V. 7, No. 1. – S. 74–83.
2. Voskresensky A.A., Sultanov K.V., Sunyagina A.G. Transformation of values in modern digital society: the cultural capital of the individual in the context of the idea of the post-material // Society. Wednesday. Development. – 2021, No. 2. – P. 62-66.
3. Dyadyk N.G. Minimalism as a form of philosophy of everyday life // Socium and power. – 2019. No. 2 (76). – C. 106-117.
4. Przhilensky V.I. The concept of digital reality: meaning and meaning // Philosophy of Science and Technology – 2021. V. 26. No. 2. – P. 68–80.
5. Tikhaze D.K., Kurilova A.S. Thing as an object of consumption in a consumer society // Journal of Sociology and Social Anthropology – 2011. V.XIV. No. 5 (58) – pp. 121–128.
6. Smart B. Consumer Society. SAGE Publications, 2010. The Oxford Handbook of Material Culture Studies / Hicks D., Beaudry M.C. (ed.) Oxford: Oxford University Press, 2010.

УДК 230.1
ББК 86.372-4
РГНТИ 21.31.51
DOI 10.34823/SGZ.2022.4.51845
SPIN-код: 2730-2426
ORCID 000-0002-5710-5861
OKCO 48.04.01

Р.Ю. АТОРИН
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры Философии
Государственного университета управления
E-mail: nrpsc@yandex.ru

Философские проблемы происхождения мира и человека: христианский аспект исследования

В статье раскрывается один из основных философских вопросов – происхождение мира и человека. Автор концентрирует внимание на идее творения мира Богом, анализирует учение о Боге-Творце как центральное в христианской философии. Именно нравственность и духовность способна выделить человека из остального мира. Цель исследования – раскрыть проблему антропогенеза сквозь призму философии и православной теологии. Исходя из цели исследования поставлены следующие задачи: проанализировать вероучительные тексты христианства, выявить христианский подход к вопросу происхождения человека, раскрыть проблему антропогенеза в патристике и русской религиозной философии. При написании статьи были использованы общенаучные, философские и специфические религиозно-теологические и экзистенциальные методы. Делается вывод, что творческая природа человека органично связана с нравственным законом.

Ключевые слова: философия, христианство, Бог, человек, происхождение мира, творение.

На протяжении всей истории философии ставится принципиальный вопрос, каким образом возникла Вселенная, живой мир и человек. Авторитетным источником знаний о мире

и человеку выступает Библия. Согласно Библии, Бог – основатель Вселенной, Он управляет миром и человеком.

Учение о Боге-Творце является центральным и основополагающим в христианской философии. Данное учение в полной мере раскрывается книге Бытия. Свт. Иоанн Златоуст пишет: «О создании мира, которое произошло силою Божией, было открыто Моисею, и писал он ее (книгу Бытия) согласно благодати пророчества, и не как историк, а как пророк. Он говорил о том, чего не видел, и повествовал о том, очевидцем чего не был» [9, с.734].

На основе книги Бытия рассмотрим проявления Божии в отношении к творению. Бог проявляет Себя, как Творец и как Промыслитель по отношению к миру и к венцу всего творения – человеку.

Бог есть причина бытия мира, его Творец. Творение мира является свободным действием Бога. Если бы Бог и не совершил дело творения, то ничего бы не потерял, т.к. не имеет нужды в нем. Творец ни от чего не зависит и является вседозволенным Сам в Себе. Важно подчеркнуть, что именно благодать, собственно и явилась причиной, побудившей Бога к творению. Для того, чтобы творение имело причастность к блаженству Бога, для того, чтобы поделиться тем, чему нет начала и не будет конца, и был сотворен мир. Мир существует «не напрасно и не без цели», но «он есть училище разумных душ» [4, с.220]. Вот цель и назначение мира, преподать человеку знание о Боге «чрез видимое и чувственное.. к созерцанию невидимого» [4, с.221].

Бог, Сам будучи Творцом, призывает к творчеству и Свои творения. Так земля и вода по велению Творца производят из себя разнообразные формы жизни, *Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных (Быт. 2:19)*. Земле повелевается произрастить из себя разнообразные растения и произвести *душу живую*, но произошли они по воле Бога, и никак не подразумевается какая-либо одушевленность земли, «животные созданы не рукою Творца... зверей извела земля... а птиц – воды» [7, с. 276]. Творение Божие творит, потому что Бог повелел ему творить.

Бог является не только Творцом, но и Промыслителем. Промысл есть попечение Творца о сотворенном, сохранение, управление и всяческая забота о нем. Окончив дело творения Бог не удалился от мира, как часовщик, который

завел механизм и ушел, но на протяжении всего времени подобно неоскудевающему Источнику, дает жизнь миру, *пошли души Твоего и созиждутся...отъимеши дух их и исчезнут (Пс. 103:29-30)*. Вся тварь, согласно заложенному в ней изначально, знает своего Хозяина, чувствует зависимость от Него и трепещет перед Его Величием, *вся к Тебе чают дати пищу им во благо время (Пс. 103:27)*. Сам Христос свидетельствует о Божественном Промысле и уверяет людей, призывая верить Отцу Небесному: *взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их (Мф. 6:26)*.

Отношение Бога к человеку является особенным, по сравнению с остальным Его творением. Человек выступает центром мироздания и венцем творения. Весь мир с его нескончаемым многообразием был сотворен Богом для человека, «всё, сотворенное на земле, сотворено на пользу человеку и на служение ему» [7, с. 256]. В вечном Божием совете мир мыслился исключительно с человеком и для человека, как образа и подобия Творца.

«Адам приял власть над землею и соделался владыкою» [7, с. 276]. Наравне с таким высоким достоинством человека, не стоит забывать, что ему назначаются не менее высокие обязанности. Человек должен уподобляться Непостижимому и Всесовершенному Первообразу. Как Творец мира заботится о мире, так, в уподобление Ему, должен делать и назначенный владыкой человек.

Бог не удаляется, завершив свои дела. Он промышляет о человеке, промышляет о всём, что его касается. Само собой разумеется, что Бог даёт человеку пищу и всё необходимое для жизни. Мало того, Он занимается и воспитанием человека и всем его бытом. Стоит вспомнить эпизод, когда Бог приводит к Адаму животных, чтобы он нарек им имена. Здесь человек призывается к сотворчеству, к проявлению своей свободной воли, ума и всего, что заложено в нем. Бог как бы провоцирует его – попробуй, посмотри, что Я тебе дал, воспользуйся этим.

Бог – Промыслитель, и предвидел всё ещё до сотворения мира. Предвидел и не воспрепятствовал свободному выбору Своего творения. Бог – Любовь, сотворив всё премудро и прекрасно, Он назначил законы бытия для природы и для человека, но человек возжелал своего и пал. Согрешив, человек изменился, померк, отдалился от Бога. Человек изменился, а вместе с ним изменилось и всё творение *проклята земля за тебя (Быт. 3:17)*. Земля произращает *терния и*

волчцы, животные одичали и *трепещут* перед человеком *вся тварь совокупно стенает и мучится донныне* (Рим. 8:23), мучается от того, что человек некогда согрешил.

Не смотря на всё это, Бог никогда не отвергает, не отверщается от Своего творения, с его согрешившим венцем – человеком. Бог позволяет человеку действовать так, как тот считает нужным, но в то же время, ведет его и не попускает погибнуть, даже если человек делает не должное. Вершиной и центром отношений Бога с человеком является воплощение Единородного Сына Божия. Ни человек восстанавливает свой потерянный образ и положение, но Сам Бог, Вседержитель, Творец вселенной, вочеловечившись приходит на землю и спасает падшего. *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16).

В вечности Бог предусмотрел, что человек согрешит и отпадет от установленного Им образа жизни, но предусмотрел Он и воплощение Сына Своего и крест и смерть и славное Воскресение. И о новой снеди позаботился для человека Бог и даровал ему *хлеб Божий.. который сходит с небес и дает жизнь миру* (Ин. 6:33), дабы человек, и согрешив, мог быть возвращен к первоначальному состоянию и наследовать жизнь вечную.

Бог не имел нужды в творении, творение есть свободное волеизъявление Бога, свидетельство Его благодати. Бог сотворил мир для того, чтобы поделиться блаженством со Своим созданием. Творение Божие идеально и нет в нем изъянов, т.к. нет изъянов и в Творце. По отношению к творению Бог выступает как Промыслитель. Он не удаляется от мира, завершив творение, но каждое мгновение дает жизнь миру, кормит, согревает и печется о каждом живом создании. Заботится Он о каждой букашке, тем паче о человеке.

О премудрости Божией повествует сам процесс творения. По внушению Духа, бытописатель, для более удобного понимания нами сего процесса, излагает его в последовательном виде. Воззрение даже только на эту иерархию уже преисполняет изумления. Сначала получает бытие неоформленная и хаотичная материя, которой «высочайший Художник Бог повелел» [9, с. 15], и она обрела формы и законы. Далее творения идут по возрастающей, от простейшего к более сложному. Каждое предыдущее приводится к гармоничному завершению и совершенству последующим. Последним же, и увенчивающим всё многообразие произведенного Творцом, выступает человек, как образ и подобие Бога.

Василий Великий, восторгаясь премудро сотворенным миром, так выражает своё изумление: «самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы изъяснить как следует самую малейшую часть мира» [4, с. 226]. О премудрости так же свидетельствует величайшее многообразие, гармония, невообразимая продуманность, взвешенность и красота всего творения, ибо Бог «ничего не оставил не приведенным в порядок» [1, с. 333], но *вся премудростию сотворил (Пс. 103:24)*.

Природа является для человека естественным откровением, не оставит человека равнодушным взгляд на звездное небо или бушующий океан, на крохотного муравья или какое-либо другое живое создание. «Красоту замыслов мироздания никто...пожалуй, не смог бы восславить по достоинству» [14, с.51]. От внешнего ум переносится к духовному и созерцательному, от творения к Творцу. Если таково творение, то каков же Сотворивший? Он Совершенный Ум, Который вечно вынашивал мир в Себе, Который *всё расположил мерою, числом и весом (Прем. 11:21)*.

Человека Бог любит больше всего, для человека и был сотворен мир. Бог промышляет о роде людском до того ещё, как сотворил мир. Новосотворенного человека Бог воспитывает, наделяет многими дарами, назначает владычествовать над землей и хранить Его заповедь.

Бог знал, что человек согрешит, но и согрешившего Он не отвергает, но спасает, придя Сам на землю и воплотившись. Вся история Священного Писания ведет человека к Спасителю, и Шестоднев, с его множеством указаний на Единородного, не является исключением. Христос сказал, *Писания... свидетельствуют обо Мне (Ин. 5:39)*, вот куда должно приводить каждое учение, к кресту Христову и Воскресению Его, ведь *если Христос не воскрес, то вера наша тщетна (1 Кор. 15:17)*.

Христианская антропология учит, что человек – существо от Бога, существо чистое изначально, но падшее и греховное в последствии, получившее и получающее от Бога благодать и спасение. В рамках христианской антропологии человек предстает как существо словесное. Словесность выделяет человека среди животных, открывает перед ним возможности познания. При этом человек – существо, наделенное искрой Божьей. Душа человека по своей сути стремится к свету.

Человек создан «по Образу и по Подобию Божию» (Быт. 1, 26). Бог «вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Образ Божий в человеке представляет собой отображение божественных совершенств. Русский философ С.Н. Булгаков пишет: «Образ Божий дан человеку, он вложен в него как неустранимая основа его бытия, подобие же есть то, что осуществляется человеком на основе этого образа как задача его жизни» [3, с. 268].

Понимание образа Божия в человеке как личности включает основные положительные характеристики богословских размышлений об образе Божиим. Личность, в которой выражен образ Божий, согласно воззрениям христианских богословов, есть существенный признак человека. Одной их существенных характеристик в христианском понимании личности, человека, выступает свобода. Свобода также рай добродетели. Она выражается в личностном устремлении человека к Божественным Лицам и человеческим личностям.

Человек изначально был создан подобным Творцу. Но силы тьмы отводят часть людей от познания их истинной природы, а поэтому в мире существует зло. Основа и первопричина зла в мире – гордыня (или гордость). Слово Божие гласит: «начало греха – гордость» (Сир. 10: 15). По утверждению Святых Отцов, зло не имеет самостоятельного бытия, в отличие от созданий Божиих. «Зло появилось в результате неповиновения свободных тварей воле своего Создателя» [6, с. 134]– пишет святитель Григорий Нисский.

Согласно христианскому учению злом является уклонение человека от своего первоизданного состояния, состояния духовной чистоты. Зло – это грех – нарушение установленного Богом-Творцом нравственного порядка. Грех – «всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление от заповедей Божиих» [5, с. 430].

В. Н. Лосский определяет зло как «состояние, в котором пребывает природа личных существ, отвернувшихся от Бога» [12, с.251]Зло не имеет самостоятельного бытия, оно исходит от самих существ, которые не согласовывают свою волю с Божией волей. Зло – результат неповиновения, обладающих свободой тварей, воле, создавшего их Творца. Начало зла и греха в мире было положено диаволом, который до своего грехопадения был одним из разумных, совершенных ангелов, обладающих свободой, предоставленной ему для совершенствования в любви к Богу и увлекшим за собой других изначально добрых ангелов. Злоупотребив своей свободной волей, пожелав стать

«как Бог» падший ангел совершил зло, нарушил заповедь всецелого повиновения Богу, отпал от Бога и был низвержен в ад со своими слугами.

Зло не имеет самостоятельного бытия, оно исходит от самих существ, которые не согласовывают свою волю с Божией волей. Зло – результат неповиновения, обладающих свободой тварей, воле, создавшего их Творца. Начало зла и греха в мире было положено диаволом, который до своего грехопадения был одним из разумных, совершенных ангелов, обладающих свободой, предоставленной ему для совершенствования в любви к Богу и увлекшим за собой других изначально добрых ангелов. Злоупотребив своей свободной волей, пожелав стать «как Бог» падший ангел совершил зло, нарушил заповедь всецелого повиновения Богу, отпал от Бога и был низвержен в ад со своими слугами.

Причиной грехопадения ангелов и источником всех грехов и зла в мире – демоническая гордость. Гордыня, возникнув у свободолюбивого и своевольного ангела, восставшего против Творца, тем самым нарушив гармонию во Вселенной. Гордость несет зло окружающим людям и миру, приводит к разрушительным последствиям: страданию, болезни, смерти. Противоположностью гордости является христианское смирение, основанное на любви к Богу и ближнему, и обладающее способностью преодолеть и искоренить разрушительный и опасный для человечества грех гордыни.

По словам И.А. Ильина, зло не является отвлеченным понятием, это, главным образом, «живущее в нашей душе страстное тяготение к разнузданности, к разгулу дурных страстей, что ведет к духовному распаду личности, распаду духовного ее «костяка». Примерами внутреннего зла могут служить агрессия в любых ее формах, ненависть, ожесточение, своенравие, эгоизм, всякое отвращение от Божественного. Настоящее местонахождение зла (как и добра) – душевно-духовный мир человека» [8, с.327]

По В.С. Соловьеву, «Зло – в широком смысле этот термин относится ко всему, что получает от нас отрицательную оценку, или порицается нами с какой-нибудь стороны; в этом смысле и ложь, и безобразия подходят под понятие зла. В более тесном смысле зло обозначает страдания живых существ и нарушения ими нравственного порядка» [23, с.28]Н. А. Бердяев пишет: «Вступив на путь зла, люди стали не богами, а зверями, не свободными, а рабами, попали во власть

закона смерти и страдания. Все манящие обещания зла оказались ложью, обманом» [2, с. 44]. Зло «может быть только недостаточным добром, обнаруживающим свою недостаточность чрез противопоставление его полноте добра» [11, с.260]— отмечает Л.П. Карсавин.

П. А. Флоренский обращает особое внимание на роль личности в грехопадении. Грех возникает, когда личность есть утверждение себя, как себя, без своего отношения к Богу, ко всей твари. Грех – паразит святости, он познается законом. Он есть проявление самости. В конечном счете, он приносит вред самому носителю греха и подрывает самого себя. В нем проявляет себя саморазрушительная природа зла. Гипертрофированное самоутверждение личности, ее противопоставление Абсолюту, Богу выступает как источник дробления, распада человека, обеднения внутренней жизни. И только любовь способствует обновлению и развитию единства личности: любовь к Богу и к другим людям [15, с. 357].

Концепцию духовной целостности человека в философии славянофилов рассматривает современный исследователь А. А. Ишутин [16].

Человек, как наивысшее творение Божие, творя (процесс творческой деятельности) приближается к высшим идеям добра, Божьему замыслу. В процессе творчества происходит борьба со злом путем преобразования злого в доброе, негативного – в позитивное. Таким образом, творчество имеет великую силу преобразования бытия. Не все люди осознают это, но те, кто раскрывают свой творческий потенциал, обретают власть над идеями и объективными последствиями реализации этих идей на практике. Важно быть свободным и уметь раскрыть собственную индивидуальность в творчестве.

«Творчество напрямую связано с выражением уникальности. Уникальность представляет собой следующую особенность понимания личности в христианской антропологии. Личностная уникальность означает несводимость личности к природе. Она утверждает такие качества личности как единственность, неповторимость. Предельное выражение личностной неповторимости достигается в отношениях человека с Богом-Творцом.

«Следовать нравственно-этическим принципам есть условие успешной реализации человеком своего творческого начала, которое, в конечном счете, приведет к реали-

зации всех жизненных планов и устремлений личности. Человек творящий развивается, человек, заканчивающий творить – на пути к регрессу, старости. Мир нуждается в обновлении, и обнести его могут люди. Поскольку в каждом из людей заложена частица света, в нем заложен колоссальный потенциал Творца реальности. Только о человека зависит то, сможет ли он реализовать свой дар на практике, или же отступит, отказавшись от движения вперед по пути прогресса и самосовершенствования».

Человек – существо изначально свободное, наделенное божественным началом. Человек поставлен на границе двух миров: физического, материального и сверхфизического, духовного. Приобщившись к высокому и вечному путем творчества, человек получает истинную свободу, которая находит выход в процессе его художественной и мыслительной деятельности. Человек изначально тянется к добру, но в отдельных случаях, когда он не желает осознавать свои ошибки и не стремится к самосовершенствованию, зло побеждает. Поэтому каждый из нас должен понимать и осознавать степень ответственности за свои слова и действия.

Творческая природа человека органично связана с нравственным законом. Именно нравственность и духовность способна возвеличить человека, выделить его из остального мира. Только благодаря нравственности человек имеет способность творить. Человек являясь особым существом, призван к творческой деятельности. Его действия должны быть нацелены на совершенствование мира, созданного Богом-Творцом, на продолжение творения, созидания мира.

Литература

1. *Августин Иппонский*, блаж. Творения: в 4 т. Т. 2. СПб., 2000. Богословские труды. М.: Издание Московской патриархии, 1972.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М., АСТ, 2005.
3. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. – М., 2004.
4. *Василий Великий*, свт. Творения: М., 2009.
5. *Васильев П. П., Андреев И. Д.* Грех //Христианство. Энциклопедический словарь. Т. I. М., 1993.
6. *Григорий Нисский*, свт. Большое огласительное слово / Пер. с древгреч. Ю. А. Вестеля. К., «Пролог», 2003.
7. *Ефрем Сирийский*, прп. Творения: в 8 ч. Ч. 8. М., 1853.
8. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. М., Айрис-Пресс, 2007.

9. *Иоанн Златоуст*. Творения. – М.: 1999. – Т. 6. , Книга вторая.
10. *Иоанн Златоуст*, свт. Творения: в 12 т. Т 4. СПб., 1898.
11. *Карсавин Л.П.* О добре и зле // Малые сочинения. СПб., Алетейя, 1994.
12. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. мон. Магдалины (В.А. Решиковой). – 2-е изд., испр. и перераб. – СТСЛ, 2012.
13. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия. М., Республика, 1996.
14. *Филон Александрийский*. Толкование на Ветхий Завет. М., 2000.
15. *Флоренский П.* София, премудрость Божия. – М.: «Издательство АСТ», 2015.
16. *Ишутин А.А.* Идея целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 118-128.

R.YU. ATORIN

***Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer
of the Department of Philosophy State University
of Management***

Philosophical problems of the origin of the world and man: the Christian aspect of research

The article reveals one of the main philosophical questions – the origin of the world and man. The author focuses on the idea of the creation of the world by God, analyzes the doctrine of God the Creator as central to Christian philosophy. It is morality and spirituality that can distinguish a person from the rest of the world. The purpose of the study is to reveal the problem of anthropogenesis through the prism of philosophy and Orthodox theology. Based on the purpose of the study, the following tasks are set: to analyze the doctrinal texts of Christianity, to identify a Christian approach to the question of human origin, to reveal the problem of anthropogenesis in patristics and Russian religious philosophy. When writing the article, general scientific, philosophical and specific religious studies, theological and existential methods were used. It is concluded that the creative nature of man is organically connected with the moral law.

Keyword: *philosophy, Christianity, God, man, world origin, creation.*

Literature

1. Augustine of Hippo, blessed. Creations: in 4 t. t. 2. St. Petersburg, 2000. Theological works. M.: Edition of the Moscow Patriarchate, 1972.
2. Berdyaev N.A. Philosophy of Freedom. M., AST, 2005.
3. Bulgakov S.N. Light of the Evening. – M., 2004.
4. Basil the Great, St. Creations: M., 2009.
5. Vasiliev P. P., Andreev I. D. Sin //Christianity. Encyclopedic Dictionary. T. L. M., 1993.
6. Gregory of Nyssa, svt. The Big catechetical word / Translated from the Ancient Greek by Yu. A. Vestel. K., "Prologue", 2003.
7. Ephraim Sirin, Rev. Creations: at 8 p.m. 8. M., 1853.
8. Ilyin I. A. On resistance to evil by force. M., Iris-Press, 2007.
9. John Chrysostom. Creations. – M.: 1999. – Vol. 6. , Book two.
10. John Chrysostom, St. Creations: in 12 vol. T. 4. St. Petersburg, 1898.
11. Karsavin L.P. On good and evil // Small Works. St. Petersburg, Aleteya, 1994.
12. Lossky V.N. An essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology / trans. from the French mon. Magdalen (V.A. Reschikov). – 2nd ed., ispr. and pererab. – STSL, 2012.
13. Soloviev V.S. Justification of good: Moral philosophy. M., Republic, 1996.
14. Philo of Alexandria. Interpretation of the Old Testament. Moscow, 2000.
15. Florensky P. Sofia, the Wisdom of God. – M.: "AST Publishing House", 2015.
16. Ishutin A.A. The idea of integrity in the worldview of Slavophiles // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2018. No. 3. pp. 118-128.

УДК 32.019.5
DOI 10.34823/SGZ.2022.4.51880

Д.В. ГОГОЛЕВА

*специалист (юриспруденция) юридического
факультета Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

E-mail: dg@anim.moscow

Особенности формирования российского политического бренда: на примере феномена личности В.В. Жириновского

Цель данной работы – выявить особенности личного бренда публичных политиков на примере В.В. Жириновского для определения факторов, которыми обусловлено народное признание политика разнообразными группами населения в условиях отсутствия весомых политических достижений. В результате проведенного анализа публичных выступлений, высказываний и действий политика можно сделать вывод о том, что политический бренд Жириновского В.В. определяется тремя ключевыми чертами: образом обывателя, правдолюбца и уникальными ораторскими навыками, которые основаны на эпатировании слушателей. Таким образом, Жириновский В.В., как политик, выявил реальные потребности русского народа, такие как необходимость чувствовать себя нужным, услышанным, получить поддержку в борьбе за справедливость и искренность, и апеллировал к ним.

Ключевые слова: политический бренд, самопрезентация, имидж, политические предпочтения, Владимир Жириновский.

Исследование бренда имеет долгую историю и на протяжении длительного времени, в основном, было связано с экономикой и маркетингом и имело мало отношения к политической науке. Сегодня многие исследователи указывают на то, что структура бренда в политике отражает концепцию брен-

динга на потребительском рынке. Например, хорошо выстроенный политический бренд напрямую влияет на привлечение голосов избирателей – также как коммерческий бренд влияет на привлечение прибыли компанией [9, Р. 5-19].

Успешный политический бренд определяется несколькими факторами. Во-первых, политический деятель должен восприниматься как надежный защитник запросов аудитории. Во-вторых, политический лидер, должен создать авторитет, подразумевающий, что он может управлять своей партией и выполнять данные политические обещания. Таким образом, стратегической задачей при выстраивании бренда политика является определение желаний публики, а также тех представлений, которые они вкладывают в образ успешного политика [10, Р. 176]. В данном контексте крайне важными являются национально-психологические особенности электората от учета которых зависит успех бренда [5].

В рамках данной работы политический бренд понимается как узнаваемый и устойчивый образ политика, который был сформирован в результате продолжительного взаимодействия с электоратом.

В России по настоящему крайне мало политиков, которые обладают успешным политическим брендом. К ним можно отнести Путина В.В., Лаврова С.В., а также Жириновского В.В., которому удалось создать такой политический бренд, который на протяжении долгого определял его политический вес и успехи его партии в рамках выборов на различных уровнях.

Учитывая уникальность и малоизученность данного феномена, в рамках данной статьи ставится вопрос о том, в чем заключается популярность Жириновского В.В. среди различных групп населения России в условиях отсутствия значимых политических достижений.

Исходя из сути исследовательского вопроса, целью работы является определение факторов популярности личного бренда Жириновского В.В. в России.

Теоретический вклад исследования заключается во внедрении и применении концепции личного бренда в разрезе политической деятельности.

Практический вклад исследования обусловлен выявленным опытом и паттерном, который может применяться молодыми политиками для формирования собственного личного бренда.

Восприятие политика во многом обусловлено теми ожиданиями, которые господствуют в обществе. Бренд должен строиться на основе наиболее популярных личных характеристик: честность, квалифицированность, решительность, бескомпромиссность, жесткость и др. Согласно проведенным исследованиям, среди всех качеств ставят на первое место честность политиков (63%). Множество респондентов указывают на то, что выдающийся политик должен обладать силой воли и несгибаемым характером (38%). С другой стороны опрошенные отмечают, что идеальный политик также должен быть нравственной личностью и чтить такие ценности как семья, традиции, христианство, патриотизм и т.д. Некоторые респонденты указывают, что политик должен обладать такими качествами как политическая культура (17%), справедливость (20%), сострадание (13%), отзывчивость (16%), душевность (6%), бескорыстность (12%), уравновешенность (9%), харизма и обаяние (5%). Россияне также отмечают, что политик должен обладать лидерскими качествами (14%) и острым умом (11%) [7].

Говоря о Жириновском В.В. следует сказать, что он опирался на несколько присущих ему качеств. Так нередко он стремился обратить на себя внимание публики с помощью эксцентричных акций. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Например, в декабре 1992 г. как сообщила радио «Свобода» Жириновский В.В. вызвал на дуэль мэра Санкт-Петербурга Собчака А.А.

В марте 1993 г. в Москве состоялся летний фестиваль ЛДПР. Помимо выступления Жириновского программа мероприятия включала и культурную часть. В частности, исполнялись стихи, песни и частушки, посвященные лидеру партии. В конце состоялся аукцион личных вещей Жириновского В.В.

В декабре 1994 г. на последнем пленарном заседании Государственной Думы Жириновский В.В. преподнес в качестве подарка всем депутатам водку под названием «Владимир Жириновский». Как сказал сам Владимир Вольфович, это не только подарок, но и мирная акция, которая поможет всем депутатам пойти на сотрудничество и принимать более скоординированные решения. Позднее Жириновский в интервью РИА «Новости» отметил, что с помощью этого товара он стремится вытеснить с рынка суррогаты под названием «Ельцин», «Распутин» и т.д. [2].

В октября 1995 г. во время обсуждения Семейного кодекса на одном из пленарных заседаний Государственный

Думы Жириновский высказался за то, чтобы все матери-одиночки дали своим детям фамилию политика. Далее, лидер фракции заявил, что он «готов усыновить всех детей». Он также заявил, что всегда хотел, чтобы в России рождалось как можно больше детей. К этому он добавил следующее: «Я даже буду рад, если вся фракция «Женщины России» забеременеет и вместо следующей Думы в полном составе отправится в роддом» [2].

Кроме того, можно также обратиться к политической рекламе Жириновского В.В., которая вызвала резонанс перед выборами в 2012 г. Суть одного из роликов заключалась в том, что Жириновский пытается заставить осла везти сани с помощью кнута. При этом он заявляет: «Если я стану президентом, у нас вновь появится удалая тройка!». В самом конце ролика приводится лозунг: «Жириновский – и будет лучше». Впоследствии общественность предъявила лидеру партии обвинения в жестком обращении с животными, которые он отверг, заявив журналистам следующее: «Этот ослик живет у меня на даче, это подарок мне к 60-летию, я могу все привезти и показать. Ни одного килограмма груза не возил, откормленный, он лучше вас питается, у него отдельная квартира» [3].

Нередко Жириновский позиционировал себя в качестве обывателя. Он сочетал использование разговорной лексики, старался использовать тот язык, который будет понятен всем россиянам, озвучивать их проблемы таким образом, чтобы было понятно, что он один из них и он – это именно тот человек, который может их решить. Это следует как из предвыборных лозунгов, например, «Вы у народа спросите, чего хочет народ!» или из речей политика, например, из речи «Хватит издеваться над русским народом!» в Государственной думе в 2021 г. [8].

Тем не менее, Жириновский В.В. в своих выступлениях обычно делит аудиторию на группы по тому или иному признаку и обращается к каждой по отдельности, например, к отцам, матерям, православным, мусульманам, работникам той или иной сферы. Таким образом, он подчеркивал общность и свою способность понять абсолютно каждого.

В этой связи его также можно охарактеризовать как человека у которого была развита эмпатия и коммуникативные навыки. И это не являлось случайностью поскольку Жириновский В.В. являлся Заслуженным юристом Российской Федерации, имел ряд ученых званий и степеней таких как доктор философских наук, профессор международного права, профессор социологического факультета МГУ, почетный доктор

МГЛУ, почетный академик Академии социальных наук. Жириновский также владел английским, немецким, французским и турецким языками. Помимо этого, он опубликовал 500 книг, в том числе, 100 томов произведений под названием «Политическая классика». Очевидно, он обладал развитой эрудицией, которая не могла не найти отклика у избирателя [1].

Жириновскому В.В., как уникальной личности, была характерна неумолимая энергия и ораторский талант. Исходя из речей политика, его можно было охарактеризовать как оратора, который позиционировал себя патриотом, борцом с несправедливостью, а также простым человеком.

Выступления Жириновского В.В. как правило были эмоциональны и чаще содержали простые и короткие предложения, которые спускали его до уровня электората. Политик нередко подчеркивал это с помощью риторических вопросов («Кто заплатит?»; «А мы что даем?»; «Вы что делаете?» и др.) на которые он сам давал ответ. Одним из важных элементов его речей всегда являлось то, что он мог позволить себе высказаться по любой проблеме в любой манере. Такую возможность он получил благодаря, сформировавшемуся за годы его деятельности, имиджу нетривиального политика, который способен на неординарные действия. Это также помогало придать политике образ «праводоруба», который не боится говорить правду, что и нравилось большому числу избирателей [6].

Выступая, лидер фракции всегда обращался к аудитории не лично, а от группы людей (партии, фракции, народа и т.д.). Именно поэтому в своих речах политик чаще всего апеллировал таким местоимением как «мы» и модальными глаголами «надо» и «нужно» («надо, чтобы все понимали», «надо прекратить вывозить сырье», «об этом же нужно тоже думать» и т.д.). Цель произнесения таких фраз проста – создать впечатление что Жириновский является всего лишь посредником народа, который доносит до власти, что нужно делать [8].

Его речи в Государственной Думе были построены как диалог с аудиторией. Они могли быть резки и наступательные, в частности, политик старался достигать эффекта внезапности, сообщая преувеличенную информацию, например, на одном из заседаний он сказал следующее: «врачи-убийцы заставляют женщину делать аборт, не имея на то правовых оснований») [4].

Жириновский также избегал в своих речах проявлений вежливости, моментально вводя в ее проблемную составля-

ющую. Этим он в очередной демонстрировал свою жесткость, решимость и тот факт, что именно он доносит голос народа со всей объективностью.

Таким образом, в результате проведенного анализа публичных выступлений, высказываний и действий политика можно сделать следующие выводы:

1. Политический бренд Жириновского В.В. определялся тремя ключевыми чертами: образом обывателя, правдолюбца и уникальными ораторскими навыками, которые основаны на эпатировании слушателей;

2. Жириновский В.В., как политик, выявил болевые точки россиян и апеллировал к реальным потребностям русского народа, которому важно чувствовать себя нужным, важно быть услышанным и получить поддержку в борьбе за справедливость и искренность;

3. Основываясь на вышеизложенном, представляется возможным определить те качества, которые для российского избирателя: справедливость, искренность, трудолюбие, смелость, хорошее образование, эрудиция. Полный симбиоз данных качеств может сделать политика действительно популярным в России, даже без крупных свершений;

4. Следовательно, на данном переходном этапе развития российского государства харизматичные и многогранные политики, которые показывают себя настоящими и открытыми к народу, достигают успеха.

Литература

1. Биография Жириновского В.В. // ТАСС. 2022. URL: https://tass.ru/info/14295733?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 27.07.2022).

2. Владимир Жириновский. Зеленая лампа (1990-е) // YouTube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YVDJ5IU_6q0 (дата обращения: 27.07.2022).

3. Жириновский уверяет, что ослик из его ролика живет лучше зоозащитников // Вести.ru. 2012. URL: <https://www.vesti.ru/article/1904925> (дата обращения: 27.07.2022).

4. Жириновский: 30 лет при власти. Самые яркие цитаты политика // YouTube. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VEcqSj5wZk4> (дата обращения: 27.07.2022).

5. Передельская А. Имидж и личный бренд в политике // Академия. 2020. URL: <https://www.academia.edu/10875174/> (дата обращения: 27.07.2022).

6. Редкие фото и самые яркие цитаты Владимира Жириновского // Sputnik. 2022. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220406/21283770.html> (дата обращения: 27.07.2022).

7. Светлакова В. П. Восприятие имиджа политического лидера молодежным электоратом // Психология, воспитание личности. 2016. URL: <https://psihdocs.ru/v-p-svetlakova-voSPIriyatIE-imidja-politicheskogo-lidEra-molode.html> (дата обращения: 27.07.2022).

8. Хватит издеваться над русским народом! // YouTube. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hPYPjS9zEIs> (дата обращения: 27.07.2022).

9. Cox, G.W. McCubbins M.D. Setting the Agenda. 2004. 345 p.

10. Guzmán F. Paswan A. K. & Van Steenburg E. Self-referencing and political candidate brands: A congruency perspective // Journal of Political Marketing. 2015. 14(1-2). P. 175-199.

D.V. GOGOLEVA
Specialist (law) Faculty of Law
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Peculiarities of the Russian political brand formation: on the example of the V. Zhirinovsky's personality phenomenon

The aim of this paper is to identify the personal brand of public politicians using the example of V.V. Zhirinovsky. Then, to determine the factors that influence the popular recognition of a politician by various groups of the population in the absence of significant political achievements. As a result of the analysis of public speeches, statements and actions of a politician, it can be concluded that the political brand of Zhirinovsky V.V. was defined by three key features: the image of a layman, a truth-seeker and unique oratorical skills, which are based on shocking listeners. Thus, Zhirinovsky V.V., as a politician, identified and appealed to the real needs of the Russian people, for whom it is important to feel needed, it is important to be supported and it is important to be heard and receive support in the struggle for justice and sincerity.

Keyword: *Political brand, self-presentation, image, political pLiterature, Vladimir Zhirinovsky.*

Literature

1. Cox G.W. McCubbins M.D. Setting the Agenda. 2004.
2. Guzmán F. Paswan A. K. & Van Steenburg E. Self-referencing and political candidate brands: A congruency perspective // Journal of Political Marketing. 2015. 14(1-2). P. 175-199.
3. Peredel'skaya A. Imidzh i lichnyj brend v politike // Akademiya. 2020. URL: <https://www.academia.edu/10875174/> (accessed: 27.07.2022).
4. Zhirinovskij uveryaet, chto oslik iz ego rolika zhivet luchshe zozashchitnikov // Vesti.ru. 2012. URL: <https://www.vesti.ru/article/1904925> (accessed: 27.07.2022).
5. Biografiya Zhirinovskogo V.V. // TASS. 2022. URL: https://tass.ru/info/14295733?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 27.07.2022).
6. Redkie foto i samye yarkie citaty Vladimira Zhirinovskogo // Sputnik. 2022. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220406/21283770.html> (accessed: 27.07.2022).
7. Hvatit izdevat'sya nad russkim narodom! // YouTube. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hPYPjS9zEIs> (accessed: 27.07.2022).
8. Svetlakova V. P. Vospriyatie imidzha politicheskogo lidera molodezhnym elektoratom // Psihologiya, vospitanie lichnosti. 2016. URL: <https://psihdocs.ru/v-p-svetlakova-vospriyatie-imidja-politicheskogo-lidera-molode.html> (accessed: 27.07.2022).
9. Zhirinovskij: 30 let pri vlasti. Samye yarkie citaty politika // YouTube. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VEcqSj5wZk4> (accessed: 27.07.2022).
10. Vladimir Zhirinovskij. Zelenaya lampa (1990-e) // YouTube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YYDJ5IU_6q0 (accessed: 27.07.2022).

А.Л. ПРОЦЕНКО
магистр кафедры глобального управления
и международных организаций МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: anas.protsenko2017@icloud.com

Особенности применения политических технологий в интернет-пространстве

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей применения политических технологий в интернет-пространстве. Особое внимание в ходе исследования уделяется процессу формирования в России и в мире новых интернет-технологий, оказывающих непосредственное влияние на течение политического процесса. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что применение политических технологий становится более эффективным за счет интернет-коммуникаций, которые представляют собой тренд, направленный на развитие политической системы. Применение политических технологий в сети Интернет в конечном итоге значительно расширяет выбор инструментариев для проведения политических компаний. За счет этого фактора происходит трансформация взаимоотношений между государством и гражданами, что оказывает непосредственное влияние на дальнейшее развитие демократии. Был сделан вывод, что применение политических технологий в интернет-пространстве не только расширяет количество политических инструментов агитации, но и трансформирует общественные отношения.

Ключевые слова: *политические технологии, интернет-пространство, информационный век, особенности применения.*

Введение

Интернет-технологии сегодня представляют собой не только эффективный вид коммуникации, но и становятся одним из институтов по связи государства и общества. Современный политический процесс отличается информатизацией социального пространства. В связи с этим в настоящее время сеть Интернет становится одним из значимых инстру-

ментов по применению политических технологий для проведения политических кампаний в России и в мире. В этой статье будут рассмотрены особенности применения политических технологий в современном интернет-пространстве.

Политические технологии в современном мире

С научной точки зрения политические технологии в современном мире представляют собой совокупность определенных методов, способов и процедур. С их помощью государство может воздействовать на общество для формирования у граждан благоприятного политического поведения с целью достижения определенных политических или управленческих установок [4].

Методы, способы и процедуры по применению политических технологий могут быть различны по своей структуре и значению. Как правило, данные методы основываются на различных аспектах, направленных на установление в обществе определенных настроений и убеждений посредством манипуляции, пропаганды и прочих инструментов политических технологий.

В настоящее время одним из способов реализации политических технологий в современном российском обществе является использование сети Интернет, с помощью которой не только расширяется выбор инструментариев для проведения политических кампаний, но происходит трансформация взаимодействия общества и государства.

В условиях информатизации применение политических технологий в интернет-пространстве является положительной тенденцией по развитию политики как сферы общественной жизни. Данный фактор в конечном итоге влияет на трансформацию политического процесса, способствуя его информатизации и демократизации [1].

Применение политических технологий в интернет-пространстве в современном социуме существенно меняет порядок взаимодействия общества и государства, что ведет к значительному переформированию политической системы. Это обуславливается тем, что современная демократизация не может существовать без развития интернет-технологий, а также без использования инновационных коммуникационных средств [2].

За счет развития сети Интернет стало возможным реализовать и коммуницировать большинство политических процессов в интернет-пространстве. Также стало возможным применять политические технологии в коммуникационном

пространстве посредством проведения предвыборной агитации или же для проведения действий, направленных, например, на снижение уровня поддержки конкурирующих кандидатов и партий.

Соответственно, на сегодняшний день интернет-пространство служит одним из значимых современных инструментов для проведения политических кампаний, при этом являясь средством обеспечения поддержки или противодействия активности органов государственной власти, политиков или субъектов гражданского общества [7].

Использование политических технологий в интернет-пространстве

В век информационных технологий огромное общественное значение имеет интернет-пространство, позволяющее политическим структурам взаимодействовать с гражданами посредством интернет-коммуникации. В настоящее время виртуальное пространство является одной из наиболее эффективных, малозатратных и удобных платформ, посредством которой стало возможным внедрять и в положительном ключе использовать политические технологии [3]. Развитие данных технологий в сети Интернет также обусловлено возможностью использовать различные методы, которые могут быть необходимы для проведения политических PR кампаний или же для манипулирования общественным сознанием, а также для пропагандистской деятельности.

Существует несколько определенных аспектов, характеризующих особенности применения политических технологий в интернет-пространстве. К ним относятся различные тенденции, оказывающие непосредственное влияние на сложившуюся общественную обстановку в данной области. Например: активное развитие сети Интернет, расширение интернет-пространства, наличие в виртуальном пространстве различных категорий граждан, что в свою очередь способствует применению политических технологий на пользователях в зависимости от возраста и географии проживания [6].

Кроме того, интернет-пространство обладает дополнительными преимуществами по развитию политических технологий, так как способствует агитации и пропаганде, которые зачастую являются необходимыми инструментами при проведении политических кампаний. Необходимо отметить, что политические технологии в интернет-пространстве характеризуются следующими особенностями:

- наличие больших возможностей по взаимодействию избирателей с целевой аудиторией;
- возможность получать и обеспечивать быстрый доступ к информации вне зависимости от географического положения пользователей;
- простота внедрения различных инструментов политических технологий для формирования в сети Интернет политического контента;
- возможность передавать коммуникационные сообщения нужного политического толка не только в одном государстве, но и по всему миру;
- более удобный поиск соратников для привлечения их к массовой агитации;
- прямое взаимодействие с различной целевой аудиторией [5].

Между тем, применение политических технологий в интернет-пространстве также имеет ряд недостатков, которые не позволяют эффективно внедрять их или затрудняют работу политической системы в сети Интернет. К данным факторам относятся следующие аспекты:

- для эффективной работы политических технологий в интернет-пространстве должна быть подготовлена и развита определенная коммуникационная площадка для взаимодействия граждан с избирателем;
- воздействие может быть оказано только на интернет-активную группу граждан, то есть процент воздействия политических технологий на общественные массы зависит от целевой аудитории, а также от процента активных интернет-пользователей;
- правовой регламент использования сети Интернет в общественно-политических целях является несовершенным в силу новизны данного социального института, что в свою очередь существенно снижает эффективность применения политических технологий в интернет-пространстве;
- недостаточный уровень профессионализма по вопросам реализации всех возможностей развития политических технологий в сети Интернет также влияет на их дальнейшее формирование и становление [3].

Несмотря на существующие недостатки, данный общественно-политический инструмент наиболее популярен, например, при взаимодействии в сети с интернет-сайтом политической партии или политика. Кроме того, в век цифровых

коммуникаций наибольшую популярность приобрели политические технологии, направленные на взаимодействие со стрим-каналами. Например, на ресурсе YouTube собственные телеканалы есть у Хилари Клинтон, Барака Обамы и других политических деятелей, что позволяет им применять различные виды политических технологий для агитации граждан или для создания определенного общественного мнения [6].

Заключение

На сегодняшний день применение политических технологий становится более эффективным за счет интернет-коммуникаций, которые представляют собой тренд, направленный на развитие политической системы. Этот фактор в конечном итоге повышает эффективность политических технологий. Однако важно понимать, что их развитие в последующем может приводить не только к позитивным изменениям в политической системе, но и влечет за собой определенные риски, которые могут выражаться в различных аспектах: дезинформация, интернет-провокации, экстремистские настроения в интернет-пространстве и пр.

Для того, чтобы политические технологии в интернет-пространстве были более эффективны и имели положительное влияние, необходимо систематизировать политическую активность в сети Интернет. Данный фактор также не допустит распад политических технологий в интернете в силу идеологических, религиозных и иных признаков.

Таким образом, применение политических технологий в интернет-пространстве дает определенные возможности для развития демократизации и эффективного взаимодействия общества и государства, делая их взаимодействие друг с другом более результативным, демократичным и прозрачным, несмотря на существующие риски и проблемы. Соответственно, применение политических технологий в интернет-пространстве не только расширяет количество политических инструментов агитации, но и трансформирует общественные отношения [2].

Для развития политических технологий и более эффективного проведения политических кампаний в сети Интернет необходимо основывать такую деятельность на повышении политической и экономической грамотности населения для того, чтобы общество научилось отличать достоверные сведения от дезинформирующих сообщений.

Литература

1. Беляков Н. С., Кургачева К. Д. Интернет-технологии в условиях современного политического процесса. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Политология. 2019. Т. 25. № 1. – 162-174 с.
2. Володенков С.В. Особенности интернет-коммуникации в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 2. – 12–20 с.
3. Головин Ю.А. Новые политические технологии в современной России. М.: НИПКЦ Восход-А, 2009. – 210 с.
4. Демидченко В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2016. Том 23. № 12. – 140-142 с.
5. Дорожкин Ю. Н. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть. 2007. № 6. – 31–34 с.
6. Емельянов А. И. Особенности применения политических технологий в российском Интернет-пространстве. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019, 21 (2). – 208—217 с.
7. Сотников С. А., Сотников А. А., Камнева Г. П. Особенности применения технологий интернет-коммуникации в политических кампаниях России. // Вестник Забайкальского государственного университета. Том 25. № 2. 2019. – 96-104 с.

A.L. PROTSENKO

**Master of the Department of Global Governance
and International Organizations of Lomonosov
Moscow State University**

Features of the use of political technologies in the Internet space

The purpose of this article is to identify the features of the use of political technologies in the Internet space. Particular attention in the course of the study is paid to the process of formation in Russia and in the world of new Internet technologies that have a direct impact on the course of the political process. As a result of the study, it was concluded that the use of political technologies becomes more effective due to Internet communications, which are a trend aimed at the development of the political system. The use of political technologies on the Internet ultimately significantly expands the choice of tools for conducting political campaigns. Due to this factor, the relationship between the state and citizens is being transformed, which has a direct impact on the further development of democracy. It was concluded that the use of political technologies in the Internet space not only expands the number of political campaigning tools, but also transforms social relations.

Keyword: *political technologies, Internet space, information age, application features.*

Literature

1. Belyakov N. S., Kurgacheva K. D. Internet technologies in the conditions of the modern political process. Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. Political science. 2019. V. 25. No. 1. – 162-174 p.
2. Volodenkov S.V. Features of Internet communication in the modern political process. Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2014. No. 2. – 12–20 p.
3. Golovin Yu.A. New political technologies in modern Russia. M.: NIPKTS Voskhod-A, 2009. – 210 p.
4. Demidchenko VV The concept of political technologies: essence, forms and types // Power. 2016. Volume 23. No. 12. – 140–142 p.
5. Dorozhkin Yu. N. Internet in election campaigns: modern features and functions // Power. 2007. No. 6. – 31-34 p.
6. Emelyanov AI Features of the use of political technologies in the Russian Internet space. // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2019, 21(2). – 208-217 p.
7. Sotnikov S. A., Sotnikov A. A., Kamneva G. P. Features of the use of Internet communication technologies in political campaigns in Russia. // Bulletin of the Transbaikal State University. Volume 25. No. 2. 2019. – 96-104 p.

А.А. ВЕТРЕНЮК
*магистрант кафедры регионального
и муниципального управления факультета
государственного управления
Московского государственного университета*
E-mail: andreivetrenyuk@gmail.com

Классификационные признаки войн и конфликтов В ПОЛИТОЛОГИИ

В данной статье рассматриваются актуальные подходы к типологии войн и конфликтов, приводится обобщенный, структурированный теоретический материал: видения и теории различных учёных и организаций относительно дефиниций, причин и типологий войн и конфликтов. В работе приводится критика существующих подходов к определениям и типологиям войн и конфликтов, так как ко многие из них представляются размытыми, ввиду наличия к ним ряда вопросов, в том числе неоднозначные критерии. Также в работе автор затрагивает актуальные проблемы неоднозначности некоторых дефиниций таких, например, как насильственный конфликт. На основе проведённой работы автором были получены выводы о соотношении таких явлений как война и конфликт, а также были выявлены факторы, позволяющие различать эти два понятия.

Ключевые слова: война, конфликт, источники конфликта, насильственный конфликт, характеристики войны.

Definition and typology of conflicts

Conflict can be defined as disagreement or incompatibility between principles, interests or opinions. It is the state of opposition, antagonism or struggle. Peter Wallestein [9, p. 16] defines conflict as a situation in which two or more parties strive to acquire the same scarce resources at the same time.

Peter Moore [4, p. 60-61] identified five sources of conflict: values, relationships, data, interests and structure. The circle is adapted to include language as a source of conflicts and expands values conflicts to include adaptive challenges. The adapted circle depicts the six sources graphically. Understand that conflicts often have multiple sources. Sources of conflict that are

difficult to resolve tend to persist over time. This can be displayed as a circle divided into 6 sectors [5]. The sectors are structural conflicts, data conflicts, interest conflicts, values conflicts, language conflicts, relationship conflicts.

Structural conflicts are the most common type of conflict and include such sources are: how a situation is set up, formal role definition, time constraints, geographical or physical constraints, unequal power or authority, unequal control of resources. Sources of data conflicts are lack of information, misinformation, ideas of relevancy, interpretation of the data, assessment procedures. Interest conflicts cover just 2 sources, which are substantive and procedural. Values conflicts include 4 possible sources: adaptive challenges, world view, beliefs and principles, habits of mind and heart, personal identity. Next group of conflicts is language conflicts that have 3 various of sources: cross-talking, definitions, communication pLiterature. And the last type of conflict is relationship conflicts and include 6 different sources: troubled past history, strong negative emotions, habitual misperceptions, negative projections, defensive or aggressive reactions.

This typology of conflicts sources can be useful for understanding the roots of the conflict, as well as for choosing the right measures and corresponding policy for ending the conflict. Also, if the right sources were found, there's always a possibility for preventing this type of conflicts in the future. Finding a source of the conflict points out weaknesses of current policy. To be honest, there's also some other typologies of conflict sources and goals, but all of them highly correlate with the Circle of Conflict by C.W. Moore.

There are 2 major groups of conflict types depending on the geography of the conflict [2].

1. Intra-national conflicts. This type of conflicts is characterized by taking place inside one nation-state (or country) and all the sides of the conflict take place in one country. Therefore, we can barely include colour revolutions in this type, as there's other states actively supporting one of the sides (usually the opposition or protesters). Variety of intra-national conflicts is huge and can be:

Class-to-class;

Social group-to-social group;

Inter-ethnic frictions, hostilities, genocide;

Territorial or separatist conflicts;

Coup-d-etat;

Revolution;
Civil war.

2. Inter-national conflicts. These conflicts involve multiple state actors or non-state actors such as Al-Qaeda or ISIS. These conflicts can take many shapes, such as:

Nation state-to-Nation state;
Coalition (Alliance)-to-Coalition (Alliance)
Nation-state to non-state;
Non-state actor-to-Non-state actor.

There are also other typologies of conflicts. For example, Uppsala Conflict Data Project (UCDP) [8] has categorized armed conflicts into three different types.

Minor conflict: at least 25 battle related deaths per year

Intermediate conflicts: more than 25 and less than 1000 battle related deaths per year.

War: 1000+ battle related deaths per year

And the last, but not the least, on the basis of origin International Humanitarian Law (IHL) has divided conflicts into three different categories.

International armed conflicts: Armed conflicts between two or more than two countries. e.g., India China war, India Pakistan War, US Vietnam war.

Internationalized non-international armed conflicts: Interstate armed conflict where another state helps the insurgent groups. e.g., Armed conflict inside Syria.

Non-international armed conflicts: Interstate wars, e.g., Civil war of Nepal.

Summarizing, it's safe to say, that there's a lot of conflicts typologies and conflict-related typologies at the moment. However, every one of them is quite unique and brings in new details to the way of studying the conflicts. Applying those models to the real or past conflicts can provide valuable data and better understanding of the sources of conflicts, their process, and outcome.

Definitions of war

Currently there's 2 major approaches to a scientific definition of war – quantitative and qualitative. First approach is based on the numbers of deaths caused by violent clashes, regarding both direct and indirect causes. By that approach, conflict turns into a war when number of deaths crosses a certain threshold. This approach was briefly mentioned earlier. The most known and influential typology in terms of the quantitative approach was

developed by David Singer and Melvin Small in the framework of the 'Correlates of War (COW)' project [7, p. 243-270]. According to this approach, a war is any violent conflict with at least 1,000 killed combatants per year. To exclude genocides and sporadic massacres from this definition, both parties to the conflict must have organised themselves to commit collective violence, or the party with the least combatants must have inflicted at least five percent of their own losses on the opponent. However, this approach suffers some criticism. For example, some scientists say, that applying absolute numbers to evaluate whether it's a war or a conflict, is not relevant for small states. To solve this issue, they suggest to use the population proportional numbers of the affected states to assess more precisely.

Most quantitative approaches, however, have not yet been able to compete with the popularity of the threshold of 1,000 killed soldiers defined by Small and Singer. The conflict data base developed by the University of Uppsala in Sweden, which also was briefly mentioned earlier, offers a further development of the definition by COW [6]. It does not limit itself to the losses of the regular armies but also includes civilian casualties of direct physical violence. It allocates violent conflicts to three different intensity levels. While its definition of "war" still follows the COW approach of more than 1,000 deaths per year, it additionally differentiates between "smaller armed conflicts" (at least 25 deaths per year but less than 1,000 deaths in the entire conflict), and "medium-sized armed conflicts" (more than 1,000 deaths in the entire conflict but less than 1,000 deaths in each single year) (cf. map layer number of victims of war). This quantitative differentiation of different levels of intensity is useful as it takes into consideration violent conflicts beyond the "war" threshold.

On one hand, definition of war that is based purely on the number of victims has a number of statistical advantages and helps to compare wars in historic retrospective, on the other hand, it has a number of serious issues such as indirect deaths, caused by social, economic, environmental and cultural impacts of the wars. Furthermore, the number of victims can easily be manipulated by the involved sides.

This leaves us a question, whether a war should be identified purely by its direct effects, or by its characteristics, patterns and overall logic. This brings us to qualitative definitions of war. One of those definitions was made by Istvan Kende. He distinguished 3 base characteristics of war.

"Two or more armed forces are participating in the fighting, at least one of which are regular fighting forces (military, paramilitary units, police) of the government;

There must be a minimum of central control of the fighters on both sides, even if this manifests itself as organised armed defence or planned assaults (guerrilla operations, partisan war, etc.);

Armed operations continue and are not occasional, spontaneous clashes; i.e., both sides operate according to a planned strategy regardless of whether fighting takes place on the territory of one or more societies and of how long they take."

However, this approach has its weaknesses as well. For example, state actors and state borders are not taken into account. Also, there's an understanding of war as of status-quo, as in the quantitative definitions. And the criteria of separating wars and violent conflicts is not so clear, though it's said that "violent conflicts (...) that do not entirely fulfil the criteria of a war.". So, we can surely say that war is the type of violent conflict between 2 or more actors, but the key features of defining war and conflict depend on different approaches. It can be the number of victims, social, economic, politic impact, caused by those actions, systematic and directed actions and others.

Typologies of war

The Working Group for Research on the Causes of War (AKUF) [1] at Hamburg University, which was mentioned earlier, differentiates following wars, based on causes and goals.

"anti-regime wars" ("wars about the overthrow of the ruling party or the change or maintenance of the political system").

"wars about autonomy- and secession" ("wars about a larger regional autonomy within the state or the secession from the state").

"interstate wars" ("wars in which the armed forces of established governments confront at least two state territories, regardless of their status under international law").

"decolonisation wars" ("wars about the liberation from colonial rule").

Other wars (if the war doesn't clearly fit any of four other types).

This kind of typology can be problematic as there's often more than one cause manifests in one individual conflict. Also, the goals of the involved parties tend to change throughout the conflict process.

This brings us to another typology of wars, which is based on the actors involved.

Symmetric, intra-state wars. A violent conflict between two states.

Asymmetric, war between a state and a non-state party.

Asymmetric wars, however, can be divided in two sub-categories.

Intra-state violent conflict. A war between a non-state actor and a state in one's state borders.

Extra-state (extra-symmetric) violent conflict. It takes place between one non-state actor and one state actor outside of state's borders. For example, as in the war of Western NATO states against the Taliban in Afghanistan.

The Uppsala Conflict Data Program develops this idea and adds one more type of wars – internationalized intra-state conflicts. This means one non-state actor fights state actor supported by assistance of other states within the existing borders. Also, the German political scientist Sven Chojnacki adds one more type to this typology "Sub-state violent conflicts". Which means violent actions between two non-state actors in existing borders of a state.

Besides, we can highlight typology of wars that is based on the used generation of weapon [3, p. 22-26]. 1st Generation warfare (1648-1860), 2nd Generation Warfare (WWI), 3rd Generation Warfare (late WWI and throughout WWII), 4th Generation Warfare (During and post Cold War). And we can apply same typologies of sources and goals of conflicts, which were mentioned earlier, onto wars.

As we can see, typologies of conflicts and wars are very alike. The reason is that war is a type of conflict. Consequently, most classifications of conflicts and their constituent parts are absolutely applicable in relation to the assessment of wars. At the same time, it is worth drawing a line between "conflict" and "war", which was done in this work. We believe that there is no single correct approach in defining war as a type of conflict. Each approach has its own advantages and disadvantages for different situations.

Literature

1. Arbeitsgemeinschaft Kriegsursachenforschung (AKUF).
Kriegsdefinition und Kriegstypologie URL: <https://www.wiso.uni-hamburg.de/fachbereich->

sowi/professuren/jakobeit/forschung/akuf/kriegsdefinition.html
(Accessed 10.05.2022)

2. Goldstone, Jack A., et al. (2009): State Failure Task Force Report: Phase III Findings. McLean, VA: Science Applications International Corporation, 30 September 2000.

3. Lind, William S.; Nightengale, Keith; Schmitt, John F.; Sutton, Joseph W.; Wilson, Gary I. (October 1989), "The Changing Face of War: Into the Fourth Generation", Marine Corps Gazette

4. Moore, The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict; 2nd edition, 1996

5. Pillsbury J. B. The Circle of Conflict Adaptation. Based on Christopher W. Moore's Circle of Conflict URL: https://partnership-academy.net/_files/2000031543265441fd/Circle%20of%20Conflict%20Adaptation.pdf (Accessed 02.05.2022)

6. Sarkees, Meredith R. (2010): The COW Typology of War: Defining and Categorizing Wars (Version 4 of the Data).

7. Singer, J.D., The "Correlates of War" Project: Interim Report and Rationale World Politics Vol. 24, No. 2 (Jan., 1972).

8. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. URL: <https://ucdp.uu.se/> (Accessed 23.04.2022)

9. Wallensteen. 'Understanding Conflict Resolution: War, Peace and the Global System', Sage, 2011.

A.A. VETRENIUK

***Master's student of the Department of Regional
and Municipal administration of the School
of Public Administration, Moscow State University***

Classification signs of wars and conflicts in political science

The article discusses current approaches to the typology of wars and conflicts, provides a generalized, structured theoretical material: the visions and theories of various scientists and organizations regarding the definitions, causes and typologies of wars and conflicts. The paper criticizes the existing attitudes to the definitions and typologies of wars and conflicts, since many of them seem to be unclear due to the presence of a number of open questions, including undefined criterias. Also, the author raises the issue of the ambiguity of some definitions, such as, for example, violent conflict. In the process of writing the article the author came to a few conclusions about the relationship between such phenomena as war and conflict, and also identified factors that make it possible to distinguish between these two concepts.

Keyword: war, conflict, sources of conflict, violent conflict, characteristics of war.

К.С. ЖУЛИКОВА

*аспирант кафедры политологии, государственного
и муниципального управления
РАНХиГС при Президенте РФ,
Среднерусский институт управления –
филиал (г. Орел)*
E-mail: t-pfaifer@mail.ru

А.В. ВОРОБЬЕВА

*аспирант кафедры социологии
и информационных технологий
РАНХиГС при Президенте РФ,
Среднерусский институт управления –
филиал (г. Орел)*
E-mail: vorobyova.nastya1@mail.ru

Влияние социального потенциала молодежи на политическую мобилизацию в условиях развития Интернет-технологий

*В современном обществе посредством средств массовой информации оказывает значительное влияние на все слои населения. В данном процессе задействованы все без исключения средства массовой информации. Современное общество подразумевает стремительное развитие разнообразных коммуникационных технологий. Именно с их развитием стало возможно глобально воздействовать на гражданское общество. Результатом такого воздействия является социальный потенциал различных слоев населения. Важнейшим принципом политической мобилизации является вовлечение в политическую ситуацию различных слоев общества. Вне всякого сомнения, важнейшей целью для политической мобилизации выбрана наиболее активная часть населения страны – молодежь. В связи с этим, актуальным становится изучение влияния социального потенциала молодежи на политическую мобилизацию. **Цель:** изучение процесса влияния социального потенциала молодежи в условиях развития интернет технологий. **Методология исследования** – анализ влияния социального потенциала на политическую мобилизацию современной молодежи.*

Ключевые слова: социальный потенциал, политическая мобилизация, молодежь, влияние, интернет.

Еще со времен появления первых государств важнейшим фактором развития общества всегда являлась система механизмов воздействия на социальный потенциал граждан. Современный этап социального развития можно охарактеризовать многообразием различных связей на всех уровнях. Данные связи проникают во все регионы и затрагивают каждого члена общества. И сегодня как никогда значение воздействия различных информационных потоков на общество заметно возрастает. Любая социальная активность является непременным условием начала и окончания различных процессов в обществе, поиска всевозможных решений и компромиссов, провозглашения позиций и отказа от них и так далее.

Наиболее актуальным направлением современных политических исследований является изучения механизма влияния социального потенциала на политический мобилизационный потенциал. Здесь наиболее интересен тот факт, что повсеместное использование интернета делает практически невозможным существование авторитарных и тоталитарных режимов, так как политические силы не имеют возможности контролировать распространение информации на территории страны.

Однако, представители власти постепенно учатся применять интернет-ресурсы в собственных интересах. Здесь можно отметить такие цели как снятие политической напряженности в обществе, воздействие на онлайн-ресурсы оппозиции, либо объединения различных слоев общества при электоральной необходимости (выборы, общественные слушания и т.д.).

Сегодня различные мобилизационные технологии условно обуславливают «коллективную активизацию различных слоев населения посредством интернет-технологий для участия в политических акциях». Такие технологии характеризуются присущими только им признаками: доступностью, оперативностью интерактивностью. Данные элементы предопределяют пристальное внимание к политическим мобилизационным технологиям в вопросе различных политических коммуникаций

Впервые применение мобилизационных технологий как разновидности орудия воздействия как власти, так и оппозиции в политической ситуации особенно проявилась во время «арабской весны».

По мнению Ю.А. Ильичевой, различные политические мобилизационные технологии «могут использоваться для достижения как конструктивных, созидательных целей (активизация социальных групп, сплочение народа), так и разрушительных (снижение активности социума, дестабилизация, дезорганизация)».

Медиаресурсы сети Интернет в данном процессе исполняют лишь технологическую роль при координации общественных масс.

В современной отечественной научной литературе до настоящего времени не выработана общая трактовка термина «мобилизационные технологии», поэтому мы предполагаем, что необходимо опираться на определение термина «мобилизация», предложенного в «Толковом словаре» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «приведение кого-нибудь или чего-нибудь в состояние, обеспечивающее успешное выполнение какой-нибудь задачи».

Термин «политическая мобилизация», также малоизучен и оставляет исследователю широкий диапазон трактовки. Например, российский политолог Р.Т. Мухаев считает, что «политическая мобилизация предполагает высокий уровень участия масс в политике, их идеологическое ангажирование, быстрое достижение намеченных целей. Для их реализации необходимы: преобразование различных ожиданий, часто неосознанных, в конкретную программу, политический курс; наличие политических идей, способных сформулировать мотивацию политического действия у значительных слоев населения; координация и регуляция совместных политических действий; наличие достаточных экономических, организационных и иных ресурсов; авторитет политических лидеров».

Молодежь является важнейшим субъектом социальных перемен. Молодые люди всегда были двигателем социальных перемен всех масштабов – от различных влияний на законодательство на самом низком уровне до крупнейших перемен в виде революций, войн или масштабных изменений политической ситуации в стране.

Ядром политической модели являются пользователи новых технологий – граждане и гражданское общество, поскольку сама идея создания четырехзвенной спирали направлена в первую очередь на стимулирование создания инноваций, важных для пользователей. Именно пользователи определяют инновационный процесс и являются его движущей силой. Получается что политическая подсистема

спирали выполняет одновременно несколько функций: потребители, со-разработчики, со-создатели инновационных продуктов, услуг и решений.

Интеграционные процессы формируют образ политической модели общественной жизни посредством успешного функционирования подпроцессов коммуникационного процесса на уровне государства, за которые непосредственно отвечает интеграционная программа, разработанная соответствующими политическими органами. Эффективное сотрудничество реального общества и политики основано на их взаимодополняемости, поскольку развитие активного социального потенциала подразумевает участие фундаментальной и прикладной науки.

Стоит помнить, что молодежь – это такая общность, которая находится в стадии ценностного становления. Обязательным элементом развития социального потенциала молодежи является прививание определенных ценностей, формирование ценностной структуры.

Здесь требуется упомянуть одну немаловажную деталь – первичным окружением ценностного формирования молодежи является семья. В семье молодые люди приобретают те или иные взгляды на жизнь, привычки, правила поведения и т.д. Однако требуется помнить, что по мере взросления молодые люди начинают общаться со сверстниками, поглощать информацию из сети Интернет, из телевидения, проводить свои анализы и делать выводы относительно того, что происходит вокруг.

В настоящее время молодежь однозначно является целью номер один для политических манипуляций как внутри страны во внутренних идеологических битвах, так и в международной информационной войне, масштабы которой на международном уровне многократно возросли. Причинами подобного целенаправленного интереса скроются в особенностях молодежной культуры, которые в российской науке последнего времени являются недооцененными. Этот факт отмечает в научных трудах Е.Л. Омельченко, четко показывая на незаслуженное игнорирование сообществом такого важнейшего фактора. Только в последние два десятка лет молодежный активизм перешел из политического пространства в область культуры [8]. Вместе с тем К. С. Курганский отмечает, что само понятие «молодежной культуры», во многом расходится и не отождествляется с терминами «молодежная субкультура» и «молодежная контркультура», а

полностью изображает деятельность молодежи как отдельного субъекта культуры [9, с. 11–12]. Следующий важный элемент молодежной культуры предлагает С. П. Цаплина, заявляя, что данная культура не является элементом отдельно взятой группы, а характеризует целое поколение. Ценности молодежи во многом детерминируют и детерминируются социальной и культурной динамикой, берут на себя роль источника масштабных преобразований [10].

Опрос, проведенный в России в 2020 году, выявил количество граждан, использующих Интернет (см. рисунок 1).

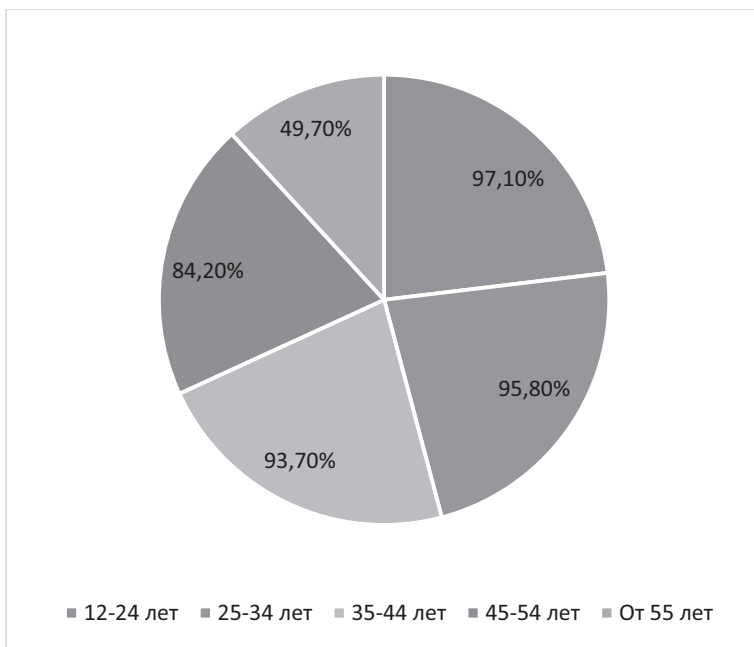

Рис. 1. Россияне, использующие Интернет, в разных возрастных категориях. 2020 год [10].
(Russians using the Internet, in different age categories. 2020)

На основе существующих в молодежной среде ценностей и фрагментов разнообразных социальных норм вырабатываются либо новые, либо обновленные смысловые конструкции, характеристики которых помимо специфических социальных имеют в своем распоряжении базовые культурные содержания, которые отражают специфику молодежной среды как субъекта социальной жизни.

К научному исследованию социального потенциала современной молодежи и его влиянию на возможность политической мобилизации ученые разных стран обратились относительно недавно, но за короткое время смогли воссоздать в данной области целый массив эмпирических наблюдений и теоретических изысканий. Все это во многом позволило изучить закономерности воздействия на социальный потенциал с точки зрения повышения качества политической мобилизации.

Сегодня в различных слоях общества распространена своего рода унификация социальных признаков среди молодежи в разнообразных континентах, государствах элементами массовой потребительской культуры. Данное явление является следствием процесса глобализации общемировой экономики.

В процессе политической мобилизации отдельно взятый индивид начинает превращаться в субъект политической и социально-экономической деятельности. Параллельно индивид становится и субъектом политической мобилизации.

Одной из основополагающих социально-демографических групп, на которую государство стремится определить свое наибольшее влияние, является молодежь.

Все политические силы, актеры заинтересованы в возможности влияния на действия молодежи. Если говорить о политических партиях, то политическая мобилизация молодежи представляет собой набор действий, которые сделают из максимального количества молодежи сторонниками своей идеологии. Главным образом, это проявляется в действиях, которые побуждают молодых людей приходить на выборы и голосовать за ту или иную партию. Ведутся различные программы, в которых подразумевается привлечение на сторону одной партии, при этом, показывая иные партии не с самых лучших сторон.

Сам феномен политической мобилизации молодежи можно рассматривать как инструмент, с помощью которого молодые люди становятся субъектами социально-политической деятельности.

Молодежь – это максимально репродуктивный источник граждан в любом государстве. Совсем юные или, наоборот, люди зрелого и пенсионного возраста, имеют гораздо меньше шансов на создание семьи и воспроизведение себе подобных. Особым моментом здесь является стремление

политических сил способствовать воспроизведению населения. Если в однопартийных государствах, например, в Северной Корее, это является обычным делом, то в странах Европы среди политиков начинается особая конкурентная битва.

Кушнырева А.В. указывает на то, что «молодежной культуре всегда присущи и отдельные контркультурные элементы, олицетворенные в постигнутом и очень часто враждебном отчуждении от наборов ценностей, общественных идеалов, моральных и нравственных убеждений более старших поколений. Зачастую в базе развития контркультурного стиля молодежи лежат именно социальные и психологические особенности развития молодежи –желание выделиться, показать собственное «я» любой ценой, доказать свою независимость и самостоятельность» [9].

Как отмечает М.М. Гридчина, «для молодежи Интернет становится стандартом потребления, жизненного комфорта, как собственный автомобиль или путешествие за границу. Вместе с тем нельзя не отметить, что «паутина» становится свалкой, бесконтрольным местом, где помещаются материалы фашистского, расистского характера. Там пользователь может найти все: и полезное, и запретное (как изготовить бомбу, как совершить террористический акт). Интернет создает свой особый «виртуальный» мир, параллельный мир, в котором молодой человек живет по своим законам. Возможность анонимного участия в сетевом общении нередко формирует у молодых людей представление о вседозволенности и ненаказуемости любых проявлений в сетевой среде» [5]. Исследователь утверждает, что «анонимность и отсутствие запретов освобождают скрытые комплексы (в первую очередь связанные с тягой к насилию и сексуальностью). В итоге меняется стиль поведения личности, который определяется как девиантный. В сети легко обнаружить сайты, где положительно оцениваются такие явления, как сатанизм, наркомания, педофилия и другие виды сексуальных извращений. Молодые люди с неустоявшейся психикой при посещении подобных сайтов нередко виртуальные идеи переносят в повседневную жизнь» [3].

Как правило, в процессе социализации в интернет среде происходит перестроение всех базовых сфер жизнедеятельности человека. К примеру, процесс получения образования в современном мире часто сводится к заочному присутствию на сетевых занятиях и вебинарах. Организация досуга и

непосредственной профессиональной деятельности с использованием интернет технологий также значительно отличается от традиционного. Современные условия организации жизненного пространства требуют от молодежи постоянного наличия устойчивого доступа в информационную сеть с целью поиска необходимой информации, виртуального общения. Отсутствие такого вида коммуникативного воздействия длительное время может спровоцировать отсталость от современного общества и привести к маргинализации.

Значительное число коммуникативных процессов молодого поколения приходится непосредственно на социальные сети. Здесь молодежь привлекает возможность быстро взрастить собственную популярность среди других пользователей, не прилагая значительных усилий для достижения цели.

Сегодня каждый может самостоятельно начать вести собственный блог в интернете или создать аккаунт на видеохостинге. Администрируя данный проект лично или через привлекаемых специалистов можно добиться роста просмотров и подписчиков. При этом не особенно играет роль какой именно контент будет на аккаунте. Можно публиковать собственные фотографии или видеозаписи, анализировать какие-либо социально значимые события, выкладывать видеоуроки или делиться собственным жизненным опытом, например, фиксируя заметки о собственном путешествии. Все это приводит к иллюзии, что небольшими усилиями можно достигнуть той фантастической планки известности и популярности, огромного количества почитателей. Единственным непременным условием для достижения поставленной цели в данном направлении должно быть четкое следование законам функционирования по правилам интернет-сообщества.

Все это делает необычно привлекательным присутствие человека в информационном пространстве с использованием интернет-технологий. Это в свою очередь способствует совершенствованию навыков социализации на просторах всемирной информационной сети и заставляет молодежь более активно повышать собственную эффективность использования интернет пространства.

Развитие социального потенциала молодежи должно проходить в общественном русле, то есть с опорой на общепринятую систему ценностей и моральных традиций. Однако, необходимо учитывать специфичность молодежной культуры.

Интересен тезис В. К. Сергеева: «Предоставить молодежи высшее образование недостаточно, чтобы быть уверенным, что веками складывающаяся и оберегаемая предками многонациональная культура передастся в надежные, заботливые руки, которые сохраняют и приумножат ее. Общество должно развивать в молодых людях не только интеллектуальные способности, но и высочайший уровень духовности» [11].

Здесь главной проблемой остается наблюдение за молодежными смыслами, анализ факторов, которые оказывают влияние как на степень духовности молодежи, так и на приобретение их к культурным традициям и общественным идеалам.

Из таких факторов можно отметить образовательный и коммуникативный процесс в учреждении образования, средства коммуникации, базовые семейные традиции, приобретенные ценности молодежных групп, межличностные контакты и так далее. Студенты в качестве главных источников информации о ситуации в стране и мире называют Интернет, телевидение, друзей/однокурсников, газеты/журналы, близких родственников, радио и другие источники. Бесспорно, ведущая роль Интернета и телевидения в процессе получения основной политической информации.

В среде молодежи всегда идет энергичный процесс модификации полученных снаружи фактов в инварианты заимствуемых моделей с помощью преобразования существующей действительности в новую технологическую реальность. Эта относительно новая «среда обитания» молодежных социологических смыслов энергично способствует подобной модификации: в виртуальной реальности смысловые конструкции распространяются значительно быстрее, почти не наталкиваясь на сопротивление.

В новой технологической реальности огромный объем мало контролируемой информации во многом способствует организации «культурного хаоса, который размывает любую возможную культурную идентичность» [6].

Молодое поколение всегда открыто к технологическим обновлениям, но при этом не всегда имея за плечами достаточного реального социального опыта приспосабливается к изменяющимся условиям информационного общества путем приобретения негативного опыта, зачастую крайне отрицательного.

М.Н. Извекова определяет «новые условия внешней, социокоммуникативной среды начала XXI в., в которых происходит социальное развитие российской молодежи:

– противоречия постиндустриальной цивилизации явились причиной формирования совершенно нового типа коммуникативного взаимодействия, обеспечиваемого огромным количеством коммуникативных средств и посредников;

– произошло не только увеличение во все нарастающих размерах роли СМИ, Интернета, сотовой связи во взаимодействиях между молодыми людьми, но и изменение их образа жизни за счет трансформации социальных механизмов, обеспечивающих структурирование и функционирование коммуникативного пространства;

– развитие средств массовой информации, раскрывающее широкие возможности воздействия (вплоть до манипулирования) на массовое сознание, включает страны мира в неизбежную культурную глобализацию. Глобализация социокультурных процессов благодаря СМИ ощущается самыми широкими слоями населения, в том числе молодежью;

– быстротечность, фрагментарность, отмечаемых, в первую очередь, в сфере межличностных коммуникаций, а также в сфере потребления и услуг. Но именно эти сферы оказывают наибольшее влияние на современного молодого человека» [7].

Как отмечают М.К. Горшков, М.К. и Ф.Э Шереги: «Роль массовой коммуникации в социальном взрослении молодежи, в формировании ее мировоззрения неоспорима, особенно в век всеобщей информатизации. В каждом государстве массовые коммуникации являются либо конструктивным, либо деструктивным средством формирования массового сознания, ценностных ориентаций, политических и общегражданских установок молодого поколения. В последнее десятилетие в России, как и во всем мире, интенсивное развитие электронной информационной технологии внесло существенные коррективы во влияние традиционных СМИ на молодежь:

– в аспекте тематического содержания характер информационного воздействия на молодежь из массового превращается в индивидуализированный;

– степень информационной свободы нового поколения увеличивается «семимильными шагами» за счет интенсивного развития и широкого распространения электронных технологий: компьютера, Интернета, мобильного телефона, мобильных электронных носителей информации;

– в результате резко уменьшается потенциал государственных институтов в формировании массового сознания, мировоззрения молодого поколения» [7].

Современная общественная действительность испытывает конкретные перемены, предопределенные рядом значимых условий: глобализацией, упадком классических ценностей, воздействием модернизационных процессов.

Для молодежи сеть Интернет сегодня практически заменяет реальное общение. Намного проще написать короткое сообщение в мессенджере или отправить его через телефон, чем совершать традиционный звонок и непосредственно пообщаться. Во-многом, использование интернета позволяет скрыть недостатки владения навыка коммуникативного общения со сверстниками и окружающим миром.

Сама сеть Интернет со всеми ее коммуникативными возможностями и информационными ресурсами изначально была призвана облегчить процессы коммуникаций и поиска нужной информации для любого человека. Однако, сегодня на просторах сети уже зародилась и активно развивается новая условная реальность. Здесь можно говорить о том, что эта реальность является определенной конфигурацией условного измерения окружающей действительности.

Сегодня сеть Интернет стала новым местом, предлагающим пользователю цифровые, передовые научные и технические возможности, новейшие разработки в области телекоммуникаций.

С момента первого контакта со средствами Интернет коммуникаций пользователь попадает в некое облако симпатии, что крайне выразительно усваивается сознанием. В сети каждый пользователь лучший, у него все получается без приложения чрезмерных усилий с его стороны. Технологии всегда приходят на помощь при каких-то затруднительных ситуациях, или предлагают определенный автономный алгоритм решения задачи в «фоновом режиме», то есть без явных действий оператора. Все это приводит к усвоению определенных навыков. У молодежи складывается впечатление, что в реальной общественной жизни все также просто, как в Интернете. Если у тебя что то не получается, то максимум что нужно найти определенный ресурс или приложение, которые избавят тебя от рутинной деятельности и сделают все за тебя «за пару кликов».

Все это неминуемо порождает у молодежи некоторое отторжение актуальной сферы личности и общества. Молодежь стремится значительно уменьшить количество общественных взаимоотношений и повысить собственную индивидуализацию.

Главной угрозой повсеместного использования интернет-технологий в повседневной жизни для молодежи является утрата навыкой социализации личности. Иными словами, в реальной жизненной ситуации подросток ведет себя скованно, немногословно и отчужденно. Однако, все меняется, когда он заходит в интернет или социальную сеть. Здесь, чтобы быть известным, не надо прилагать огромную массу усилий, не надо следить за своей внешностью, посещать спортивный зал. В социальной сети популярность определяется лишь количеством привлеченного внимания со стороны других пользователей. Следовательно, все что нужно это загрузить на свою страничку выгодный контент (яркие фотографии, короткие видеосюжеты, новостные посты). Все это можно сделать самостоятельно за короткое время. К тому же всегда можно часть этой «работы» переложить на искусственный интеллект. Основная деятельность подростка на просторах сети интернета сводится лишь к лицезрению подобного контента и погоней за «лайками», «репостами», «классами» и прочими сетевыми атрибутами популярности.

С технической точки зрения все новейшие средства сети интернет направлены на облегчение процесса социализации и взаимодействия с другими участниками сообщества.

Сетевые онлайн-общества (СИС) представлены структурной частью пространства. В научной литературе в области интернет коммунизаций существуют определения конфигураций общественной интеграции и осуществлении общественных интересов условных сетевых сообществ.

Любое сетевое онлайн-сообщество обладает рядом уникальных характеристик и потенциальных возможностей для каждого пользователя. Однако, при всем разнообразии, можно выделить некоторое количество базовых принципов. Сюда следует отнести доступность информационных ресурсов сообщества в равной степени для каждого участника, различный уровень анонимности процесса взаимодействия, а также относительную свободу входа и выхода из процесса взаимодействия с другими участниками сообщества.

Именно эти базовые принципы формирования и функционирования сетевых онлайн-сообществ являются ключевыми и играют решающую роль в вопросах влияния на участие в них для конечных пользователей.

С одной стороны, такие принципы и жесткое их соблюдение всеми членами сообщества являются положительными и предоставляют пользователю дополнительные коммуникативные возможности по сравнению с реальными проявлениями различных форм социального пространства.

Пользователю не надо прилагать усилий, чтобы начать процесс коммуникации внутри сообщества. На это никак не влияет его географическая удаленность от субъекта взаимодействия, отсутствуют языковые барьеры или легко они легко решаются с помощью различных онлайн-переводчиков. Раскрывается неограниченный потенциал для личности пользователя в области смены имиджа, применения разнообразных моделей поведения и стиля коммуникативного общения.

С другой же стороны, все те же базовые принципы сетевых онлайн-сообществ (общедоступность, анонимность и свобода входа и выхода из сообщества) являются отрицательными факторами воздействия на развитие социального потенциала подростка. В сообществе трудно получить какую-то уникальную информацию, кроме той, которая находится в свободном доступе для каждого члена сообщества. С большой долей вероятности в сообществе невозможно отыскать реального человека, ведь твой собеседник, пользуясь принципом анонимности и прикрываясь собственноручно созданным аватаром, может в реальности оказаться кем угодно, не имеющим ничего общего с данными профиля его страницы. К тому же сам процесс межличностной коммуникации в любой момент может быть прерван с любой стороны без объяснения причин, по одному «клику мышки» без возможности восстановления.

Все это приводит к развитию у молодежи специфических навыков социального поведения, отличных от привычных моделей для более старших поколений.

В вопросах развития социальных наук и знаний на современном этапе развития общества необходимо сделать упор на преодоление негативных последствий для личности от ежедневного использования в реальной жизни современных коммуникативных технологий.

При грамотном и ответственном использовании возможностей, предлагаемых человеку современными онлайн-технологиями, возможно значительное упрощение различных процессов социализации.

Онлайн-образование, расширение кругозора и набора знаний за счет доступности информации, возможность установления коммуникации за минимальны отрезок времени – все это положительные влияния сетевых технологий на социум.

Развитие подобных технологий и внедрение их в повседневную жизнь молодежи должно стать вектором развития нового раздела социальной науки.

Литература

1. Баранов В.В. Проблемы влияния информационных технологий на молодежь // Власть. – 2018. – № 1. – С. 31 – 33.
2. Богдановская И. М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе Родины у современной молодежи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 15–27.
3. Веденеев Л.Д. Интернет как средство массовой информации // Современное общество. – 2018. – № 6. – С. 52 – 54.
4. Веретенников Б.Р. Средства массовой информации. Интернет // Журналист. – 2017. – № 4. – С. 41 – 43.
5. Гридчин М.М. Проблемы влияния информационных технологий на молодежь // Власть. 2007. № 9.
6. Железкина Е.Л. Российская медиасреда // Культура России. – 2017. – № 3. – С. 111 – 112.
7. Извекова М.Н. Влияние информационно-коммуникативной среды на становление молодежи как социальной группы в структуре общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1.
8. Интернет и механизмы социального контроля / Литвиненко А.В. Современные интернет-технологии и социум. 2020. URL: http://www.it-safety.org.ua/biblioteka/litvinenko_4.htm (дата обращения: 01.08.2022)
9. Кушнырева А.В. Виртуальные сети и их польза // Всё о масс-медиа. – 2018. – № 3. – С. 76 – 79.
10. Mediascope: анализ аудитории рунета за 2020 год / Кейсы и исследования. 2021. URL: <https://blog.miralinks.ru/2021/02/08/russian-internet-users-analysis-mediascope/> (дата обращения: 01.08.2022)
11. Моисеенко А.И. Проблемы Общения молодежи в сети Интернет // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: материалы XIV Междунар. конф. молодых ученых. Пермь, 2011.
12. Сергеев В. К. Молодежь Москвы: от культa силы – к культуре мира. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 45 с.

K.S. ZHULIKOVA
*postgraduate student of the department of political
science, state and municipal management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Orel, Russia)*

A.V. VOROBYEVA
*Postgraduate student of Sociology and Information
Technologies Department, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Orel, Russia)*

The Impact of Young People's Social Potential on Political Mobilization in the Context of the Development of Internet Technologies

In modern society through the media has a significant impact on all segments of the population. In this process all media are involved without exception. Modern society implies a rapid development of various communication technologies. It is with their development that it has become possible to have a global impact on civil society. The result of such influence is the social potential of various strata of the population. The most important principle of political mobilization is the involvement of different segments of society in the political situation. Undoubtedly, the most important target for political mobilization is the most active part of the population of the country – young people. In this connection, the study of influence of social potential of youth on political mobilization becomes actual. Purpose: studying the process of influence of social potential of youth in the conditions of development of Internet technologies. Research methodology: analysis of influence of social potential on political mobilization of modern youth.

Keyword: *social potential, political mobilization, youth, influence, Internet.*

Literature

1. Baranov V.V. Problems of the influence of information technologies on youth // Power. – 2018. – № 1. – pp. 31-33.
2. Bogdanovskaya I. M. Psychological mechanisms of transformation of traditional mythologies in the image of the Motherland among modern youth // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. 2011. No. 142. pp. 15-27.

3. Vedeneev L.D. Internet as a mass media // *Modern society*. – 2018. – № 6. – pp. 52 – 54.
4. Veretennikov B.R. Mass media. Internet // *Journalist*. – 2017. – № 4. – pp. 41-43.
5. Gridchin M.M. Problems of the influence of information technologies on youth // *Power*. 2007. № 9.
6. Zhelezkina E.L. Russian media environment // *Culture of Russia*. – 2017. – № 3. – pp. 111 – 112.
7. Izvekova M.N. Influence of the information and communication environment on the formation of youth as a social group in the structure of society // *Theory and practice of social development*. 2010. № 1.
8. The Internet and mechanisms of social control / Litvinenko A.V. *Modern Internet technologies and society*. 2020. URL: http://www.it-safety.org.ua/biblioteka/litvinenko_4.htm (accessed: 01.08.2022)
9. Kushnyreva A.V. Virtual networks and their advantages // *All about the media*. – 2018. – № 3. – pp. 76 – 79.
10. Mediascope: Runet audience analysis for 2020 / Cases and research. 2021. URL: <https://blog.miralinks.ru/2021/02/08/russian-internet-users-analysis-mediascope/> (date of address: 01.08.2022)
11. Moiseenko A.I. Problems of youth communication on the Internet // *Man in the world. The World in man: actual problems of philosophy, sociology, political science and psychology: proceedings of the XIV International Conference of Young Scientists*. Perm, 2011.
12. Sergeev V. K. *Moscow youth: from the cult of power to the culture of peace*. Moscow: RIC ISPI RAS, 2001. 45 p.

**Политические проблемы
международных отношений, глобального
и регионального развития**

УДК 355.01
DOI 10.34823/SGZ.2022.4.51856

А.Д. ЛОПУХА

*доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры тактики Новосибирского высшего военного
командного училища*

E-mail: lopoukha@yandex.ru

Т.Л. ЛОПУХА

*кандидат педагогических наук, доцент, заведующая
кафедрой военно-политической
работы в войсках (силах) Новосибирского
высшего военного командного училища*

(E-mail: lopoukha@yandex.ru)

С.Г. МАРКОВЧИН

*полковник, кандидат технических наук, доцент,
начальник Новосибирского высшего
военного командного училища*

E-mail: nvvku@mil.ru

Угрозы и вызовы современного мира и современная политика России

Статья посвящена рассмотрению современных проблем глобализирующегося мира и порождаемых ими для России вызовов и угроз. С учетом особой роли в процессе глобализации англо-саксонской элиты проведен анализ главных угроз национальной и военной безопасности России. Он свидетельствует о том, что принятая в 2014 году Военная доктрина РФ уже не полностью оценивает существующие военные угрозы и не предусматривает эффективные ответы на них. Не вошли в перечень угроз национальной безопасности формирование враждебного образа России, отсутствие общегосударственной идеологии и ценностей, недооценка положения государствообразующего русского народа. В статье предложены возможные ответы на существующие для России угрозы и вызовы.

Ключевые слова: *Россия в процессе глобализации современного мира, вызовы и угрозы для России, эффективные политические ответы на угрозы России.*

С учетом сформулированных нами ранее реалий глобализации как процесса построения «мирового государства», активно развернутого англосаксонской элитой в XIX веке, и проводимой ею геополитикой необходим анализ создаваемых для нашей страны вызовов и угроз.

Такая необходимость существует в силу того, что их недооценка уже не раз ставила Россию на грань не просто утраты геополитической субъектности, но и государственности. При этом определившие Россию, как центральную силу «мирового острова», главным противником на пути к мировому господству англосаксонские элиты (по К. Квингли – англо-американский истеблишмент) в ее ослаблении и развале зачастую использовали одинаковые методы.

Так, в 1915–1917 и в 1988–1991 годах ими активно готовились и использовали: группы революционеров (инакомыслящих); создание тотального дефицита продовольствия и предметов первой необходимости; подкуп и продвижение во власть своих агентов влияния; разжигание сепаратизма окраин и др. [1].

Когда сейчас представители властных и дипломатических структур России сетуют на действия Англии на Украине, в Польше, в Прибалтике, порой задавая риторический вопрос: зачем, мол, им это, ответ на него прост – для изоляции и ослабления геополитического противника. Вспомним слова британского посла во Франции, сказанные в 1919 году. Порадовавшись на убийство Николая II, он определил целью создание новых государств из Польши, Финляндии, лимитрофов Прибалтики и... Украины, для создания против России «санитарного кордона» [2].

Стоит ли удивляться нынешним действиям англичан, – ведь это уже работало, когда англосаксонским миром они правили открыто. И потом англо-американский истеблишмент сегодня достаточно един. Кто знает его иерархию? Судя по всему, она выстроена не по нашим обыденным представлениям. Первый (-ая) среди равных Елизавета II, король Испании, представители иных королевских домов? Или Ротшильды, Рокфеллеры, Буши, знаток COVID-19 Гейтс?

Вспомните историю президента США Д. Трампа. Вполне понятно, что политику этой мощной страны, включая военную, определяет не Белый дом. (Получается, что США может быть II либо III Рейхом-2?)

Поэтому внимательный анализ происходящего, выявление главных угроз и вызовов сейчас чрезвычайно важны.

Анализ существующих для России угроз и вызовов проведён в «Военной доктрине РФ» [3] и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4].

Рассмотрение этих важных документов свидетельствует о том, что угрозы и вызовы стремительно трансформируются. Так, к сегодняшней реальности относится создание на границах с Россией националистических, а порой просто фашистских режимов, подобно созданным в государствах Прибалтики, реализующим политику расизма в отношении национальных меньшинств, практикующим «безгражданство». Так и на Украине, дополняющей это мерами подавления русскоязычного населения, близкими к его геноциду. При этом осуществляется прямая пропаганда фашизма, когда вводятся государственные праздники, прославляющие его и героизируются фашистские приспешники. При этом так называемая «мировая общественность» этих действий не осуждает. По итогам состоявшегося 22 декабря заседания группы экспертов, на котором присутствовали все члены Совета Безопасности ООН, по теме «Положение национальных меньшинств и проблемы глорификации нацизма в Прибалтике и на Украине» адекватного решения принято не было, а 36 западных стран приняли меморандум о том, что мероприятие, в котором они участвовали, «было всего лишь элементом гибридной войны, которую Россия ведёт против Украины» [5]. Адекватным ответом Западу стало признание Россией Донецкой и Луганской народных республик.

Как видно из сказанного, апелляции к мнению современного «мирового сообщества» бесполезны. Как пишет А. Гапоненко, меморандум был поддержан даже представителями Новой Гвинеи, жителей которой японские милитаристы (по сути, националисты и фашисты) массово поедали в конце Второй мировой войны, и Микронезии, жительниц которой насильно отправляли в полевые бордели японской армии [6].

Плоды недооценки этой угрозы – боевые контингенты войск НАТО в Прибалтике (которую вместе с Финляндией купил за 2 млн «ефимков» Петр I у Карла XII). Россия не добавила пришедший к власти на Украине путем государственного переворота нацистский режим в 2014–2015 году, когда у него не было армии, а «нацбаты» панически бежали.

Сегодня у украионацистов полноценная армия, имеющая некоторый боевой опыт и подготовленный с участием НАТО

командный состав. Они смогли создать у границ ДНР и ЛНР (фактически на границе с Россией) ударную группировку численностью до 130 тысяч человек, подготовить ведение диверсионно-террористической деятельности.

Каким будет возможное завтра и прочность создаваемого англо-американским истеблишментом очередного «санитарного кордона», призванного отделить Европу от России?

Попробуем спрогнозировать, чтобы это будущее не оказалось неожиданным, возможное опасное завтра Украины.

1. Под влиянием нацистской системной пропаганды, пропитанной «антимоскальщиной», все больше жителей Украины (она ведь ведется от детсада до домохозяйки) становятся готовыми к войне.

2. Украина – промышленно развитая часть Российской империи, позднее – СССР. Там – развитое кораблестроение, и в его реанимацию уже вложились англичане. Добавят, – и Украина будет иметь не уступающий нашему Черноморскому флот. На Украине, вспомним СССР, были мощные авиационные, танкостроительные предприятия и даже «Южмаш»! Стоит только поддержать их финансово, и наш нынешний противник (скажем правду, ведь это так!) будет иметь не только современные бронемшины, но и полную линейку ракетных систем, включая стратегические.

3. В составе Западного блока НАТО Украина, Польша, Румыния вместе с лимитрофами Прибалтики (а в случае войны почти наверняка, неоднократный опыт был, и Финляндией) составит достаточный контингент «пушечного мяса», поддерживаемого на поле боя высокотехнологичными структурами стран Западной Европы и США для войны с Россией.

Как быть с такой современной геополитической угрозой, прогрессирующей, как раковая опухоль, нашей стране? В документах ее нет, а на деле она продолжает активно развиваться.

Военная доктрина Российской Федерации трактует понятие «военная угроза» как «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств) сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)» [3].

К их числу Военная доктрина относит, например: резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения

военной силы; создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников; активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или общей мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени (пп. а, в, д п. 14 Военной доктрины).

Стратегия национальной безопасности РФ определяет угрозу национальной безопасности как: совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации (пп. 5 п 5 Стратегии НБ РФ). Отдельно в Стратегии такие угрозы, с выделением важнейших, к сожалению, не определены. Но внимательное изучение ее текста позволяет выделить такие, как: стремление Запада сохранить свою гегемонию; политическое и экономическое давление на Россию в целях получения преимуществ; инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов, стремление изолировать Россию в международной политике; искажение мировой истории; разрушение внутреннего единства российского общества; отказ США от международных обязательств по контролю за вооружениями; расширение использования ИКТ для внедрения во внутренние дела других стран; хищническое использование природной среды, усиление антропогенной нагрузки на окружающую среду, разрушение традиционных ценностей, насаждение чуждых идеалов и ценностей и др. [4].

Как свидетельствует приведенный в Стратегии список угроз национальной безопасности, который спустя год после ее утверждения уже далеко не полон. Перечисленные в представленных документах угрозы национальной безопасности России реально существуют, и их перечень постоянно дополняется. При этом в Военной доктрине, принятой в 2014 году, отмечено «снижение вероятности развязывания против России крупномасштабной войны» [3].

Но время бежит быстро, и сегодня угрозу такой войны в начале 2022 года почувствовал весь мир. Поэтому в выявлении вновь возникших угроз и осознании реальных ответов на них, которые могли бы ее снизить, должны совместно тесно работать геополитики, политические аналитики, военные эксперты и государственные деятели. Перечень военных угроз, закрепленный в «Военной доктрине РФ» безусловно требует сегодня

уточнения и дополнения. Речь идет прежде всего о реальности применения вирусно-биологического оружия, которое, как пишут специалисты, создается нашими геостратегическими противниками и активно тестируется в лабораториях, созданных ими на территориях бывших республик СССР, в том числе на Украине, в Грузии, Казахстане [7].

Второй военной угрозой, сегодня уже глубоко осознанной руководством России, является включение сопредельных государств, граничащих с Россией, в состав блока НАТО.

Третья опасность, включение которой в перечень военных угроз необходимо, является легитимизация ЧВК и практика их использования в военных конфликтах, как и подконтрольных странам Запада экстремистских организаций.

Четвертой угрозой, до конца не осознанной в современных условиях, является ведение в мирное время странами Запада и их союзниками военно-политической пропаганды против России и других стран-ревизионистов, представляющее собой политико-идеологическую и морально-психологическую подготовку к войне.

Она является по общему правилу обеспечением боевых действий и должна быть включена в перечень военных угроз, поскольку важнейшей сферой ведения гибридной войны является общественное сознание.

Как уже было сказано, в Стратегии национальной безопасности РФ перечислены основные угрозы национальной безопасности России, создаваемые извне и определены адекватные меры реагирования государства и общества по противодействию им. В развитие «Стратегии национальной безопасности» начата разработка соответствующих государственных программ, одна из которых – в области экологии, уже принята.

Вместе с тем анализ Стратегии национальной безопасности свидетельствует о том, что в ней не учтены возможные эффективные ответы на выделенные в качестве основных угрозы национальной безопасности. Так, явно недостаточно активно рассматривается проблема «морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства». Хотя именно это позволяет противникам России определять ее как «империю зла», подвергая русских жестокой дискриминации [5].

Более того, допустим, что средств воздействия на разжигание межнациональных конфликтов, формирование враждебного образа России за рубежом у нас недостаточно. Но

основная «работа» по очернению России ведется у нас в стране, как правило, гражданами России и кроме того, часто работающими в государственных учреждениях. Они – коллаборационисты гибридной войны. Воюют против России. При этом руководят СМИ, театрами, выступают в роли политических экспертов. И, судя по внешнему облику и степени материального достатка (посмотрите на К. Собчак, В. Венедиктова, Сытина и других «инакомыслов»), им живется вполне неплохо [8].

В области существующей угрозы депопуляции населения России, которая вновь наблюдается в последние годы, необходимо отметить, что отдельные эффективные меры руководством страны принимаются. К сожалению, они половинчатые. Главные условия роста населения – это прежде всего обеспечение молодежи жильем, достойной работой, реальными социальными лифтами. Уже очевидно, что эти задачи не решаются. Ипотека недоступна для большинства, заявленные В.В. Путиным 20 миллионов высокотехнологичных рабочих мест не созданы. Более того, власть, проводя непопулярную пенсионную реформу, снизила возможность помощи молодежи родителями и нормализации уровня жизни. Это сильно ударило по авторитету Президента РФ в период гибридной войны.

Существующие угрозы информационной безопасности, по мнению ведущих специалистов в этой области (Н. Касперская, И. Ашманов), не получают достойного ответа в стране [9; 10].

Угрозы в сфере экономической безопасности в большей степени порождены олигархическим характером российской экономики и массовым вывозом капиталов за рубеж. Отрицательную роль играет политика деиндустриализации Западным миром зависимых и развивающихся стран [11].

Научно-техническое развитие России сдерживается прежде всего ошибками государственной политики, среди которых основные – фактическая ликвидация РАН, ориентация на зарубежные технологии.

На предпоследнее место в Стратегии отнесены защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. На деле, в условиях гибридной войны именно эта угроза является главной и требует первоочередного ответа [12].

Без эффективных инструментов противодействия ей возможно успешное разрушение России англосаксонским ми-

ром, как в 1917 и 1991 годах. Такими инструментами являются отсутствующие в современной России государственная идеология и ценности (признак зависимости страны) [13]. Их создание возможно и необходимо. Традиционную российскую «Православие, самодержавие, народность» вполне способна успешно продолжить современная: «Державность, Духовность, Справедливость, Общинность, Патриотизм». Дело в их последующей реализации. Державность подразумевает достойную оценку за качество государственного служения. Духовность – борьбу против безнравственности, Справедливость – оценку человека по его поступкам в интересах государства и общества и по труду. Общинность – укрепляет традиционный, коллективистский характер российского общества, Патриотизм является его ведущей скрепой. Справедливость требует, чтобы подрывающий основы российского государства и общества не мог иметь доступа к власти и был ограничен в возможности влияния на общество. Патриотизм граждан как положительный социальный пример, напротив, должен всячески политически, материально и морально поддерживаться.

И последнее. В стратегии национальной безопасности России не определена реальная опасность недооценки принижённого положения в русском, советском и российском государстве основного, государствообразующего народа – русских. Говоря об этом, серьёзный исследователь А.И. Пальцев пишет: «Глубокое противоречие между русской нацией и государством сохраняется в Российской Федерации. Если это противоречие не будет разрешено с учетом интересов русского народа, то современная Россия может разделить судьбу Российской империи и Советского Союза» [14].

Поиск и реализация эффективных ответов на эти угрозы должны стать общим делом для российского государства, гражданского общества, политического класса России.

Литература

1. Багдасарян В. Поражение сознания. Теория и практика ментальных войн // Завтра. 2021. № 51(1461).
2. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. / пер. Е.С. Берловича. М.-Л., 1927.
3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации».
5. Гапоненко А. Рождественское чудо. О необычном заседании Совета Безопасности ООН // Завтра. 2022. № 1(1462).
6. Гапоненко А. Азиатский фашизм. Невыученные уроки XX века // Завтра. 2021. № 46(1456).
7. Садовников А. Мышиные игры с COVID-19 // Аргументы недели. 2022. № 1
8. Батчиков С. Поводыри – не вы. Смена элит – императив развития // Завтра. 2021. № 47(1457)
9. Чуйков А. Цифлагерь, который построит СБЕР // Аргументы недели. 2021. № 48.
10. Рязанов С. Убьет ли искусственный интеллект человечество? // Аргументы недели. 2021. № 34.
11. Аганбегян А. Новой России 30 лет. Достижения и упущения. М., 2021. 48 с.
12. Проханов А. Икона Победы. О сакральной триаде Государства Российского // Завтра. 2021. № 47(1457).
13. Сергейцев С., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности: Континент Россия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2021. 848 с.
14. Пальцев А.И. Русский вопрос в системе государственной власти России // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3(12).

A.D. LOPOUKHA

**Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Tactics
Department of the Novosibirsk Higher Military Command
School**

T.L. LOPOUKHA

**Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Military-Political Work
in the Troops (Forces) of the Novosibirsk Higher Military
Command School**

S.G. MARKOVCHIN

**Colonel, Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Head of the Novosibirsk Higher Military
Command School**

Threats and challenges of the modern world and modern policy of Russia

The article is devoted to the consideration of modern problems of the globalizing world and the challenges and threats they generate for Russia. Taking into account the special role of the Anglo-Saxon elite in the process of globalization, an analysis of the main threats to the national and military security of Russia is carried out. It indicates that the Military Doctrine of the Russian Federation adopted in 2014 no longer fully assesses the existing military threats and does not provide for effective responses to them. The formation of a hostile image of Russia, the absence of a nationwide ideology and values, the underestimation of the position of the state-forming Russian people were not included in the list of threats to national security. The article suggests possible responses to the threats and challenges that exist for Russia.

Keyword: *Russia in the process of globalization of the modern world, challenges and threats for Russia, effective political responses to Russia's threats.*

Literature

1. Bagdasaryan V. Porazhenie soznaniya. Teoriya i praktika mental'nykh voyn // Zavtra. 2021. № 51(1461).
2. Berti F. Za kulisami Antanty. Dnevnik britanskogo posla v Parizhe. 1914–1919. / per. E.S. Berlovicha. M.-L., 1927.
3. Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii (utv. Prezidentom RF 25.12.2014 № Pr-2976).

4. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii Natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii».
5. Gaponenko A. Rozhdestvenskoe chudo. O neobychnom zasedanii Soveta Bezopasnosti OON // *Zavtra*. 2022. № 1(1462).
6. Gaponenko A. Aziatskiy fashizm. Nevyuchennye uroki XX veka // *Zavtra*. 2021. № 46(1456).
7. Sadovnikov A. Myshinye igry s COVID-19 // *Argumenty nedeli*. 2022. № 1
8. Batchikov S. Povodyri – ne vy. Smena elit – imperativ razvitiya // *Zavtra*. 2021. № 47(1457)
9. Chuykov A. Tsiflager', kotoryy postroit SBER // *Argumenty nedeli*. 2021. № 48.
10. Ryazanov S. Ub'et li iskusstvennyy intellekt chelovechestvo? // *Argumenty nedeli*. 2021. № 34.
11. Aganbegyan A. Novoy Rossii 30 let. Dostizheniya i upushcheniya. M., 2021. 48 s.
12. Prokhanov A. Ikona Pobedy. O sakral'noy triade Gosudarstva Rossiyskogo // *Zavtra*. 2021. № 47(1457).
13. Sergeytsev S., Kulikov D., Mostovoy P. Ideologiya russkoy gosudarstvennosti: Kontinent Rossiya. 2-e izd. SPb.: Piter, 2021. 848 s.
14. Pal'tsev A.I. Russkiy vopros v sisteme gosudarstvennoy vlasti Rossii // *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2017. № 3(12).

К.А. ДУБИНКИНА
*кандидат политических наук, старший
преподаватель кафедры международных организаций
и мировых политических процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова*
E-mail: xenia.aleksandrovna@gmail.com

Особенности взаимодействия Международного валютного фонда и Российской Федерации

В статье показаны инструменты для осуществления взаимодействия между Международным валютным фондом и Российской Федерацией. Автор рассматривает Доклады МВФ по России, рекомендации МВФ по регулированию финансового сектора и по проведению денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, а также изучает степень выполнения данных рекомендаций. Проанализированы взаимоотношения МВФ и России в настоящее время.

Ключевые слова: *Международный валютный фонд, Россия, Центральный Банк Российской Федерации, Минэкономразвития, Доклад МВФ по стране.*

Международный валютный фонд является ключевой денежно-кредитной организацией, в задачи которой входит поддержание стабильности мировой финансовой системы. Созданный почти 80 лет назад, являвшийся одним из двух ключевых элементов Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы, МВФ сохранил свою ведущую роль и после ее распада, уже при Ямайской валютной системе. В настоящее время членами Международного валютного фонда являются 190 стран мира¹, и МВФ продолжает выполнять стоящие перед ним задачи.

Россия присоединилась к МВФ 1 июня 1992 г., и уже в 1995 г. получила кредит в рамках механизма кредитования «стенд-бай» на сумму 4,313 млрд СДР; в 1996 г., 1998 г.,

¹ По состоянию на 07.04.2022.

1999 г. России были также выданы кредиты, однако полученная сумма отличалась от изначально утвержденной [2, С. 76]. В целом объем выданных кредитов составил 15,6 млрд. СДР. Досрочно погасив свою задолженность перед Фондом в январе 2005 г., Россия получила статус кредитора МВФ [4]. Рассмотрение порядка взаимодействия России и МВФ представляется весьма интересным, так как зачастую при анализе взаимоотношений Международного валютного фонда и его стран-членов акцент делается на государствах-заемщиках и на влиянии Фонда на данную категорию стран, однако Российская Федерация погасила все долги перед Фондом почти 20 лет назад и, как уже было отмечено, в настоящее время является кредитором МВФ.

Взаимодействие Международного валютного фонда с Россией с 2010 г. осуществляется посредством деятельности Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России)¹, и условно его можно разделить на два направления. В первую очередь, это участие представителей России в работе ключевых органов МВФ – Совета управляющих и Исполнительного совета, а также в сессиях и ежегодных собраниях. Во-вторых, это организация рабочих встреч, участие сотрудников Банка в аналитической деятельности Фонда, проведение консультаций с экспертами и миссиями Фонда, в том числе при подготовке итоговых докладов МВФ по России – одного из ключевых документов по стране, которая не является заемщиком Фонда. Как отмечается на официальном сайте Центрального Банка России, Международный валютный фонд оказывает техническую поддержку посредством проведения семинаров, конференций, тематических миссий экспертов Фонда, а также ведет активную консультационную деятельность: консультации МВФ и России проходят по стандартному 12-месячному циклу [4]. Далее представляется целесообразным рассмотреть более подробно взаимодействие МВФ с Россией по обоим направлениям.

Совет управляющих является высшим органом МВФ, который собирается на ежегодные сессии для обсуждения ключевых вопросов деятельности Фонда, таких как утверждение увеличения квот, принятие новых членов или приостановление членства, внесение поправок в Статьи согла-

¹ Ранее данные функции выполняло Министерство финансов.

шения МВФ и прочие. Согласно статье XII Статей соглашения МВФ, каждая страна-член представлена в Совете управляющих одним управляющим и его заместителем, которые назначаются самим государством-членом [5]. В настоящий момент управляющим от России является Министр финансов А.Г. Силуанов, а его заместителем – Председатель Банка России Э.С. Набиуллина¹ [6]. Должность постоянного представителя МВФ в России с сентября 2019 г. занимает г-жа Аннет Киобе [2].

Другим ключевым органом Международного валютного фонда, функционирующим на постоянной основе, который руководит текущей работой Фонда, является Исполнительный совет, состоящий из 24 исполнительных директоров. А.В. Можин является исполнительным директором от Российской Федерации [4]. Заседания Исполнительного совета проходят несколько раз в неделю, и на них обсуждается самый широкий круг вопросов. Стоит отметить, что в результате вступления в силу поправок к реформе Исполнительного совета в январе 2016 г., РФ стала одной из восьми стран, обладающих наибольшим процентом голосов в Совете – 2,59% голосов [3, С. 46].

Таким образом, во взаимодействии МВФ и России активно участвуют обе структуры – и Министерство финансов, и Центральный Банк Российской Федерации. Именно Банк России предоставляет МВФ финансирование по кредитным соглашениям. Более того, благодаря проведенной реформе, Российская Федерация вместе с тремя партнерами по формату БРИКС входит в число десяти крупнейших акционеров МВФ, что позволяет иметь больший процент голосов при принятии решений в Фонде.

Вторым направлением, как было отмечено ранее, является участие сотрудников Центрального Банка в аналитической деятельности Фонда, в том числе при подготовке итоговых докладов. В этих докладах персонал МВФ, а также Исполнительный совет дают оценку экономическому развитию страны и проводимой макроэкономической политике на основе как предоставленной официальными органами МВФ информации, так и собственной оценки персонала Фонда, а также предоставляет рекомендации стране по таким вопросам, как налогово-бюджетная, денежно-кредитная и макрофинансовая политика и структурные реформы [1].

¹ По состоянию на 07.04.2022.

В итоговом Докладе МВФ по России за 2020 г., в отличие от предыдущих докладов, также прописаны меры в финансовом секторе, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политике, принимаемые с учетом эпидемиологической ситуации для повышения устойчивости к воздействию кризиса в случае повторного введения общих режимов строгой изоляции [1]. Кроме того, доклад содержит приложения, в которых рассмотрены такие вопросы, как устойчивость имеющего большое значение для российской экономики нефтяного сектора, оценка внешнеэкономического сектора, матрица оценки риска, анализ устойчивости долговой ситуации, выполнение прошлых рекомендаций МВФ, основные рекомендации по Программе оценки финансового сектора (ФСАП) [1]. Стоит отметить, что оценка финансового сектора проводится в отношении стран, имеющих глобально системно значимый финансовый сектор, и для России данная программа реализуется с 2010 г. [4]. Иными словами, в данных докладах дается достаточно подробный анализ состояния финансового сектора страны.

На наш взгляд, среди прочих разделов доклада особый интерес представляет Приложение VIII. «Выполнение предыдущих рекомендаций МВФ» [2]. Так, в докладе четко прописаны рекомендации Фонда, а также статус их выполнения («выполнено», «не выполнено», «некоторый прогресс», «значительный прогресс»). Рекомендации касаются всех вышеобозначенных сфер – налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, политики в отношении финансового сектора, мер структурной политики, государственного управления. Причем стоит отметить, что рекомендации прописаны достаточно четко.

Так, в подразделе «Налогово-бюджетная политика» прописаны рекомендации относительно расширения налоговой базы для изменения системы налогообложения, отказа от субсидирования внутреннего потребления топлива, улучшение адресности социальной помощи с целью сокращения бедности [2]. Среди рекомендаций в подразделе «Меры структурной политики» можно выделить уменьшение влияния государства в среднесрочной перспективе, решение долговременных институциональных проблем, увеличение диверсификации экспорта, снижение барьеров для торговли и прямых иностранных инвестиций [2, С.63]. Стоит отметить, что официальные органы страны могут быть не согласны с

рекомендациями Фонда. Например, в «Приложении IX. Основные рекомендации ФСАП» среди рекомендаций по надзору и регулированию в финансовом секторе значится мера по принятию специфических требований к управлению банковскими страновыми и трансфертными рисками, однако отмечено, что она не выполнена, так как «официальные органы не считают данную рекомендацию актуальной для России» [2, С.65].

Можно сделать вывод, что, в отличие от стран-заемщиков Международного валютного фонда, для которых четкое и своевременное выполнение рекомендаций Фонда необходимо для получения дальнейшего кредитования, страны-кредиторы МВФ могут фактически выполнять те рекомендации Фонда, которые считают наиболее актуальными в данный момент. В целом, на наш взгляд, подобные взаимоотношения могут рассматриваться скорее в положительном ключе, так как зачастую один из основных аспектов критики Международного валютного фонда заключается в негативных последствиях его рекомендаций для стран-членов, однако, в случае со странами-кредиторами официальные органы, по сути, могут выбирать наиболее подходящие рекомендации Фонда, а учитывая огромный опыт аналитической деятельности МВФ предлагаемые рекомендации могут действительно способствовать улучшению денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики страны. Рассматривая глобальный уровень, можно сделать вывод, что мониторинг экономики отдельных стран, проводимый Международным валютным фондом, и последующая подготовка рекомендаций по улучшению экономической ситуации позволяют рассчитывать на своего рода внешний аудит, способствующий улучшению экономической ситуации внутри отдельных стран.

Литература

1. Доклад МВФ по стране № 18/275. Консультации 2018 г. в соответствии со статьей IV – пресс-релиз и доклад персонала МВФ. – Международный валютный фонд, 2018.
2. Доклад МВФ по стране № 21/036. Консультации 2020 г. в соответствии со статьей IV – пресс-релиз и доклад персонала МВФ. – Международный валютный фонд, 2021.
3. Дубинкина К.А. Международные экономические организации в эпоху глобализации. Москва, 2018.
4. Международный валютный фонд. Работа с международными организациями и межгосударственными объединениями //

Банк России. Режим доступа: https://www.cbr.ru/today/ms/smo/mwf_n/ (дата обращения: 01.04.2022).

5. Статьи соглашения Международного валютного фонда. – Вашингтон, округ Колумбия: Международный валютный фонд, 2020.

6. Квоты и голоса государств-членов и Совет управляющих МВФ // Международный валютный фонд. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas#R> (дата обращения: 07.04.2022).

DUBINKINA K.A.

***Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer
at the Department of International Organizations and World
Political Processes of Lomonosov Moscow State University***

Features of interaction between the International Monetary Fund and the Russian Federation

The article shows the instruments of cooperation between International Monetary Fund and the Russian Federation. The author analyzes The IMF country Reports, IMF recommendations in the financial sector, monetary and fiscal policy and studies the rate of their implementation. Current relationship between Russia and IMF is examined.

Keyword: *International Monetary Fund, Russia, The Central Bank of the Russian Federation, Ministry of Economic Development, IMF country report.*

Literature

1. IMF Country Report # 18/275. 2020 Article VI Consultation – Press release; staff report. International Monetary Fund, 2018.

2. IMF Country Report # 21/36. 2020 Article VI Consultation – Press release; staff report. International Monetary Fund, 2021.

3. Dubinkina K.A. International economic organizations in the era of globalization. Moscow, 2018.

4. International Monetary Fund. Cooperation with international organizations and intergovernmental structures // The Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/today/ms/smo/mwf_n/ (accessed: 01.04.2022).

5. Articles of Agreement of the International Monetary Fund. – Washington, DC. International Monetary Fund, 2020.

6. IMF Members' quotas and voting power, and IMF Board of Governors // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas#R> (accessed: 07.04.2022).

ЦЗЯ ЮАНЬПЭЙ
Аспирант кафедры политологии
Школы региональных и международных исследований
Дальневосточный федеральный университет
E-mail: 1399654805@qq.com

Влияние реализации инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс один путь» на сотрудничество Китая в сфере природного газа

Центральная Азия является ключевым регионом для инвестиций в разведку и разработку нефти и газа в рамках «Одного пояса, одного пути», а Казахстан – политический и экономический лидер в Центральной Азии, богатый нефтью и газом, углем, ураном и другими энергетическими и минеральными ресурсами. Повышение национальной цены на СПГ стало лишь толчком к волнениям в Казахстане в начале 2022 года, которые были осложнены внутренними и внешними факторами. В данной статье анализируется текущая ситуация энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии после стабилизации ситуации в Казахстане, а также выдвигаются направления и предложения по энергетическому сотрудничеству в рамках «Одного пояса, одного пути» в контексте достижения цели углеродного пика и углеродной нейтральности.

Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, нестабильная ситуация, энергетическое сотрудничество, политические рекомендации.*

В настоящее время ситуация с пандемией COVID-19 все еще остается тяжелой, и устойчивое восстановление мировой экономики сталкивается со многими проблемами. Глобальные проблемы, такие как изменение климата, стихийные бедствия и распространение эпидемий, оказывают бес-

прецедентное воздействие на человеческое общество. Помимо обострения соперничества между Китаем и США на всех фронтах, ситуация в Казахстане только стабилизировалась, в то время как ситуация в России и Украине продолжает обостряться. Геополитическая игра привнесла большую неопределенность, а международная обстановка для совместного строительства «Одного пояса, одного пути» становится все более сложной. В настоящее время импорт Китая нефти, природного газа, угля, урана и других энергетических и минеральных ресурсов в основном распределяется в странах вдоль «Одного пояса, одного пути», Центральная Азия является основным регионом «Одного пояса, одного пути», Казахстан, как главная страна в Центральной Азии, имеет богатые запасы нефти и газа, угля, урана и других энергетических и минеральных ресурсов, но также является экономическим лидером. Это также первая остановка расширения на запад строительства китайской стратегии «Один пояс, один путь». В частности, внутренние беспорядки в Казахстане в начале 2022 года в определенной степени повлияли на строительство этой стратегии.

Текущее состояние энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии

С 1993 года китайские энергетические предприятия активно реализовывали стратегию выхода на глобальный уровень и добились больших успехов. По состоянию на июль 2022 года зарубежный нефтегазовый бизнес Китая в основном распределен в пяти регионах, а именно: Центральная Азия, Россия, Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка, Северная и Южная Америка. Центральная Азия богата нефтью, природным газом, ураном и другими энергетическими и минеральными ресурсами и является важным регионом для зарубежного сотрудничества Китая в области энергетики и минеральных ресурсов. Китай и страны Центральной Азии совместно работают над созданием и совместным использованием «Одного пояса, одного пути» в Центральной Азии, а китайские энергетические компании добились замечательных результатов в регионе.[2]

Основные трубопроводы для транспортировки энергоносителей, построенные между Китаем и Центральной Азией, включают газопровод Центральная Азия – Китай с линиями А/В/С, нефтепровод Казахстан – Китай и линию D га-

зопровода Центральная Азия – Китай. Длина линий A/B/C газопровода Центральная Азия – Китай составляет 1300 километров, а проектная мощность по транспортировке газа составляет 85 миллиардов кубометров в год. Линия D газопровода Центральная Азия – Китай еще не завершена и не введена в эксплуатацию. Нефтепровод Китая и Казахстана является первым стратегическим уровнем Китая в трансграничном импортном трубопроводе сырой нефти, по общим подсчетам ежегодная транспортировка нефти составляет 20 миллионов тонн, трубопровод проходит через г. Атырау западнее от Каспийского моря, далее через г. Актобе, и завершается на китайско-казахской границе в г. Алашанькоу, общая протяженность трубопровода 2798 км. С одной стороны, Центральная Азия и китайско-казахстанские нефтегазовые трубопроводы, избегают риска морского транспорта, с другой стороны, увеличение источника импорта нефти в Китай из Казахстана внес важный вклад для обеспечения энергетической безопасности Китая. Однако существует также угроза того, что трубопроводы в Центральной Азии и Синьцзянском автономном округе, расположены в некоторых религиозных экстремистских и сепаратистских районах, представляет угрозу для нефтегазовых трубопроводов, и пропускная способность трубопровода ограничена.[5]

По данным таможи, в 2021 году Китай импортировал из Центральной Азии 4,5 млн тонн нефти. Импорт природного газа составляет 44 млрд кубометров, что составляет 26,1 % от общего объема импорта природного газа в Китай. За первые шесть месяцев 2022 года было импортировано 18,5 млрд кубометров природного газа, в основном из Туркменистана, что практически соответствует пропускной способности газопровода Центральная Азия – Китай. Поскольку импорт природного газа составляет почти 4/5 пропускной способности трубопровода, завершение строительства и ввод в эксплуатацию линии D газопровода Китай-Центральная Азия является неотложным вопросом, поскольку Китай движется к своей цели «пик углерода и углеродная нейтральность».[6]

Центральная Азия – фокус геополитики и великой державы

Расположенная в центре Евразийского континента Центральная Азия является транспортным узлом, соединяющим Евразийский континент, мостом цивилизованных обменов

между Востоком и Западом, ключевым узлом «Пояса и пути», важной ареной для игры мировых держав и имеет стратегическое значение. Регион Центральной Азии всегда находится в центре игры больших сил из-за своих геополитических отношений и богатых углеводородных ресурсов. Исходные точки и стратегические интересы крупных стран в контроле над нефтегазовыми ресурсами и стратегическими каналами в Центральной Азии различны. С помощью «цветных революций» и других средств Соединенные Штаты постоянно усиливают сдерживание Китая и России. С одной стороны, они хотят получить нефтегазовые и экономические интересы в Центральной Азии, а с другой – нарушить контроль и монополию России над регионом. ЕС прилагает все усилия, чтобы в обход России ввозить нефть и газ из Центральной Азии и уменьшить свою чрезмерную зависимость от России. Китай последовательно установил стратегические партнерские отношения с пятью странами Центральной Азии. В рамках Шанхайской организации сотрудничества Китай углубил политическое взаимное доверие, взаимную выгоду и взаимовыгодные результаты, взрастил добрососедскую дружбу и наладил углубленное сотрудничество в политике, экономике, энергетике, безопасности, культуре и других аспектах, которые эффективно способствовала стабильности и развитию Центральной Азии.[4]

В условиях постоянного продвижения высококачественного экономического развития и экологической цивилизации в Китае растет спрос на чистую энергию, и доля потребления неископаемой энергии достигнет 25 % в 2030 году и более 80 % в 2060 году. Несмотря на усилия Китая по развитию неископаемых источников энергии, потребление энергетических полезных ископаемых, таких как уголь, нефть, природный газ и уран, продолжает расти и, как ожидается, достигнет пика до 2030 года, а затем начнет снижаться, и будет доминировать в течение значительного периода времени, однако энергодоланс будет продолжать оптимизироваться и трансформироваться в зеленый и низкоуглеродный.[1]

Существует лимит энергоресурсов. В настоящее время основная часть международной энергии – это углерод-водород, который относится к невозобновляемым источникам энергии, поэтому основополагающее решение энергетической безопасности заключается в разработке новых энергосберегающих технологий и поисках новых источников энергии.

Рекомендации и выводы

газовое сотрудничество является взаимовыгодным: Центральной Азии получит большой рынок Китая, Китай получит стабильный диверсифицированные источники газа, который улучшит структуру импорта энергоресурсов. Учитывая особенности нефтегазовых ресурсов Китая, необходимо прочно утвердить идею глобального распределения ресурсов, создать механизм глобального распределения ресурсов и всесторонне улучшить качество международного энергетического сотрудничества. В настоящее время такие глобальные проблемы, как изменение климата, предотвращение эпидемий и борьба с ними, оказывают беспрецедентное влияние на человеческое общество, а международная среда для совместного строительства «Одного пояса, одного пути» становится все более сложной.

Во-первых, сосредоточившись на Центральной Азии-России, Ближнем Востоке и других регионах, необходимо продолжать продвигать высококачественное сотрудничество в области энергетики и полезных ископаемых, таких как природный газ и нефть, продолжать развивать нефтегазовое сотрудничество в странах «Одного пояса, одного пути», уделять внимание комплексному развитию добычи и переработки нефти и газа и постоянно получать качественные энергетические проекты. Ориентируясь на страны «Одного пояса, одного пути», выделяя регион Центральной Азии, активно продвигать сотрудничество между Китаем, Россией и Монголией в области энергетики и полезных ископаемых, придерживаться взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов, формировать общность интересов, постепенно выстраивая многоточечную, диверсифицированную и многоканальную схему поставок энергии за рубеж.

Во-вторых, вводить новшества в режим энергетического сотрудничества и укреплять исследования и разработки ключевых энергетических технологий. Поощрять и поддерживать китайские энергетические предприятия продолжать развивать сотрудничество с энергетическими предприятиями в Центральной Азии, изучать новые методы сотрудничества, внедрять инновационные бизнес-модели. Ресурсный потенциал, экономика, безопасность и ключевые технологии будут важными показателями оценки для международного энергетического сотрудничества, а взаимная выгода и бес-

проигрышная ситуация являться ключевыми. Объекты мировой разведки и разработки нефти и газа постепенно переходят от традиционных к нетрадиционным, от нефти к газу, от суши к шельфу, от мелководья к глубоководью, сложность эксплуатации возрастает, а требования к технологиям и оборудованию становятся все выше, необходимо продолжать наращивать исследования и разработку ключевых технологий для зарубежной разведки, и разработки нефти и газа. Укрепление сотрудничества между Китаем и Центральной Азией в области энергетических технологий не только может помочь сами фундаментально решить проблему энергетической безопасности, более того сотрудничество в технической области, несет в себе огромный демонстрационный эффект, который способствует построению механизма доверия, что приведет к хорошему результату.[3]

В-третьих, усилить оценку рисков и меры безопасности за пределами Китая, чтобы обеспечить безопасное и стабильное снабжение энергией в Китае. Рекомендуется ввести соответствующую политику для поощрения предприятий к своевременному избавлению от неэффективных и неэффективных активов и постоянной оптимизации структуры своих зарубежных активов в соответствии с законами, ориентированными на рынок, и руководящими принципами интернационализации энергетических активов. Создать механизм обмена и передачи информации о предупреждении рисков между странами и предприятиями для усиления профилактики и контроля рисков в международных операциях. Китаю и Центральной Азии следует разработать и создать стратегическую концепцию всеобъемлющей безопасности и развития. Которая требует от регионов помимо внимания к нынешнему этапу сравнительных преимуществ торговли энергией, также учитывать экологию, экономическую структуру, региональное строительство и социальную стабильность, и другие вопросы.

Литература

1. Чжан Ли. Министерство земельных и природных ресурсов сообщило результаты динамического развития оценки ресурсов нефти и газа [EB/OL] . www.mlr.gov.cn/xwdt/jrxw/202105/t20210507_1349902.htm. (дата обращения: 19.06.2022)
2. Ван Цзяньчжун, Ли Фубин, Хуан Шуцзюнь и др. Прогресс и предложения по нефтегазовому сотрудничеству в странах вдоль

«Одного пояса, одного пути» [J]. журнал Чжунго Куанье, 2019, 28(2): 18-24.

3. Экономический и торговый отдел Посольства Республики Казахстан. Обзор работы Министерства энергетики Казахстана в 2021 году [EB/OL].<https://kz.mofcom.gov.cn/article/jmxw/202201/10110103233837.shtml>. (дата обращения: 20.06.2022)

4. Ян Сяюан, Президент Казахстана проанализировал причины беспорядков и ответит реформами на общественные ожидания [EB/OL].<https://new.qq.com/omn/20220122/20220122A03L0D00.html>. (дата обращения: 20.06.2022)

5. Министерство иностранных дел. Си Цзиньпин направил послание президенту Казахстана Токаеву [EB/OL]. <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202201/t20220107-10479994.shtml>. (дата обращения: 25.06.2022)

6. Юй Цюнюань, Ван Либинь. Национальные достоверные запасы нефти и газа поддерживается на высоком уровне [EB/OL]. http://www.gov.cn/xinwen/2022-07/06/content_5061759.htm. (дата обращения: 23.06.2022)

JIA YUANPEI

**Postgraduate Student, Department of Political Science,
School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University**

The Impact of the Implementation of Infrastructure Projects under the Belt and Road Initiative on China's Natural Gas Cooperation

Central Asia is a key area for oil and gas exploration and development investment under the Belt and Road Initiative. Kazakhstan is a political and economic leader in Central Asia, with rich energy and mineral resources such as oil, gas, coal and uranium. At the beginning of 2022, Kazakhstan's internal and external situation was volatile and complicated, and the increase of the national LNG price was only the trigger of the situation. This paper analyzes the current situation of energy cooperation between China and Central Asian countries after the stability of Kazakhstan, and puts forward the direction and suggestions of "One Belt and One Road" energy cooperation under the background of achieving the goal of carbon peak and carbon neutrality.

Keyword: China, Central Asia, Unstable situation, Energy cooperation, Policy Suggestions.

Literature

1. Zhang li. Ministry of land and natural resources reported results of dynamic development of oil and gas resources assessment. [EB/OL] . www.mlr.gov.cn/xwdt/jrxw/202105/t20210507_1349902.htm. (19.06.2022)
2. Wang jianzhong, li fubin, huang shujun et al. Progress and proposals for oil and gas cooperation in countries along the "one belt, one road" [J]. Zhongguo kuangye magazine,2019, 28(2): 18-24.
3. Economic and commercial department of the embassy of the republic of kazakhstan. Review of the ministry of energy of kazakhstan in 2021.
4. Yang xiaoyong, President of kazakhstan, analyzed the causes of the riots and will respond with reforms to public expectations [EB/OL] .<https://new.qq.com/omn/20220122/20220122a03i0d00.html>. (20.06.2022)
5. Ministry of foreign affairs. [EB/OL] <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202201/t20220107-10479994.shtml>. (25.06.2022)
6. Yu qiongyuan, wang libin. National proven oil and gas reserves are maintained at a high level [EB/OL] .http://www.gov.cn/xinwen/20th-07/06/content_5061759.htm.(23.06.2022)

А.С. РОДИОНОВА
*аспирант кафедры философских наук
Московского государственного
лингвистического университета*
E-mail: rodionova.anastazia@gmail.com

Вовлечение Республики Молдова в духовно-культурное пространство «Великой Румынии»

В статье анализируется современная интегративная политика Румынии в отношении Республики Молдова. Для осуществления данной цели используются наблюдаемый в молдавском обществе кризис национальной идентичности, языковые проблемы, система образования, СМИ.

Ключевые слова: Молдова, Румыния, язык, образование, СМИ, интеграция, культура.

Первое упоминание понятия «Великая Румыния» (рум. România Mare) в румынском историческом дискурсе принято относить к значимому румынскому политику, дипломату и государственному деятелю XIX в. Думитру Брэтиану (1852 г.) [1]. В данной идеи отражалась национально-освободительная борьба румынского народа против Османской империи и желание объединения разрозненных румынских княжеств в единое государственное образование. Идея постепенно вбирала в себя различные общественно-политические, философские воззрения, приобретала концептуальную значимость, проникала в сознание наиболее прогрессивно настроенных людей, стремящихся присоединить к Румынии территории, входившие в ее состав в разные исторические периоды. Сегодня идеологическая концепция используется применительно к территориальному объединению Республики Молдовы и Румынии.

На протяжении более столетия идея ирредентизма по освобождению и объединению народов в рамках единого государства («Великой Румынии») выражалась на официальном государственном уровне, или уходила в подполье в зависимости от объективных процессов, которые осуществлялись в Румынии и Молдове. В последние три десятилетия на внутренние и внешние отношения этих стран значительное влияние оказал распад Советского Союза. Румыния вошла в ЕС и в НАТО, коренным образом изменив свою позицию среди европейских стран. Советская социалистическая Республика Молдавия в августе 1991 г. обрела государственную независимость, которую Румыния признала одна из первых, рассматривая случившееся как важный шаг на пути к воссоединению. Отношения между этими странами становятся крайне неоднозначными и сложными. Подобная неопределенность в межгосударственных связях во многом определяется откровенно имперскими амбициями прозападных политиков, а также румынских националистов, которые не только в митинговых лозунгах, но и в программных документах выдвигают стратегическую задачу – воссоздание «Великой Румынии», в рамках которой должна находиться Республика Молдова. Упор в осуществлении данной интеграции делается на близость двух стран с точки зрения этноса и языка, культуры и истории, территориального пространства. Со стороны румынского правительства стала проводиться открытая активная политика интеграции Республики Молдова в государственные границы Румынии по следующим духовно-культурным коммуникативным каналам.

Во-первых, лингвистическая направленность, которая выстраивается на обосновании единого языка между Румынией и Республикой Молдовой. Если обратиться к истории, то первое упоминание о Молдавском княжестве как о независимом государстве датируется 1359 г. Население говорило на одном языке и труды историков свидетельствуют о том, что понятия «молдавский народ», «молдавский язык» появились в ранний период молдавского княжества [2]. Что касается румынского языка, то он был признан на государственном уровне во второй половине XIX в. на основе латинской графики. Тем не менее, язык молдаван и румын идентичен, но в силу исторических условий имеет свои особенности. В историко-литературном трактате «Описание Молдавии» молдавский и российский государственный де-

ятель, ученый Дмитрий Кантемир пишет: «У жителей Валахии и Трансильвании один общий язык с молдаванами, однако, произношение более грубое» [3]. Следует отметить, что в Молдавском княжестве на протяжении долгого времени использовался старославянский язык не только в богослужении, но и на официальном уровне. Делопроизводство велось на кириллице. Подобное языковое влияние оказывалось не только на молдавское население, но и на румын, соседствующих со славянами. Молдавский язык временами претерпевал изменения, особенно после присоединения Бессарабии к Российской империи. Русские играли заметную роль в важнейших сферах государственной администрации, суда, полиции, юридической, общественной и сословной службы, где они составляли более 60 % [4]. Невозможно было избежать проникновения в молдавский язык русизмов, они закреплялись на различных уровнях служебной и быденной коммуникаций. Славянская лексика входила в молдавский словарный состав и русский язык в общественной жизни, в системе образования оказывал значительное влияние на бессарабских молдаван. В период нахождения в составе СССР население Молдавской республики политически и экономически, этнически и лингвистически в еще большей степени испытывало влияние русского языка и духовной культуры в целом. В сентябре 1989 г., в связи с либерализацией в Советском Союзе, парламент Молдавской ССР провозгласил молдавский язык официальным языком и заявил о существовании «молдавско-румынской языковой идентичности». Согласно переписи населения 2004 г., 60,0% молдаван назвали родным языком молдавский, 16,5% обозначили родным языком румынский. Перепись населения 2014 года в динамике показывает значительное увеличение (на 6,9%) молдаван считающих румынский родным языком, сегодня это 23,5%. Чуть более половины 56,7% называли в 2014 году родным языком молдавский – уменьшение на 3,3%. Следующая перепись пройдет в 2023/24 гг. и вероятнее всего ожидается продолжение роста граждан, признающих родным языком румынский.

Во-вторых, игнорирование молдавского языка активно осуществляется посредством системы образования, которая как важнейшая социально-культурная сфера подверглась за последние годы в Республике Молдова коренным из-

менениям. В стране налаживается общая система образования в соответствии с румынским законодательством. Учебные заведения используют румынские программы и учебники, учебно-методические пособия. В молдавских школах учащиеся стали изучать не историю своего народа, к которому большинство населения себя причисляет, а «Историю румын». В самосознание учащихся внедряются идеи культурно-лингвистической, этнической, территориальной общности Румынии и Республики Молдова. Позднее, чтобы не вызывать негативный процесс со стороны части общественности, которая воспротивилась такой унижительной оценки молдавской истории, этот предмет объединили с «Всеобщей историей». Министром просвещения Республика Молдова М. Шляхтицим в связи с реорганизацией исторического образования в школах был издан приказ № 124 (7 марта 2012 г.), на основании которого официально был введен предмет «История румын и всеобщая история» [5]. Содержание учебников неоднократно подвергалось критике со стороны молдавской общественности, безуспешно предпринимались попытки обжаловать Приказ в суде. Посредством школьного обучения учащимся внушается мысль о неизбежности интеграции Молдовы в лингвистическую, культурную и политическую жизнь Румынии. Усиливается со стороны Румынии влияние на Республику Молдова в сфере высшего образования. Обучение финансируется из госбюджета и неправительственных организаций. По разным данным, ежегодно Румыния в рамках поддержки соотечественникам предоставляет молдаванам около пяти тысяч стипендий на обучение в Румынии. Стипендии предоставляются, главным образом, в гуманитарных областях знаний, ибо они в большей степени, чем естественнонаучные дисциплины, воздействуют на мировоззрение, политические взгляды, убеждения молодежи в соответствии с румынскими учебными и научными программами. Они выстроены для целенаправленного изменения общественного мнения молдаван, трансформации их национального сознания в приемлемое для Румынии культурное и государственное пространство. Бывший министр иностранных дел Румынии Титус Корлэцян открыто заявлял, что правительство рассчитывает на то, что молдавская молодежь, будучи дипломами, составит элиту Республики Молдова [6].

В-третьих, языковая активизация румынского языка в информационном пространстве усиливается с помощью СМИ, интернета и других возможностей средств массовой

коммуникации. Расширяется аудиовизуальное присутствие Румынии на территории Республики Молдова. В ее духовно-информационном пространстве функционируют воззрения, ценности, официальные нормы и оппозиционные мнения многих румынских политических игроков. Их идеологическим рупором выступают различные СМИ, среди которых важное место занимает телевидение. Ее открытая румынская информационная направленность определяет главенствующую роль в формировании общественного сознания. Самое популярное эфирное время заполнено передачами местных новостей Молдовы на румынском языке. В выходные в прайм-тайм на телеканале идёт общественно-политическое ток-шоу «Replica», участниками которой являются политики, деятели культуры, известные своей откровенной антироссийской позицией. В Республике Молдова, помимо собственного и румынского телевидения, доступны некоторые базовые каналы России. На основные российские каналы (Первый, РТР и НТВ) ориентируется значительная доля русскоязычного населения. Однако новости на русском языке смещены на неудобное для их восприятие позднее время. Критические информационные сообщения, которые непосредственно затрагивают события в Республике Молдова, вообще не выходят в эфир. Российские каналы подвергаются жесткой цензуре или им не дают доступ в эфире. Просеянная через молдавскую цензуру информация теряет свое сущностное содержание, используется для проведения антироссийской кампании. Несмотря на различные трудности, российские СМИ приспосабливаются к меняющимся условиям и оказывают поддержку русскому языку, который в Республике Молдова еще остается востребованным. Следует отметить, что румынские олигархи собственники СМИ и западные кампании, владея значительными ресурсами в сфере средств массовой информации, перешли в наступление на общественное сознание молдаван. Ведутся активные действия со стороны «Pro-TV», а также «Media Pro», которая официально принадлежит американской компании «Central European Media Enterprises». Запущен новый телеканал «Publika», функционирующий на средства крупнейшей румынской медиа империи «Реалитатя-Кацавеск», которая включает несколько национальных телеканалов, радио, газет и интернет-агентств. На печатном рынке Молдовы издается популярное издание «Evenimentul Zilei» на румынском и

русском языке. Официально оно принадлежит швейцарской компании «Ringier». Популярная румынская газета «Adevarul», приближенная к кругам национал-либеральной партии Румынии, выпускает свои молдавские версии. Румыния открыто оказывает финансовую поддержку радио «Vocea Basarabiei» («Голос Бессарабии»), которая осуществляет вещание по всей территории Молдовы. Публичное идеологическое воздействие на общественное мнение происходит в нарушение действующего в республике Закона о печати, который запрещает финансирование молдавских СМИ из-за рубежа. Однако правительство Румынии продолжает выделять молдавским СМИ значительные средства для оказания активной поддержки прорумынского президента М. Санду.

Таким образом, вопрос о языке стал ключевым инструментом по адаптации восприятия молдаван и румын как единого этноса. Фундаментальным шагом к этому было изменение молдавской школьной программы в части преподавания истории Румынии. Особую направленность политическому мышлению молдавского общества придают внутренние и внешние средства массовой информации. Число граждан, считающих родным румынский язык, уверенно растет. Поэтому можно наблюдать и постепенную лингвистически духовную трансформацию самоопределения граждан Республики Молдова.

Литература

1. Georgescu, V. Istoria ideilor politice Românesti 1369-1878 / V. Georgescu // Colecția istorică. – 1987.
2. Кинг Ч. Языковая политика в Молдавской советской социалистической республике // Научные тетради института Восточной Европы. Молдавия. Выпуск II. Территория будущего, 2009, с. 6.
3. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С.189-190.
4. История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней – Istoria Republicii Moldova: din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre / Ассоциация учёных Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. – изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Кишинёв: Elan Poligraf, 2002. – С. 146.
5. Политика постсоветских государств в отношении русскоязычного населения / Ю. В. Баранчик, В. Г. Гойденко, А. В. Грозин [и др.] // Постсоветский материк. – 2020. – № 2. – С. 50.
6. Дальний прицел румынской элиты. – Текст: электронный // NOI.MD: [сайт]. – URL: https://noi.md/ru/news_id/25075 (дата обращения: 02.05.2022)

A.S. RODIONOVA

***Postgraduate student of the Department of Philosophical
Sciences of the Moscow State Linguistic University***

Involvement of the Republic of Moldova in the spiritual and cultural space of the «Great Romania»

The article analyzes the modern integrative policy of Romania in relation to the Republic of Moldova. To achieve this goal, the crisis of national identity observed in Moldovan society, language problems, the education system and the media are used.

Keyword: *Moldova, Romania, language, education, mass media, integration, culture.*

Literature

1. Georgescu, V. Istoria ideilor politice Românești 1369-1878 / V. Georgescu // Colecția istorică. – 1987.
2. King Ch. Yazykovaya politika v Moldavskoj sovetsoj socialisticheskoj respublike // Scientific Notebooks of the Institute of Eastern Europe. Moldova. Issue II. Territory of the Future, 2009, p. 6.
3. Cantemir D. Opisanie Moldavii. Chisinau, 1973. pp.189-190.
4. Istoriya Respubliki Moldova. S drevnejshih vremyon do nashih dnej – Istoria Republicii Moldova: din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre / Association of Scientists of Moldova named after N. Milescu-Spetaru. – 2nd edition, revised and supplemented. – Chisinau: Elan Poligraf, 2002. – p. 146.
5. Politika postsovetских gosudarstv v otnoshenii russkoyazychnogo naseleniya / Yu. V. Baranchik, V. G. Goydenko, A.V. Grozin [et al.] // Postsovetiskij materik. – 2020. – No. 2. – p. 50.
6. Dal'nij priceł rumynskoj elity. – Text: electronic // NOI.MD: [website]. – URL: https://noi.md/ru/news_id/25075 (accessed: 02.05.2022)

О.В. ЛЫСОВА

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
филологии Бирского филиала
Башкирского государственного университета*
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

А.Ш. АБДУЛЛИНА

*доктор филологических наук, профессор кафедры
филологии Бирского филиала
Башкирского государственного университета*
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

М.Ю. САЙСАНОВА

*студент Бирского филиала
Башкирского государственного университета*
E-mail: marijasaj4@gmail.com

О.В. ЯМБУЛАТОВА

*магистрант Бирского филиала
Башкирского государственного университета*
E-mail: yambulatova.olya@mail.ru

Особенности восприятия цвета в русской и марийской этнокультурах (на примере фразеологизмов с цветообозначением «чёрный»)

В статье рассматриваются национально-культурные особенности в восприятии и интерпретации цвета в русском и марийском языках. Маркированность национально-культурной специфики образной семантики фразеологизма часто создаётся собственно цветовым компонентом фразеологической единицы. В ходе исследования и анализа семантики фразеологизмов нами

выделены общие тематические группы, среди которой самой многочисленной является тематическая группа, включающая устойчивые словосочетания, соединяющие в себе характеристику ситуаций, пространства и времени. Во фразеологии русского и марийского языков использование колоронима «чёрный» часто несёт экспрессивную, неодобрительную, усиливая отрицательную оценку негативных эмоций, ситуаций и действий. Близость семантики многих марийских фразеологизмов русским эквивалентам, содержащих цветообозначение «чёрный», объясняется распространением межъязыковых связей, схожим укладом жизни и объединяющими событиями двух народов на протяжении многих столетий, широкому употреблению русского языка в народе мари.

Ключевые слова: этнокультурные особенности, колоронимы, фразеологизмы, русский язык, марийский язык.

В русском языке, как и марийском, выделяется большая группа слов, определяющих разнообразные оттенки цвета – колоризмы. Данные лингвистические единицы, обозначающие цвет или оттенок цвета, содержат в себе идейно-художественную и эмоциональную нагрузку и широко используются в выразительных средствах русского и марийского языков. Фразеологизмы с цветообозначениями являются яркой иллюстрацией народного самосознания, культурно-исторического развития, выразительного потенциала языка как способа отражения эмоционального состояния. Использование цветовой лексики во фразеологии в марийском языке, в отличие от русского, до сих пор остаётся малоизученной. Обобщающих трудов по колоративной лексике, которые рассматривают особенности цветообозначений марийском языке с учетом лингвокультурных особенностей, недостаточно, чтобы представить это явление в комплексе.

Данная работа посвящается исследованию фразеологических единиц русского и марийского языков, в состав которых входят цветообозначения. Таким образом, важность и актуальность приобретают те подходы к исследуемому материалу, которые позволяют глубже раскрыть семантику и функциональное своеобразие цветообозначений в каждом из языков, а также рассмотреть национально-культурные особенности в восприятии и интерпретации цвета. Все вышесказанное обуславливает актуальность нашего исследования.

Марийский язык обладает довольно богатым составом колоративной лексики. Цветообозначающая лексика широко

используется в разговорной речи. На уровне литературного марийского языка некоторые обозначения цвета чаще остаются неиспользованными. В литературном марийском языке это создает неудобства при переводе на марийский язык русских слов колоративной лексики.

По мнению Н.Н. Глуховой, исследующей цветообозначения в марийских народных песнях, доминирующими среди цветов являются чёрный (шеме), белый (ошо), серебряный (ший), кроме того часто встречаются также шёртнёб (золотой), красный (йошкарге) и зелёный (ужарге) цвета. Реже всего используются синий (канде), нарынче (жёлтый), коричневый (шун), серый (серый) цвета.

Таким образом, важно указать, что «семантика цветов в марийской культуре близка к символике цветов в античной культуре» [2, с. 87-88].

Чёрный цвет в марийской этнокультуре ассоциируется с печалью, грустью, злобой, бедностью. Например, в сказке «Ший пўян ший Пампалче» учащается использование чёрного цвета при появлении в сказке отрицательных героев и приближении опасности. Например, «чёрный конь, чёрный коршун, чёрные волны, чёрные рукава» (*шем имне, шем курныж, шем толкын, шем шоки*). В марийском языке цвет «шеме» (чёрный) часто употребляется как эпитет или метафора. Например, метафора «*шем тушман*» (букв. Чёрный враг) используется, когда речь идёт о врагах или злодеях, приносящие большую печаль и потери. Многие писатели и поэты используют эту метафору в своих работах на военную тему. В связи с этим, в народе распространены множество фразеологизмов и пословиц с цветообозначением «шеме» (чёрный). Например, пословица «*Шем тушманлан ош кечывалжат – пычкемыш йўд*» (букв. Чёрному врагу и белый день как ночь) не связана с войной и врагами. Эту пословицу используют, когда речь идёт о своенравном человеке [1, с.283].

Однако иногда в разговорной речи чёрный цвет восхваляется на фоне белого. Например, смысл выражения «*Шеме – да шеремет, ошо – да керемет*» (чёрный – да сладкий, белый – да чёрт) [1, с.283] в том, что чёрное может быть хорошим, а белое – плохим. В русском языке есть близкая по значению пословица «Не всё то золото, что блестит». Также в народе есть поговорка «*Шем мландеш кинде шочеш*» (букв. Хлеб растёт на чёрной земле) [1, с. 282]. Такими словами отвечают на выражения, оскорбляющие чёрный цвет.

Колороним «черный» в цветовой картине русского народа много значений. Чаще всего значение слова «чёрный» ассоциируется со значением «тёмный». В русском народном творчестве чёрный цвет используется рядом со злом, смертью. Например, выражение «чёрный ворон» почти всегда означало «приближение смерти». Колоризм «чёрный» используется в значении «старый», «грязный»: древнее, грязное, лишенное блеска (*чёрная старуха, чернавка, чёрный ход, чёрный пол, черновик, чёрная изба, чёрная баня, чёрная работа и др.*).

Также чёрный цвет в большинстве случаев находится рядом с потусторонними силами, тайнами («чёрная сила», «чёрная магия», «чёрная книга»). Но в вышивании и декоративно-прикладном творчестве узор чёрного цвета обозначает землю. Чёрный цвет обозначает плодородие и материнство, что является основой женского предназначения. Чёрная волна в узоре – вспаханное и готовое к прорастанию зерна (женского начала).

Как видим, система цветообозначений этнокультурологически маркирована. Колоронимы, возможно, в большей степени, чем какая-либо другая сфера языка, этноцентричны.

Идиоматика в силу своей специфики может рассматриваться как один из источников познания элементов культуры языкового коллектива, «культуры в антропологическом смысле», т.е. комплексы проявлений материальной, социальной и духовной жизни народа или этнической группы в различный период его развития или в соответствии с различными историческими периодами и природными условиями. Такой точки зрения придерживается, в частности, В.Н.Телия [3]. Поскольку для идиом характерна образная мотивированность, которая напрямую связана с мировоззрением народа – носителя языка, идиомы в принципе обладают культурно-национальной коннотацией.

Маркированность национально-культурной специфики образной семантики фразеологизма часто создаётся собственно компонентом фразеологической единицы. В таком случае культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка двумя способами: через культурные семы и через культурный фон.

Культурные семы интерпретируются как способ отображения культуры в лексемах и фразеологизмах, обозначающих идио-этнические реалии. Культурный фон – это характеристика лексем и фразеологизмов, обозначающих явления социальной жизни и исторические события.

Авторы работы «Этнокультурная вариативность семантики фразеологизмов» Г. Ю. Аманбаева и Е. В. Кривая относят фразеологизмы, характеризующие символику цвета, только к группе «этновосприятие», хотя ряд примеров свидетельствуют о том, что они могут быть связаны и с группой «этнореалии» (*чёрная сотня, ош патям* кушташ (готовиться к свадьбе родственника)), могут быть заимствованы из произведений фольклора и литературы (*красна девица, чёрный монах, чёрный человек, ош вўльб нерген йомак* (сказ про белую кобылу)), т.е. входить в группу «Этнодискурс».

Поэтому, при классификации фразеологизмов, включающих колоронимы, мы будем их рассматривать с точки зрения национально-культурной семантики и структуры.

Для анализа нами взяты фразеологические сочетания в русском и марийском языках, в состав которых входят цветообозначения, которые являются доминирующими в культурах данных народов: белый, чёрный. Доминирующими цветами в русской и марийских культурах являются ахроматические тона (чёрный, белый).

Методом сплошной выборки из ряда фразеологических словарей русского языка нами выделено 112 устойчивых выражений с цветообозначением «чёрный» и 89 устойчивых выражений с цветообозначением «белый».

В фразеологическом словаре марийского языка, марийско-русском фразеологическом словаре нами отобрано 39 фразеологизмов, в составе которых присутствует цветообозначение «ош(о)» (белый) и 41 фразеологизм, в составе которых имеется колороним «шеме» (чёрный). В рамках исследования нами проанализирован 281 фразеологизм, на основе которых выделены 2 группы фразеологизмов по основному цвету колоронима, имеющие в составе колороним, являющийся доминирующим и в русской, и в марийской культурах:

– фразеологизмы с колоризмом «белый» (*белая ворона, белая кость, белое пятно; ош тўня мучко* (по белу свету), *ош кече ончылно* (перед белым солнцем), *ош тўням ужаш* (увидеть белый свет));

– фразеологизмы с колоризмом «чёрный» (*чёрный день, чёрным по белому, чёрная кошка пробежала; шем чон* (чёрная душа), *шеме ден ошым палаш* (знать толк в чём-либо, уметь отличать хорошее от плохого), *шемыште илаш* (мыкать горе)).

Фразеологизмы с цветообозначениями «белый», «чёрный» отражают историю и культуру народа, внутренние и внешние свойства человека, физические состояния и действия, чувства и эмоции, деятельность человека, его поведение, бедность, богатство; соединяют в себе характеристику ситуаций, пространства и времени.

В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении особенностей использования чёрного цвета во фразеологизмах русского и марийского языках.

На основе анализа семантики фразеологизмов нами выделены общие тематические группы.

Во-первых, фразеологические единицы, обозначающие признак предмета или лица (отрицательные качества человека или его поступков): *чёрное дело, чёрная душа, пить по-чёрному, ругаться по-чёрному, чёрная неблагодарность, чёрная доска и др.*; *шем паша (плохой поступок), шем чонан (зловредный, душевно злой, опасный), шем (тегыт) шўргö (бессовестный); шем кишке (злобный, предельно коварный, отрицательный человек), шем тушман (враг) и др.*;

Во-вторых, фразеологизмы, отражающие состояние (чувства и эмоции), включает словосочетания: *чёрная зависть, чёрный юмор, в чёрном цвете, чёрная комедия, чёрная весть, чёрное пятно, чёрные точки, чёрная слава, чёрная тоска и др.*; *шем кўч нарат ок шого (не заслуживать внимания, никчёмный), шем кўч нарат (нисколько), шеме ден ошым палаш (различать хорошее от плохого), шем (пич) чодыра (неясность, полное непонимание чего-либо), шем пўрымаш (несчастливая судьба), шем ойго (тяжкое горе), шем кöранымаш (чёрная зависть), шем могырым (видеть с плохой стороны), вуй шем рокыш возеш (да чтоб ты сдох) и др..*

Самой многочисленной является тематическая группа, включающая устойчивые словосочетания, соединяющие в себе характеристику ситуаций, пространства и времени. В этой группе нами выделено несколько подгрупп:

1) фразеологизмы, включающие название какого-либо временного промежутка: *чёрный понедельник, чёрная пятница, чёрная суббота, чёрная тишина, на чёрный день, чёрный год; чёрные страницы жизни, истории; чёрная полоса и др.*; *шем кече (трудное время), шем кечылан (на чёрный день), шем пагыт (тяжкое время), шем шыже (поздняя осень), шем йўд (тёмная ночь) и др.*;

2) фразеологизмы, обозначающие предмет и пространство: с чёрного хода, чёрное крыльцо, чёрная лестница, чёрный двор, чёрная баня (изба), чёрный хлеб, чёрные земли и др.; шем монча, пёрт (курная баня, изба); шем конга (печь по-чёрному, без дымохода), шем кинде (хлеб из ржаной муки), шем вургем (грязная одежда) и др.;

3) сочетания со словом «чёрный», обозначающие различные ситуации и действия: чернить, топить по-чёрному, держать в чёрном теле, чёрная кошка пробежала, чёрный рынок, чёрная работа, чёрный список, чёрный тюльпан, чёрная метка, ходить в чёрном и др.; шем пырыс кудал зртен (произошла размолвка, ссора); шем пырысым пурташ, колташ (поссорить кого-либо друг с другом); шем пазар (неофициальный, тайный рынок), шем паша (неквалифицированная работа), шемыште илаш (жить в бедности, в крайней нужде), шем уверым налаш (получить плохую весть), шинча гыч шем чора велалте (внезапно узнать что-либо; понять, что до сих пор заблуждался), шем мутлан ўшанаш (верить злобным слухам), шем списке (чёрный список) и др.;

В отдельную группу нами выделены фразеологизмы про колдовство: чёрная магия, чёрная книга, чёрный глаз; шем вийым сенгаш (победить тёмные силы), шем ия (чёрт, леший).

С другой стороны, многие фразеологизмы с компонентом «чёрный» обозначают научные понятия и технические термины: чёрная дыра, чёрный ящик, чёрный шар, чёрное золото, чёрные металлы, чёрная металлургия, чёрная буря, чёрные грибы, чёрное дерево, чёрная икра, чёрный кофе, чёрный лес, чёрная ножка, чёрный порошок, чёрные пантеры, чёрная пропаганда, чёрный капитализм, чёрный континент, черноземская сила и др.; шем пурак (спорынья), шем металл (чёрные металлы), шем металлургий (чёрная металлургия).

Большое количество семантической группы выражений, относящихся к научным понятиям и терминам, мы можем объяснить тем, фразеологизмы с колоронимом «чёрный» встречаются и в профессиональном окружении. В основном эти выражения выполняют номинативную функцию, некоторые из них лишены эмоциональной окраски и несут нейтральную или отрицательную характеристику. С одной стороны, они близки к фразеологизмам, с другой – к терминам: в русском языке – «чёрная дыра», «чёрный ящик», «чёр-

ный шар», «чёрная смерть», «чёрное золото», «чёрные металлы», «чёрная металлургия», «чёрная немочь», «чёрная буря», «чёрные грибы», «чёрное дерево»; в марийском языке – «шем пале», «шем пазар», «шем металл», «шем металлургий», «шем монча», «шем кинде».

Также в отдельную группу выделены фразеологизмы, в состав которых входит понятие «человек, люди»: *чёрный народ*, *чёрная служанка*, *чёрная кухарка*, *чёрная кость*, *чёрный клубок*, *чёрный поп*, *чёрная сотня*, *чёрные люди*, *чёрные крестьяне*, *чёрный человек*, *чёрный ризлтор*, *чёрное духовенство*, *чёрные списки*; *шем калык* (простой бедный народ), *шем котыр* (о человеке с корявым, нечистым лицом), *шем пале* (родимое пятно), *шем шүргөвылышан* (смуглый), *шем марий* (необразованный человек, марийцы языческой веры).

Во фразеологии русского и марийского языков использование колоронима «чёрный» часто несёт экспрессивную, неодобрительную, презрительную функцию, усиливая отрицательную оценку негативных эмоций, ситуаций и действий, отражая мрачное, тоскливое состояние: «чёрная зависть», «чёрный юмор», «в чёрном цвете», «рисовать чёрными красками», «чёрными красками», «в (самом) чёрном виде», «чёрная меланхолия», «ходить в черни»; «шем куч нарат ок шого» (не заслуживать внимания, никчёмный), «шем куч нарат» (нисколько), «шем пұрымаш» (несчастливая судьба), «шем ойго» (тяжкое горе); «чернить», «топить по-чёрному», «держат в чёрном теле», «чёрная кошка пробежала»; «шем паша» (неквалифицированная работа), «шемыште илаш» (жить в бедности, в крайней нужде), «шем уверым налаш» (получить плохую весть) и другие.

Являясь противопоставлением всем цветам, колороним «чёрный» ассоциируется с первобытной тьмой и первичной неоформленной материей. В символике чёрного цвета очень важно кодирование, вызванное страхами перед тёмными силами: «чёрная магия», «шем вийым сенгаш» (победить тёмные силы), «шем ия» (чёрт).

Проанализировав отобранные нами фразеологизмы, можно отметить, что фразеологическим единицам, содержащим цветообозначение «чёрный», характерна ярко выраженная стилистическая окраска. Большое количество рассматриваемых фразеологических сочетаний в обоих языках представляют разговорный стиль, имеют сниженную стили-

стическую окраску. Фразеологические единицы просторечного характера имеют грубовато-сниженный, неодобрительный, предосудительный, презрительный стилистический оттенок: в марийском языке – «*вуй шем рокыш возеш*» (да чтоб ты сдох), «*шем шўргё*» (бессовестный), *шем котыр* (зараза), *шем кишке* (змея подколотная), *шем ия* (чёрт), «*шем чонан*» (зловредный) «*шем кўч нарат*» (нисколько, ничуть), «*шем кўч нарат ок шого*» (не заслуживает внимания), «*шемыште илаш*» (жить в бедности), *шем кечылан* (на чёрный день), «*шинча гычын шем чора велалте*» (внезапно узнать что-либо) и др.; в русском языке – «чёрная душа», «чёрное дело», «на чёрный день», «чёрная кошка пробежала», «чёрный день», «в чёрном теле держать», «чернее тучи», «чернота под глазами», «чёрный глаз», «чёрная весть», «чёрная слава», «пить по-чёрному», «топить по-чёрному» и др.

Близость семантики многих марийских фразеологизмов русским эквивалентам, содержащих цветообозначение «чёрный», объясняется распространением межъязыковых связей, схожим укладом жизни и объединяющими событиями двух народов на протяжении многих столетий, широкому употреблению русского языка в народе мари. Многие марийские фразеологизмы заимствованы из русского языка и переводятся на русский язык буквально. Например, «*шем кече*» (чёрный день), «*шем пырыс кудал эртен*» (чёрная кошка пробежала), «*шем паша*» (чёрное дело, работа), «*шем калык*» (чёрный народ), «*шем металлургий*» (чёрная металлургия), «*шем кинде*» (чёрный хлеб), «*шем монча*» (чёрная баня), «*шем списке*» (чёрный список), «*шем кōранымаш*» (чёрная зависть), *шем кечылан* (на чёрный день), *шеме ден ошым палаш* (знать чёрное и белое, уметь отличать), «*шем конга*» (чёрная печь), «*шем пазар*» (чёрный рынок) и другие.

Кроме того нередко встречаются семантически синонимичные друг другу фразеологизмы в русском и в марийском языках: например: «чёрная полоса, чёрный час, чёрный день, чёрный год» – «*шем кече*, *шем пагыт*, *шем ойго*, *шем пўрымаш*» – (трудное время время неудач, бед); «чёрный народ» и – «*шем калык*, *шем марий*» (бедный человек из простого народа), «чёрное дело» – «*шем чонан*, *тегыт шўргё*» (злостный, коварный).

Среди отобранных нами фразеологизмов, содержащих «чёрный» цвет в обоих языках много устаревших, историче-

ских фразеологизмов. Эти фразеологизмы отображают исторический уклад дореволюционной, революционной, советской жизни простого народа: в русском языке – «чёрная кость», «чёрная доска», «чёрная сотня», «чёрный год», «чёрный клобук», «чёрный народ», «чёрный шар», «чёрные земли», «чёрные люди», «чёрный поп», в марийском языке – «шем калык», «шем марий», «шем монча», «шем конга», «шем пёрт». Также эти фразеологизмы обозначали названия болезней, понятий, связанных с тёмными силами; «чёрная немочь», «чёрная смерть», «чёрная магия», «чёрная книга», «шем ия» (чёрт), «шем вийым сенаш». С помощью слова «чёрный» в русском языке обозначены мировые события, которые повлияли на жизнь и устройство других стран, экономики: «чёрный тюльпан», «власть чёрным», «чёрный понедельник», «чёрный вторник», «чёрный четверг», «чёрная пропаганда», «чёрный капитализм», «чёрные пантеры», «чёрный кодекс», «чёрные пантеры».

В обоих языках для фразеологических единиц с цветообозначением «чёрный» характерна отрицательная коннотация, лишь часть устойчивых словосочетаний, относящихся к научным понятиям и терминам, в русском и марийском языках имеет нейтральный оттенок.

Незначительную группу в современном фразеологическом фонде русского языка составляют фразеологизмы с компонентом чёрный, имеющие положительную оценку. Нами был зафиксированы всего два фразеологизма: «чёрным по белому» (вполне определённо, совершенно ясно), «черноземская сила» (животворящая сила).

Тем не менее, ряд исследователей, анализируя цветовую лексику в языке русских былин, считают, что колороним чёрный реализует положительные значения «нарядный, праздничный, строгий» (*чёрная шапка (шляпа)* и «красивый» (*чёрные брови*). Однако данные значения являются архаичными, и цветообозначение чёрный в них употребляется в прямом значении, указывая на цвет реалии.

В марийском языке нами выделены всего 3 устойчивых словосочетаний с компонентом «чёрный» с положительной коннотацией: «шем вийым сенаш» (победить тёмные силы), «шинча гычын шем чора велалте» (внезапно узнать правду), «шеме ден ошым палаш», «ойырен мошташ» (уметь различать чёрное и белое, хорошо разбираться в чём-либо). В этих выражениях мы видим борьбу с чем-то плохим, отрицательным. Несмотря на то, что выражения

относятся к положительной коннотации, в этих словосочетаниях мы не видим оптимистического взгляда на мир. Колоризм «чёрный» носит в себе отрицательный оттенок и придаёт выражениям негативное отношение.

Таким образом, мы можем утверждать, что как в русском, так и в марийском языках во фразеологических единицах с цветообозначением «чёрный» основную образную и эмоциональную нагрузку несёт цветовой компонент.

Используя в речи те или иные фразеологические единицы с цветообозначением, носитель языка извлекает из памяти вместе с устойчивой воспроизводимой единицей весь комплекс значений данного цвета, что позволяет говорить о глубине народной памяти.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что фразеологизмы с колоративным компонентом в русском и марийском языках имеют общее и специфическое в символике и семантике, связанные с разнообразием культурных и исторических традиций, социально-экономическими и географическими особенностями, а также менталитетом двух разных народов.

Литература

1. Андрианова Е. М. Марийско-русский фразеологический словарь: в 2 томах / Е. М. Андрианова, Л. И. Барцева, Ф. Т. Грачёва и др.; науч. ред. Л. И. Барцева, Н. М. Краснова, Г. А. Эрцикова и др. – Йошкар Ола: МарНИИЯЛИ, 2020.

2. Глухова Н. Н. Символика цвета в марийских народных песнях / Н. Н. Глухова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №7 (45): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 32-37.

3. Телия В.Н. Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеологической разработки / В. Н. Телия // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск: Наука и техника, 1987. – С.98-101.

O.V. LYSOVA

***Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D), Associate
Professor of Birk branch of the Bashkir State University***

A.SH. ABDULLINA

***Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor),
Professor of Birk branch of the Bashkir State University***

M.YU. SAISANOVA

student of Birk branch of the Bashkir State University

O.V. YAMBULATOVA

student of Birk branch of the Bashkir State University

Features of color perception in Russian and Mari ethnic cultures (on the example of phraseological units with the color designation “black”)

The article deals with national and cultural features in the perception and interpretation of color in the Russian and Mari languages. The marking of the national and cultural specificity of the figurative semantics of phraseological unit is often created by the actual color component of the phraseological unit. In the course of research and analysis of the semantics of phraseological units, we have identified common thematic groups, among which the most numerous is the thematic group, which includes set phrases that combine the characteristics of situations, space and time. In the phraseology of the Russian and Mari languages, the use of the coloronym "black" often has an expressive, disapproving, contemptuous function, reinforcing the negative assessment of negative emotions, situations and actions, reflecting a gloomy, dreary state. The closeness of the semantics of many Mari phraseological units to Russian equivalents containing the color designation “black” is explained by the spread of interlingual relations, a similar way of life and uniting events of the two peoples over many centuries, and the widespread use of the Russian language among the Mari people.

Keyword: *ethnocultural features, coloronyms, phraseological units, Russian language, Mari language.*

Literature

1. Andrianova E. M. Mari-Russian phraseological dictionary: in 2 volumes / E. M. Andrianova, L. I. Bartseva, F. T. Gracheva and others; scientific ed. L. I. Bartseva, N. M. Krasnova, G. A. Ertsikova et al. – Yoshkar Ola: MarNIYALI, 2020.

2. Glukhova N. N. Color symbolism in Mari folk songs / N.N. Glukhova // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – Tambov: Diploma, 2014. – No. 7 (45): in 2 parts. – Part 1. – P. 32–37.

3. Teliya V.N. The semantic structure of phraseological units-idioms and the principles of their phraseological development / VN Teliya // Phraseologism and its lexicographic development. – Minsk: Science and technology, 1987. – P. 98–101.

УДК 316.7

DOI 10.34823/SGZ.2022.4.518863

Ф.С. ФАЙЗУЛЛИН

*доктор философских наук, профессор,
академик АН Республики Башкортостан
(E-mail: fayzullin.f@gmail.com)*

ГЕЗАЛОВ Ариз Авяз оглы

*кандидат философских наук, ведущий научный
сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
руководитель исследовательской группы
«Диалог культур: философско
мировоззренческие проблемы» РФО РАН
E-mail: arizkam@mail.ru*

**Рецензия
на монографию
«На переломе веков:
социодинамика
российской культуры»
(Авторы: М.К. Горшков,
С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин)**

Современная глобализация, трансформация общественных отношений, усиление антироссийских действий по разрушению системы ценностей, сложившихся в нашей стране, сделали проблемы устойчивого развития культуры чрезвычайно актуальными. Без глубоких фундаментальных исследований, без определения тенденций и противоречий, имеющих в обществе и культуре, невозможно разработать

научные основы управления развитием страны, соответствующие национальным интересам народов России. По мнению экспертов и части населения главным препятствующим фактором устойчивого социально-экономического прогресса является недооценка властными элитами значимости многонациональной отечественной культуры как духовной парадигмы развития и целеполагания во всех сферах общественной жизни. Но дело не только в отношении власти к культуре, к изучающей ее науке и к социогуманитарной науке в целом, но и в нынешнем уровне развития исследований отечественной культуры, в неразработанности социокультурного анализа как метода исследования сложных внутренних связей и перспектив развития социума.

Недооценка стратегической роли культуры как системообразующей основы российского общества, ее стратегической значимости для успешной модернизации социального и экономического прогресса была главным фактором, препятствующим развитию отечественной культуры – а во многом и общества в целом – утверждают в своем фундаментальном труде «На переломе веков: социодинамика российской культуры» М.К. Горшков, С.Н.Комиссаров и О.И. Карпухин М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин. На переломе веков: социодинамика российской культуры. – М.: ФНИСЦ РАН. – 2022. –703 с. В связи с этим его авторы перед собой поставили задачи кардинального переосмысления сущности культуры и ее значимости для общественного прогресса, без решения которых невозможно добиться духовного и социального благополучия общества, достичь амбициозных целей развития страны. При этом концепция монографии строится на идее, что **культура представляет собой главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов, так и государства.**

Монография состоит из трех взаимосвязанных разделов. В первом «Культура в социологическом дискурсе» анализируются методологические вопросы, выясняется место социологии в системе наук о культуре, показывается сложное становление отечественной социологии культуры, определяется объект и методы социокультурного анализа, анализируется синхроническо-диахроническая целостность социокультурной ситуации и историческая и цивилизационная обусловленность отечественной культуры.

Изучение различных аспектов развития культуры занимают различные науки как история, философия, этнология,

этнография, культурная и социальная антропология, психология и педагогика и др. Что же касается социологии культуры, по мнению авторов, то она основное внимание концентрирует прежде всего на исследование конкретных форм социального бытия культуры, механизмах взаимоотношений общества и культуры, проявлениях ее в разнообразных формах в массовом сознании и поведении. Предметом социологии культуры являются социальные формы существования всего сложного континуума культуры, их взаимосвязи с другими сферами и институтами общественной жизни, закономерности развития и функционирования социального бытия культуры.

Подробный анализ истории формирования и развития социологии культуры дал возможность раскрыть достаточно высокий уровень достижений отечественных ученых за относительно короткий срок в ее исследовании. Этот процесс диктовался и осуществлялся под влиянием двух факторов: с одной стороны, потребностью осмысления реальных форм социально-культурной деятельности в обществе и, с другой – объективным ходом дифференциации социологического знания. Вместе с тем в работе обоснованно отмечается, что самым важным показателем состояния культуры является то, что из всех направлений социологической науки исследования в рамках социологии культуры обладают наименьшим влиянием на общественную жизнь и практику разработки и принятия решений (в особенности политико-управленческих), затрагивающих социокультурные интересы разных групп населения страны.

Изучение используемых методов в социологии культуры авторов привело к выводу о том, что эта область в научных исследованиях остается слабым звеном. Главной причиной этого явления рассматривается сложность измерения качественных характеристик культуры. В связи с этим отмечается существование огромной общественной потребности и научной необходимости в разработке нового концептуального аппарата, новых теоретико-методологических подходов к анализу социокультурной реальности, раскрытию глубинных факторов социокультурной динамики. На основе анализа теоретико-методологических вопросов социологического исследования социокультурной динамики российского общества авторы приходят к выводу, что социология культуры должна ответить на такие вопросы как: в чем заключа-

ется сущность культуры как объекта исследования, каков регулятивный потенциал культуры в определении хода и направленности общественных изменений, каковы законы социодинамики культуры и каким образом можно оценить современное состояние такого сложного и многогранного явления как культура. Особо отмечается, что социологический анализ социокультурной ситуации позволяет преодолеть существующий в этой области эмпиризм и бессистемную разрозненность исследовательского поиска истины о том, в каком состоянии находится современная культура, каковы основные тренды и возможные перспективы ее дальнейшего развития и сможет ли она выполнять свою историческую миссию гуманизации общественных отношений. Изучение влияния внутренних и внешних факторов на развитие культуры привело авторов к утверждению, что, несмотря на возрастающее до беспрецедентных масштабов внешних давлений, направленных против нашей страны и ее культуры, Россия уверенно развивается и отвечает на новые вызовы 21 века. Залогом успешного прогрессивного движения на этом сложном пути являются ее имманентные особенности, которые сконцентрированы в российской культуре, о чем говорил еще в свое время П.А. Сорокин.

Во второй главе «Система социальной детерминации динамики российской культуры» рассматриваются основные факторы и условия развития современной культуры нашей страны. Необходимость анализа этой проблемы связана тем, что 90-ые годы стали цивилизационно-культурным рубежом для России... В тот период отечественная культура перешла в новое измерение. В связи с этим появились потребности исследования основных факторов, условий, воздействующих на качественное преобразование культуры страны, основных направлений и тенденций ее развития.

Рассматривая внешние условия сохранения культурных традиций, авторы особо подчеркивают роль глобализации в этом процессе. Глобализация, по их мнению, не только геополитическая доктрина и соответствующие экономические технологии ее реализации, но и новое видение мира, которое унифицирует многоликость человеческой цивилизации, навязывает миру новую ценностную парадигму, подменяющую смыслы и ценности общечеловеческого и национального бытия. Практика последних тридцати лет показала, что глобализация, с одной стороны, создает невиданные доселе

возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения образа жизни людей новыми знаниями, технологиями, идеями, а с другой – порождает множества серьезных проблем и деструктивных тенденций. Следует согласиться с идеей, утверждаемой в монографии, о том, что современная западная культурно-информационная экспанция является агрессивной и стремится доказать преимущества привносимых в нашу страну ценностей либерализма. Внедрение чуждых ценностей в массовое сознание нашего народа с использованием современных технологий ведет к разрушению культурных основ российской цивилизации, фундамента духовного мира личности. Процесс глобализации и существенные изменения технологии массовых коммуникаций привели к качественному обновлению социально-культурной ситуации. На этой основе произошли изменения не только конфигурация пространства культуры, включая внутренние структурные смещения, но и содержательно качественные характеристики, а также механизмы социального функционирования культуры и сама технология ее воспроизводства в современных условиях. Новые информационные технологии центр тяжести инфраструктуры культуры сместили в область СМИ и Интернета, перекроили процесс межличностных коммуникаций и запустили процесс виртуализации искусства и распространения масскульта, ставшего важным средством превращения человеческого существа в «одномерного человека».

Поскольку культура функционирует и развивается в рамках системы социально-политических отношений, в работе раскрывается определяющая роль государственных институций и организаций в формировании и изменении ее содержания, динамики и направленности. Так, тектонические сдвиги в России изменили не только политико-экономическую систему, но и все параметры существования культуры. Наступил в истории отечества период разочарований в становлении новой конструктивно-консервативной созидательной и гуманистически ориентированной культуры, вобравшей в себя весь духовный потенциал культуры страны. Вместе с тем авторы на основе результатов своих эмпирических исследований приходят к выводу о том, что постепенно начинает реализоваться новая тенденция, успех которой определяется созданием подлинно человеческих отноше-

ний, формирующих условия каждому реализовать свой человеческий потенциал и составляющих сущностное качество отечественной культуры.

Результаты исследования авторам дали возможность раскрыть влияние современных социально-экономических факторов на условия социального бытия культуры. Здесь подразумевается не столько финансирование и материальная база учреждений культуры, сколько общее социально-экономическое состояние общества и его экономическая динамика, которые не могут не влиять на развитие и функционирование культуры. Изучение процесса взаимодействия экономики и культуры за последнее тридцатилетие привели авторов к выводу о том, что противоречивая экономическая трансформация оказала сильное влияние на систему российской культуры. Если на начальном этапе трансформации уровень культуры резко упал, то в последние годы постепенно создаются условия для ее возрождения и развития. Для реализации этих возможностей необходимо принять адекватные решения с гуманными целями и гуманными средствами.

Авторы обоснованно утверждают, что роль этнонациональных и этнодемографических факторов, их влияние на общее развитие социокультурной ситуации в стране и культурную политику резко возросли в условиях ухудшения социально-экономической обстановки в стране, политической нестабильности и межнациональной напряженности. В этот период, по мнению исследователей, произошло переключение этнических проблем с национально-территориального в культурно-просветительское и культурно-образовательное русло. Достаточно непростая этнонациональная и негативная этнодемографические ситуации, существующие в России, в настоящее время усложняют и обостряют многие сферы общероссийской культуры. Вместе с тем межнациональное согласие и взаимодействие культур народов России, как утверждается в монографии, являются обязательными условиями конструктивного развития социокультурной ситуации в стране. В этой обстановке появляется необходимость выявления тех субъектов социальной регуляции культуры, которые в последние десятилетия все в большей степени определяют характер и направленность культурных изменений.

В работе на основе анализа произошедших в стране качественных преобразований раскрыт процесс деинституционализации системы регуляции культуры. В качестве акторов

социокультурной динамики в настоящее время – кроме государственных организаций федерального и регионального уровней – все более активно выступают институты гражданского общества, коммерческие структуры, средства массовой информации, Интернет и социальные сети. Регулирование развития и функционирование социокультурной жизни осуществляется как по вертикали, так и по горизонтали, оно определяет не только организационные формы, но и содержательные характеристики и направленность культурного процесса.

Вполне естественно, что социодинамика культуры включает не только количественные изменения, но и качественные обновления всех своих форм, структурных звеньев и их взаимосвязей между собой и с социальной реальностью. На этой базе происходит модернизация культуры. Авторы правы утверждая, что модернизация имеет судьбоносное значение для выживания России в современном мире, осуществление которой должно носить системный характер. Другими словами, необходимо реализовать не только качественное обновление общества по горизонтали и по вертикали, но и все уровни организации государственной и общественной жизни, занятые регулированием социокультурной динамики.

Большой интерес представляет третий раздел «Состояние отечественной культуры в зеркале социологии», который написан на основе результатов многолетних собственных эмпирических исследований в рамках РНИСиНП, ИКСИ РАН, Института социологии РАН, а также материалов других научно-исследовательских организаций – таких, как ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, Центра социального прогнозирования и др.

В этом разделе научного труда внимание авторов концентрировано на анализ таких актуальных проблем как общекультурные тренды и отношение различных групп населения к культурному наследию, социокультурная дифференциация и поляризация, культурные предпочтения и вкусы россиян, динамика инфраструктуры культуры. Особый интерес представляет социокультурный анализ постмодернизма и массовой культуры в их современных проявлениях, все более возрастающей роли социальных сетей в развитии культуры, особенностей художественно-творческого процесса, дегуманизации литературы и искусства, а также досуговой активности россиян и др. Главное – здесь не просто приводится большое количество социологических данных, отражающих современное состояние отечественной культуры, а

осуществляется глубокий анализ основных тенденций развития различных аспектов культуры, ее внутренних противоречий, предлагаются основные направления и методология регулирования социодинамики культуры. Следует отметить также, что используемые в монографии эмпирические материалы носят репрезентативный характер, а их объем свидетельствует о научной основательности предпринятого авторами исследования.

В заключение необходимо отметить, что есть все основания утверждать: содержание монографии М.К. Горшкова, С.Н. Комиссарова, О.И. Карпухина «На переломе веков: социодинамика российской культуры», обобщающей развитие и функционирование отечественной культуры в последнее тридцатилетие, носит фундаментальный характер, определяет новый этап и основные направления социодинамики культуры, вносит существенный вклад в совершенствования системы управления социокультурной жизнью страны.

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:
 - Код УДК (посмотреть точный код УДК можно по ссылке <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (учебы); должность на русском и английском языках; адрес электронной почты; контактные телефоны.
- Объем статей не должен превышать:
 - 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;
 - 17 страниц для соискателей степени доктора наук.
- Название статьи на русском и английском языках;
- Аннотации (не более 5-7 строк) и ключевые слова (5-8 слов) на русском и английском языках;
 - Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003-2007), межстрочный интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);
 - ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегль 10);
 - таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.
 - Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы. К статьям должен прилагаться скриншот из программы Антиплагиат (оригинальность статьи по системе <http://www.antiplagiat.ru> должна быть не менее 75%.);
 - Статьи в редакцию направлять в печатном и электронном варианте.
 - Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала (политология, философия, социология).
 - Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
 - Статьи публикуются в авторской редакции.
 - Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
 - Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.
 - Рукописи не возвращаются.

Уважаемые авторы, в целях экономии времени следуйте правилам оформления статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю,

новизна, актуальность и обоснованность результатов. Работы, которые не отвечают указанным требованиям оформления, к рассмотрению не принимаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний «Урал-Пресс»** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК «Урал-Пресс» **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер во 2-м полугодии 2022 г. – 1000 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the journal must be executed in accordance with the following rules:

- Necessary information about the author:
 - UDC Code (See the exact UDC code at link <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Surname, first name, middle name in full; academic degree; academic status; place of work (study); position in Russian and English; e-mail address; contact phones.
- The volume of articles should not exceed:
 - 7 pages for candidates degree;
 - 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.
- Title of the article in Russian and English;
- Annotations (no more than 5-7 lines) and Keyword (5-8 words or phrases) in Russian and English;
 - Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), line spacing 1.5, kegl 14, "Arial" font on one side of the sheet, formatting by width (fields: upper and lower – 2, left – 2.5, right – 1.5);
 - Literature (footnotes) are given at the end of each page (size 10);
 - tables, schemes, charts have to be executed black and white and be followed by through numbering.
- Articles have to be followed by the certified review (response) of the expert and the recommendation of department of the place of work (study). The articles should be accompanied by a screenshot from the Antiplagiat

program (The originality of the article on the system <http://www.antiplagiat.ru> should be not less than 75%.);

- Send articles to the editorial office in printed and electronic version.
- The content of the article should correspond to the topic of the journal (Political science, philosophy, sociology).
- The decision to publish is made within 30 days from the date of registration of the article in the edition.
- The article is published in the author's edition
- The authors are responsible for the accuracy of the given facts, quotes and other data. The opinion of the editorial office of the magazine may not coincide with the position of the authors of publications.
- The editorial board reserves the right to scientific editing of articles.
- Manuscripts are not returned.

Dear authors, in order to save time, follow the rules for writing articles. The article may be sent to the authors for revision or rejected on both formal and scientific grounds. Selection criteria are profile compliance, novelty, relevance and validity of results. Works that do not meet the specified requirements of registration are not accepted for consideration. It is not allowed to send to the editorial office works that have been published and/or accepted for printing in other publications.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website www.ural-press.ru or by phone **8 (499) 700-05-07**.

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue "**Press of Russia**").

The subscription price for one issue in the 2-half of 2022 – 1000 rubles, free of control price for sale.

Subscription to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

Подписано в печать 24.08.2022 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 29,0 печ. л.
Тираж 200 экз. Заказ 150.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов